

S T U D I A P H I L O L O G I C A

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК. ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ОТДЕЛ ТИПОЛОГИИ И СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ЦЕНТР БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

П. М. Аркадьев

АРЕАЛЬНАЯ
ТИПОЛОГИЯ
ПРЕФИКСАЛЬНОГО
ПЕРФЕКТИВА

(на материале языков Европы и Кавказа)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 80/81
ББК 81
А 82

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных лингвистических исследований
проект № В-17

Исследование выполнено при поддержке программ
фундаментальных исследований Президиума РАН и ОИФН РАН,
а также грантов РГНФ № 11-04-00282а и 14-04-00580.

Рукопись утверждена к печати
Учёным советом Института славяноведения РАН 25 июня 2013 г.

Ответственный редактор:

член-корреспондент РАН профессор Т. М. Николаева

Рецензенты:

член-корреспондент РАН профессор В. А. Плунгян

кандидат филологических наук доцент С. С. Скорвид

Аркадьев П. М.

А 82

Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 352 с. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-94457-220-2

Монография является первым обобщающим типологическим исследованием префиксальной перфективации — феномена, до сих пор получившего подробное освещение лишь в славянских языках. В книге на синхронном уровне рассматривается материал славянских и балтийских языков, идиша, немецкого, венгерского, осетинского, а также картвельских языков — грузинского, сванского, мегрельского и лазского. Подробно изучаются морфологические свойства глагольных префиксов (превербов), их значения, особенности семантики и функционирования превербных глаголов, устройство аспектуальных систем. Полученные эмпирические данные подвергаются количественному анализу, позволяющему выделить две области кластеризации систем префиксального перфектива — славянскую и кавказскую, — различающиеся набором характеризующих их признаков. Отдельно исследуются диахрония систем превербов и перфективации в рассматриваемых языковых семьях, возможные типологические параллели в других ареалах и типы наблюдаемых в этой области контактных явлений, для чего привлекается материал ряда миноритарных идиомов (цыганских, славянских, балтийских, балканороманских, финно-угорских). Делаются эмпирически обоснованные выводы о соотношении генетически унаследованного, универсально-типологического и контактного в наблюдаемом ареальном распределении систем префиксального перфектива в языках Центральной и Восточной Европы и Кавказа.

Книга представляет интерес для славистов, балтистов, кавказоведов, аспектологов, типологов и специалистов по ареальной лингвистике.

УДК 80/81

ББК 81

*В оформлении переплета использованы картина А. Дерена «Port en Provence, Martigues» (1913), карта Восточной Европы 1594 г.
и фотография Эдгара Леймана (2014)*

ISBN 978-5-94457-220-2

© П. М. Аркадьев, 2015

© Языки славянской культуры, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Введение	12
Глава 1. Теоретические предпосылки	16
§ 1.1. Проблема определения провербов	16
§ 1.2. Параметры типологии провербов	18
§ 1.3. Терминологические замечания	20
§ 1.4. Материал исследования	28
Глава 2. Морфосинтаксические признаки провербов	32
§ 2.1. Морфологический статус провербов	32
§ 2.2. Позиция провербов в глагольной словоформе	40
§ 2.3. Возможность «итерации» провербов	47
§ 2.4. Морфологическая субкатегоризация провербов	50
§ 2.5. Синхронная «этимология» провербов	54
Заключение	57
Глава 3. Функционально-семантические признаки провербов ...	58
§ 3.1. Исходные значения провербов	58
§ 3.2. Функционально-семантическая субкатегоризация провербов	66
§ 3.3. Ограничения на сочетаемость провербов	69
§ 3.4. Характеристики аспектуальных функций провербов ...	70
§ 3.5. Способы глагольного действия	77
§ 3.6. Вопрос о перфективации «в чистом виде»	82
§ 3.7. Провербы с делимитативной функцией	85
Заключение	89
Глава 4. Характеристики провербных глаголов	90
§ 4.1. Морфосинтаксис провербных глаголов	90
§ 4.2. Акциональные значения провербных глаголов	92
§ 4.3. Специфические для провербных глаголов грамматические категории	97

Глава 5. Характеристики глагольных систем с превербами.	99
§ 5.1. Характер оппозиции префиксальных и беспрефиксальных глаголов	100
§ 5.2. Средства «вторичной имперфективации».	120
§ 5.3. Непрефиксальные перфективирующие средства	141
§ 5.4. Глаголы без превербов, «эквивалентные» глаголам с превербами	146
§ 5.5. Нетерминативные префиксальные глаголы	154
§ 5.6. Взаимодействие превербов с другими глагольными категориями	156
5.6.1. Превербы, презенс и футурум	156
5.6.2. Превербы и словоизменительный аспект	161
Заключение	172
Глава 6. Квантитативная ареальная типология префиксального перфектива	175
§ 6.1. Признаки для количественного анализа	175
§ 6.2. Сопоставление значений признаков в исследуемых языках	178
§ 6.3. Степень сходства между языками	181
§ 6.4. Графическое представление сходств и различий между языками	189
§ 6.5. Кластеризация значений признаков	194
§ 6.6. Картографирование сходств и различий между языками	196
Заключение	199
Глава 7. Диахроническая, типологическая и контактная перспектива	200
§ 7.1. Диахрония систем префиксального перфектива	201
7.1.1. Индоевропейские языки	201
7.1.2. Картвельские языки	219
7.1.3. Уральские языки	221
7.1.4. Выводы	229
§ 7.2. Контактные явления	232
7.2.1. Материальное заимствование	233
7.2.2. Избирательное копирование («калькирование»)	242
7.2.3. Выводы	255
§ 7.3. Типологические параллели	258
§ 7.4. Обобщение: о двух ареалах префиксального перфектива	268

Заключение	287
Сокращения	292
Источники	296
Библиография	298
Указатель языков	344

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга возникла в качестве побочного результата занятий автора аспектологией литовского языка (см. [Аркадьев 2008а, 2009а, 2012; Arkadiev 2011a]). Несомненные сходства литовской аспектуальной системы со славянскими сочетаются с не менее значимыми отличиями, которые могут быть обобщены как связанные с существенно более слабой степенью грамматикализованности аспектуального противопоставления в литовском (см. об этом в первую очередь [Вимер 2001]). Понимание этого факта закономерно приводит к постановке вопроса о том, какие черты славянских и балтийских глагольных систем и в какой степени связаны с грамматикализацией аспектуальных противопоставлений, и к неизбежному выводу, что само по себе наличие в языке продуктивного использования глагольных префиксов (превербов; об уточнении этого понятия см. § 1.1) для выражения значения, которое принято называть «перфективным», ещё не говорит непременно о грамматическом характере противопоставления глаголов с перфективирующими префиксами глаголам без таковых. Действительно, как показано в упомянутых работах, сами по себе формальные механизмы аспектуальной модификации глагольных основ в литовском и славянских языках весьма сходны, но тем не менее целый ряд других признаков, по которым они различаются, как кажется, перевешивает это сходство. Тем самым, вполне естественным представляется вопрос о параметрах и пределах варьирования глагольных систем, использующих превербы в качестве «перфективаторов», и о месте, которое в типологии таких систем занимают славянские языки — наиболее изученный и, казалось бы, наиболее «прототипический» их представитель.

Поскольку в непосредственной географической близости от славянских и балтийских систем глагольных префиксов находится целый ряд других языков, в той или иной степени использующих данный морфологический механизм в аспектуальной функции, — идиш, венгерский, осетинский, грузинский, очевидно, что типология систем префиксального перфектива не может не учитывать данных всех этих

языков. Справедливости ради следует отметить, что указанные языки по отдельности и вместе уже привлекались для сравнения со славянскими в интересующем меня отношении (см. [Dahl 1985: 84–89; Вреу 1992; Майсак 2005: 297–305; Tomelleri 2008, 2009a, 2010]). Тем не менее задача полномасштабного сопоставления всех этих языков на основании единообразной системы признаков, по возможности свободной от «славяноцентризма», т. е. от априорной абсолютизации славянских аспектуальных систем в качестве прототипических, до сих пор не ставилась и не решалась (об эксплицитной постановке этой задачи см. предварительную публикацию автора [Аркадьев 2007a]). Одна из задач настоящей монографии — предложить возможное решение этой проблемы.

Сопоставительное изучение какого-либо явления, представленного в ряде языков, связанных отношениями генетического родства или территориальной близости, логически приводит к вопросу об ареальном характере наблюдаемых сходств и различий, а необходимым компонентом ареальной типологии является диахроническое измерение, т. е. изучение генезиса синхронного распределения лингвистических признаков. Последнее включает в себя целый ряд вопросов, как то: разграничение архаических и инновационных черт, выявление общего генетического наследия родственных языков и обнаружение признаков, возникших в результате языковых контактов. Обсуждение исторической эволюции сопоставляемых аспектуальных систем и роли в их развитии контактных, генетических и типологических факторов является второй основной задачей данной книги.

Поскольку сами по себе рассматриваемые в книге явления в целом изучены сравнительно неплохо (разумеется, подробность и качество описаний чрезвычайно сильно варьируется), я за весьма редкими исключениями не ставил своей задачей самостоятельное исследование языкового материала, довольствуясь данными существующих и доступных источников. В этом смысле книгу можно считать отчасти компилятивной, а заслугу автора в первую очередь состоящей в сведении воедино и приведении к общему знаменателю разнообразных языковых данных и не менее разнородных точек зрения на их интерпретацию. Тем не менее я полагаю, что необходимость в выполнении такой работы давно назрела, а обобщение и синтез уже существующего и тем более сопоставление того, что ранее вообще или почти не сопоставлялось, имеет самостоятельную научную ценность.

* * *

Фрагменты данной работы были представлены на круглом столе «Ареальное и генетическое в структуре славянских языков» (Москва, Институт славяноведения РАН, 2007), на XIV Международном съезде славистов (Охрид, 2008), на международных конференциях “Areal Linguistics, Grammar and Contacts” (Тарту, 2012), “Semantic Scope of Slavic Aspect” (Гётеборг, 2013) и “Chronos 11” (Пиза, 2014), а также на семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании» (Москва, ОТиПЛ МГУ, 2013). Я благодарю участников этих мероприятий, а также А. А. Александрову, А. В. Андронову, О. И. Беляева, В. Броя, Б. Вимера, А. П. Выдрина, А. Грёна, С. Дики, А. Калначу, Д. П. Кирьянова, К. А. Кожанова, Ю. Л. Кузнецову, Л. И. Куликова, С. Кучер, Ф. Р. Минлоса, С. О. Оскольскую, Ю. Пакериса, В. А. Панова, А. Ч. Пиперски, В. А. Плунгяна, А. А. Ростовцева-Попеля, С. С. Сая, С. С. Скорвида, Н. М. Стойнову, В. Томеллери, Д. Хоригути, А. Чирмаз, А. Б. Шлуинского, Д. А. Эршлера и Л. Янду за разнообразную помощь и ценные замечания в ходе данной работы (в частности, предоставление труднодоступной литературы и консультации по тем или иным языковым данным), а также ряд коллег, откликнувшихся на мои запросы в интернет-рассылках *slavicling* и *baltistica* и в сообществе *terra_linguarum* в «Живом журнале». Отдельная огромная благодарность Б. Вимеру, Е. В. Горбовой, В. Ю. Гусеву, С. Дики, Т. А. Майсаку, Т. М. Николаевой, М. В. Ослону, Е. В. Петрухиной, В. А. Плунгяну, С. С. Скорvidу, В. Томеллери, а также Л. Янде и руководимой ею группе в Университете Тромсё, которые согласились прочесть книгу или её фрагменты в рукописи и высказали ряд очень ценных поправок и замечаний. Никто из указанных лиц, разумеется, не несёт ответственности за неизбежные ошибки в материале и неверные интерпретации, каковые всецело остаются на совести автора. Наконец, я хотел бы выразить свою признательность создателям самых разнообразных ресурсов в интернете, делающим — подчас преодолевая определённые препятствия — доступным широкому читателю и научному сообществу огромный массив литературы, которую в противном случае могли бы прочесть лишь немногие.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении длительного времени категория вида или аспекта (в дальнейшем эти термины, если специально не оговаривается обратное, будут употребляться как синонимичные) считалась славянской особенностью, и аспектуальные категории других языков рассматривались на фоне этого «эталона»; ср. нередкие высказывания об «отсутствии вида» в таких европейских языках, как французский или английский. Развитие типологии грамматических категорий и теоретической аспектологии последних нескольких десятилетий привело к пересмотру «славяноцентрического» взгляда на вид, в том числе и среди славистов. Согласно современным представлениям, отражённым, среди прочего, в пионерских работах Ю. С. Маслова [Маслов 1978/2004], вид славянского типа — лишь одна из многих возможных аспектуальных систем, причём далеко не самая частотная в языках мира (подробнее об этом см., в частности, в книге [Плунгян 2011а: 406–416]).

Согласно типологии, предложенной в работах [Bybee, Dahl 1989] и [Bybee et al. 1994: 87–90], славянский вид представляет собою аспектуальную систему с перфективом, возникшим из сочетаний глаголов с так называемыми ограничителями (*bounders*) или сателлитами [Talmy 1985] — показателями преимущественно наречного типа, исходно служащими для пространственной или акциональной конкретизации значения глагольной лексемы, а в ходе грамматикализации приобретающими более абстрактные значения, основное из которых — терминативность, т. е. достижение ситуацией естественного предела (об этом понятии см. подробнее в § 1.3). В отличие от широко распространённых в языках мира аспектуальных систем, в основе которых лежат категории результативно-перфективной семантической зоны (*anterior-based perfectives* по [Bybee et al. 1994])¹, видовые системы с ограничителями характеризуются значительной лексикализированностью как в плане выражения (сочетаемость глаголов

¹ Разумеется, здесь не имеется в виду, что многообразие аспектуальных систем языков мира исчерпывается этими двумя типами.

с ограничителями является нередко весьма прихотливой), так и в плане содержания (семантика сочетания глагола с ограничителем далеко не всегда может быть однозначно предсказана и в любом случае существенно зависит от подчас очень тонких особенностей лексического значения). Роль ограничителей в славянских языках играют глагольные приставки — п р е в е р б ы.

В последние годы наблюдается повышенный интерес лингвистов к превербам (далеко не только славянским), рассматриваемым с самых разных точек зрения — морфосинтаксической [Booij, van Kemenade (eds.) 2004; Выдрин 2006, 2009; Татевосов 2013] и, в первую очередь, семантической (в широком смысле — относя сюда как грамматическую, так и лексическую семантику) [Кронгауз, Пайар (ред.) 1997; Кронгауз 1998; Татевосов 2000, 2009; Кронгауз (ред.) 2001; Добрушина и др. 2001; Плунгян 2002; Svenonius (ed.) 2004; Filip 2004, 2005; Romanova 2006; Gehrke 2008]. Задача настоящей монографии заключается в том, чтобы взглянуть на превербы под ещё одним углом — типологическим — и выявить параметры, по которым системы глагольных превербов могут быть сходны и различны. Такая постановка вопроса представляется весьма актуальной, поскольку, за редкими исключениями [Nash 1982: 169–171; Breu 1992; Rousseau (éd.) 1995; Johanson 2000: 139–145; Плунгян 2002; Майсак 2005: 297–305], превербы не становились объектом широких межъязыковых сопоставлений (ср. также недавние работы [Kiefer, Honti 2003; Kiefer 2010; Gugán 2011; Tomelleri 2008, 2009a, 2010; Панов 2012a: гл. 5], где проблематика префиксации рассматривается в более широком аспектологическом ракурсе, близком к принятому в данной работе). Между тем, лишь сравнив славянскую аспектуальную систему и глагольную префиксацию как её ядро с аналогичными явлениями других языков, можно обнаружить те черты и признаки или их комбинации, которые являются уникальными для славянского вида и составляют его характерные особенности.

Превербы и их аналоги представлены в самых разных языках мира, и обобщающая типология их была бы чрезвычайно интересна; тем не менее, здесь я ставлю сравнительно скромную задачу, ограничиваясь современными языками, входящими в одну географическую зону — Центральную и Восточную Европу, включая Кавказ (на сходства между аспектуальными системами языков данного ареала указывалось уже в классических работах по типологии аспекта, см. [Comrie 1976: 94; Dahl 1985: 84–89]): славянскими, балтийскими, германскими (в первую очередь немецким и идишем), венгерским, осетинским

и картвельскими. В отдельных разделах для сравнения будут привлекаться и данные северокавказских языков, в первую очередь адыгейского, которым автору посчастливилось заниматься в полевых условиях, а в главе 7 будет рассмотрен языковой материал, существенно более широкий и географически, и хронологически. Как кажется, сопоставление славянского материала с данными географически смежных языков, с некоторыми из которых отдельные славянские языки в течение длительного времени находились в контакте, может оказаться особенно полезным как для понимания устройства и функционирования славянского вида, так и для более точной характеристики аспектуальных систем, близких к славянским по своему устройству.

В данной книге превербы будут рассматриваться в первую очередь в связи с их ролью в организации аспектуальных систем; при этом изучаться будут как морфосинтаксические и семантико-грамматические особенности собственно превербов и префиксальных глаголов в целом, так и релевантные характеристики других грамматических единиц, оказывающихся втянутыми в парадигматические отношения с превербами (очевидным примером такой единицы может служить славянский семельфактивный суффикс *-ну-*). Основная моя задача — выделить ряд типологически значимых признаков, при помощи которых можно описывать аспектуальные системы, основанные на превербах, показать, какие из этих признаков и в каких комбинациях представлены в разных языках рассматриваемого ареала, и обнаружить возможные корреляции (или их отсутствие) между различными признаками, в первую очередь в связи со степенью грамматикализованности аспектуальных категорий. Кроме того, меня будут интересовать и собственно ареально-типологические проблемы, в частности, факты заимствования формальных и функциональных особенностей префиксального перфектива в ситуации языкового контакта и более общий вопрос об «очагах» и направлении «иррадиации» префиксального перфектива в изучаемом ареале. Необходимо подчеркнуть, что в этом смысле настоящая монография является работой не по славистике, а по типологии, и что неславянские языки фигурируют в ней не в качестве сопоставительного фона для славянских, а как равноправные объекты исследования, материал которых представляет ценность и интерес сам по себе.

Книга состоит из семи глав и заключения. В первой главе я кратко излагаю теоретические и методологические основания исследования, выделяю и обосновываю используемую мною систему типологических параметров, определяю необходимые мне понятия и описываю

материал исследования и способы его представления. Главы со второй по пятую посвящены значениям, которые выделенные мною параметры принимают в исследуемых языках, и следуют классификации этих параметров: морфосинтаксические характеристики превербов (глава 2), функционально-семантические характеристики превербов (глава 3), признаки глаголов с превербами (глава 4, весьма краткая) и характеристики глагольных систем с превербами (глава 5, наиболее подробная из четырёх). В шестой главе излагаются результаты количественного анализа данных о варьировании систем префиксальной перфективации, позволяющего уточнить представление об ареальном характере изучаемых явлений. Седьмая глава книги посвящена диахроническому и типологическому анализу и рассматривает системы перфективирующих превербов с точки зрения их происхождения, эволюции и подверженности влиянию языковых контактов. Также в этой главе кратко анализируются сходные явления в языках других географических ареалов.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

1.1. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕВЕРБОВ

Вопрос об определении изучаемого объекта в типологическом исследовании всегда является насущным и далеко не простым. Превербов это касается не в меньшей степени, чем каких-либо других языковых явлений. Если в рамках одного языка превербы можно, скажем, задать списком или определить на каких-либо внутриязыковых основаниях, то при типологическом исследовании встаёт проблема соизмеримости критериев выделения «одноимённых» явлений в разных языках и, тем самым, их сопоставимости (см. об этой проблеме, в частности, [Haspelmath 2010]).

Рассматриваемые здесь языки не допускают простого определения превербов как глагольных префиксов, поскольку префиксальным способом в ряде языков могут выражаться значения, которые явно не относятся к интересующей нас области (например, в картвельских и абхазо-адыгских языках префиксы выражают лицо актантов глагола). Тем самым, из множества глагольных префиксов необходимо выделить такие, которые обладают рядом особых свойств. Характеристики, позволяющие задать класс превербов содержательным и непротиворечивым образом, связаны с их семантикой (о семантических основаниях грамматической типологии см. упомянутую статью М. Хаспельмата и [Плунгян 2000: 233–238; 2011a: 93–100]): превербы прототипически кодируют пространственные значения, относящиеся к категории так называемой глагольной ориентации [Плунгян 2002, 2011a: 327–345]¹.

Более строго, превербы в принятом здесь понимании — это морфемы, удовлетворяющие нижеследующим двум условиям — формальному и семантическому (ср. определение в [Lazard 1995: 23]):

¹ Интересно, что именно так определяются — пусть и не всегда эксплицитно — превербы в кавказских языках, ср. [Рогава, Керашева 1966: 112; Paris 1989: 183] об адыгейском и [Vogt 1971: 172–180] о грузинском.

(1) превербы по крайней мере в значительном классе случаев занимают префиксальную позицию по отношению к глагольному корню;

(2) превербы способны присоединяться к глаголам, обозначающим перемещение, и специфицируют какие-либо аспекты пространственного расположения их актантов.

Здесь необходимо сделать несколько замечаний. Во-первых, оговорка «по крайней мере в значительном классе случаев» в формулировке условия (1) необходима для того, чтобы не исключать из рассмотрения немецкий и венгерский языки, где превербы во вполне определённых случаях появляются не перед глаголом, а после него и даже без непосредственного контакта с ним (тем не менее, в число основных рассматриваемых языков я не включаю эстонский, английский и скандинавские языки, где во многих отношениях сходные с превербами элементы всегда или почти всегда следуют за глаголом; см. об этих языках § 7.1). Во-вторых, условие (2) требует, чтобы превербы были способны сочетаться с глаголами движения, но не исключает ни их способности присоединяться к глаголам других семантических классов, ни возможности употребления превербов в непространственных значениях. Таким образом, условие (2) специфицирует «ядерные» сферу употребления и круг значений превербов.

Наконец, условия (1) и (2) представляется разумным дополнить оговоркой о том, что к классу превербов я буду также относить морфемы, у которых пространственные значения не являются центральными или даже вовсе отсутствуют, но которые в системе данного языка явным образом входят в один морфологический класс с пространственными превербами *sensu stricto* (так, например, в русском языке исходно пространственное значение приставки *по-* ‘воздействие на поверхность’ практически стёрлось, но очевидно, что любое осмысленное описание русской глагольной системы должно включать эту приставку). Такое расширение кажется мне оправданным и даже необходимым, поскольку меня интересует не столько собственно категория глагольной ориентации, сколько её дальнейшая грамматикализация, в частности, использование её для выражения аспектуальных значений — процессы, сопровождающиеся как «выветриванием» исходной пространственной семантики, так и «втягиванием» в эту систему изначально непространственных показателей.

1.2. ПАРАМЕТРЫ ТИПОЛОГИИ ПРЕВЕРБОВ

В данном разделе описываются в самом общем виде те признаки, которые я полагаю релевантными для типологического обсуждения систем превербов и превербных глаголов и которые будут использоваться в дальнейшем для типологического сопоставления². Эти признаки можно сгруппировать в несколько классов: признаки собственно превербов vs. признаки превербных глаголов; признаки, касающиеся морфосинтаксиса vs. семантики превербов; признаки, относящиеся к организации системы префиксального перфектива в целом, например, касающиеся взаимодействия его с другими грамматическими категориями. Приведённая ниже классификация следует, с одной стороны, противопоставлению формальных и функциональных параметров, и, с другой стороны, расширению сферы действия признаков от собственно превербов к превербным глаголам и от них к целым грамматическим системам.

Группа I. Морфосинтаксис превербов

I.1. Морфологический статус превербов, степень их морфологизации vs. автономности (в первую очередь способность превербов отделяться от глагольной словоформы и выступать в предложении как самостоятельное слово).

I.2. Позиция превербов в глагольной словоформе. Необходимость данного признака требует немедленных пояснений. Действительно, при обсуждении, например, русского языка этот признак кажется тривиальным: превербы являются единственными представленными в нём глагольными префиксальными морфемами. Привлечение же материала других языков сразу существенно усложняет эту картину. Так, уже в родственном литовском языке имеется целых пять префиксальных глагольных позиций, лишь одна из которых по своему функциональному наполнению может быть поставлена в соответствие славянским приставкам. В языках, типологически отличающихся от русского более существенно, например, в кавказских, собственно превербов могут быть лишь одной из многочисленных категорий префиксальных морфем.

I.3. Возможность «итерации» превербов, т. е. присутствия в глагольной словоформе более одного представителя этого класса. Этот параметр непосредственно связан со следующим признаком.

I.4. Наличие внутри системы превербов более дробной морфологической классификации (практически неизбежно коррелирующей

² Ср. также списки релевантных параметров, пересекающиеся с предлагаемым мною, в работах [Майсак 2005: 303–304; Tomelleri 2010; Панов 2012а: гл. 5].

с какими-либо функциональными признаками превербов, см. ниже признак П.2).

И.5. Синхронное наличие у превербов этимологически родственных лексем, статус этих последних и их соотношение с превербами.

Группа II. Функционально-семантические особенности превербов

П.1. Исходные значения превербов (в частности, тип выражаемого ими пространственного значения). Этот признак связан со следующим.

П.2. Членение системы превербов на более дробные функционально-семантические классы.

П.3. Ограничения на сочетаемость превербов с глагольными основами.

П.4. Характеристики аспектуальных функций превербов и их взаимодействия с семантикой глагола вообще (в частности, способность превербов влиять на актантную структуру). С этим признаком тесно связаны следующие два.

П.5. Участие превербов в образовании так называемых «способов глагольного действия».

П.6. Наличие у превербов функции «перфективации» в «чистом виде»; в данном случае встаёт вызывающий оживлённые дискуссии вопрос о том, указывает ли положительное значение данного признака на существование в языке так называемых «чистовидовых приставок» или же на действие принципа семантического согласования преверба и глагола — так называемого эффекта Вея—Схоневелда [Vey 1952; van Schooneveld 1958].

П.7. Наличие превербов с «делимитативной» функцией, т. е. способных образовывать от глагола, обозначающего процесс или состояние, глагол, обозначающий ограниченную во времени ситуацию того же типа.

Группа III. Характеристики превербных глаголов

III.1. Наличие специфических для превербных глаголов морфологических и / или синтаксических особенностей и ограничений.

III.2. Характер аспектуальных (акциональных) значений превербных глаголов.

III.3. Наличие у превербных глаголов специфических грамматических категорий или их значений.

Группа IV. Характеристики собственно глагольных систем с превербами

IV.1. Характер оппозиции превербных и «простых» глаголов. Этот параметр в первую очередь касается того, как «простой» глагол

и его префиксальные дериваты делят между собою семантическое пространство. В частности, меня будут интересовать такие вопросы, как способность непрефиксальных глаголов выступать в тех же контекстах, что и соотносящиеся с ними префиксальные (и наоборот).

IV.2. Наличие и характер средств «вторичной имперфективации» превербных глаголов.

IV.3. Наличие непрефиксальных морфологических средств, вовлечённых в категорию, организующим ядром которой являются превербы.

IV.4. Наличие глаголов без превербов, проявляющих акциональные и / или аспектуальные свойства, характерные для префиксальных глаголов.

IV.5. Наличие префиксальных глаголов, проявляющих акциональные и / или аспектуальные свойства, характерные для глаголов без превербов.

IV.6. Характер взаимодействия префиксальных и непрефиксальных глаголов с другими глагольными категориями, в первую очередь видо-временными.

Приведённый список параметров не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим, однако представляется достаточным для адекватной и весьма детальной классификации систем глагольных превербов в рассматриваемых языках. Разумеется, многие признаки из этого списка связаны между собой и в ряде случаев их значения могут оказаться взаимно обусловленными.

В следующих четырёх главах книги значения выделенных параметров в изучаемых языках будут подробно изучены и сопоставлены, а в главе 6 их модифицированный вариант будет подвергнут количественному анализу.

1.3. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ³

В данной работе я принимаю так называемую «двухкомпонентную» концепцию вида, см. [Breu 1994, 2000a; Брой 1998; Smith 1991/1997; Смит 1998; Горбова 2010], последовательно противополо-

³ Я приношу особую благодарность Бьёрну Вимеру и В. А. Плунгяну за подробные и критические замечания к этому разделу, с которыми я не во всех случаях согласился; разумеется, лишь я один несу ответственность за возможные неточности и непоследовательности, проистекающие из того понимания терминологии, которое здесь изложено.

ставляющую акциональные значения предикатов, отражающие языковую категоризацию ситуаций на статические vs. динамические, длительные vs. моментальные, предельные vs. непредельные и т. п., с одной стороны, и грамматические аспектуальные значения, выражающие, метафорически говоря, точку зрения говорящего на развёртывание ситуации во времени (viewpoint в терминологии К. Смит). Поскольку ни подробное изложение основных постулатов какой-либо конкретной аспектологической теории, ни обзор основной литературы по данной теме не входит в мои задачи, я ограничусь отсылкой к недавним обзорам в работах [Татевосов 2005, 2010а; Плунгян 2009, 2011а: 110–119].

Наиболее важными при обсуждении глагольных систем с проверками являются понятия, относящиеся к области предельности. В аспектологической литературе (см. критический обзор в статье [Dahl 1981], ср. также [Łaziński, Wiemer 1996; Wiemer 2002: 229–231; Плунгян 2009: 63–65; Горбов, Горбова 2012]) термины «предельный» и «непредельный» (англ. telic и atelic) употребляются в двух разных значениях. В одном понимании, традиционном для славянской аспектологии, предельными являются глагольные лексемы или глагольные группы, в семантике которых есть «указание на внутренний, самой природой данного действия предусмотренный предел» [Маслов 1984/2004: 29]. Такую предельность можно назвать «потенциальной», поскольку предельными при этой трактовке оказываются и те употребления глаголов, которые не обозначают реального достижения предела. В частности, при данной трактовке глагол несовершенного вида (НСВ) *писать* в примере (1а) является предельным в той же мере, что и его коррелят совершенного вида (СВ) *написать* в примере (1б). Непредельным с данной точки зрения является лишь безобъектное употребление глагола *писать* в примере (1с).

русский

(1) а. Я *писал* письмо.

б. Я *написал* письмо.

с. Я *писал*.

Напротив, другое понимание предельности, принятое по большей части в западных исследованиях, развивающих акциональную классификацию З. Вендлера [Vendler 1957/1967; Dowty 1979; Krifka 1998], рассматривает в качестве предельных лишь такие выражения, которые имплицитно достигают ситуации предела,

т. е. временную ограниченность и законченность ситуации. При такой трактовке предельным является лишь глагол *написать*, а *писать* оказывается неопредельным не только в (1с), но и в (1а). Строго говоря, если отвлечься от ряда частных контекстов, все русские глаголы НСВ в процессном значении являются с этой точки зрения неопредельными.

Одно из возможных решений данной терминологической коллизии состоит в том, чтобы использовать термины «предельность» и «непредельность» в их традиционном славистическом понимании, как относящиеся к потенциальному свойству ситуации, которое в конкретных глагольных формах может быть актуализовано либо неактуализовано, а противопоставления, подобные русской «видовой паре» *писать* ~ *написать*, обозначать при помощи терминов «имперфективность» и «перфективность». Такое решение, однако, неприемлемо по той простой причине, что «перфектив» и «имперфектив» суть понятия из области грамматических аспектуальных значений, а не из области акциональной, т. е. лексико-семантической, классификации предикатов. Тот факт, что в русском и других славянских языках данные грамматические значения являются скорее не словоизменяемыми, а словоклассифицирующими, противопоставляющими не словоформы, а лексемы [Плунгян 2011а: 407]⁴, не отменяет того вполне очевидного обстоятельства, что как глаголы СВ, так и глаголы НСВ (если их вообще рассматривать с точки зрения акциональной классификации по отдельности, а не объединять в «акциональные группы», как предлагается в [Татовосов 2005, 2010а]) могут относиться к разным акциональным классам, и что приравнивать грамматические значения видов к акциональным значениям неправомерно. Кроме того, противопоставление «перфективных» и «имперфективных» глаголов можно постулировать лишь для тех языков, где лексико-семантическая дихотомия типа *писать* ~ *написать* является грамматической, что верно далеко не для всех языков изучаемого в данной книге ареала (ср. аргументацию о неграмматическом характере данного противопоставления применительно к литовскому в [Вимер 2001; Аркадьев 2008а, 2009а] и к идишу в [Gold 1999]). О понятии «грамматическое» см. ниже.

Для того, чтобы не смешивать акциональные и грамматические противопоставления и чтобы не накладывать а priori славянскую

⁴ Об аргументах в пользу словоизменяемой vs. словообразовательной трактовки русского вида см. [Перцов 1998, 2001: 119–143].

систему координат на другие языки, я воспользуюсь терминологией, предложенной в статье [Падучева 2009: 14], и буду называть предикаты, обозначающие ограниченные во времени ситуации, терминативными⁵. Актуальная предельность, тем самым, является частным случаем терминативности, поскольку терминативными в данном понимании могут быть и неопределённые предикаты (ср. делимитативные глаголы, обозначающие ограниченные во времени неопределённые процессы или состояния, напр., *посидеть, поработать*, о них см. § 3.7, и моментальные предикаты, обозначающие события без предшествующего им процесса, напр., *найти, вздрогнуть*)⁶.

Суммирую: предельными я буду называть глаголы, обозначающие ситуации, обладающие внутренним пределом, который в конкретном употреблении может быть как актуализован (например, в перфективной форме), так и не актуализован (например, в имперфективной форме); терминативными я буду называть глаголы, которые обозначают ситуации, ограниченные во времени; частным случаем терминативных являются такие предельные глаголы, у которых достижение предела актуализовано во всех формах⁷. К классу терминативных относятся также моментальные глаголы. Нетерминативными могут быть как неопределённые, так и предельные (при условии неактуализованности предела, как у славянских глаголов НСВ) глаголы. Соотношение между понятиями «(не)предельность» и «(не)терминативность» схематически изображено в таблице 1.

⁵ Само по себе понятие «терминативность» было введено ещё младограмматиками, однако использовалось в значении «предельность» (собственно, рус. *предельность* есть перевод нем. *Terminativität*), ср. употребление этого термина Ю. С. Масловым [Маслов 1984/2004: passim]. О возможных пониманиях «терминативности» см. в частности [Łaziński, Wiemer 1996]. Предложение Н. Нюблера [Nübler 1993] использовать термины «(не)предельность», нем. *(A)telizität*, и «(a)терминативность», нем. *(A)terminativität*, диаметрально противоположным образом по отношению к принимаемому здесь представляется мне для русской терминологической системы неудобным и контринтуитивным.

⁶ Столь широкое (по мнению ряда учёных, чересчур широкое) понимание терминативности эксплицитно представлено, например, в работе [Stunová 1986: 498].

⁷ По крайней мере, во всех формах, в которых оно может быть актуализовано в принципе; в частности, языки могут различаться тем, как взаимодействуют терминативности и настоящее время: в славянских языках, за исключением обиходных лужицких, презенс терминативных глаголов не может иметь актуально-длительного значения, а в балтийских, напротив, это не исключено: ряд глаголов, в непрезентных формах демонстрирующих явную терминативность, в настоящем времени утрачивают это свойство.

Табл. 1. Соотношение предельности и терминативности

	+ терминативность	– терминативность
+ предельность	актуализованность потенциального предела: <i>написать письмо</i>	неактуализованность потенциального предела: <i>писать письмо</i>
– предельность	темпоральная ограниченность при отсутствии или недостижении потенциального предела: <i>посидеть; пописать письмо; вздрогнуть</i>	отсутствие темпоральной ограниченности и потенциального предела: <i>писать, сидеть</i>

Здесь необходимо ещё раз подчеркнуть, что обе пары понятий применяются мною в первую очередь к глаголам как лексическим единицам вне зависимости от того, вступают ли, скажем, терминативные и нетерминативные глаголы конкретного языка в грамматические оппозиции (см. ниже). Так, рус. *написать* и его литовский переводной эквивалент *parašyti* оба являются терминативными глаголами, при том, что русский глагол можно корректно дополнительно охарактеризовать как грамматически перфективный, а для его литовского аналога такая характеристика, по-видимому, не имеет смысла.

Помимо (не)предельности и (не)терминативности как «статических» признаков глаголов мне понадобятся термины, обозначающие изменение соответствующего значения признака на противоположный. К сожалению, устоявшихся терминов такого рода в русском языке нет, а образование их непосредственно от терминов «предельность» и «терминативность» затруднено. Для обозначения изменения значений признака предельности я буду пользоваться терминами *телисизация* (превращение глагола из непредельного в предельный) и *детелисизация* (обратный процесс). Что же касается изменения значений признака терминативности, то я полагаю возможным — несмотря на всё сказанное выше — использовать для них привычные аспектуальные термины *перфективация* (превращение нетерминативного глагола в терминативный) и *имперфективация* (обратный процесс).

Другие понятия, используемые в последующем изложении, будут по большей части употребляться в соответствии со славянской аспектологической традицией либо с конвенциями, принятыми в типологии видо-временных категорий, и при необходимости будут поясняться. Применительно к славянским языкам термины «совершенный

вид» и «перфективный» *gesp.* «несовершенный вид» и «имперфективный» будут употребляться синонимически.

Ещё два важных понятия, которые необходимо обсудить перед тем, как переходить к основному изложению, — понятие «грамматическое» и связанное с ним понятие «грамматикализация». Оба термина многократно были объектом дискуссии и являются трудноопределяемыми и связанными с немалым числом методологических проблем и внутренних противоречий (недавние обзоры возможных подходов см., в частности, в работах [Diewald, Smirnova 2010; Плуныян 2011a: гл. 1; Boye, Harder 2012]; авторы указанных работ приходят к весьма различным определениям «грамматического»; ср. также критический разбор проблематики грамматикализации в работе [Wiemer 2014]). В особенности непрым является вопрос о грамматическом статусе применительно к явлениям, обсуждаемым в данной книге, поскольку они по своей природе занимают положение на стыке лексики и грамматики (как бы ни проводить границу между последними). Поскольку в мои задачи не входит обсуждать различные подходы и определения «грамматического» и «грамматикализации», я лишь кратко остановлюсь на том, как эти термины понимаются в настоящем исследовании.

Термин «грамматический» я использую двояко в зависимости от того, к какому объекту он применяется. В тех случаях, когда речь идёт о грамматических значениях, т. е. единицах плана содержания, я исхожу из весьма широкого понимания грамматического значения как такого, которое (в данном языке и типологически) функционирует как модифицирующее другие языковые значения и не способно служить единственным содержанием ассерции высказывания (за исключением металингвистических контекстов). Такое понимание, отвлекающееся от традиционных для русского языкознания (в том числе в постструктуралистский период, см. [Плуныян 2011a: 20 и след.]) представлений об обязательности как конституирующем признаке грамматического, в основном следует весьма пронизательным предложениям, высказанным в недавней работе [Boye, Harder 2012], в которой грамматическое определяется именно в терминах коммуникативно-функциональной организации информации и конкретно-языковых конвенций её выражения в высказывании. При таком понимании значения вроде ‘ситуация достигла естественного предела’, ‘ситуация повторяется’ или ‘ситуация ограничена во времени’, которые способны выражать провербы или иные морфологические показатели или морфосинтаксические конструкции

в рассматриваемых языках, трактуются как грамматические вне зависимости от конкретных особенностей глагольных систем соответствующих языков в целом. Под грамматикализацией применительно к этим значениям я буду понимать исторический процесс, при котором какие-либо морфологические показатели (например, превербы) или морфосинтаксические конструкции в конкретных языках приобретают способность выражать соответствующие значения (необязательно утрачивая при этом другие свои значения, которые могут не быть грамматическими в этом смысле). Этому функционально-семантическому развитию могут, но не обязаны, сопутствовать такие процессы, как сужение синтаксической сферы действия, декатегоризация, морфологическое сращение с основой, фонологическая эрозия и др., см. [Lehmann 2002].

В тех же случаях, когда термин «грамматический» используется в составе словосочетания грамматическая категория, я, напротив, исхожу из более узкого его понимания, которое близко к структуралистскому. Здесь следует особо подчеркнуть, что, с моей точки зрения, грамматическая категория является единицей не только и даже не столько плана содержания, сколько объектом «интерфейса» между планом содержания и планом выражения (ср. [Плунгян 2011а: 80–83]): грамматическая категория в целом и входящие в неё отдельные грамемы (которые не следует смешивать с элементарными грамматическими значениями, как это делается в книге [Мельчук 1998]) суть наборы конкретноразличительных правил, соотносящих определённые множества элементарных грамматических значений с определённым набором формальных средств выражения, и устройство этих правил во многих или даже в большинстве случаев нетривиально и порождает много-многозначные соответствия между формой и семантикой. В общем случае набор таких соответствий между языковыми формами и грамматическими значениями является в конкретном языке грамматической категорией, если он обладает свойством обязательности (какая-либо грамма категории должна быть выражена при любой словоформе некоторого грамматического класса, за исключением случаев, когда такое выражение блокируется какими-либо морфосинтаксическими правилами), а парадигматические оппозиции между отдельными граммами категории являются регулярными с точки зрения семантической интерпретации (разные граммы выражают разные значения), лексической сочетаемости (граммы в общем случае сочетаются с любыми лексемами данного класса, а запреты на сочетаемость можно сформулировать в виде простых правил),

синтаксической сочетаемости (граммемы предсказуемым образом распределены по синтаксическим контекстам) и формального выражения (граммемы имеют специализированные средства выражения) (ср. в этой связи, например, [Corbett 2008]). Тем самым грамматическая категория — это в первую очередь парадигматически организованная оппозиция (необязательно бинарная) абстрактных функциональных единиц морфосинтаксиса, отображающихся, с одной стороны, на множество возможных частных интерпретаций, и с другой — на множество средств выражения.

Такому пониманию грамматического соответствует и понимание грамматикализации в узком смысле как исторического процесса формирования грамматических оппозиций. В отличие от грамматикализации в широком смысле, которая проходит в основном на уровне семантики, формирование грамматических категорий есть процесс не только функционально-семантический, но и морфосинтаксический, во многом связанный с развитием структурных оппозиций и правил, не зависящих от конкретных аспектов семантической интерпретации (так, грамматическая категория вида в русском языке проявляется в ряде общеизвестных морфологических и синтаксических свойств глаголов, реализация которых не зависит ни от значения конкретных лексем, ни от частновидовых значений). Как и в случае с грамматикализацией в широком смысле, формированию грамматических категорий могут, но не обязаны сопутствовать такие процессы, как уменьшение синтагматической самостоятельности единиц, увеличение их морфонологической связанности с лексическими основами, фонологическая эрозия. Следует при этом особо подчеркнуть, что эволюция грамматических категорий может вообще не сопровождаться никакими чётко различимыми изменениями плана выражения, а проявляться лишь в изменении функционального распределения тех или иных языковых единиц и конструкций (ср. [Wiemer 2002; Lehmann 2004]).

В свете сказанного должно быть очевидно, что далеко не во всех случаях значения, являющиеся грамматическими в широком смысле, входят в состав грамматических категорий в узком смысле. Так, например, значения ‘ситуация достигла своего предела’ и ‘ситуация продолжается’, по всей видимости, являются в литовском языке грамматическими в широком смысле, однако, по мнению многих исследователей, не соответствуют в литовском языке никакой грамматической категории (например, «виду») в узком смысле, поскольку в литовском нет комплекса морфосинтаксических правил и ограничений, которые были бы характерны для всех без исключения глаголов того или иного

«вида» (см., например, [Вимер 2001; Аркадьев 2008a]). В принципе можно сказать, что грамматикализация в широком смысле является необходимым, но не достаточным условием грамматикализации в узком смысле.

1.4. МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В книге привлекаются данные значительной части современных славянских языков (русского, польского, чешского, словацкого, верхнелужицкого, словенского, сербохорватского, болгарского и македонского)⁸, балтийских языков⁹, германских языков (немецкого и идиша), венгерского, осетинского (в первую очередь его иронского варианта) и картвельских (грузинского, сванского, мегрельского и лазского). В главах со второй по четвертую, посвящённых не только собственно аспектологической проблематике, обсуждаются также данные одного из северокавказских языков — адыгейского, сравнение с которым языков основной «выборки» представляется весьма поучительным. В седьмой главе, где обсуждаются диахронические, типологические и контактные аспекты проблематики префиксального перфектива, привлекаемый материал будет существенно расширен.

Объём и характер материала, разумеется, в значительной степени обусловлен как имеющимися в моём распоряжении источниками, так и степенью моего непосредственного знакомства с теми или иными языками. «Первичные» данные, полученные от носителей языка или в результате анализа корпусов текстов, представлены почти исключительно русским, литовским и адыгейским языками; в прочих случаях я опираюсь на источники «вторичной» информации, такие как описательные грамматики, словари и специальные исследования.

⁸ К сожалению, сколько-нибудь подробных современных описаний употребления видов в украинском и белорусском языках не существует (или они остались мне неизвестны). Немногие работы сопоставительного характера (например, [Соколова 2004]) свидетельствуют об отсутствии сколько-нибудь значимых для целей данной монографии различий в изучаемой области между украинским, белорусским и русским языками, поэтому я рассматриваю русский в качестве обобщённого представителя восточнославянских языков в целом. Не привлекаются к рассмотрению данные кашубского и русинских языков, которые не были мне доступны.

⁹ Лишь литовского и латышского; данные латгальского языка будут привлекаться в весьма незначительной степени ввиду его недостаточной документированности.

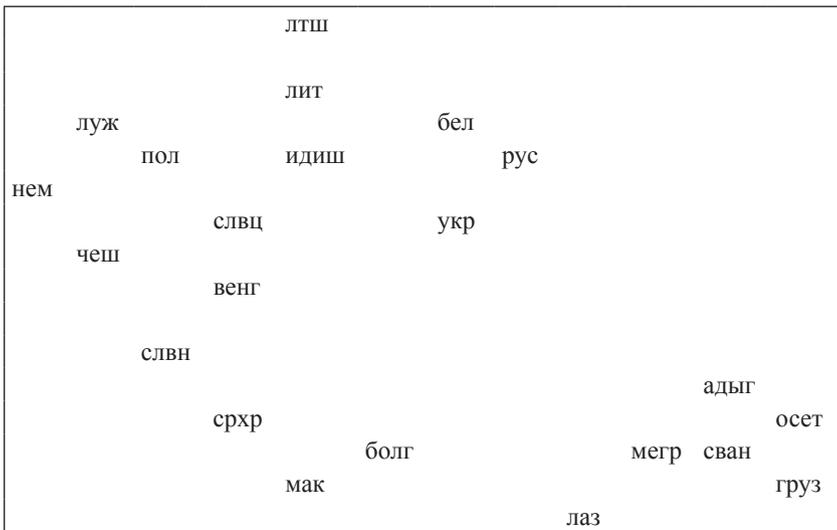
В значительной части случаев используемый материал происходит из стандартных (литературных) вариантов языков; диалектный материал привлекается в тех случаях, когда он оказывался в моём распоряжении, либо по необходимости (как в случае с лазским языком, не имеющим кодифицированной нормы, и в случае с верхнелужицким языком, обиходный вариант¹⁰ которого в интересующем меня отношении заметно отличается от литературного и неплохо документирован [Breu 2000b, 2012; Scholze 2007]). В случае идиша я ориентировался на «усреднённый» восточноевропейский вариант (в основном на территории бывшего Великого княжества Литовского), абстрагируясь от несомненных, однако не всегда эксплицируемых в доступной мне литературе диалектных различий. Несмотря на то, что диалектологические данные играют первостепенную роль в ареальной лингвистике и могут иметь большую ценность и для типологии (см. [Kortmann (ed.) 2004]), исследователь неизбежно ограничен теми данными, которые относительно легко оказываются в его распоряжении. Доступ к диалектным материалам, в частности, по интересующим меня вопросам нередко затруднён, а сами эти материалы подчас могут не содержать релевантной информации. Для целей настоящей работы я полагаю более важным с возможной подробностью учесть материал неславянских языков, лишь незначительно исследованный с принятой здесь точки зрения, чем получить более детальную картину распределения тех или иных признаков на славянской или европейской диалектной карте. По схожим причинам я могу лишь фрагментарно учитывать, вне всякого сомнения, нередко весьма важные отличия нестандартных (в разных смыслах этого слова) вариантов языков от изучаемых здесь нормативных идиомов. Систематический анализ в предлагаемых здесь терминах материала нестандартных (территориальных, обиходно-разговорных и т. д.) вариантов языков является отдельной и весьма насущной задачей, т. к. именно в таких, не подверженных давлению нормы, формах речи отчётливее проявляются как внутренние тенденции развития системы, так и контактные влияния.

Ареально-типологический характер исследования требует картографирования значений классификационных признаков, по крайней мере тех, которые допускают это. Поскольку моё исследование, как

¹⁰ Более конкретно речь идёт о варианте языка, характерном для католического населения в округе Баутцен (Саксония) и составляющем основную на данный момент разговорный вариант верхнелужицкого языка. Согласно С. С. Скорvidу (личное сообщение), многие особенности аспектуальной системы обиходного верхнелужицкого языка могут быть обнаружены и в нижнелужицком.

было только что отмечено, не имеет диалектологической составляющей и тем самым не может оперировать изоглоссами в наиболее точном смысле этого слова, я полагаю возможным использовать упрощённый формат лингвистических карт, принятый, в частности, в работах [Thieroff 2000; Haspelmath 2001]. Каждый язык обозначается на карте «точкой» с сокращённым названием языка, условно отвечающей его реальному географическому положению, а распределение значений признаков обозначается, в зависимости от сложности устройства этих значений, условными выделениями либо дополнительными знаками. Рис. 1 показывает географическое распределение основных языков, анализируемых в книге (за исключением древних языков, которые, разумеется, неправомерно помещать на одну карту с современными).

Рис. 1. *Исследуемые языки*

При обсуждении конкретных признаков я буду отмечать на картах лишь те языки, для которых я располагаю соответствующими данными и для которых этот признак вообще является релевантным (в частности, адыгейский язык не будет привлекаться к обсуждению к пятой главе, поскольку собственно аспектологическая проблематика для него почти нерелевантна).

Отдельно необходимо остановиться на представлении языкового материала. Исходя из того, что лингвисту — носителю русского языка

не составит особого труда разобраться в структуре примеров на славянских языках, я снабжаю все такие примеры лишь переводом без поморфемной нотации (гlossирования). Для наглядности релевантные фрагменты примеров (например, превербы) будут выделяться жирным шрифтом или подчёркиванием. Также не снабжаются глоссами примеры из таких европейских языков, как английский и немецкий. Примеры из всех остальных языков (включая балтийские, идиш и древние языки) сопровождаются поморфемной нотацией, выполненной в целом в соответствии с так называемыми «лейпцигскими правилами», разработанными в Институте эволюционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге¹¹. Полный список сокращений, используемых при гlossировании, приводится в конце книги.

Примеры из литературных европейских языков даются в принятой орфографии (кириллической или латинской). Примеры из адыгейского и кабардино-черкесского языков даются в соответствии с правилами латинской транскрипции, изложенными в [Аркадьев и др. 2009: 21–25]. Примеры из картвельских языков даны в унифицированной латинской транскрипции, в целом соответствующей традиционной кавказоведческой транскрипции, используемой, например, в [Коряков 2006: 15–16], с тем отличием, что глоттализованные (абруптивные) согласные обозначаются соответствующим символом с точкой, как и в адыгейском. Это касается и примеров из лазского языка, в описаниях которого нередко используется способ записи на основе турецкой латиницы (используемая мною транскрипция основана на [Nolisky 1991]). Примеры из осетинского языка в общем случае даются в транслитерации, разработанной О. И. Беляевым¹², однако ряд примеров даётся в транскрипции источника примера. Примеры из всех остальных языков, включая идиш, даются в транскрипции источника, из которого заимствован конкретный пример, что означает, что в разных примерах транскрипция может не совпадать.

Нумерация примеров начинается заново в каждой главе; таблицы и рисунки пронумерованы сплошным образом. В рубрику «источники», вынесенную отдельно от основной библиографии, включены словари, электронные корпуса текстов и литературные произведения (в частности, древние тексты); такие источники в тексте обозначаются аббревиатурами вроде «НКРЯ».

¹¹ См. <http://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>.

¹² См. <http://ossetic-studies.org/biblio/ossetic-orth-en.pdf>.

ГЛАВА 2

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕВЕРБОВ

2.1. Морфологический статус превербов

Основное противопоставление, релевантное для данного признака, проходит между аффиксальными морфемами, составляющими с глагольной основой единую словоформу, и единицами, обладающими по крайней мере ограниченной автономностью, не позволяющей однозначно трактовать их как префиксы (о трудностях, связанных с противопоставлением автономных и связанных языковых единиц, см. в частности [Мельчук 1997: гл. 4; Плуноян 2000: 18–35; Haspelmath 2011]).

В рассматриваемых языках этот признак принимает различные значения. В славянских, балтийских, картвельских и северокавказских языках превербы однозначно входят в состав глагольной словоформы и не обладают никакими признаками автономности (отделимостью или переместимостью). Это подтверждается участием превербов в характерных для аффиксов (правда, не всегда свойственных каким-либо другим аффиксам) морфонологических процессах и в их просодической интеграции в состав словоформы. См., например, [Аркадьев, Тестелец 2009] о вокалических чередованиях в превербах адыгейского языка или [Выдрин 2014: 39–41] о морфонологических процессах, связанных с осетинскими превербами. Весьма сложные морфонологические преобразования происходят в префиксальной части словоформы в мегрельском [Harris 1991: 321–323], лазском [Holisky 1991: 402–403; Lacroix 2009: 393–401], сванском [Schmidt 1991: 486–488] языках, см. также [Deeters 1930: 13–19], а также в некоторых грузинских диалектах [Ibid.: 12–13]. В латышском языке с его начальным ударением приставочные глаголы акцентуируются на префиксе, а в литовском языке превербы могут перетягивать на себя ударение — свойство, отсутствующее у каких-либо обладающих большей автономностью единиц литовского языка (см. ниже).

Более сложная ситуация представлена в ряде других языков. Хорошо известно противопоставление так называемых «неотделяемых» и «отделяемых» префиксов в немецком и нидерландском языках. Последние могут сколь угодно далеко отстоять от личного глагола в главном предложении, где они занимают конечное положение, в то время как сам глагол помещается во вторую позицию. Будучи отделёнными, немецкие превербы демонстрируют довольно большую степень морфосинтаксической автономности, допуская фокусирование (1), топиализацию (2)¹, сочинение (3) и даже употребление в качестве целостного высказывания, например, при ответе на вопрос (4); даже при конечном положении глагола преверб может быть отделён от него инфинитивной частицей *zu* (в этом случае и преверб, и частица пишутся слитно), ср. (5a,b); из сравнительно недавних работ о статусе немецких превербов см., например, [Ackerman, Webelhuth 1998: ch. 10; Zeller 2001, 2004; Müller 2002; Los et al. 2012].

немецкий

- (1) *Die Männer laden das Heu nicht **auf**, sondern **ab**.*
‘Мужчины не нагружают (**aufladen**) сено, а выгружают (**abladen**) его’ [Zeller 2004: 190].
- (2) ***Auf** geht die Sonne im Osten, aber **unter** geht sie im Westen.*
‘Встаёт (**aufgehen**) солнце на востоке, а заходит (**untergehen**) — на Западе’ [Ibid.: 183].
- (3) *Der Zug steht, Leute steigen **aus** und **ein**.*
‘Поезд стоит, люди выходят (**austeigen**) и входят (**einsteigen**)’ (Google).
- (4) *Soll der Sack **rauf** oder **runtergestellt** werden? — **Rauf**.*
‘Мешок нужно поставить наверх или вниз? — Вниз’ (Б. Вимер, личное сообщение).
- (5) a. *um **zu** gehen* b. *um **aus.zu** gehen*
‘чтобы идти’ ‘чтобы выйти (**ausgehen**)’

Тем не менее трактовать сочетания глагола с единицами вроде *auf*, *ein*, *aus*, *unter* и др. как комплексы, состоящие из двух независимых словоформ, оказывается невозможно. Во-первых, при контактном

¹ Пример (2) особенно наглядно иллюстрирует морфосинтаксическую автономность превербов, поскольку постановка после них финитного глагола, занимающего в немецком вторую позицию в главной клаузе, однозначно говорит о том, что в данном случае преверб является синтаксически полноценной словоформой.

положении преверб и глагол образуют просодическое единство, причём ударение падает на преверб. Во-вторых, сочетания глагола с превербом могут служить «входом» (input) словообразовательных операций, например, *Einladung* ‘приглашение’ < *einladen* ‘приглашать’, в том числе нерегулярных, ср. *Ausgang* ‘выход’ < *ausgehen* ‘выходить’ (см. также [Stiebels, Wunderlich 1994; Müller 2004] о связанных с этим морфологических проблемах). Аналогичная ситуация наблюдается, *mutatis mutandis*, и в идише, см. [Jacobs 2005: 210–211], и в нидерландском, см. [Booij 1990, 2002, 2010: ch. 5; Los et al. 2012].

Во многом сходна ситуация в венгерском языке, где превербы также обладают значительной морфологической автономностью и, по мнению некоторых исследователей (см., например, [Агранат 1989: 262–263] или [Kiss 2004: 55], см. также обсуждение в работе [Honti 1999a: 86–89]), должны рассматриваться скорее как особый класс морфологически самостоятельных единиц, нежели как компоненты глагольной словоформы². В пользу этого говорит, например, то, что комплекс преверб + глагол не подвержен правилам сингармонизма, а кроме того, тот факт, что преверб не имеет фиксированной позиции относительно глагола и в ряде случаев должен следовать за ним, ср. (6a,b), где подчёркиванием выделена фокусируемая составляющая, а также может быть топикализован (7), отделён частицей и даже вынесен из инфинитивной клаузы в матричную (8) [Farkas, Sadock 1989; Kiss 2006a].

венгерский

(6) a. *János fel-olvas-ta a vers-e-i-t.*
 Янош PRV-читать-PST.3SG.OC DEF стихотворение-POSS-PL-ACC
 ‘Янош прочёл вслух свои стихи’ [Kiss 2004: 56].

b. *János tegnap olvas-ta fel a vers-e-i-t.*
 Янош вчера читать-PST.3SG.OC PRV DEF
 стихотворение-POSS-PL-ACC
 ‘Янош прочёл вслух свои стихи вчера’ [Ibid.].

² Тем не менее, как и в немецком языке, венгерские превербы образуют единство с глаголом при деривации [Ackerman, Webelhuth 1997; Szende, Kassai 2007: 263–264], ср. *megáll* ‘остановиться’ → *megállás* ‘остановка’. О возможных путях разрешения парадоксов, которые возникают при анализе превербных глаголов немецкого и венгерского типа, см. [Ackerman, Webelhuth 1997, 1998: ch. 10; Ackerman 2003].

- (7) *Fel csak János olvas-ta a*
 PRV только Янош читать-PST.3SG.OC DEF
vers-e-i-t.
 стихотворение-POSS-PL-ACC
 ‘Вслух только Янош прочёл свои стихи’ [Kiss 2004: 57].
- (8) *János fel akar-ta olvas-ni a*
 Янош PRV хотеть-PST.3SG.OC читать-INF DEF
vers-e-i-t, és fel is olvas-ta
 стихотворение-POSS-PL-ACC и PRV тоже читать-PST.3SG.OC
ő-k-et.
 3-PL-ACC
 ‘Янош хотел прочесть свои стихи вслух, и вслух он их и прочёл’
 [Ibid.].

Наконец, как и в немецком, возможно употребление одного лишь преверба при эллипсисе глагола [Szende, Kassai 2007: 269], ср. (9a), в том числе в качестве утвердительного ответа на вопрос, содержащий сложный глагол, ср. (9b):

венгерский

- (9) a. *A fiú fel-men-t, a lány le-ment.*
 DEF мальчик PRV-идти-PST.3SG DEF девочка PRV
 ‘Мальчик пошёл наверх, а девочка — вниз’ [Szende, Kassai 2007: 269].
- b. *Meg-kap-ta a könyv-et? — Meg.*
 PRV-получить-PST.3SG.OC DEF книга-ACC PRV
 ‘Вы получили книгу? — Получил’ [Майтинская 1959: 174].

Интересно, что аналогичное использование превербов обнаруживается и в литовском языке (по крайней мере, в более ранних его разговорных или диалектных вариантах), ср. пример (10) из литературной передачи диалогической речи в произведении второй половины XIX в., и спорадически в старолатышских текстах [Veitīņa 2001].

литовский [Paulauskas 1958: 319]

- (10) *Ar su-prat-ai įsakym-q ciecori-aus? — Su.*
 Q PRV-понять-PST.2SG приказ-ACC.SG император-GEN.SG PRV
 ‘Ты понял приказ императора? — Понял’.

Правда, возможно, примеры, подобные (10) на самом деле не свидетельствуют о способности литовских превербов употребляться автономно: в качестве ответа на вопрос, согласно цитируемой работе,

мог использоваться первый слог глагола, не совпадающий ни с какой морфемой, ср. (11):

литовский

- (11) *Ar girdė-jai?* — *Gir.*
 Q слышать-PST.2SG слы
 ‘Ты слышал? — Слышал’ [Ibid.: 320].

Аналогичное автономное употребление превербов отмечено также в картвельских языках — древнегрузинском, ряде грузинских диалектов и сванском [Boeder 1994: 448; 2005: 32; Rostovtsev-Popiel 2012: ch. 2, 3], ср. следующий сванский пример:

сванский [Rostovtsev-Popiel 2012: 97]

- (12) *čandol-d bepšw čw-ad-mäm-mo?* — *ču.*
 клоп-ERG ребёнок(NOM) PRV-PRV-кусать(PST)-Q PRV
 ‘Клоп укусил ребёнка? Да’.

В обиходном верхнелужицком и ряде других славянских идиомов, испытавших сильное влияние немецкого (см. подробнее § 7.2), возникли новые сложные глаголы, первые компоненты которых, по происхождению являющиеся наречиями, можно трактовать как отделяемые превербы (см. об этом, в частности, [Bayer 2006: 171–245]), ср. примеры (13a,b). Важно подчеркнуть, впрочем, что по крайней мере в обиходном верхнелужицком такие глаголы, в отличие от исконно-славянских приставочных, являются имперфективными, см. об этом [Тоорс 2001c], а сами исконно-славянские префиксы в этих языках свойства мобильности не приобретают.

обиходный верхнелужицкий [Scholze 2007: 330]

- (13) а. *Ja jědžem jutře prejš.*
 ‘Я завтра уезжаю (букв. «еду прочь»)’.
 б. *ha tón pólicaj so stróži ha pon prejš-džo.*
 ‘...и полицейский пугается и уходит (букв. прочь-идёт)’.

В осетинском языке превербы обладают ограниченной отделенностью от глагольной основы (так называемый тмезис, см. в частности [Ахвледиани 1963]). Во-первых, у сложных предикатов, состоящих из именного компонента и «опорного» глагола, преверб может присоединяться как слева ко всему комплексу (14a), так и непосредственно к глаголу (14b) [Ахвледиани (ред.) 1963: 106–107; Thordarson 1982: 258; 2009: 77–78]. Данный факт свидетельствует не столько о мобильности преверба, сколько об особой степени спаянности

компонентов сложного предиката: помещение преверба перед обыкновенным прямым дополнением неграмматично, ср. (15a) и (15b).

иронский осетинский

(14) a. *æž zul a-[læg kod-ton]*.
я хлеб PRV-разрезание делать-PST.1SG
'Я порезал хлеб' [Grashchenkov 2009: 5].

b. *æž zul [læg a-kod-ton]*.
я хлеб разрезание PRV-делать-PST.1SG
'=14a' [Ibid.]

(15) a. **c'iwta š-axšton kod-toj*.
птицы PRV-гнездо делать-PST.3PL
'Птицы построили гнездо' [Ibid.: 6].

b. *c'iwta axšton š-kod-toj*.
птицы гнездо PRV-делать-PST.3PL
'=15a' [Ibid.]

Во-вторых, между превербом и глагольной основой могут вклиниваться вакернагелевские энклитики: в иронском осетинском лишь при наличии имперфективирующего показателя *-sæj-* (орфографически *-цæй-*), а в дигорском и без последнего (об этом явлении см. в частности [Абаев 1949: 421; Ахвледиани 1963; Thordarson 1982: 257], ср. (16) и (17)).

иронский³ осетинский [Erschler 2009: 421]

(16) *ærba-sæj=ta=iv=mæm sæd-iš*.
PRV-IPF=CNTR=HAB=1SG.ALL идти.PST.3SG-3SG
'Он все время подходил ко мне'.

дигорский осетинский [Абаев 1949: 421]

(17) *ba=din=æj=jes-zaen-aen*
PRV=2SG.DAT=3SG.GEN=братъ-FUT-1SG
'Я отниму его у тебя'.

Тем не менее, упомянутые выше морфонологические изменения, происходящие в осетинском при присоединении превербов, свидетельствуют об определённой степени спаянности их с основой.

В мегрельском языке преверб может быть отделён от основы показателем имперфективности [Deeters 1930: 15; Harris 1991: 324;

³ Данный пример, тем самым, опровергает утверждение Ф. Тордарсона [Thordarson 2009: 20] о том, что тмезис с превербами возможен лишь в дигорском осетинском, но не в иронском.

Hewitt 2004: 288–289], ср. пример (18); данный показатель, однако, не является энклитикой, так что рассматривать этот факт как аргумент за (ограниченную) автономность мегрельских превербов не следует.

мегрельский [Rostovtsiev-Popiel 2012: 26]

(18) а. *g-i-g-en-s*

PRV-CV-понимать-SM-PRS.3SG

‘он(а) поймёт (это)’

б. *gi-tm-i-g-en-s*

PRV-IPF-CV-понимать-SM-PRS.3SG

‘он(а) понимает (это)’

В современном литовском языке превербы вполне однозначно могут трактоваться лишь как связанные морфемы, входящие в состав глагольной словоформы. Это подтверждается и морфонологическими (на стыке преверба и глагольного корня действуют правила, неприменимые на границе словоформы), и в особенности акцентными соотношениями (см. выше). Единственная единица, способная в современном языке отделять преверб от основы, — рефлексивный показатель *-si-*, обладающий типологически нетривиальными позиционными свойствами, см. [Stolz 1989; Nevis, Joseph 1993]. Если глагол не содержит префикса, рефлексивный показатель следует последним в словоформе, после лично-числовых окончаний, выступающих перед ним в особой «длинной» форме, ср. (19а) и (19б). Форма самого показателя рефлексива (наличие последней гласной *-i*) также обусловлена морфологически. Появление в словоформе префикса вызывает «перескок» рефлексивного показателя в позицию непосредственно перед корнем, тем самым он отделяет преверб от основы, ср. (19с). При этом необходимо отметить, что акцентные особенности префиксальных глаголов распространяются и на рефлексивные префиксальные предикаты: с точки зрения правила переноса ударения, все префиксы, как превербы, так и находящийся в предкорневой позиции показатель рефлексива, образуют один класс, ср. (20).

литовский

(19) а. *bučiūo-ju* ‘целую’, *bučiūo-ji* ‘целуешь’, *bučiūo-jame* ‘целуем’

б. *bučiūo-juo-si* ‘целуюсь’, *bučiūo-jiē-si* ‘целуешься’, *bučiūo-jamė-s* ‘целуемся’

с. *pa-bučiaiv-ome* ‘мы поцеловали’; *pa-si-bučiaiv-ome* ‘мы поцеловались’

- (20) а. *at-mèsti* ‘отбросить’, *àt-meta* ‘отбрасывает’, *àt-metè* ‘отбросил(а/и)’
 б. *at-sì-mèsti* ‘отступить’, *at-sì-meta* ‘отступает’, *at-sì-metè* ‘отступил(а/и)’

Аналогичным образом ведёт себя рефлексивный показатель *-s(a)-* в латгальском языке, см. [Nau 2011: 43], в отличие от литературного латышского, где рефлексив всегда занимает постфиксальную позицию, ср. лтш. *no-mazgāt-ies* vs. латг. *nū-sa-mozguot* ‘вымыться’.

Тем самым в современном литовском языке степень отделимости преверба от глагольной основы является минимальной. Иначе обстояло дело в старолитовском языке, в котором ту позицию, где ныне может выступать лишь рефлексивный показатель, могли занимать энклитические местоимения, отсутствующие в современной литературной норме (об эволюции местоименных энклитик в литовском см. [Razanovaitė 2014]), ср. (21):

старолитовский [Stolz 1989: 19]

- (21) *tatay in=ti=sak-au*
 это PRV=2SG.DAT=сказать-PRS.1SG
 ‘Я говорю тебе это’.

Очевидно, в старолитовском превербы ещё сохраняли определённые свойства автономности, характерные для пространственных наречий, к которым они восходят. Аналогичное поведение демонстрируют также превербы гомеровского греческого (в противоположность классическому), ведийского (в противоположность эпическому и классическому санскриту), хеттского и ряда других древних индоевропейских языков, см. [Pinault 1995: 40], равно как и превербы древнегрузинского [Deeters 1930: 12; Schanidse 1982: 84; Boeder 1994] и сванского [Schmidt 1988: 82; 1991: 482] языков. Ср. следующие примеры, где преверб отделён от основы частицами или даже автономными словоформами.

древнегрузинский [Schanidse 1982: 84]

- (22) *mo=tu=vinme=kud-e-s* *ušvilno...*
 PRV=если=кто-то-умирать-ОПТ-3SG бездетный
 ‘Если кто-нибудь умрёт бездетным...’

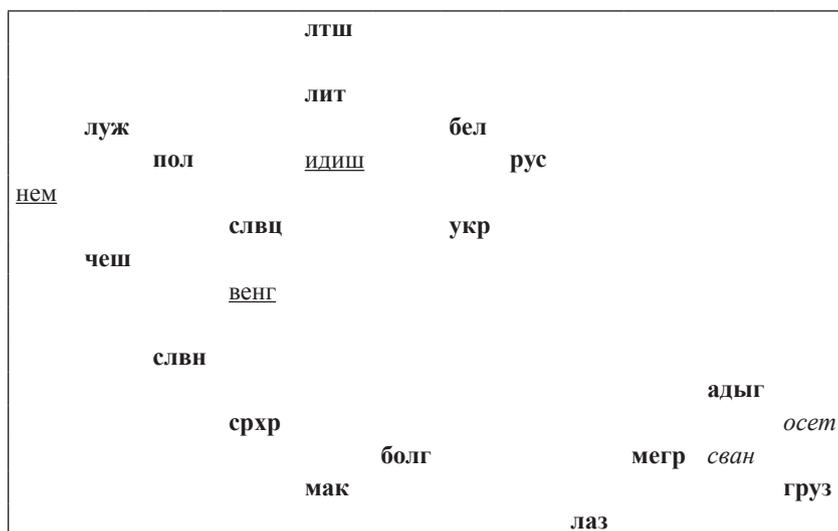
сванский [Schmidt 1991: 484]

- (23) *mi sga=lok=otšqedni qarq=te.*
 я PRV=QUOT=я.прыгну рот=в
 ‘Я прыгну (ему) в рот’.

Способность к отделимости от глагольной основы обычно утрачивалась превербами по мере их грамматикализации в качестве показателей глагольной ориентации и дальнейшего развития у них аспектуальных значений, а также по мере лексикализации тех или иных сочетаний превербов с глаголами. В этом смысле характерно развитие от древнегрузинского, где наблюдался тмезис и превербы не выражали аспектуальных значений, к современному грузинскому, где превербы неотделимы и имеют ярко выраженные перфективирующие функции.

Географическое распределение значений признака отделимости превербов приведено на рис. 2.

Рис. 2. *Отделимость превербов*

полужирным выделены языки, где превербы неотделимы от основы; *курсивом* выделены языки с ограниченной отделимостью превербов; подчёркнуты языки со значительной степенью отделимости превербов.

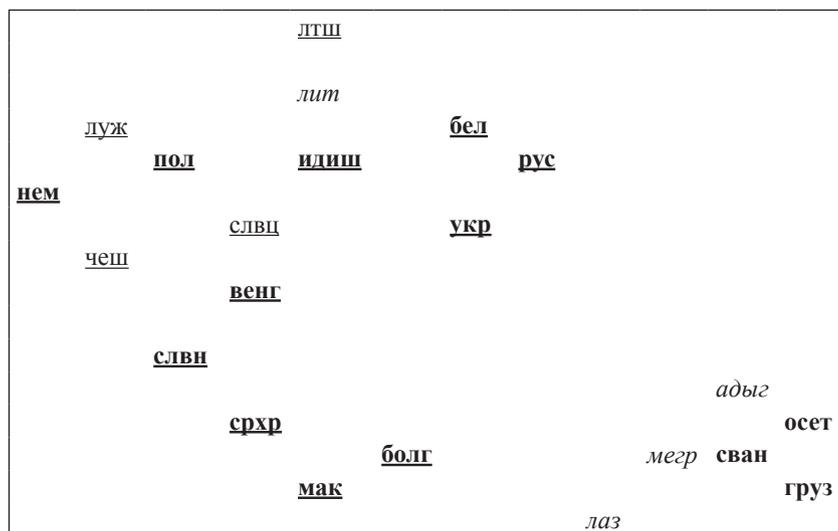
2.2. ПОЗИЦИЯ ПРЕВЕРБОВ В ГЛАГОЛЬНОЙ СЛОВОФОРМЕ

Данный параметр касается в первую очередь языков, где превербы, т. е. морфемы, удовлетворяющие данному в § 1.1 определению, являются не единственными глагольными префиксами. Такими языками в рассматриваемом ареале оказываются практически все неславянские языки, а если учесть неочевидный морфологический статус

отрицательного показателя, который при сфере действия на предикацию не может быть отделён от глагольной словоформы и в некоторых языках пишется слитно, то и славянские тоже; кроме того, в чешском, словацком и лужицких языках показатель отрицания не только пишется слитно с глагольной словоформой, но и перетягивает на себя начальное ударение, т. е. ведёт себя так же, как другие префиксы.

В изучаемых языках превербы могут занимать все теоретически возможные позиции предкорневой части словоформы, а именно непосредственно примыкающую к корню (славянские, балтийские — с оговоркой относительно уже обсуждавшегося рефлексивного маркера в литовском, — германские, венгерский); периферийную, т. е. в абсолютном начале словоформы (грузинский, сванский, осетинский) и срединную (западнокавказские, мегрельский, лазский), ср. карту на рис. 3.

Рис. 3. Морфологическая позиция превербов

начальная; *срединная*; *предосновная*; **полужирным и подчёркиванием** выделены языки, где нет иных глагольных префиксов, кроме превербов.

Рассмотрим теперь эти ситуации несколько подробнее.

В литовском языке, как уже было сказано выше, в глагольной словоформе имеется пять префиксальных позиций, заполняемых строго определёнными показателями. Ближайшая к корню позиция отведена

для рефлексивного показателя *-si-*, который может появиться в ней лишь при условии, что заполнена также одна из прочих префиксальных позиций. Вторую позицию занимают превербы в принятом здесь (и совпадающем с традиционным) понимании. Остальные три позиции заполняют словоизменительные префиксы (иногда ошибочно именуемые частицами; см. о них [Paulauskas 1958: 321–323; Mathiasen 1996a: 171–172; Аркадьев 2013]): «континуативный» префикс *be-* (о его свойствах см. [Arkadiev 2011b]), отрицательный префикс *ne-* и префикс *te-*, настолько полисемичный, что для него невозможно подобрать никакого удовлетворительного ярлыка (см. о некоторых его употреблениях [Arkadiev 2010; Аркадьев 2014]). В разных своих значениях эти префиксы демонстрируют разные ограничения на сочетаемость друг с другом и с глагольными лексемами, однако практически неизменно следуют в порядке *te-ne-be-*. Примеры, где в глагольной словоформе выступали бы все три словоизменительных префикса, исключительно редки, однако попарно они легко сочетаются как друг с другом, так и с превербами, ср. такие формы как *ne-be-per-raš-o* ‘больше не переписывает’, где *ne-* выражает отрицательную полярность, *be-* — континуативность (‘всё ещё?’), а *per-* — преверб со значением повторности действия.

В латышском языке преверб примыкает непосредственно к корню, а перед ним могут находиться отрицательный префикс *ne-* и префикс дебитива *jā-* [Nau 1998: 28], ср. *jā-ap-iet* ‘надо обойти’, где *jā-* — префикс дебитива, а *ap-* — локативный преверб со значением ‘вокруг’ (о латышском дебитиве см., например, [Endzelin 1922: 684–686; Nau 1998: 39–40; Holvoet 2001: ch. 2, 3]).

В немецком языке и в идише вопрос о позиции превербов в глагольной словоформе напрямую связан с выделением двух классов превербов, см. § 2.4.

В грузинском языке в глаголе имеется четыре префиксальные позиции, однако, в отличие от литовского, превербы занимают не первую (по счёту от корня), а две периферийные (в картвельских языках превербы делятся по меньшей мере на два класса, см. § 2.4) позиции, будучи отделены от корня так называемым «характерным гласным» (вокалический показатель, указывающий на валентностную структуру предиката) и показателем личного согласования, ср. *qurs da-v-u-gdeb* ‘я послушаю его’, букв. «я наклоню к нему ухо», где *da-* — преверб, *v-* — показатель 1-го лица субъекта, а *u-* — показатель так называемой «объектной версии», указывающий на наличие в актантной структуре глагола непрямого объекта 3-го лица.

Ещё более сложным образом устроены префиксальные системы картвельских языков занской группы, см. [Hewitt 2004: 284–315; Rostovtsev-Popiel 2012: ch. 2] и работы, упоминаемые ниже. В мегрельском языке между пространственными превербами и корнем, кроме общекартвельского «характерного гласного» и предшествующего ему лично-числового показателя, могут выступать уже упомянутый выше показатель имперфективности *-t(i)m(a)-* и префиксальная часть циркумфикса эвиденциальности *-no-...-e(n)* [Ростовцев-Попель 2006: 43, 173; Rostovtsev-Popiel 2012: 28–29], формально совпадающая с одним из превербов, но занимающая отдельную позицию в словоформе, ср. пример (24), где представлены омонимичные показатели.

мегрельский [Rostovtsev-Popiel 2012: 29]

- (24) *Gio lers-ep-s gi-n-no-çar-u-e.*
 Гио стих-PL-DAT PRV-PRV-EVID-писать-SM-EVID.3SG
 ‘Гио, оказывается, переписывает стихи (обычно)’.

Слева от пространственных превербов и в мегрельском, и в лазском появляются показатели утвердительности и отрицания⁴ [Rostovtsev-Popiel 2012: 32–35; 126–153], о лазском см. также [Mattissen 2001: 33; Lacroix 2009: 433–447; Öztürk, Pöchtrager (eds.) 2011: 95–99], ср. примеры (25) и (26).

мегрельский

- (25) a. *ti boši-k ruča ku-mo-rt.*
 этот мальчик-NAR домой AFF-PRV-прийти(AOR.3SG.S)
 ‘Этот мальчик (действительно) пришёл домой’ [Rostovtsev-Popiel 2012: 32].
- b. *ti boši-k ruča va-mo-rt.*
 этот мальчик-NAR домой NEG-PRV-прийти(AOR.3SG.S)
 ‘Этот мальчик не пришёл домой’ [Ibid.: 33].

лазский, атинский диалект (Турция)

- (26) *ma kartali ko-me-v-o-nžyon-i.*
 я письмо(NOM) AFF-PRV-1SG.S-CV-послать-AOR
 ‘Я (точно) послал письмо’ [Öztürk, Pöchtrager (eds.) 2011: 98].

⁴ Статус показателей отрицания (префикс или частица) не вполне ясен. Разные источники трактуют показатель отрицания *var-* то как префикс, то как проклитику или частицу.

В лазском имеется целый ряд префиксов утвердительности, из которых лишь *ko-* способен сочетаться в одной словоформе с пространственными провербами [Mattissen 2001: 34–35; Lacroix 2009: 434; Öztürk, Röchtrager (eds.) 2011: 96], в то время как остальные, очевидно, входят с провербами в один дистрибутивный класс. Распределение между разными аффирмативными префиксами преимущественно лексическое, и не все они продуктивны (см. там же). Некоторые морфемы могут функционировать и как пространственные провербы, и как показатели аффирмативности, ср. показатель *mende-*, в примере (27a) выступающий в пространственном значении удаления и в этой функции сочетающийся с отрицанием, а в (27b) используемый в аффирмативной функции.

лазский, атинский диалект [Öztürk, Röchtrager (eds.) 2011: 96]

(27) a. *ma Ali-s čitab-i var mende-v-u-γ-i.*
 я Али-DAT книга-NOM NEG PRV-1SG.S-CV-ВЗЯТЬ-AOR
 ‘Я не брал книгу у Али’.

b. *ma Ali-s čitab-i mende-v-u-γ-i.*
 я Али-DAT книга-NOM AFF-1SG.S-CV-ВЗЯТЬ-AOR
 ‘Я точно взял книгу у Али’.

В осетинском языке, как уже было показано выше, между провербом и глагольным корнем могут появляться компоненты глагольно-именных комплексов, энклитики, а также элемент *-sæj-*, выражающий длительность ситуации или недостижение ею предела (см. подробнее § 5.2), ср. *ra-sæj-zærdta* ‘начал было’ [Левитская 2004: 30]. Поскольку данный показатель, в отличие от прочих энклитик, не может занимать никакую иную позицию в предложении, кроме как после проверба, в дальнейшем я буду трактовать его как префикс.

Наиболее сложная ситуация наблюдается в адыгейском языке, где представлена многоуровневая система выражения глагольной ориентации (см., в частности, [Paris 1995; Мазурова 2009]; ниже следующее описание может быть, *mutatis mutandis*, экстраполировано и на другие западнокавказские языки). Глагольные пространственные значения выражаются по крайней мере при помощи трёх групп морфем: суффиксов, обозначающих ориентацию активного действия (движение по направлению к ориентиру или от него, вокруг ориентира, а также «гравитационные» значения ‘вниз’ и ‘вверх’, см. [Smeets 1984: ch. 9]), большого числа локативных префиксов, основная функция которых — специфицировать с разной степенью детализации пространственные и некоторые другие характеристики ориентира,

и дейктического префикса *qe-*, обозначающего направленность действия к говорящему или дейктическому центру. Элементы указанных трёх множеств показателей могут сочетаться между собой в одной глагольной словоформе; в ряде случаев наличие одного из них, например, преверба, может требовать наличия другого, например, суффикса. Широко распространена и лексикализация.

Адыгейские превербы (как локативные, так и дейктический) занимают срединную позицию в морфологической структуре словоформы, допуская, чтобы префиксы других семантических групп выступали как дальше от корня, так и ближе к корню. Более того, локативные превербы могут быть отделены другими показателями и от дейктического префикса *qe-*. Несколько упрощённая схема префиксальной зоны адыгейской глагольной словоформы приведена в табл. 2, ср. [Аркадьев и др. 2009: 42].

Табл. 2. Структура префиксальной части адыгейского глагола

–9	–8	–7	–6		
абсолютный лично-числовой показатель	директивный показатель <i>qe-</i>	показатели нефинитности	локативные превербы и аппликативные показатели		
–5	–4	–3	–2	–1	0
показатели косвенного объекта	показатель агенса	настоящее время («динамичность»)		каузатив	корень
		оптатив	отрицание		

Как видно из табл. 2, шестая по счёту от глагольного корня позиция в адыгейском языке предназначается не только для собственно пространственных показателей, но для более широкого класса аппликативных морфем, добавляющих к актантам структуры глагола участников с синтаксической ролью косвенного объекта, например, префиксов бенефактива *fe-*, комитатива *de-* или малефактива *š^we-*, см. [Летучий 2009]. Строго говоря, с чисто морфосинтаксической точки зрения локативные превербы ничем не отличаются от аппликативов, поскольку они также вводят косвенный объект, который может выражаться лично-числовым префиксом и / или именной группой в косвенном падеже, ср. (28а, б) с бенефактивным показателем и (29а, б) с локативным превербом *g^we-* ‘рядом’ (ср. [Рогава, Керашева 1966: 116]).

адыгейский

(28) а. *sə-p-f-e-wəc^we*

1SG.ABS-2SG.IO-BEN-PRS-встать
‘Я встаю для тебя’.

б. *a-xe-m s-a-f-e-wəc^we*.

TOT-PL-OBL 1SG.ABS-3PL.IO-BEN-PRS-встать
‘Я встаю для них’.

(29) а. *sə-b-g^w-e-wəc^we*

1SG.ABS-2SG.IO-PRV-PRS-встать
‘Я встаю рядом с тобой’.

б. *a-xe-m s-a-g^w-e-wəc^we*.

TOT-PL-OBL 1SG.ABS-3PL.IO-PRV-PRS-встать
‘Я встаю рядом с ними’.

Более того, даже на синхронном уровне вполне очевидно, что аппликативные показатели исторически восходят к пространственным: бенефактив *fe-* к превербу со значением конечной точки движения, комитатив *de-* к превербу, обозначающему замкнутое пространство, малефактив *š^we-* — к превербу с весьма специфическим значением ‘остриё, кончик’ [Мазурова 2009: 433–435, 438].

Тем самым вполне законен вопрос не только о позиции всей группы показателей, вводящих косвенный объект (включая сюда и превербы), но и о сочетаемости разных показателей этого типа между собою и их взаимной упорядоченности. Согласно полевым данным, отражённым в [Аркадьев и др. 2009: 43], позиция –6 может быть заполнена двумя и даже тремя показателями, которые не являются жёстко упорядоченными, причём изменение их взаиморасположения не влияет на значение, ср. (30а–с). Единственный запрещённый порядок — такой, при котором локативный преверб оказывается ближе к корню, чем бенефактивный (30d) [Ibid.]

адыгейский

(30) а. *š’ə-də-fe-k^wa-κ*

PRV-COM-BEN-ИДТИ-PST
‘Он там для него с ним пошёл’.

б. *də-š’ə-fe-k^wa-κ*

COM-PRV-BEN-ИДТИ-PST

с. *š’ə-fə-de-k^wa-κ*

PRV-BEN-COM-ИДТИ-PST

d. **ʃe-də-ʃ'a-kʷa-v*
 BEN-COM-PRV-идТИ-PST
 '≈30a'

2.3. ВОЗМОЖНОСТЬ «ИТЕРАЦИИ» ПРЕВЕРБОВ

Обсуждение возможности появления в глагольной словоформе нескольких (необязательно одного и того же, но необязательно и разных) превербов одновременно напрямую связан с признаком, который будет рассмотрен в следующем разделе, а именно с более дробной классификацией системы превербов и выделением внутри неё синтагматически сочетающихся друг с другом рядов парадигматически противопоставленных единиц⁵. Как мне представляется, говорить об итерации превербов или множественной префиксации можно лишь в том случае, когда чёткая субкатегоризация множества превербов оказывается невозможной или по крайней мере выходящей за пределы чисто морфологических критериев.

В этом смысле балтийские [Эндзелин 1906/1971: 541] и венгерский [Rounds 2001: 65] языки, в которых за единичными лексикализованными исключениями появление в глаголе двух превербов невозможно⁶ (впрочем, о новейших тенденциях в латышском языке см. ниже), с одной стороны, и с другой стороны, грузинский [Vogt 1971: 172–180] и прочие картвельские языки [Deeters 1930: 13–18; Rostovtsev-Popiel 2012: ch. 2], где превербы чётко делятся на две группы, причём члены разных групп свободно сочетаются друг с другом, а члены каждой из групп по отдельности исключают друг друга, являют собою примеры языков без множественной превербации.

Более сложная ситуация представлена в славянских языках, в частности, в русском. Как показано в ряде работ последнего десятилетия (см. обзор и библиографию в статье [Татевосов 2009]), в славянских

⁵ Ср. в связи с этим недавние работы [Imbert 2008, 2010] о множественной превербации в древнегреческом и [Parke 2010] об аналогичном явлении в классическом санскрите.

⁶ Правда, в венгерском возможна редупликация преверба, «придающая глаголу значение беспорядочного повторения действия» [Майтинская 1959: 178; Ackerman 2003: 19–27], ср. *vissza-visszanéztem* 'я то и дело оглядывался', при *visszanéz* 'оглянуться', букв. 'назад смотреть'. Другой возможный случай появления при глаголе двух превербов — конструкции, выражающие разнонаправленное движение [Szende, Kassai 2007: 262]: *ki-be sétál* 'гуляя, входит и выходит'. Эмфатическая итерация преверба, причём с постпозицией, отмечалась в дигорском осетинском [Исаев 1966: 84]: *ni-ffinsaj=ni* 'напиши-ка, напиши!'

языках можно выделить по меньшей мере две группы префиксов, различающихся своими семантическими, синтаксическими и сочетаемостными свойствами: «внутренние» и «внешние» префиксы (ср. деление приставок на «квалификаторы» и «модификаторы» в работе [Исаченко 1960: 222–224]). Одной из характеристик «внутренних» префиксов является то, что они находятся ближе всего к корню и выступают в словоформе в единственном экземпляре; напротив, «внешние» префиксы могут присоединяться как к «внутренним», так и к уже имеющимся в глаголе «внешним» префиксам, ср. такие реально зафиксированные формы как *до-пере-за-писать*, где *за-* — «внутренний» префикс с некомпозициональным значением, а *пере-* и *до-* — «внешние» префиксы повторности и комплетива, присоединяющиеся в соответствии со своей сферой действия, ср. *пере-до-за-писать*, где выражается повторное завершение действия ‘записать’ [Татевосов 2009: 93–94].

Тем не менее, членение системы префиксов в русском и других славянских языках на два класса (с возможным более дробным подразделением «внешних» префиксов, см. [Татевосов 2009: 96–97]) очевидно является лишь функционально-семантическим (см. § 3.2), а не морфологическим. Действительно, в качестве «внешнего» или «внутреннего» можно классифицировать не сам префикс во всём множестве его употреблений, а лишь префикс в данном значении. Так, в *набрать номер* префикс *на-* является «внутренним», а в *набрать целое лукошко грибов* — «внешним». Аналогично, пространственное употребление префикса *под-* в глаголе *подложить* — «внутреннее», а аттенуативное в *подустать* — «внешнее» и т. д. Таким образом, в соответствии с принятой здесь терминологией славянские языки можно классифицировать как обладающие развитой множественной превербацией (см. об этом, в частности, [Ройзензон 1974]).

В связи с этим большой интерес представляет вопрос о причинах отсутствия множественной превербации в литовском языке (ср. [Paulauskas 1958: 418–419]), система превербов в котором обнаруживает значительные черты сходства со славянскими и где, наряду с типичными пространственными или перфективирующими употреблениями префиксов, аналогичными славянской «внутренней» префиксации, имеются и употребления префиксов, напоминающие славянскую «внешнюю» префиксацию, например, делимитативное и репетитивное. Тем не менее итерация превербов в литовском, по крайней мере в его литературном варианте, ограничена редкими случаями присоединения второго префикса к глаголу, в котором первый префикс лексикализовался настолько, что синхронно практически не выделяется,

ср. лит. *per-par-duoti* ‘перепродать’, *iš-par-duoti* ‘распродать’, где морфемная граница между префиксом *par-* и основой является условной.

В отличие от литовского, в латышском языке итерация превербов возможна, хотя и весьма ограничена. Согласно данным работы [Notiguchi 2015], делимитативно-аттенуативный преверб *pa-* может присоединяться к глаголам с лексикализованными префиксами, ср. *meklēt* ‘искать’ → *iz-meklēt* ‘расследовать’ → *pa-iz-meklēt* ‘порасследовать’ и целый ряд других подобных образований, которые, насколько можно судить, являются для современного языка не вполне нормативными (грамматика [Bergmane et al. 1959: 344–345] отвергает их существование, а в новой грамматике [Nītiņa, Grigorjevs (red.) 2013] множественная префиксация, насколько я могу судить, вовсе не упоминается). Тем не менее такие формы встречаются, например, в газетных текстах, на материале которых написана цитируемая выше статья Д. Хоригути; в литовском языке, насколько я могу судить, даже столь ограниченное использование префикса *pa-* в качестве «внешнего» не допускается.

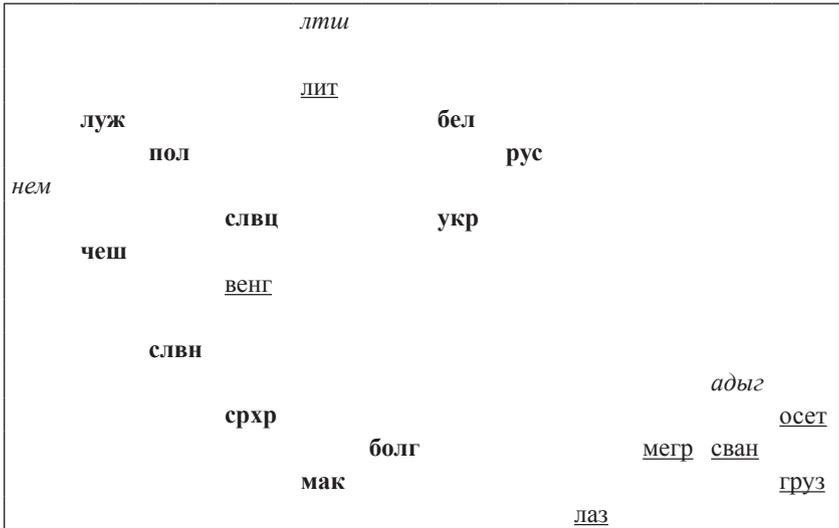
В осетинском языке итерация превербов наблюдается лишь в очень ограниченном числе случаев, в частности, при образовании делимитативных глаголов с превербом *a-* от парных глаголов разнонаправленного действия с разрывным комплексом превербов *ra-... ba-* (о последних см. [Стойнова 2005]), ср. следующие примеры из статьи [Цомартова 1987: 86]: *bærən* ‘ползать’, *rabər-babər kænən* ‘ползать туда-сюда’, *a-rabər-babər kænən* ‘поползать туда-сюда’. Присоединение префикса *a-* «поверх» префикса *ra-* в данном случае делается возможным потому, что парные «двунаправленные» глаголы оформляются как уже упомянутые выше глагольно-именные комплексы со вспомогательным глаголом *kænən* ‘делать’, т. е. в данном случае мы имеем дело, строго говоря, не с двойной глагольной префиксацией, а с присоединением глагольного префикса к содержащему преверб отглагольному имени⁷.

Итерация локативных превербов возможна и в адыгейском языке, ср. многочисленные примеры, приведённые в [Рогава, Керашева 1966: 129–135], например, квазисинонимичные последовательности превербов *λə-* ‘вслед’ и *č'e-* ‘нижняя часть, под’: *č'e-λə-k'e-n* ‘идти следом’ [Ibid.: 130] и *λə-č'e-č'ə-n* ‘выйти вслед за кем-либо’ [Ibid.: 131].

⁷ Отмечу, что при данном условии множественная префиксация возможна и в литовском, ср. глагол *pa-pa-sakoti* ‘рассказать’, где вхождения префикса *pa-* отделены друг от друга номинализацией и последующей вербализацией: *sakyti* ‘говорить, сказать’ → *pa-sakyti* ‘сказать, произнести’ → *pasaka* ‘рассказ’ → *pasakoti* ‘рассказывать’ → *pa-pasakoti* ‘рассказать’.

Географическое распределение итерации превербов в исследуемых языках приведено на рис. 4.

Рис. 4. Итерация превербов

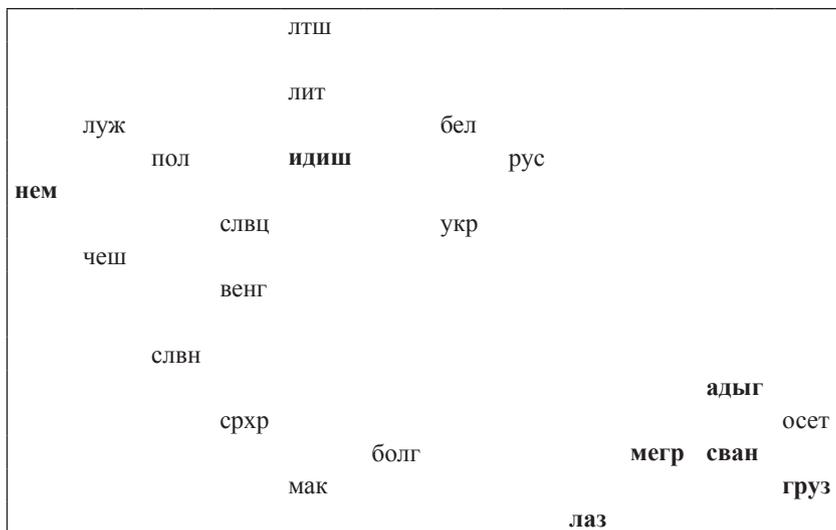

итерация возможна и продуктивна; *итерация* ограничена; итерация невозможна.

2.4. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СУБКТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕВЕРБОВ

В ряде языков множество собственно превербов оказывается возможным разбить на несколько подмножеств не в результате применения сложных функциональных соображений (как в случае со славянскими «внешними» и «внутренними» приставками), а пользуясь морфологическими и дистрибутивными критериями. Наиболее известный пример такого деления — уже упомянутое противопоставление отделяемых и неотделяемых префиксов в германских языках (впрочем, с той очевидной оговоркой, что один и тот же префикс может в зависимости от значения быть как отделяемым, так и неотделяемым). Ниже я остановлюсь на несколько менее известных случаях. Поскольку морфосинтаксическая субкатегоризация превербов почти неизбежно коррелирует с функционально-семантическими противопоставлениями, обсуждение в этом разделе будет частично пересекаться с материалом § 3.2. Географическая дистрибуция морфологической субкатегоризации превербов приведена на рис. 5.

Рис. 5. Морфологическая субкатегоризация превербов

превербы делятся на морфологические подклассы.

Выше (§ 2.2) уже было отмечено, что в адыгейском языке по чисто позиционным основаниям дейктический преверб *qe-* ‘по направлению к говорящему’ следует отделять от локативных превербов. Вообще, забегая вперёд, отмечу, что именно дейктическое измерение является наиболее частым источником субкатегоризации превербов. Помимо адыгейского, выделение превербов с дейктическими компонентами значения в отдельный морфологический класс наблюдается в картвельских языках. В грузинском языке преверб *то-* ‘по направлению к говорящему’ может присоединяться к локативному префиксу, ср. (31), а антонимичный преверб *ти-* ‘по направлению от говорящего’ (31a) не сочетается с локативными превербами, которые по умолчанию выражают дейктическое значение удаления.

грузинский [Aronson 2005: 93–94]

- (31) a. *mi-di-s* *to-di-s*
 PRV.DIR-идти-PRS.3SG PRV.DIR-идти-PRS.3SG
 ‘идёт отсюда’ ‘идёт сюда’
- b. *a-di-s* *a-to-di-s*
 PRV.LOC-идти-PRS.3SG PRV.LOC-PRV.DIR-идти-PRS.3SG
 ‘идёт вверх (от говорящего)’ ‘идёт вверх (к говорящему)’

c. <i>še-di-s</i>	<i>še-mo-di-s</i>
PRV.LOC-ИДТИ-PRS.3SG	PRV.LOC-PRV.DIR-ИДТИ-PRS.3SG
‘идёт внутрь (от говорящего)’	‘идёт внутрь (к говорящему)’

Весьма похожая система наблюдается в немецком языке, где наряду с превербами, специфицирующими ориентацию действия (*ab-* ‘сверху вниз’, *ein-* ‘внутри’, *aus-* ‘изнутри’ и др.), имеется два преверба, занимающих позицию перед локативными и выражающих значения ‘по направлению к говорящему’ (*her-*) и ‘по направлению от говорящего’ (*hin-*), см. например [Rousseau 1995a: 156–157]. Отличие немецкой системы от грузинской состоит в обратном взаиморасположении локативных и дейктических морфем (в грузинском локативы предшествуют дейктическому превербу, а в немецком — следуют за ним), в факультативности последних, а также в отсутствии в немецком запрета на сочетание локатива с превербом удаления от говорящего, ср. (32).

немецкий [LGDF 1993]

(32) a. *her-ab-fallen* ‘падать сюда сверху вниз’

b. *her-aus-bringen* ‘выносить сюда’ vs. *hin-aus-bringen* ‘выносить отсюда’

c. *her-über-gehen* ‘переходить сюда через что-либо’

d. *hin-auf-gehen* ‘уходить отсюда вверх’

e. *hin-unter-stoßen* ‘столкнуть отсюда вниз’

Более сложная ситуация наблюдается в идише, где эквиополентной оппозиции немецких дейктических превербов *her* и *hin* соответствует привативная оппозиция, маркированный член которой (преверб *ar-*, присоединяющийся, как и его немецкий когнат *her-*, слева от локативного префикса) утратил собственно дейктическое значение и служит скорее для противопоставления непространственных, как правило, сильно лексикализованных, и композиционных пространственных значений, ср. примеры из работы [Gold 1999: 9–10]: *oys-gehn* ‘умереть’ (букв. ‘выйти’) vs. *ar-oys-gehn* ‘выйти’, *ayn-shteln* ‘основать’ (букв. ‘вставить’) vs. *ar-ayn-shteln* ‘вставить’. О противопоставлении префиксов с *ar-* и без *ar-* на примере превербов *iber-* и *ar-iber-* см. статью [Weissberg 1991: 191–195]; так, в частности, преверб *iber-* может выражать возникшие под влиянием пол. *prze-*, вост.-слав. *nepe-* значения повторного (например, *iber-lernen* ‘переучиваться’) или избыточного (например, *iber-saltsn* ‘пересолить’) действия, отсутствующее у сложного преверба *ar-iber-* [Ibid.: 192–193].

В сванском языке также чётко противопоставлены две группы превербов [Schmidt 1991: 505–506; Tuite 1997: 23; Hewitt 2004: 287; Rostovtsev-Popiel 2012: 42–50]: сильнее морфологизованные «внутренние», располагающиеся ближе к глагольному корню, и скорее сходные с клитиками «внешние», идущие перед «внутренними». Из «внутренних» превербов два имеют дейктические значения: *an-* ‘по направлению к говорящему’ vs. *ad-* ‘по направлению от говорящего’, ср. *anaskine* ‘он(а) прыгнул(а) сюда’ vs. *adaskine* ‘он(а) прыгнул(а) туда’ [Tuite 1997: 23]. «Внешние» же превербы выражают путь движения: *sga-* ‘внутри’, *ka-* ‘наружу’, *ži-* ‘вверх’, *ču-* ‘вниз’ [Ibid.].

Весьма сложные многоуровневые системы превербов представлены в картвельских языках занской группы — мегрельском и лазском, см. [Hewitt 2004: 284–315; Rostovtsev-Popiel 2012: ch. 2]. В мегрельском языке, согласно [Rostovtsev-Popiel 2012: 51], имеется семь простых и 25 сложных превербов, причём сложные превербы не являются тривиальными комбинациями простых ни в морфологическом, ни в семантическом отношении, ср. табл. 3 [Ibid.: 52, 54].

Табл. 3. Простые и сложные превербы мегрельского языка

простые	сложные ⁸			
<i>e-</i> ‘вверх’	<i>gV⁹-no-</i>	<i>mV-no-</i> ‘внутри’	<i>V-no-</i> ‘внутри и вниз’	<i>ḱV-no-</i> ‘в замкнутом пространстве’
<i>ge-</i> ‘вверх’	<i>gV-la-</i> ‘вверх/вниз’	<i>mV-la-</i> ‘оттуда’	<i>V-la-</i> ‘вниз’	<i>ḱV-la-</i>
<i>go₁-</i> ‘вниз’	<i>gV-ko-</i> ‘около’	<i>mV-ko-</i> ‘около’	<i>V-ko-</i> ‘около и вверх’	
<i>go₂-</i> ‘наружу’	<i>gV-to-</i> ‘наружу’	<i>mV-to</i> ‘внутри и под’	<i>V-to-</i>	
<i>do-</i> ‘вниз’	<i>gV-ša-</i> ‘наружу’	<i>mV-ša-</i> ‘внутри’	<i>V-ša-</i> ‘внутри’	
<i>to-</i> ‘сюда’	<i>gV-ço-</i> ‘от’	<i>mV-ço-</i> ‘наружу/вперёд’	<i>V-ço-</i> ‘наружу/вперёд’	
<i>te-</i> ‘туда’	<i>gV-to-</i>		<i>V-to</i>	
	<i>gV-ma-</i> ‘вниз’			
		<i>mV-da-</i> ‘отсюда’		

⁸ Превербы, при которых не указан перевод, не имеют чётко выраженного пространственного значения (А. А. Ростовцев-Попель использует обозначение “versatile”).

⁹ Гласный в превербах чаще всего является переменным и зависит от морфологического окружения [Rostovtsev-Popiel 2012: 54].

Кроме того, в сложных провербах посредством чередования гласных /i/ и /u/ в первом компоненте выражаются действительские противопоставления [Rostovtsev-Popiel 2012: 59–61], ср. *mi-no-rt* ‘он ушёл отсюда’ vs. *mu-no-rt* ‘он пришёл сюда’, *ku-no-xe* ‘сидит в углу здесь’ vs. *ki-no-xe* ‘сидит в углу там’.

Во многом сходная система провербов представлена в диалектах лазского языка, см. [Rostovtsev-Popiel 2012: 62–67] о вицском диалекте, [Öztürk, Pöchtrager 2011: 99–108] об агинском диалекте, [Lacroix 2009: 401–432] об архавском диалекте и [Kutscher 2003, 2011] об ардешенском диалекте. В лазском несколько более прозрачной, чем в мегрельском, является связь между простыми и сложными провербами — последние образуются добавлением к некоторым из простых одного из пяти показателей, которые, однако, не имеют фиксированного значения.

2.5. Синхронная «ЭТИМОЛОГИЯ» ПРЕВЕРБОВ

Хорошо известно, что значительная часть приставок в славянских языках совпадает формально и обнаруживает определённые черты семантического сходства с первообразными предлогами¹⁰. Разумеется, соответствие между двумя классами морфем не является полным, ср. приставки *вы-* и *раз-*, которым не соответствует никакой предлог, и предлоги *без* и *к*, не имеющие отвечающих им приставок¹¹. Посмотрим, как в этом отношении обстоит дело в других языках рассматриваемого ареала.

В ближайших родственниках славянских языков — литовском и латышском — наблюдается картина, очень сходная со славянской. Так, у десяти из двенадцати приставок литературного литовского

¹⁰ Отдельного обсуждения (ср. замечания в § 3.1 о сохранении vs. утрате провербами пространственной семантики) заслуживает, разумеется, степень синхронной семантической связи между префиксами и соответствующими им предлогами или иными единицами (см., в частности, о семантических параллелях между русскими и чешскими предлогами и приставками [Shull 2000: 180–182]). Не имея возможности останавливаться на этом подробно, отмечу понятие «осиротевшего префикса» (*orphan prefix*), появившееся в работах [Dickey 2008; 2012: 20–22].

¹¹ Как известно, приставка *без-* в русском языке, в том числе в глаголах типа *безмолвствовать*, является именной, а не глагольной (указанный глагол — суффиксальное образование от существительного *безмолвие*, а не префиксальное от несуществующего глагола **молвствовать*).

языка имеются соответствия среди предлогов; правда, примерно для половины приставок соответствующие предлоги демонстрируют определённые формальные отличия, ср. такие пары как *ap-* и *apie* ‘о, об, вокруг’, *ni-* и *niuo* ‘с[верху], от’, *pa-* и *po* ‘по’, *pri-* и *prie* ‘к, при, около’, *pra-* и *pro* ‘через’ [Paulauskas 1958: 325; Petit 2011: 249 и др.]. В латышском языке ситуация примерно такая же [Эндзелин 1906/1971; Petit 2011], с тем дополнительным обстоятельством, что помимо предлогов превербы находят соответствия среди так называемых приглагольных наречий, о которых более подробно пойдёт речь в § 5.2.

Напротив, в картвельских языках многие превербы практически не имеют соответствий в других категориях морфем (об этимологии и происхождении картвельских превербов см. [Harris 2004; Rostovtsev-Popiel 2012: ch. 3]). Так, уже упоминавшиеся выше сванские «внутренние» превербы не имеют не только соответствий среди синхронно функционирующих единиц, но и сколько-нибудь ясной этимологии [Rostovtsev-Popiel 2012: 86]. Напротив, «внешние» превербы в сванском имеют соответствия среди послелогов и / или наречий [Gudjedjani, Palmaitis 1986: 93; Schmidt 1991: 497–498; Tuite 1997: 23; Rostovtsev-Popiel 2012: 43–44, 90–93, 98], ср. пример (33), где представлены омонимичные послелог и преверб.

сванский [Rostovtsev-Popiel 2012: 43]

- (33) *bepš* *laxw=xen* *lic=te=čü* *čü-a-čäd*.
 ребёнок(НОМ) гора=из река=к=вниз PRV-PRV-идти
 ‘Ребёнок спустился с горы к реке’.

В современном грузинском лишь отдельные превербы имеют явные когнаты среди неглагольных элементов, ср. преверб *ga-* ‘наружу’ и послелог *-gan* ‘из (материал, причина)’ [Aronson 2005: 42, 91], а также сложный преверб *ga-mo* ‘наружу сюда’ и послелог *gamo* ‘по причине’ (Я. Г. Тестелец, личное сообщение). Определённое сходство можно усмотреть также между превербом *da-* ‘вниз’ и послелогом *-dan* ‘из (пространство)’. В древнегрузинском языке, однако, наблюдалась ситуация, более сходная со славянской [Harris 2004; Rostovtsev-Popiel 2012: 94–96]: превербы были более многочисленны и многие из них могли употребляться также как наречия или послелого. Особенно интересно употребление дейктических показателей *mo* ‘по направлению к говорящему’ и *mi* ‘по направлению от говорящего’ в функции послелогов при местоимениях, соответственно, 1-го и 2-го лица, ср. пример (34):

древнегрузинский [Schanidse 1982: 163]

- (34) *čem.da-mo* *ga-lob-d-es,* *romel-n-i*
 я-сюда PRV-петь-IPFV-3PL.S который-PL-NOM
sumi-d-es *γvno-sa,* *xolo me v-iloc.ev-d*
 пить-IPFV-3PL.S вино-DAT но я 1SG.S-молить-IPFV
šen.da-mi.
 ты-туда
 ‘О мне ... поют в песнях пьющие вино, а я с молитвою моею в Тебе’
 (Пс. 68: 13–14).

Ср. также древнегрузинский пример (35) [Rostovtsev-Popiel 2012: 95] с параллельным употреблением одного и того же элемента *ze-da* ‘сверху’ в качестве преверба и послелогоа.

древнегрузинский

- (35) *zeda=mo-vid-e-s* *maxvil-i ... sisxl-i*
 сверху=PRV-идти-ОПТ-3SG.S меч-NOM кровь-NOM
m-is-i tav-sa=zeda m-is-sa i-ḡ-o-s.
 ТОТ-GEN-NOM голова-DAT=сверху ТОТ-GEN-DAT CV-быть-ОПТ-3SG.S
 ‘когда меч придёт [букв. низойдёт] кровь его будет на его голове’
 (Иез. 33: 3).

В осетинском языке у превербов на синхронном уровне нет вообще никаких «родственников» [Thordarson 1982: 257].

В венгерском языке превербы, в силу их слабой спаянности с глаголами и способности выступать автономно или полуавтономно в ряде контекстов, трудно отделить от наречий. Надо также отметить, что в качестве первых компонентов сложных глаголов, функционально сходных с собственно превербами, в венгерском языке способны выступать падежные формы существительных, ср. *végig-néz* ‘досмотреть до конца’ (*vég-ig* — форма терминатива от *vég* ‘конец’) или *félre-néz* ‘посмотреть в сторону’ (*fél-re* — сублатив от *fél* ‘половина, сторона’), а также послелогои и наречия, см. обсуждение в [Майтинская 1959: 173–176; 193–197; Rounds 2001: 79–81; Szende, Kassai 2007: 262–263] и в особенности специально посвящённую таким «непрототипическим» превербам статью [Ladányi 2000].

В немецком языке оказывается сложно провести границу между отделяемыми превербами, наречиями и предлогами — основные отделяемые превербы могут выступать также и в двух других функциях. Кроме того, в качестве отделяемых превербов могут употребляться прилагательные, ср. *trocken-legen* ‘осушать’ (букв. «сухой-класть»), собственно наречия, ср. *weg-laufen* ‘убежать прочь’

(«прочь-бежать»), существительные, ср. *rad-fahren* ‘ездить на велосипеде’ («велосипед-ездить») и даже глаголы, ср. хрестоматийный пример *kennen-lernen* ‘познакомиться’ (букв. «знать-выучить»)¹². Всё это указывает на то, что сама категория преверба в немецком языке (как и в венгерском) является гораздо более размытой, чем в славянских и балтийских, и находится ближе к относительно свободным синтаксическим комбинациям слов, нежели к чисто морфологическим операциям (см., например, [Rousseau 1995a; Müller 2002: ch. 7]).

В адыгейском языке немало превербов имеют соответствия среди существительных, обозначающих части тела или пространственные объекты [Рогава, Керашева 1966: 121–122, 126–127], ср. *pe-* ‘передняя часть’ и *pe* ‘нос’, *çe-* ‘нижняя часть, под’ и *çe* ‘дно’, *ʔ^wə-* ‘край, вход’ и *ʔ^wə* ‘рот’, *q^we-* ‘угол’ и *q^wew^wə* ‘угол’ и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный в данной главе материал заставляет сделать вывод о том, что даже в языках одного географического ареала превербы демонстрируют исключительное разнообразие формальных свойств, так что те или иные классификационные признаки принимают для них подчас все возможные значения. При этом, что, в принципе, неудивительно, морфологические свойства превербов в основном коррелируют с генетической принадлежностью языка, оказываясь не столь подверженными ареальным воздействиям (более строго это будет показано в главе 6). В следующей главе мы посмотрим, до какой степени простираются различия между языками в области семантики и функционирования превербов, и увидим, что здесь роль генетического родства оказывается менее значительной.

¹² Ср. не лишённое оснований сопоставление такого рода комплексов с сериальными конструкциями в работах [Rousseau 1995a: 186; 1995b: 390–391].

ГЛАВА 3

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕВЕРБОВ

В данной главе превербы в изучаемых языках будут рассмотрены с точки зрения выделенных в § 1.2 функционально-семантических параметров. Эти параметры в основном являются аспектуально-ориентированными, что оправдано в свете основной цели моего исследования — дать типологическое описание категории префиксального перфектива. Разумеется, я не ставлю перед собою задачу сколько-нибудь подробно охарактеризовать значения превербов в рассматриваемых языках. Напротив, я попытаюсь выявить — с неизбежными упрощениями и огрублениями — значимые функционально-семантические признаки, по которым различаются превербы в языках восточноевропейского ареала.

3.1. ИСХОДНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕВЕРБОВ

Под «исходными» я понимаю здесь значения, которые могут быть приписаны превербам в качестве базовых в результате синхронного анализа, а не только этимологически. Учитывая, что в определении превербов в § 1.1 эксплицитно указана их связь с пространственными значениями, данный вопрос в каком-то смысле сводится к установлению конкретного типа пространственного значения, выражаемого превербами в сочетании с предикатами, обозначающими пространственные отношения (локализацию и движение). Разумеется, этим вопрос не ограничивается, поскольку во многих случаях морфемы, с функциональной точки зрения тождественные или близкие превербам, могут не иметь (по крайней мере на синхронном уровне) собственно пространственного значения. В данном разделе я остановлюсь на обоих типах значений глагольных префиксов.

Говоря о пространственных значениях, выражаемых превербами, необходимо различать несколько их разновидностей. Начиная с работ Л. Талми [Talmy 1985; 2000: ch. 3; 2007], принято различать

такие параметры ситуации движения, как путь или траектория (Path), свойства ориентира (Ground) и свойства движущегося объекта или траектора (Figure). В работе [Плунгян 2002] признак траектории вполне оправданно подразделяется на локализацию и ориентацию, а также предлагается противопоставлять относительную (ориентир является переменным и задаётся контекстом) и абсолютную (ориентир однозначно задаётся значением морфемы) разновидности ориентации, причём в рамках последней выделяются следующие подтипы: предметные (ориентация по отношению к некоторому выделенному объекту, например, 'домой'), гравитационные ('вверх', 'вниз'), антропоцентрические (по отношению к телу человека) и дейктические (по отношению к участникам речевого акта). Подробное обсуждение и примеры этих значений см. в [Плунгян 2002: 74–82; 2011: 335–345].

В рассматриваемых здесь языках разные значения глагольной ориентации представлены с различной частотой. По-видимому, базовым для значительной части языков восточноевропейского ареала является значение ориентации движения относительно какого-либо контекстно заданного объекта, нередко совмещённое с теми или иными значениями из других областей данной семантической зоны (о «кумуляции» значений глагольной ориентации см. [Плунгян 2002: 82–88]). Так, русские глагольные приставки и их аналоги в других славянских языках специфицируют направление и / или путь движения и одновременно локализацию, ср. *вбежать* 'перемещение внутрь ориентира' vs. *выбежать* 'перемещение изнутри ориентира', *забежать (за)* 'перемещение за заднюю поверхность ориентира', *обежать* 'перемещение вокруг ориентира', *перебежать* 'перемещение через верхнюю поверхность ориентира', *пробежать* 'перемещение сквозь ориентир' и т. д. Наряду с ориентационными, в русском языке в отдельных случаях выражаются и гравитационные значения, ср. *спрыгнуть* 'перемещение вниз' или *взлететь* 'перемещение вверх'. Сходные системы представлены также в других славянских (ср., например, [Shull 2000] о чешском в сравнении с русским), балтийских и германских языках, в венгерском и в грузинском.

Выше уже была описана роль дейктического измерения в системах превербов немецкого и картвельских языков, где значения 'по направлению к говорящему' и 'по направлению от говорящего' выражаются при помощи отдельных показателей. Более сложная ситуация наблюдается в осетинском языке, где дейктические значения выражаются кумулятивно с ориентационными, а также имеется

отдельная подсистема гравитационных превербов, ср. табл. 4 [Абаев 1959: 650–651; Ахвледиани (ред.) 1963: 238–246]¹, ср. также [Tomelleri 2011: 71–73].

Табл. 4. Система превербов в иронском осетинском

	‘внутри’	‘вовне’	‘вниз’	‘вверх’	
‘сюда’	<i>ba-</i>	<i>ra-</i>	<i>ær-, sæ-</i>	ǰ-	
‘отсюда’	<i>ærba-</i>	<i>a-</i>	<i>nə-</i>		<i>fæ-</i>

Интересно, что осетинская система во многом сходна с современной грузинской (по крайней мере, эти две системы обнаруживают друг с другом больше сходств, чем любая из них с системами превербов, представленных в иных языках Кавказа, ср. [Ахвледиани 1960: 179–184; Thordarson 1982; Tomelleri 2011: 73]), ср. табл. 5 [Vogt 1971: 172–180].

Табл. 5. Система превербов в современном грузинском языке

		‘вниз’	‘вверх’	‘наружу’	‘внутри’	‘через’	‘вперёд’
‘сюда’	<i>mo-</i>	<i>ča-mo-</i>	<i>a-mo-</i>	<i>ga-mo-</i>	<i>še-mo-</i>	<i>gad-mo-</i>	<i>ča-mo-</i>
‘отсюда’	<i>mi-</i>	<i>ča-, da-</i>	<i>a-</i>	<i>ga-</i>	<i>še-</i>	<i>gada-</i>	<i>ča-</i>

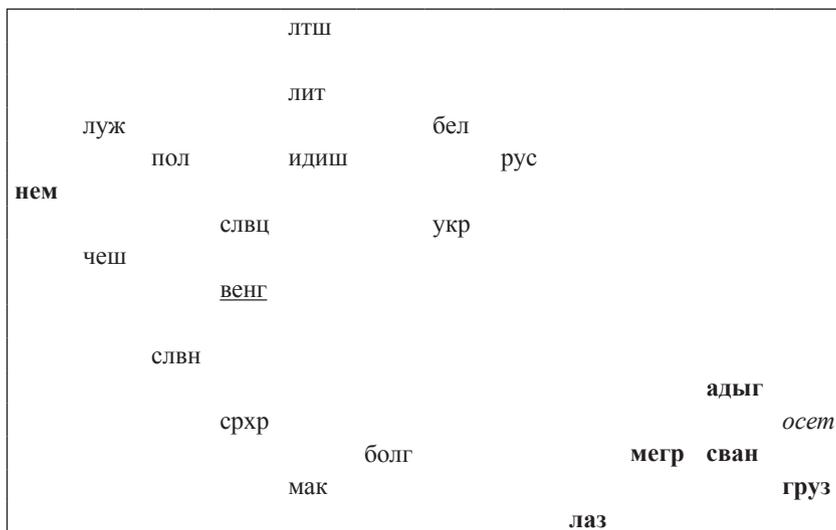
Как видно, грузинская система более последовательно, чем осетинская, выражает дейктическое противопоставление (что неудивительно, поскольку для этого в грузинском имеются отдельные от собственно ориентационных показатели), а также имеет более богатую систему ориентаций. Тем не менее, различия между осетинской и грузинской системами превербов скорее являются количественными, нежели качественными (по крайней мере в рассматриваемом отношении).

¹ Отмечу, что цитируемые описания не во всём совпадают друг с другом в трактовке превербов. В частности, в [Ахвледиани (ред.) 1963: 246] сообщается, что преверб *fæ-* «утерял совершенно своё былое пространственное значение», в то время как в [Абаев 1959: 651] говорится, что «преверб *fæ-* в динамических глаголах выражает движение прочь от говорящего в любых направлениях», т. е. является чисто дейктическим превербом. Согласно неопубликованной работе [Эршлер 2009], в иронском осетинском преверб *fæ-* действительно не имеет пространственного значения, а значение ‘движение от говорящего’, приписываемое ему В.И. Абаевым, выражает преверб *a-*. В дигорском диалекте превербы *is-*, *ra-* и *fæ-* не имеют дейктической ориентации [Исаев 1966: 83], что трактуется как инновация; впрочем, по сообщению Д. А. Эршлера, дигорский преверб *ra-* сохраняет значение ‘движение наружу или от дейктического центра’.

В венгерском языке дейктические значения выражаются на периферии системы превербов специализированными единицами местоименного происхождения *oda-* ‘туда, от говорящего’ и *ide-* ‘сюда, к говорящему’ [Майтинская 1959: 192]. Данные превербы входят в одну «парадигму» с локативными превербами, т. е. дейктическое и пространственное значения не могут быть выражены в венгерском одновременно. Ср. такие глаголы, как *odanézni* ‘взглянуть туда’ vs. *idenézni* ‘взглянуть сюда’ vs. *lenézni* ‘взглянуть вниз (вне зависимости от положения говорящего)’.

В славянских языках дейктические значения в чистом виде у превербов не грамматикализованы, однако дейктическое измерение играет значительную роль в их употреблении, сложным образом взаимодействуя с базовой пространственной семантикой приставок; см. об этом, в частности, [Shull 2000: 87–100]. Способы выражения дейктических значений в системах превербов картографированы на рис. 6.

Рис. 6. *Выражение дейктических значений*

дейктические превербы образуют отдельную подсистему и сочетаются с пространственными; *систематическое кумулятивное* выражение дейктических значений; *дейктические и локативные* превербы в рамках одной системы; дейксис систематически не выражается.

Система превербов литовского языка во многом сходна со славянской (хотя беднее в количественном отношении), выражая значения

относительной ориентации, однако один из её элементов является ярким исключением. Префикс *par-* употребляется как абсолютный пространственный показатель: с глаголами «горизонтального» движения он обозначает перемещение домой, ср. *parbegti* ‘прибежать домой’, *parnešti* ‘принести домой’, а с глаголами вертикального движения *par-* обозначает перемещение к земле, ср. *parblokšti* ‘бросить наземь’, *parshlysti* ‘поскользнувшись, упасть наземь’, ср. [Paulauskas 1958: 375–378]. Интересно, что латышский когнат этого префикса *pār-* имеет лишь значение ‘домой’ [Эндзелин 1906/1971: 599–600]².

Если в сравнительно компактной и закрытой системе, подобной литовской, преверб со значением ‘домой’ выглядит явным «аутсайдером», то в более размытой и практически открытой немецкой системе появление превербов типа *heim* ‘домой’ представляется вполне закономерным (см. представительный список немецких глаголов с данным отделяемым префиксом в [LGDF 1993: 452]). Помимо этого, в немецком имеется также и целый ряд непространственных превербов, например, *entzwei* ‘надвое’ (*entzweibrechen* ‘разбить на две части’), *mit-* ‘вместе’ (*mitspielen* ‘играть вместе’), *kaputt-* ‘разрушение’ (*kaputtschlagen* ‘ударив, разбить’) и др., ср. классификацию немецких превербов в работе [Rousseau 1995a: 132–141].

Отдельный интерес представляют в этой связи ещё не рассматривавшиеся здесь немецкие неотделяемые префиксы. В отличие от отделяемых превербов, они образуют замкнутый (с оговорками, см. ниже) и сравнительно немногочисленный класс и практически не имеют пространственных значений. Так, превербы *be-* и *ver-* служат в основном для изменения актантажной структуры глагола, в частном случае — транзитивизации (ср. *auf die Frage antworten* ~ *die Frage beantworten* ‘ответить на вопрос’; *schweigen* ‘молчать’ ~ *verschweigen* ‘замалчивать’, см. [Michaelis, Ruppenhofer 2001; Maylor 2002]); префикс *ge-* в основном используется в словоизменении и непродуктивен как средство образования глаголов; основное значение префикса *zer-* — ‘разрушительное воздействие’ (ср. *zerbrechen* ‘разбить вдребезги’, *zerreißen* ‘разорвать’). Из неотделяемых превербов более отчётливо пространственные компоненты значения сохраняет лишь *ent-*, обозначающий ‘удаление’ (*entströmen* ‘вытекать’,

² Развитая синхронная полисемия латышского преверба *pār-* возникла в результате контаминации различающихся в литовском прабалт. **par-* и **per-* [Karulis 1992: I, 19].

entnehmen ‘забрать’); аналогичное значение отмечается и у преверба *ver-*, но в качестве периферийного (*treiben* ‘гнать’ ~ *vertreiben* ‘изгнать’).

Известно, что морфемы, обычно функционирующие в немецком языке как отделяемые превербы, могут стать неотделяемыми при лексикализации и идиоматизации, т. е. в частном случае при приобретении ими значения, более абстрактного, чем пространственное. Ср. показательные примеры из [Donaldson 2007: 160]: *durchgehen* ‘пройти насквозь’ (прош. вр. *ging durch*) vs. *durchsuchen* ‘перерывать, обыскать’ (прош. вр. *durchsuchte*), ср. также [Rousseau 1995a: 146–147]. Такая двойственность, однако, наблюдается далеко не только с собственно пространственными превербами [Rousseau 1995a: 144], ср. глагол *bauch-reden* ‘чрево вещать’, который, согласно А. Руссо, ведёт себя двояко, образуя пассивное причастие и по модели непроемных глаголов (*gebauchredet*), и по модели глаголов с отделяемыми превербами (*bauchgeredet*)³.

Пространственные значения, выражаемые венгерскими превербами, помимо уже отмеченных выше дейктических, в целом сходны как со славянскими, так и с немецкими (см. [Майтинская 1959: 189–193; Szende, Kassai 2007: 269–282]); в качестве сходства с немецкой системой стоит отметить продуктивность гравитационных превербов *fel-* ‘вверх’ и *le-* ‘вниз’. Как и в немецком, границы системы превербов в венгерском в значительной мере размыты; выше уже было отмечено, что в качестве превербов могут выступать наречия и падежные формы имён, например, *szembe* ‘в лицо, навстречу’, ср. *szembejónni* ‘идти навстречу, встретить’ или *haza* ‘домой’, ср. *hazatenni* ‘вернуться’.

Совершенно иной тип пространственного значения выражают превербы западнокавказских языков (см. подробнее уже упоминавшуюся в связи с этим выше литературу). Если в балто-славянских или картвельских языках основным компонентом значения преверба является указание на путь движения или на его начальную или конечную точку, то в адыгских языках основная масса превербов, строго говоря, вообще не связана с движением, а характеризует ориентир, относительно которого локализуется или перемещается объект. Согласно

³ Справедливости ради стоит отметить, что в поисковой системе Google (по состоянию на 19 апреля 2014 г.) форма *gebauchredet* встретилась вне лингвистических контекстов 3 раза, а форма *bauchgeredet* — 12 раз. Интересно, однако, что обе формы отмечаются как нормативные в (разных!) интернет-словарях немецкого языка.

грамматике [Рогава, Керашева 1966: 115], «превербы... зависят от имен, выражающих место действия глагола», т. е. преверб выбирается в зависимости от топологических или иных характеристик ориентира, ср. (1) [Ibid.]:

адыгейский

- (1) а. *qəpce-xe-r* *sadə-m* *qə-d-e-č'e-x*.
 слива-PL-ABS сад-OBL PRV.DIR-PRV.LOC-PRS-расти-PL
 'Сливы растут в саду'.
- б. *hamçəjə-r* *gʷəbʷe-m* *q-j-e-č'e*.
 жито-ABS поле-OBL PRV.DIR-PRV.LOC-PRS-расти
 'Жито растёт в поле'.
- с. *qamələ-r* *werəzə-m* *qə-x-e-č'e*.
 камыш-ABS болото-OBL PRV.DIR-PRV.LOC-PRS-расти
 'Камыш растёт в болоте'.

Напротив, направление движения и само его наличие не влияет на выбор преверба; ориентация выражается при помощи суффиксов [Smeets 1984: ch. 9], ср. (2) [Рогава, Керашева 1966: 115]:

адыгейский

- (2) а. *š'agʷə-m* *de-s*.
 двор-OBL PRV.LOC-сидеть
 'Во дворе сидит'.
- б. *š'agʷə-m* *d-j-e-3-e*.
 двор-OBL PRV.LOC-3SG.A-PRS-бросать-LAT
 'Бросает во двор'.
- с. *š'agʷə-m* *d-j-e-3-ə*.
 двор-OBL PRV.LOC-3SG.A-PRS-бросать-ELAT
 'Бросает из двора'.

Адыгейские превербы выражают такие значения, как 'ограниченное пространство' (*de-*), 'замкнутое пространство' (*jə-*), 'гомогенная масса' (*xe-*), 'часть целого; боковое пространство' (*gʷe-*, *bʷə-*), 'внутреннее пространство' (*kʷeç-*), 'кончик' (*pə-*), 'верхняя поверхность' (*tje-*), 'пространство под' (*č'e-*, *çe-*), 'угол' (*qʷe-*) и др. (см. [Рогава, Керашева 1966: 114–135; Paris 1995: 350–351]). Лишь у части превербов семантика приближается к «восточноевропейскому стандарту» и связана с перемещением, ср. *ble-* 'мимо', *č'e-bʷə-* 'в сторону' и некоторые другие, в частности, уже упоминавшийся дейктический преверб *qe-* 'по направлению к говорящему'.

Отчасти сходные противопоставления выражаются в системе превербов лазского языка [Kutscher 2011]. Так, например, разные превербы выбираются в зависимости от типа ориентира-контейнера: преверб *dolo-* при контейнере с узким отверстием (3а), а преверб *že-* при контейнере с широким отверстием или вовсе без такового (3б).

лазский, ардешенский диалект [Kutscher 2011: 58]

(3) а. *mantari šiše dolv-o-ncoj.*
пробка бутылка PRV-CV-БЫТЬ.ВОТКНУТЫМ:PRS:3SG
'Пробка воткнута в бутылку'.

б. *oškuri tasi že-zun.*
яблоко таз PRV-лежать:PRS.3SG
'Яблоко лежит в тазу'.

Весьма детализирована в лазском и зона гравитационных значений, ср. *žeškebulur* 'я иду вниз' vs. *eškebulur* 'я иду вверх' vs. *meškebulur* 'я иду (по горизонтальной поверхности)' [Ibid.: 59–60].

Особо следует отметить случаи утраты превербами исходных пространственных значений. Наиболее яркий случай такого рода — судьба префикса **po-* в восточной части славянского ареала (в русском, украинском, белорусском, болгарском и македонском языках; об аспектуально-релевантном членении славянских языков на восточную и западную зоны см. ниже). Исходное значение данного префикса было связано с распространением действия по поверхности ориентира и сохраняется в таких древних дериватах, как *покрыть*, *помазать* или *позолотить*. В современном русском языке префикс *по-* в данном значении более не продуктивен, так же как и его болгарский аналог, см. [Dickey 2012]. Напротив, в западной части славянского ареала данный префикс продуктивен в пространственном значении, ср. чеш. *poprášit* 'присыпать' [Dickey 2008: 103; Shull 2000: 174–175] или хорв. *popljesniti* 'заплесневеть' [Dickey 2012: 16]⁴. Интересно в этой связи наблюдение С. Дики [Ibid.: 17] о представленной в славянских языках обратной корреляции между степенями продуктивности у префикса **po-* лексического значения 'контакт с поверхностью' и чисто аспектуального значения делимитативности.

⁴ Ср. наблюдение С. Шал [Shull 2000: 227–229] о том, что в чешском языке префиксы в большей степени тяготеют к пространственным значениям, в то время как в русском языке преобладают «абстрактные» интерпретации, причём даже в контекстах, допускающих пространственное прочтение, ср. чеш. *podmést* 'замести подо что-либо' vs. рус. *подмести* без локативной семантики.

Оба значения продуктивны лишь в польском языке, который по ряду признаков занимает промежуточное положение между восточной и западной «аспектуальными зонами» славянского ареала. В этой связи, возможно, неслучайно, что литовский когнат славянского **po-* также наряду с продуктивными аспектуальными функциями сохраняет пространственное значение, в первую очередь ‘контакт с нижней поверхностью ориентира’, ср. лит. *pakasti* ‘подрыть’.

3.2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СУБКТЕГОРИЗАЦИЯ ПРЕВЕРБОВ

О делении системы превербов на классы уже шла речь в § 2.4. Кратко напомним, что в изучаемых языках встречаются системы, где отдельным образом выражаются дейктические значения (немецкий, картвельские, адыгские), а также более редкие системы, подобные немецкой (отделяемые превербы с сильным пространственным компонентом vs. неотделяемые превербы с лексикализованными и более абстрактными значениями).

Несколько более подробного обсуждения заслуживает членение славянских превербов на «внутренние» и «внешние», упоминавшееся в § 2.3. Как уже было отмечено, это противопоставление коррелирует со способностью префикса присоединяться к уже имеющимся в составе словоформы приставкам, однако касается не собственно префиксов как морфологических сущностей, а отдельных их значений или употреблений. Ниже я привожу список свойств, характерных для «внешних» гесп. «внутренних» префиксов, опираясь на статью [Татевосов 2009: 100–113], см. также [Romanova 2004].

Во-первых, «внешние» (супралексические) префиксы, соединяясь с основой, дают предсказуемое композиционное значение, в отличие от «внутренних» (лексических) префиксов, значения которых весьма прихотливы и, хотя и допускают определённую систематизацию, не являются предсказуемыми и композиционными в той же мере, что и значения внешних префиксов. Яркий пример этого — поведение префикса *po-*, который в качестве «внешнего» префикса выражает делимитативное значение ‘ситуация ограничена во времени’ (*поспать*, *почитать книгу*, *попереписывать ноты*) и дистрибутивное значение ‘ситуация затрагивает множество актантов по очереди’ (*пооткрывать окна*). Значения же *po-* как лексического префикса, напротив, весьма абстрактны и, видимо, не могут быть исчерпывающим и убедительным образом

сведены воедино, ср. *построить дом, порезать руку, поставить точку, подумать, что пора возвращаться* и т. п. Именно «внутренние» префиксы образуют с основой идиоматические сочетания (*бить ~ убить, дать ~ продать* и т. п.).

Во-вторых, лексические префиксы, присоединяясь к основе, способны добавлять в модель управления отсутствовавшие у исходного глагола актанты либо менять ролевые характеристики уже имеющих актантов, ср. **работать много денег ~ заработать много денег; давить сок, *давить дыру, *давить ногу ~ выдавить сок, продавить дыру, отдавить ногу*. Супралексические префиксы, напротив, либо вовсе не способны оказывать влияния на актантную структуру, как делимитативный *по-*, либо определённым образом сужают валентностные способности глагола, но не могут расширять их, ср. кумулятивный *на-* [Татевосов 2009: 107–108]: *сверлить дырочку ~ сверлить стену vs. насверлить дырок ~ *насверлить стен*.

Наконец, важное различие между «внешними» и «внутренними» префиксами, вытекающее из того, что первые могут присоединяться ко вторым, но не наоборот, состоит в том, что лишь супралексические префиксы сочетаются с основами, содержащими показатель вторичного имперфектива *-ыва-*, ср. *вписать ~ вписывать ~ навписывать vs. *впереписывать* (о сочетаемостных особенностях «внешних» префиксов в русском языке см. [Татевосов 2013]).

Противопоставление лексических и супралексических префиксов, которое можно признать установленным для славянских языков⁵ (независимо от того, как его теоретически интерпретировать), кажется соблазнительным попытаться перенести на балтийские языки, обладающие системой превербов, во многом сходной со славянской. Положение осложняется тем, что, в отличие от славянских языков, литовский и латышский не были изучены с этой точки зрения (см., однако, упоминавшуюся выше статью [Horiguchi 2015] о предположительно «внешних» употреблении латышского делимитативно-аттенуативного *ра-*),

⁵ О множественной префиксации и в частности противопоставлении лексических и супралексических префиксов в других славянских языках см., например, [Ройзензон 1974] о славянских языках вообще и [Венедиктов 1955, 1976/2009; Istratkova 2004; Markova 2011] о болгарском, [Milićević 2004; Arsenijević 2006] о сербохорватском, [Žaucer 2009] о словенском, [Ройзензон 1963; Filip 2004; Součková 2004; Gehrke 2008: ch. 5] о чешском, [Wiland 2009: 61–71; Łaziński 2011] о польском. Интересные данные о множественной префиксации в русских говорах приведены в статье [Ровнова 2003: 277–281].

поэтому здесь я могу сделать лишь несколько самых предварительных замечаний на литовском материале.

Даже поверхностный взгляд на литовскую глагольную систему позволяет выделить употребления превербов, противопоставленные по степени композиционности сочетаний префикса и глагольной основы (о полисемии литовских превербов см. [Кожанов 2015]). Так, у литовского префикса *pa-*, наряду с лексикализованными и плохо предсказуемыми употреблениями вроде *pamatyti* ‘увидеть’, *parašyti* ‘написать; подписать’, *pastatyti* ‘построить’ и т. д., есть продуктивное делимитативное значение, ср. *pamiegoti* ‘поспать’, *pavaikščioti* ‘погулять’, *paskaityti knygą* ‘почитать книгу’ и т. д. У ряда других литовских префиксов также выделяются композиционные значения, возможно, менее продуктивные, чем у русских «внешних» префиксов. Аналогичным образом, в литовском есть употребления префиксов, меняющие актантную структуру глагола (ср. **eiti miestą* ‘*идти город’ ~ *apeiti visą miestą* ‘обойти весь город’), и, напротив, такие, которые не могут вводить новые актанты (тот же префикс *ap-* в значении ‘незначительное изменение состояния’, ср. *skobti* ‘киснуть’ ~ *apskobti* ‘немного прокиснуть’).

Тем не менее, несмотря на то, что с функциональной точки зрения употребления литовских префиксов можно распределить на группы, сходные с лексическими и супралексическими употреблениями славянских приставок, первые, как уже было сказано выше, не обладают наиболее ярким свойством последних — способностью присоединяться в несколько ярусов. Ни один из литовских «кандидатов» в супралексические превербы не может сочетаться с основой, уже содержащей префикс. Примеры вроде русских *позаписывать* или *навыверливать* в литовском языке не встречаются⁶. Выяснение причин этого важного различия между балтийскими и славянскими языками — задача отдельного исследования; не исключено, что свет на это может пролить и диахроническое изучение множественной префиксации и «внешних» префиксов и в собственно славянских языках.

⁶ В работе [Paulauskas 1958: 374–375, 419] отмечаются случаи употребления префикса *pa-* вместе с другими префиксами в некоторых восточных диалектах, однако он выступает там не в делимитативном значении, а при обозначении полного охвата действием множества объектов, ср. *pa-nu-mirė* ‘повымерли’. Такое употребление Й. Паулаускас объясняет влиянием белорусского языка. Подробнее см. об этом работу [Кожанов 2015].

3.3. ОГРАНИЧЕНИЯ НА СОЧЕТАЕМОСТЬ ПРЕВЕРБОВ

Во всех изучаемых языках превербы являются весьма продуктивными (разумеется, в рамках одного языка превербы и их отдельные значения могут отличаться друг от друга по степени продуктивности) и сочетаются с широкими классами глаголов (в идеале — со всеми глаголами⁷). Интересное исключение представляют собою так называемые медиальные глаголы грузинского языка (образующие гомогенный в формальном и отчасти и в семантическом отношении класс, см. [Holisky 1981a]), которые обозначают неопределённые процессы и систематически не сочетаются с превербами. Так, даже глаголы движения, входящие в этот класс, допускают лишь действительные превербы и наиболее абстрактный из локативных превербов *da-*, ср. *prinavs* ‘летит’, *mo-prinavs* ‘летит сюда’, *mi-prinavs* ‘летит отсюда’, *da-prinavs* ‘летает туда-сюда’. Для спецификации при помощи превербов пути движения используются дериваты этих глаголов, относящиеся к другому морфологическому классу и обозначающие предельные процессы, ср. *a-prindeba* ‘взлетает отсюда’, *še-mo-prindeba* ‘влетает сюда’ и т. п. [Vogt 1971: 134–135].

Похожее явление, хотя и с меньшей отчётливостью, можно наблюдать и в литовском языке. Здесь целый ряд глаголов, обозначающих состояния (например, *kaboti* ‘висеть’, *norėti* ‘хотеть’) или неопределённые процессы (например, *verkti* ‘плакать’, *šlamėti* ‘шелестеть’), наряду с морфологически регулярными префиксальными производными (ср. *iš-kaboti* ‘провисеть <какое-то время>’, *pa-norėti* ‘захотеть’, *ap-verkti* ‘оплакаться’, *su-šlamėti* ‘зашелестеть’) имеет также (нередко более употребительные) префиксальные корреляты, отличающиеся степенью корневого вокализма и / или типом спряжения⁸. Эти глаголы в своей массе обозначают начало процесса или состояния, выраженного беспрефиксальным предикатом, ср. *pa-kabti* ‘повиснуть’, *pa-norti* ‘захотеть’, *pra-virkti* ‘заплакать’, *su-šlamti* ‘зашелестеть’. Более подробно об этих соотношениях см. [Аркадьев 2010; Arkadiev 2013]. Неслучайным представляется то, что и в грузинском, и в литовском ограничения на сочетаемость с превербами демонстрируют именно ингерентно неопределённые глаголы⁹.

⁷ Здесь и далее я отвлекаюсь от способности превербов вербализировать неглагольные основы, т. е. от случаев вроде рус. *безопасный* → *о-безопас-ить*.

⁸ Стоит отметить, что значительная часть таких основ вообще не употребляется без префиксов, по крайней мере в литературном языке.

⁹ Подробнее о типологических сходствах между лексико-семантическими характеристиками грузинских и литовских глагольных классов см. [Аркадьев 2006; Arkadiev 2008a].

В адыгских языках без ограничений сочетаются с превербами лишь глаголы, обозначающие статическое положение в пространстве и направленное движение. Все остальные глаголы, обозначающие динамические ситуации, при сочетании со специализированным пространственным превербом также обязательно присоединяют один из описанных выше директивных суффиксов, выражающих пространственную ориентацию ситуации [Smeets 1984: 439]. Единственный преверб, для которого не действует такое ограничение, — обобщённый локативный преверб *š'ə-*, выражающий локализацию в самом абстрактном смысле. Ср. следующую пару примеров из работы [Ломизе, Пономарёва 2010]; употребление специализированного преверба *tje-*, обозначающего локализацию на поверхности ориентира, возможно лишь при наличии директивного суффикса (4b).

адыгейский

(4) a. *baze-r* *depqə-m* *š'ə-pšə-š'əv.*

муха-ABS стена-OBL PRV-ПОЛЗТИ-IPFV

‘Муха ползла по стене’ (локализация динамической ситуации).

b. *baze-r* *he-m* *ə-šhe* *tje-pšə-ha-v.*

муха-ABS собака-OBL 3SG.POSS-ГОЛОВА PRV-ПОЛЗТИ-LAT-PST

‘Муха взобралась на голову собаки’ (ориентация динамической ситуации).

Как видно, и в адыгейском языке для употребления преверба необходимо, чтобы глагол обозначал предельную ситуацию.

3.4. ХАРАКТЕРИСТИКИ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ПРЕВЕРБОВ

Вопрос об аспектуальных функциях превербов является центральным для настоящего обсуждения и связан с целым рядом проблем, касающихся характеристик как превербов самих по себе, так и префиксальных глаголов и целых глагольных систем.

Необходимо сразу оговориться, что, в соответствии со сказанным в § 1.3, здесь под аспектуальными функциями понимается влияние превербов на способность глаголов обозначать ситуации определённых типов (состояния, процессы, события, т. е. изменения состояния), на интерпретации их временных форм и / или сочетаемость с определёнными видами обстоятельств. Иными словами, рассматривается воздействие превербов на акциональные характеристики глаголов, т. е. на их лексические аспектуальные свойства (Т-категорию

по [Падучева 2004а], акциональный класс по [Татевосов 2005], eventuality type по [Filip 1999]). Напротив, вопрос об участии превербов в образовании грамматических аспектуальных категорий, подобных, например, славянскому виду, в данном разделе вообще не ставится, поскольку, по моему убеждению, он лежит в совершенно иной плоскости и лишь опосредованно соотносится с семантикой и функционированием превербов (см. обсуждение этой проблематики на материале литовского языка в [Аркадьев 2008а]; ср. также [Майсак 2005: 303–304]).

В разных языках восточноевропейского ареала разные аспектуальные функции характерны для превербов в разной степени. Так, в адыгейском языке, как и вообще в языках северокавказской семьи (за исключением табасаранского, см. § 7.3), пространственные превербы не оказывают воздействия на акциональные характеристики предикатов [Татевосов 2000]. Исключением здесь является адыгейский дейктический преверб *qe-* ‘по направлению к говорящему’: в сочетании с некоторыми стативными и неопредельными глаголами он имеет начинательное значение, ср. *wəzən* ‘болеть’, *кən* ‘плакать’ vs. *qe-wəzən* ‘заболеть’, *qe-кən* ‘заплакать’. Кроме того, с глаголами способа движения (‘идти’, ‘бежать’ и т. п.) преверб *qe-* обозначает направленность к определённой конечной точке и тем самым телисизирует эти глаголы, превращая их из неопредельных в предельные (подробнее см. [Аркадьев 2008б; 2009б: 235]), ср. примеры (5а), где даже в присутствии эксплицитного указания на конечную точку глагол движения имеет характерную для неопредельных глаголов ингрессивную интерпретацию, и (5б), где дейктический преверб сообщает ему предельное прочтение (‘цель достигнута’):

адыгейский

(5) а. *č'ale-r* *wəne-m* *ča-ke.*
 парень-ABS дом-OBL бежать-PST
 ‘Парень побежал в дом’.

б. *č'ale-r* *wəne-m* *qe-ča-k.*
 парень-ABS дом-OBL DIR-бежать-PST
 ‘Парень прибежал в дом’.

Тот факт, что в адыгейском языке именно дейктический префикс, обозначающий направленность действия в сторону говорящего, приобретает аспектуальное значение, не случаен: показатели, имеющие в своей семантике указание на конечную точку движения, вообще склонны развивать значения, связанные с предельностью (см., например,

[Майсак 2005: 370]); собственно, именно так ведут себя адыгейские директивные суффиксы. Напротив, в свете сказанного выше о семантике адыгейских локативных превербов, неудивительно, что они не меняют акциональных свойств глагола — характеристики ориентира, относительно которого разворачивается ситуация, не могут оказывать никакого значимого влияния на её протекание во времени.

Отчасти сходная, хотя и более сложная ситуация наблюдается в немецком языке. Многие превербы, как отделяемые, так и неотделяемые, определённым образом специфицируют способ достижения ситуацией предела либо возникающее в результате состояние. Так, глагол *brechen* ‘разбить’ с превербом *zer-* означает ‘разбить вдребезги’. В данном случае говорить о собственно аспектуальном значении преверба, видимо, нельзя. Однако в аналогичной паре *schlagen* ‘ударить, бить’ ~ *zerschlagen* ‘разбить на части ударом’ преверб не просто конкретизирует предел действия, а вводит его, т. е. меняет акциональную характеристику глагола, телисизирует его (см. также ниже). Важное отличие немецкой системы от славянских и балтийских состоит в том, что телисизирующей функцией обладают лишь некоторые превербы (например, *er-* и *ver-*, см. [Stiebels 1996: 72–77]), а функция перфективации, т. е. превращение глагола в терминативный, обозначающий реальное достижение предела, немецким префиксам в целом не свойственна.

На другом «полюсе» находятся славянские и балтийские языки, а также грузинский и осетинский, где превербы, за редкими и, как правило, лексикализованными исключениями, обладают ярко выраженной перфективирующей функцией. Простые глаголы в этих языках обычно обозначают ситуации либо вовсе неопредельные (‘ходить’, ‘спать’), либо потенциально предельные (‘бежать’, ‘строить’): эти ситуации по своей природе направлены на достижение некоторого конечного результата, однако этот результат не может быть выражен при помощи простого глагола. Превербы используются как раз для указания на достижение потенциально предельной ситуацией результата, на актуализацию предела (‘прибежать’, ‘построить’). В сочетании с глаголами, не имеющими такого потенциального, или ингерентного, предела, превербы либо сообщают глаголу актуальную предельность (как правило, превращая его в переходный глагол, обозначающий воздействие на объект способом, выраженным простым глаголом, ср. русское *сидеть* ~ *высидеть урок*, *отсидеть ногу*), либо выражают другие акциональные значения, чаще всего начинательность (ср. русское *видеть* ~ *увидеть*, *петь* ~ *запеть*). В обоих случаях

префиксальный глагол обозначает уже не состояние или процесс, а событие — изменение состояния, возникающее либо в результате достижения процессом конечной точки, либо спонтанно, без предшествующего процесса.

Важной диагностикой изменения акциональной характеристики предиката в результате префиксации служит сочетаемость с обстоятельствами длительности, такими как английские *for an hour* vs. *in an hour* или русские *час* resp. *за час* [Vendler 1957/1967; Dowty 1979; Bertinetto, Delfitto 2000]. Обстоятельства типа *for an hour* сочетаются лишь с предикатами, обозначающими процессы и состояния, в то время как обстоятельства типа *in an hour* сочетаются лишь с глаголами, выражающими достижение предела¹⁰, ср. русское *ел суп пять минут* vs. *съел суп за пять минут*. То же наблюдается и в литовском языке, ср. [Armoškaitė 2006], см. (6), и в латышском языке [Horiguchi 2014], см. (7).

литовский

(6) а. *Aldon-a* 2 *minut-es* *pyl-ė* *vanden-į*
 Алдона-NOM.SG 2 минута-ACC.PL лить-PST.3 вода-ACC.SG
į kibir-q.
 в ведро-ACC.SG
 ‘Алдона две минуты наливала (букв. лила) воду в ведро’.

б. *Aldon-a* *per* 2 *minut-es* *su-pyl-ė*
 Алдона-NOM.SG за 2 минута-ACC.PL PRV-лить-PST.3
vanden-į į kibir-q.
 вода-ACC.SG в ведро-ACC.SG
 ‘Алдона за две минуты налила воду в ведро’.

латышский [Horiguchi 2014: 29]

(7) а. *Baznīc-u* *cēl-a* *četr-us* *gad-us.*
 церковь-ACC.SG строить-PST.3 четыре-ACC.PL год-ACC.PL
 ‘Церковь строили четыре года’.

¹⁰ Такое описание является несколько упрощённым. Известно, что, с одной стороны, некоторые предикаты в силу своей лексической семантики плохо сочетаются с обоими типами обстоятельств [Плунгян 2009: 65], а, с другой стороны, в целом ряде языков многие глаголы встречаются в контексте обоих типов обстоятельств, тем самым допуская как терминативное, так и нетерминативное прочтения [Татевосов 2005; Аркадьев 2007б, 2009б; Ivanov, Tatevosov 2009]. Эти факты, в частности последний, не отменяют того, что в контексте каждого из типов обстоятельств предикат может иметь лишь одно из возможных прочтений — терминативное либо нетерминативное.

b. <i>Baznīc-u</i>	<i>uz-cēl-a</i>	<i>tr-īs</i>	<i>gad-os.</i>
церковь-ACC.SG	PRV-строить-PST.3	три-LOC.PL	год-LOC.PL
‘Церковь построили за три года’.			

В грузинском языке ситуация несколько более сложная в связи с тем, что, как будет показано в дальнейшем, акциональные противопоставления, реализуемые превербами, встроены в систему выражения видо-временных категорий. В частности, в грузинском довольно сложно найти подходящие контексты, в которых глаголы в прошедшем времени отличались бы друг от друга лишь наличием преверба без изменения словоизменительной формы (аорист с превербом vs. имперфект без преверба). Тем не менее поведение обстоятельств показывает, что префиксальные глаголы предельны, в то время как глаголы, обычно не сочетающиеся с превербами, непредельны, ср. (8)–(9):

грузинский [Holisky 1979: 393–395]

- (8) a. *žayl-ma* *didxans* *i-čep-a.*
 собака-ERG долго CV-лаять-AOR.3SG.S
 ‘Собака долго лаяла’.
- b. **žayl-ma* *txutmeṭ* *čut-ši* *i-čep-a.*
 собака-ERG 15 минута-LOC CV-лаять-AOR.3SG.S
 ‘*Собака лаяла за 15 минут’.
- (9) a. *gazeṭ-i* *naxevar* *saat-ši* *ča-v-i-kiṭx-e.*
 газета-НОМ половина час-LOC PRV-1SG.S-CV-читать-AOR
 ‘Я прочёл газету за полчаса’.
- b. **gazeṭ-i* *didxans* *ča-v-i-kiṭx-e.*
 газета-НОМ долго PRV-1SG.S-CV-читать-AOR
 ‘*Я долго прочёл газету’.

В венгерском языке телесизирующая функция превербов также проявляется в сочетаемости с обстоятельствами [Kiefer 1982: 303–305; Csirmaz 2006a]: с обстоятельствами типа *два часа* сочетаются непредельные глаголы без превербов, а с обстоятельствами типа *за два часа* — их предельные префиксальные корреляты, ср. (10). Ситуация, однако, осложняется тем, что при постпозиции преверба предельность глагола может быть «снята», об этом см. § 5.2.

венгерский

- (10) a. *János* *másfél* *óra-t* *fut-ott.*
 Янош полтора час-ACC бежать-PST.3SG
 ‘Янош бежал полтора часа’ [Csirmaz 2006a: 251].

- b. *János másfél óra alatt el-fut-ott a bolt-ba.*
 Янош полтора час под PRV-бежать-PST.3SG DEF
 магазин-ILL
 ‘Янош за полтора часа добежал до магазина’ [Ibid.: 252].

В немецком языке такое поведение демонстрируют лишь отдельные превербы (см., в частности, [Stiebels 1996: Kap. 5, 7], ср. также [McIntyre 2004], где немецкий материал сопоставляется с английским), в частности неотделяемые превербы *er-* и *ver-*, ср. примеры (11a,b).

немецкий [Stiebels 1996: 77]

- (11) a. *Die Blumen blühten drei Tage lang / *in drei Tagen.*
 ‘Цветы цвели три дня’.

- b. *Die Blumen verblühten in einem Tag / *drei Tage lang.*
 ‘Цветы отцвели за один день’.

Телисизирующая функция наблюдается у превербов (как отделяемых, так и неотделяемых) в идише [Gold 1999: 91–93]. Э. Голд в своей диссертации не демонстрирует поведения обстоятельств, однако показывает, как наличие преверба влияет на интерпретацию прошедшего времени в придаточных предложениях [Ibid.: 103–106]. Аналитическое прошедшее время, образующееся вспомогательным глаголом *hobn* ‘иметь’ в настоящем времени и причастием смыслового глагола (последнее, как и в немецком языке, содержит префикс *ge-*, если глагол не имеет неотделяемого преверба), при смысловом глаголе без преверба придаёт придаточному предложению значение одновременности (12a), а при смысловом глаголе с превербом — значение предшествования (12b). Это связано с тем, что глагол без преверба обозначает нетерминативную, длительную ситуацию, а глагол с превербом — терминативную ситуацию (событие). Необходимо отметить, что в данном случае обязательное употребление преверба *ge-* в форме причастия никак не влияет на акциональность глагола.

идиш [Gold 1999: 104]

- (12) a. *ven zi hot ge-kox-t vetschere,*
 когда она AUX.PRS.3SG PRV-ГОТОВИТЬ-PRT ужин
iz bay ir arop-ge-fal-n a meser.
 AUX.PRS.3SG у ей PRV-PRV-УПАСТЬ-PRT INDF нож
 ‘Когда она готовила ужин, у неё упал нож’.

b. <i>ven</i>	<i>er</i>	<i>hot</i>	<i>tse-schnit-n</i>	<i>dos</i>	<i>broyt,</i>
когда	он	AUX.PRS.3SG	PRV-резать-PRТ	DEF	хлеб
<i>iz</i>		<i>im</i>	<i>aroyts-ge-fal-n</i>	<i>dos</i>	<i>meser</i>
AUX.PRS.3SG		ему	PRV-PRV-упасть-PRТ	DEF	нож
<i>fun</i>	<i>hant.</i>				
от	рука				
‘Когда он порезал хлеб, он уронил нож’.					

Помимо функции превербов как акциональных модификаторов, влияющих на предельность глагола, необходимо отметить связанную с нею способность префиксов менять актантную структуру глагола, в частности делать их переходными. Связь переходности и предельности многократно отмечалась в литературе, см. [Hopper, Thompson 1980; Tenny 1994; Cooreman 1994; Filip 1999; Anstatt 2003; Падучева 2004б и др.]. Она основывается на том, что в значительной части случаев предельность предиката обусловлена не только его собственной лексической семантикой, но и наличием в его модели управления актанта, изменение состояния которого обозначается предикатом. Ср. безобъектные употребления некоторых русских глаголов, которые в силу своей неопределенности не сочетаются с телисизирующими приставками: *писать письмо* ~ *написать письмо* vs. *писать* <вообще> ~ **написать* <вообще>¹¹. Поскольку деятельность ‘писать’ становится (потенциально) предельной лишь при наличии определённого объекта, постепенно меняющего своё состояние (‘письмо’), лишь переходное употребление этого глагола допускает телисизирующую префиксацию. Актант, определяющий предельность предиката, я буду вслед за Е. В. Падучевой [2004б] называть «накопителем эффекта».

В свете сказанного неудивительна способность телисизирующих и перфективирующих превербов воздействовать на аргументную структуру глагола — либо делать его переходным, вводя в модель управления прямой объект-накопитель эффекта (ср. *за четыре дня шестьдесят километров кросса набегал* [НКРЯ], где на предельность указывает обстоятельство *за четыре дня*), либо, сохраняя синтаксическую переходность, передавать статус накопителя эффекта и, соответственно, прямого объекта, другому актанту (ср. *рисовать цветы на стене* ~ *разрисовать стену цветами*). Употребления превербов, где телисизация сочетается с транзитивизацией или изменением аргументной структуры,

¹¹ Ср., впрочем, употребления вроде *Я вам напишу*, где объект подразумевается, но как правило не выражается (я благодарю С. С. Скорвида, который обратил моё внимание на этот пример).

представлена, кроме славянских языков, также в балтийских, германских (см., например, [McIntyre 2007]) и в венгерском [Майтинская 1959: 176–177]. Напротив, осетинский язык, насколько можно судить из имеющихся в моём распоряжении описаний, не использует превербы в транзитивизирующей функции¹², и то же можно сказать и об адыгейском языке (памятуя, однако, о том, что адыгейские превербы вводят не прямые объекты, не воздействующие на акциональные характеристики предиката). Аналогичным образом и в грузинском языке превербы, как правило, не меняют актантную структуру.

3.5. СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Одна из ярких особенностей славянской аспектуальной системы, отмечаемая во всех работах по славянской аспектологии, — существование наряду с грамматическим видовым противопоставлением так называемых «способов глагольного действия» (Aktionsarten, «совершаемости» по А. В. Исаченко [Исаченко 1960: 209–300]), т. е. морфосемантических категорий глаголов, объединённых, с одной стороны, сходным значением и, с другой — общими формальными средствами выражения этого значения. Иными словами, способы глагольного действия — это словообразовательные категории, тем или иным образом модифицирующие семантику исходного глагола. В славянских языках основным (хотя и не единственным) средством выражения Aktionsarten являются превербы.

В русистике, насколько мне известно, нет общего мнения о числе способов глагольного действия в русском языке (см., например, [Исаченко 1960: 209–300; Авилова 1976: гл. 3; Зализняк, Шмелёв 2000: 104–106]), и то же можно, очевидно, сказать и о других славянских языках. Независимо от этого, однако, вполне ясно, что то или иное множество способов глагольного действия представлено во всех славянских языках, и что многие из них носят общеславянский характер. Сравнение способов действия в разных славянских языках не входит в мои задачи (интересные наблюдения содержатся, в частности, в книге [Петрухина 2000], ср. также работы [Сигалов 1978; Смирнов 1990]); интересней обратиться к другим языкам изучаемого ареала и выяснить, насколько распространены в них префиксальные способы глагольного действия (ср. обзор в недавней статье [Kiefer 2010]).

¹² Так, среди формальных коррелятов переходности, приведённых в грамматике [Ахвледиани (ред.) 1963: 262–263], превербы не упоминаются.

Начнём с балтийских языков, где ситуация во многом похожа на славянскую. Набор способов глагольного действия в литовском [Галнайтите 1980] и латышском [Staltmane 1958: 31–46] во многом совпадает с представленным в русском, включая такие Aktionsarten, как делимитативный (лит., лтш. префикс *pa-*, см. § 3.7), начинательный (лит. превербы *su-*, *už-*, *i-* [Tekorienė 1980], лтш. превербы *aiz-*, *ie-*, *sa-*, *uz-*), пердуративный (лит. префикс *pra-*, лтш. префикс *no-*), финитивный (лит. префиксы *iš-*, *nu-*), релетитивный (лит. префикс *per-*) и некоторые другие. Существенное отличие по крайней мере литературных литовского и латышского языков от славянских — отсутствие в них комплетивных глаголов типа *дописать*; данное значение нормативно выражается лишь аналитически, при помощи фазовых глаголов ‘кончить’, ‘завершить’ (о заполняющем эту лауну в диалектной и ненормированной речи префиксе *da-*, предположительно заимствованном из славянских языков, см. § 7.2)

В немецком языке также можно говорить о способах глагольного действия, однако ввиду нечёткости самой категории превербов, их множество труднее поддаётся описанию, см., например, [Rousseau 1995a: 133–138; Los et al. 2012: ch. 7]. Следует отметить не имеющие славянских соответствий морфосемантические группы немецких глаголов, такие как, например, комитативный способ действия с отделяемым превербом *mit-* (*mitnehmen* ‘взять с собой’, *mitspielen* ‘играть вместе’ и др.) или группу глаголов с неотделяемым превербом *miß-*, обозначающих ситуации, происходящие неправильным образом (*mißhandeln* ‘жестoko обращаться’, *mißverstehen* ‘неправильно понять’), а также класс превербов с оценочным значением [Rousseau 1995a: 138–139], ср. *hochachten* ‘глубоко уважать’ vs. *geringachten* ‘пренебрегать’ от *achten* ‘уважать’.

Иная ситуация представлена в идише, который заимствовал целый ряд славянских способов действия, оформив их при помощи германских префиксов [Wexler 1964, 1972; Talmy 1982; Gold 1999: 22–26]. Ср. кумулятивный (13a), сатуративный (13b) и пердуративный (13c) способы действия, а также характерные сочетания преверба с рефлексивным местоимением вроде *tseveynen zikh* ‘расплакаться’ [Talmy 1982: 236].

идиш

(13) а. *Di kats hot on-ge-hat ketslekh.*

DEF кошка AUX.PRT.3SG PRV-PRV-ИМЕТЬ.PRT котятa

‘Кошка нарожала (букв. «наимела») котят’ [Talmy 1982: 235].

- b. *on-ze-n* *zikh* *mit* *bild-er*
 PRV-видеть-INF себя с картина-PL
 ‘насмотреться картин’ [Ibid.: 236]
- c. *op-voyne-n* *a* *yor* *tsayt* *in* *Moskve*
 PRV-жить-INF INDF год время в Москва
 ‘прожить год в Москве’ [Ibid.]

В осетинском языке представлена довольно богатая система способов глагольного действия [Цомартова 1987; Левитская 2007; Tomelleri 2011: 73–78], что являет собою скорее исключительный случай для кавказских языков. Некоторые из осетинских способов действия имеют соответствия в славянских языках (делимитативный, моментальный, начинательный, дистрибутивный, смягчительный), но для целого ряда таких соответствий нет. Это в первую очередь способы действия, в семантике которых присутствует значение интенсивности: интенсивно-результативный (*nassælæn* ‘очень замёрзнуть’) и интенсивно-начинательный (*naxxudæn* ‘громко засмеяться’).

В северокавказских языках способы действия как таковые отсутствуют [Татевосов 2000: 20], точнее, представлены сравнительно редко. В адыгских языках аналоги способов действия выражаются различными морфологическим средствами, по большей части суффиксальными или комбинациями суффиксов (как правило, директивных) с превербами, см. [Керашева 1988]. Среди способов действия, использующих превербы, можно отметить смягчительный с «циркумфиксом» *č'e...-ha*¹³, ср. *wəpsən* ‘брить’ ~ *č'ewəpsəhan* ‘подбрить’ [Ibid.: 165], прерывисто-смягчительный с «циркумфиксом» *xe...-č'ə*, ср. *š'əjən* ‘свистеть’ ~ *xəš'əjəč'ən* ‘присвистывать, посвистывать’ [Ibid.], неопределённо-моторный с «циркумфиксом» *qe...-ha*, ср. *čep* ‘бежать’ ~ *qəčəhan* ‘бегать’ [Ibid.: 165–166]; в последнем случае глаголы движения делаются переходными. Распространённый в славянских языках сатуративный способ действия в адыгейском выражается комплексной деривацией, включающей рефлексив, каузатив и директивный суффикс [Ibid.: 166], ср. *žegʷə-k* ‘играл’ ~ *z-jə-ke-žəgʷə-č'ə-k* RFL-3SG.A-CAUS-играть-ELAT-PST ‘наигрался’ (букв. «заставил себя изиграть»).

В картвельских языках представлена ситуация, видимо, промежуточная между отсутствием Aktionsarten и богатой системой осетинского языка. При том, что многие глаголы сочетаются с целым

¹³ Здесь и далее приводятся лишь адыгейские примеры; кабардинские во многом параллельны.

рядом префиксов, давая в большей или меньшей степени некомпозиционные значения, набор продуктивных способов действия в грузинском сравнительно невелик. В него входят дистрибутивные (*čams* ‘ест’ ~ *dačams* ‘съест много разного’ [Vogt 1971: 175; Aronson 2005: 406–407]), репетитивные (*cers* ‘пишет’ ~ *gadačers* ‘перепишет’ [Vogt 1971: 179; Aronson 2005: 440])¹⁴ и аттенуативные (*datvreba* ‘опьянеет’ ~ *šetvreba* ‘станет подвыпивши’ [Vogt 1971: 178; Aronson 2005: 440–441]) глаголы. Сложный преверб *še-mo-*, сочетаясь с формами так называемого релятивного пассива, придаёт глаголу значение произвольного действия, ср. (14)¹⁵, а преверб *ča-* вносит значение поверхностного, нетщательного совершения действия, ср. (15).

грузинский

(14) а. *pul-i* *da-xarž-a*.
 деньги-NOM PRV-тратить-AOR.3SG.S
 ‘Он истратил деньги’ [Vogt 1971: 178].

б. *pul-i* *še-mo-e-xarž-a*.
 деньги-NOM PRV.LOC-PRV.DIR-CV-тратить-AOR.3SG.S
 ‘У него истратились деньги’ (перевод Х. Фогта: “l’argent a fondu entre ses mains”) [Ibid.].

(15) а. *xel-i* *da-i-ban-a*.
 руки-NOM PRV-CV-мыть-AOR.3SG.S
 ‘Он вымыл <себе> руки’ [Ibid.: 179].

б. *xel-i* *ča-i-ban-a*.
 руки-NOM PRV-CV-мыть-AOR.3SG.S
 ‘Он быстренько помыл руки’ [Ibid.].

Данных о префиксальных способах действия в других картвельских языках у меня нет.

Венгерский язык вполне соответствует «восточноевропейскому стандарту», обладая весьма богатой системой префиксальных способов глагольного действия, ср. [Kiefer 2010]. Отмечу следующие

¹⁴ Наряду с репетитивным встречается также эксцессивное значение этого преверба, возможно, калькированное из русского, ср. *gadačvirtuli* ‘перегруженный’ [Vogt 1971: 179].

¹⁵ Данное значение весьма часто выражается в кавказских языках при помощи различных морфологических средств, ср. специализированный в этой функции адыгейский преверб *-ʔeč'e-*; чаще, однако, используются косвенные падежи, ср. [Kittilä 2005].

более или менее продуктивные Aktionsarten: пространственно-дистрибутивный (префиксы *szét-* / *széjjel-* [Ibid.: 189–190] и, реже, *el-* [Ibid.: 183]), ср. *kergetni* ‘гонять’ ~ *szétkergetni* ‘разогнать’, *dobálni* ‘бросать’ ~ *eldobálni* ‘раскидать’; эмоционально-начинательный (префикс *fel-* [Ibid.: 186]), ср. *nevetni* ‘смеяться’ ~ *felnevetni* ‘рассмеяться’¹⁶; выражающий ответное действие (префикс *vissza-* [Ibid.: 190]), ср. *adni* ‘дать’ ~ *visszaadni* ‘вернуть’¹⁷; эксцессивный (преверб *túl-* [Ibid.: 192]), ср. *feszíteni* ‘напрягать’ ~ *túlfeszíteni* ‘перенапрягать’.

Одно из наиболее актуальных направлений в изучении способов глагольного действия (независимо от того, выражаются они превербами или иными морфологическими средствами) — исследование моделей полисемии превербов, в частности с точки зрения возможных контактных влияний, как это сделано в работах [Wexler 1964, 1972; Talmy 1982; Toops 1992a] о влиянии славянских языков на семантику превербов в идише или немецкого — в верхнелужицком. Об этой проблематике см. в § 7.2.

¹⁶ По описанию К. Е. Майтинской, данный способ действия выражает «эмоциональную звуковую реакцию на что-либо с начинательным оттенком значения».

¹⁷ Стоит отметить, что данное значение с различной степенью продуктивности выражается во многих языках изучаемого ареала, ср. весьма продуктивный немецкий отделяемый преверб (*zu*)*rück*, совмещающий данное значение с пространственным значением возврата в исходную точку (венгерский преверб *vissza-* демонстрирует ту же полисемию), а также сравнительно непродуктивные русские образования вроде литературных *omdatь*, *ommlatutь* и находящихся на грани нормы *omnicatь*, *omzvonitь*. В литовском языке данное значение выражается превербом *at-* и сравнительно более продуктивно [Paulauskas 1958: 339–341]: *atsakyti* ‘ответить’ (< *sakyti* ‘сказать’), *atgauti* ‘получить обратно’ (< *gauti* ‘получить’) и даже *atgadinti* ‘исправить испорченное’ (< *gadinti* ‘портить’); аналогично и в польском: *odpisać* ‘написать в ответ’, *odzyskać* ‘найти / приобрести повторно (потерянное, отобранное)’ и т. п. [ПРС 1960; Б. Вимер, личное сообщение]. Интересно, что значения возврата в исходную точку пространства с глаголами движения ни русская, ни литовская приставки не имеют. В языках, где превербы не обозначают направления движения, данное значение либо не грамматикализовано, либо выражается иным образом, ср. адыгейский суффикс *-ž’ə-*, совмещающий значения возврата в исходную точку, ответного действия и повторения [Рогова, Керашева 1966: 310–313; Керашева 1988: 168–170; Аркадьев, Короткова 2005]. Все эти значения входят в широкую область так называемого рефактивверсива, о которой см. [Стойнова 2012а, 2012б].

3.6. ВОПРОС О ПЕРФЕКТИВАЦИИ «В ЧИСТОМ ВИДЕ»

Вопрос о так называемых «чистовидовых» превербах (или, точнее, употреблении превербов) — один из наиболее активно обсуждающихся в связи с префиксальным перфективом в славянских и других языках, где он представлен. Не имея возможности уделить в данной работе место разбору различных мнений по этой проблеме (см. обсуждение и библиографию в [Сигалов 1975а; Поливанова 1975/2008; Кронгауз 1998: 79–82; Janda et al. 2012, 2013; Янда 2012]), отмечу следующее.

Согласно одной из распространённых точек зрения, употребления префиксов, единственный вклад которых в семантику глагола состоит в перфективации или телисизации, возникают в первую очередь как следствие «семантического согласования» глагола и преверба, «если совпадают конечные результаты действий, обозначенные глаголом и приставкой» [Кронгауз 1998: 81] (так называемый эффект Вея—Схоневелда [Vey 1952; van Schooneveld 1958], ср. также восходящий к чешской грамматической традиции термин *subsumption* ‘категоризация’ [Nübler 1990])¹⁸. Данная гипотеза, однако, для своей верификации требует подчас весьма тонких методов семантического анализа, неизменно грозящих опасностью подвёрстывания результатов под заранее заданные объяснительные модели [Nübler 1990: 131] (возможно, эти опасности можно обойти с помощью масштабного статистического анализа, подобно тому, что предпринят в работах Л. Янды и её группы, см. [Janda et al. 2012, 2013; Янда 2012]). Как представляется, эффект Вея—Схоневелда наиболее продуктивно рассматривать в качестве одного из механизмов возникновения в конкретном языке префиксальных глаголов с минимальным семантическим отличием от соответствующих простых, но не как единственный такой механизм, неизменно действующий в языковой системе. В определённый момент число возникших благодаря семантическому согласованию префиксальных предельных или терминативных глаголов может превысить некоторую «критическую массу», а само значение префикса станет слишком абстрактным, чтобы осознаваться носителями как имеющее отчётливую лексическую (например, пространственную) составляющую, и в результате отдельные префиксы могут стать

¹⁸ Ср. также формулировку из работы [Сигалов 1975а: 118], где, по-видимому, «эффект Вея—Схоневелда» был «открыт» независимо: «Сочетание приставки с глаголом при общем совпадении семантики обоих компонентов приводит к опустошению значения приставки, растворению его в семантике глагола».

телисизаторами или перфективаторами «в чистом виде». Именно это, видимо, произошло с рядом приставок (в первую очередь *no-*, *s-*, *за-* и *про-*) в сравнительно недавней истории русского языка, см., например, [Черткова, Чанг 1998: 17–18; Черткова 2004: 202–209].

Наиболее подробно и убедительно данный вопрос рассматривается в серии работ С. Дики [Dickey 2005, 2008, 2011, 2012], который показывает, что развитие категории вида в независимо постулированных им «западной» (чешский, словацкий, лужицкие, словенский, по ряду признаков сербохорватский) и «восточной» (русский, белорусский, украинский, болгарский, македонский, отчасти польский) зонах славянского аспекта [Dickey 2000] коррелирует с тем, какой префикс оказался наиболее продуктивным в чистовидовой функции; для западной зоны это префикс *s-/z-*, возникший в результате фонетического совпадения исходно различных приставок **sъ-* и **iz-*, а для восточной зоны — префикс *po-/no-*. В качестве важных критериев, свидетельствующих об «освобождении» преверба от действия эффекта Вея—Схоневелда и превращении его в чисто перфективирующий показатель, Дики постулирует утрату превербом исходного пространственного значения (что явно случилось с префиксом *po-* в языках восточной зоны, в отличие от западных, ср. чеш. *popsat* ‘покрыть надписями’ и др. употребления *po-* в значении ‘воздействие на поверхность’) и его способность телисизировать глаголы изменения состояния вроде *краснеть ~ покраснеть*, ср. чеш. *zčervenat* ‘тж.’, у которых нет никакой заложенной в лексической семантике «предрасположенности» к тому или иному превербу (см. в особенности [Dickey 2005]).

В дальнейшем изложении, тем не менее, я буду рассматривать «чисто телисизирующие» употребления превербов в языках восточноевропейского ареала, в основном отвлекаясь от того, на какой «стадии» развития (ещё обусловленной действием эффекта Вея—Схоневелда, или уже независимой от него) они находятся, поскольку для чёткого разграничения этих случаев необходимо проводить отдельные исследования, не входящие в задачи данной работы.

«Чисто перфективирующие» употребления превербов отмечены во всех славянских языках (разумеется, с многочисленными межъязыковыми вариациями, заслуживающими отдельного обсуждения, см. подробнее уже упомянутые работы С. Дики), в балтийских языках, в венгерском, в идише, в осетинском и в грузинском, т. е. практически во всех языках, где превербы вообще могут влиять на предельность глагола. Степень распространённости телисизации и перфективации «в чистом виде» в разных языках разная, хотя в отсутствие чётких

критериев определения она с трудом поддаётся количественной оценке. На «импрессионистическом» уровне кажется, что в славянских языках «чисто перфективирующие» употребления превербов более частотны, чем в балтийских или в венгерском, а в грузинском в силу особенностей его аспектуальной системы более частотны, чем в осетинском. Что касается германских языков, то в немецком, насколько можно судить, префиксальная телисизация, не сопровождающаяся никакими дополнительными значениями, либо вовсе отсутствует, либо маргинальна, в то время как идиш, напротив, по этому признаку сближается со славянскими языками, ср. такие пары, как *akern* ‘пахать’ ~ *opakern* ‘вспахать’ или *washn* ‘мыть’ ~ *oyswashn* ‘вымыть’ [Gold 1999: 8].

Естественно, что в разных языках (и в разные периоды истории одного языка) разные превербы в большей или в меньшей степени склонны к «чистой перфективации»¹⁹. Интересно отметить случаи, когда такая функция становится для префикса доминирующей, ср. уже упомянутые выше славянские *s-/z-* и *po-*, литовский префикс *pa-* [Галнайтите 1959; Keydana 1998], латышский *no-* [Staltmane 1959: 618–619; Hauzenberga-Šturma 1979: 289–291]²⁰, венгерский префикс *meg-* [Майтинская 1959: 179–180; Kiefer 1982; Агранат 1989: 263], осетинский *fæ-* [Абаев 1964: 94], грузинские превербы *da-* [Vogt 1971: 175] и *ga-* (ср. аналогичный перечень в [Comrie 1976: 94]), а также случаи (правда, редко отмечаемые в литературе), когда, наоборот, преверб не употребляется в такой функции, всегда внося в семантику глагола добавочный компонент, — таков, например, литовский префикс *par-* [Paulauskas 1958: 438], вообще обладающий ограниченной продуктивностью. Превращение всех указанных превербов в «чистые перфективаторы» подтверждается их продуктивным использованием с глаголами изменения состояния, ср. лит. *pasveikti* ‘выздороветь’²¹,

¹⁹ Интересно, что в верхнелужицком языке, по-видимому, происходит утрата чистовидовых употреблений превербов, связанная с их «релексистикализацией» за счёт калькирования немецких моделей [Тоопс 1992b, 1998b: 286–288]. Так, глагол *napisac* наряду с «чистовидовым» значением приобрёл в верхнелужицком также значения ‘записать, отметить, внести в список’ (нем. *aufschreiben* и *anschreiben*).

²⁰ Интересно, что в литовском и латышском наиболее продуктивными оказываются разные префиксы; преверб *pa-* в латышском в собственно телисизирующей функции непродуктивен [Staltmane 1959: 622; Hauzenberga-Šturma 1979: 288].

²¹ В русском глаголе, напротив, предположительно реализован эффект Вея—Схоневелда с метафорой «выхода» из состояния.

pakvailti ‘поглупеть’, лтш. *nobālēt* ‘побледнеть’, венг. *megszáradni* ‘высохнуть’²², груз. *dacxra* ‘успокоился’, *gašra* ‘высох’. Тем не менее, «чисто перфективирующие» употребления превербов в указанных языках требуют дальнейшего и более детального изучения, например, по методологии, предложенной Л. Яндой для русского языка (см. [Янда 2012] и критический разбор этой работы в [Зализняк, Микаэлян 2012]).

3.7. ПРЕВЕРБЫ С ДЕЛИМИТАТИВНОЙ ФУНКЦИЕЙ

Делимитативное значение, строго говоря, традиционно относится к классу способов глагольного действия, рассмотренных выше. Тем не менее, поскольку по ряду признаков делимитативные глаголы отличаются от других способов действия, они заслуживают отдельного рассмотрения.

По определению А. В. Исаченко, делимитативный глагол «сосредоточивает внимание на ограниченном отрезке (фазисе) действия, представляемого как целостное, сомкнутое событие» [Исаченко 1960: 234]. В русском языке делимитативы особенно продуктивно образуются от глаголов, обозначающих неопредельные процессы и временные состояния (*поработать, посидеть, поспать* и др.), хотя возможны они и от ингерентно предельных глаголов (*почитать газету, поварить варенье*)²³. Наиболее характерное отличие делимитативных глаголов от большинства других способов действия — неопредельность, проявляющаяся в том числе и в сочетаемости с обстоятельствами, ср. *почитал книгу два часа (*за два часа)*. Таким образом, делимитативный способ действия не телесизирует предикат, а лишь ограничивает обозначаемую им ситуацию, сближаясь по значению с anterior-based перфективами²⁴.

²² Об употреблении превербов в глаголами постепенного изменения состояния в венгерском см. [Csirmaz Ms.]

²³ Строго говоря, глаголы типа *читать* входят в оба класса, поскольку, как уже отмечалось, в безобъектном употреблении или с количественно неопределённым объектом они обозначают неопредельные процессы, а с количественно определённым объектом — предельные.

²⁴ В данном случае я отвлекаюсь от известного свойства по крайней мере русских делимитативов вносить в значение глагола идею «небольшой порции действия» [Зализняк, Шмелёв 2000: 111; Петрухина 2000: 143–144]. На мой взгляд, наличие таких примеров, как хорошенько *позагорать, долго потанцевать* [НКРЯ] или болг. *поработих няколко години, взехме си жилище* ‘я поработал

Несмотря на то, что традиционно в славянской аспектологии делимитативные глаголы рассматриваются именно в системе способов глагольного действия и вне так называемых «видовых пар», ряд исследователей (см. [Петрухина 2000: 190; Dickey 2006; Janda 2007, 2008; Tatevosov 2002: 371; Татовосов 2010а: 36–37]) указывают на особый грамматический статус русских делимитативов и на их «сближение ... с видовыми коррелятами» [Петрухина 2000: 190]; обзор разных точек зрения см. в статье [Dickey 2006: 3–6]. На семантико-дискурсивном уровне это сближение проявляется в том, что делимитативы являются наиболее естественным способом представить неопредельную ситуацию в виде целостного события, встроенного в нарративную цепочку [Dickey 2006: 4, 16–17], т. е., по формулировке С. Дики [Ibid.: 16], «распространяют видовую оппозицию на неопредельные предикаты»²⁵. С. Дики отмечает, что помимо выражения собственно темпоральной ограниченности ситуации, делимитативы могут фокусировать внимание на «опосредованном» результате (*tangential consequence*) ситуации, «естественный» результат которой нерелевантен или не существует, ср. *славно поработала* ‘сделала хорошую работу’ (а не ‘в течение некоторого времени делала хорошую работу’) или *посидишь и успокоишься* [Ibid.: 17–21]. Ввиду существования целого ряда глаголов с приставкой *по-*, имеющих как неопредельные собственно делимитативные, так и предельные (результативные) употребления, вроде *поговорить*, *поить* или *поест*, следует скорее говорить о континууме между делимитативными и «собственно перфективными» употреблениями данного преверба [Ibid.: 23], ср. также [Зализняк, Шмелёв 2000: 58–59]. Можно отметить и то, что по крайней мере некоторые *по-*делимитативы образуют коррелятивные пары с соответствующими простыми глаголами по «критерию Маслова», ср. *посидел некоторое время*, *почитал газету и ушёл* ~ *сидит некоторое время, читает газету и уходит*, или по тесту с императивом,

несколько лет, мы приобрели жильё» [Dickey 2012: 13] и т. п., демонстрирует, что значение незначительной длительности ситуации, описываемой делимитативом, является скорее прагматической импликатурой темпоральной ограниченности, нежели компонентом собственно семантики этого способа действия (ср. также [Dickey 2006: 3]). Так, Э. Галнайтите [1959: 61] пишет, что «действие, обозначаемое детерминативными [=делимитативными — П. А.] глаголами, не обязательно должно проявляться — и чаще всего не проявляется — в неполной степени», см. там же обсуждение употребления делимитативных глаголов в значении «сильного проявления действия» [Ibid: 62–63].

²⁵ “the extension of the aspect opposition to atelic activity predicates”.

ср. *не надо говорить, но если не терпится, то поговори!* см. [Dickey 2006: 28–29]. Этим делимитативы разительным образом отличаются от других способов действия, которые обычно не вступают с простыми глаголами в коррелятивные отношения в силу слишком нетривиального семантического вклада преверба, не сводящегося к введению в ситуацию внешних границ.

Делимитативные употребления превербов представлены лишь в части языков восточноевропейского ареала, см. карту на рис. 7. В разных славянских языках делимитативы различаются продуктивностью (см. в первую очередь [Dickey, Hutcheson 2003; Dickey 2011]), используемыми при их образовании формальными средствами, а также степенью детализации делимитативной семантической зоны. Так, в чешском языке в делимитативной функции употребляется не только префикс *po-*, но и префикс *za-* в сочетании с рефлексивной энклитикой [Петрухина 2000: 159–169], которые «обозначают деятельность или процесс как единый квант, не фиксируя его продолжительность» [Ibid.: 167], ср. *Měsíc si tu zašéfoval a pak odešel* ‘Он поруководил здесь месяц, а потом ушёл’ [Ibid.: 168], а наряду с малопродуктивными «нейтральными» делимитативами с префиксом *po-* используются рефлексивные делимитативы со значением «удовлетворения»²⁶ [Ibid.: 164–165], ср. *To jsme si pohráli!* ‘Ну, мы сегодня и поиграли!’ [Ibid.: 166]. Чешские делимитативы на *za-*, в частности, употребляются как эквиваленты русских делимитативов на *no-* с многократными глаголами [Ibid.: 182], ср. *zaševlel rty* ‘пошевелил губами’. Помимо этого, делимитативы в разных славянских языках отличаются и семантикой; так, по наблюдениям Е. В. Петрухиной, польские делимитативы, в отличие от русских, не имплицируют завершенности ситуации, ср. рус. *?Я почитал час и продолжаю читать* vs. пол. *Poczytałem godzinę i czytam dalej* [Ibid.: 186]. Согласно С. Дики [Dickey 2012: 17], в сербохорватском языке делимитативное употребление префикса *po-* «маргинально» (ср. также [Ružić 1943: 36], где среди функций префикса *po-* делимитативная вообще не упоминается), особенно на фоне близкородственного болгарского, где оно, напротив, очень продуктивно; не столь много делимитативов с превербом *po-* и в словенском языке [Dickey 2012: 18; Dickey 2003: 183 fn. 3], и в польском в сравнении с русским [Christensen 2011], причём, согласно этой работе, польские делимитативы реже употребляются в речи, чем их русские аналоги.

²⁶ Аналогичные образования представлены и в литовском языке, см. [Галнайтите 1959: 63].

Рис. 7. Делимитативные превербы

			лтш		
			лит		
	луж			бел	
		пол	идиш		рус
нем					
	<i>чеш</i>		<i>слвц</i>		укр
			венг		
		<i>слвн</i>			
			<i>срхр</i>		адыг
				болг	осет
			мак		<i>сван?</i>
					<i>груз?</i>

продуктивные делимитативные превербы; *малопродуктивные* делимитативные превербы; делимитативные превербы отсутствуют.

За пределами славянских языков делимитативные превербы встречаются в балтийских языках (литовский *pa-*²⁷ [Галнайтите 1959: 60–63], латышский *pa-* [Эндзелин 1906/1971: 594–596; Noguchi 2015]), а также в осетинском (преверб *a-* в иронском [Ахвледиани (ред.) 1963: 238; Цомартова 1987: 86–89; Tomelleri 2011: 74, 77] и преверб *fæ-* в дигорском — Д. А. Эршлер, личное сообщение), ср. (16).

иронский осетинский [Ахвледиани (ред.) 1963: 238]

- (16) *iw sal-dær až-ə kwə a-kwəš-ta*
 один сколько-INDF год-OBL COMP PRV-работать-PST.3SG
p'lotnik-æj...
 плотник-AVL
 'Поработав несколько лет плотником...'

Напротив, в германских языках, в том числе в испытывавшем сильное славянское влияние идише, делимитативные употребления превербов отсутствуют, как и в венгерском языке, а также

²⁷ При этом, согласно данным моих литовских консультантов, литовский делимитатив имплицитно прекращает ситуацию, т. е. похож на русский, а не на польский аналог.

в грузинском²⁸. В сванском языке отмечается употребление преверба *la-*, напоминающее делимитативное («действие выполняется слегка, не до конца» [Tuite 1997: 23]), ср. *laǰžišne* ‘немного помашет’, однако точные детали употребления данного префикса неясны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заключая обсуждение функционально-семантических особенностей превербов в языках восточноевропейского ареала, отмечу, что целый ряд их признаков (в том числе тех, что будут рассмотрены ниже) оказывается во многом обусловлен способностью превербов к телисизации и перфективации глагола. Несколько забегая вперёд, стоит указать на то, что с ареальной точки зрения можно выделить две лингвогеографические области, для которых характерна префиксальная телисизация / перфективация, — балто-славянскую и картвельско-осетинскую. При этом если первая область весьма обширна и на протяжении сравнительно недавней истории «втянула» в себя ряд других языков (как минимум венгерский и идиш), то вторая является собою замкнутый «анклав», находящийся в окружении языков, системы превербов в которых (если таковые вообще наличествуют) организованы на существенно иных принципах и не обладают телисизирующей и тем более перфективирующей функцией. Вопросы о том, как развивались две отмеченные «зоны префиксальной телисизации», и о возможных связях между ними являются исключительно сложными и будут более подробно рассмотрены в главе 7. Здесь же мне хотелось бы отметить, что лингвогеографическое распределение признака «префиксальная перфективация» в Европе и на Кавказе представляется не случайным и может быть связано с предложенным Дж. Николз [Nichols 1992: 13–24] противопоставлением так называемых “spread zones” vs. “residual zones”, отличающихся как степенью генетического и типологического разнообразия языков и «склонностью» лингвистических признаков к пересечению языковых границ, так и особенностями ландшафта, обуславливающими мобильность этнических групп и, следовательно, интенсивность и характер языковых контактов.

²⁸ Утверждение Г. Аронсона [Aronson 2005: 441] о сходстве грузинского преверба *sa-* с русским *no-* не подтверждается. Я благодарю Н. Амиридзе и К. Гадилию за консультацию.

ГЛАВА 4

ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕВЕРБНЫХ ГЛАГОЛОВ

В данной, по необходимости краткой, главе обсуждаются признаки, характеризующие не собственно превербные, а оформленные ими предикаты. Разумеется, поскольку особые свойства префиксальных глаголов в общем случае определяются именно наличием в их составе префиксов, немалая часть потенциально подпадающих под данную рубрику признаков неизбежно пересекается с параметрами, подробно рассмотренными в предыдущей главе. Здесь я остановлюсь на тех параметрах, которые выше не освещались или освещались с иной точки зрения.

4.1. Морфосинтаксис превербных глаголов

В этом разделе пойдёт речь о специфических для превербных глаголов морфологических и / или синтаксических особенностях и ограничениях. Их в рассматриваемых языках обнаруживается сравнительно немного, и во многих случаях они оказываются обусловлены не собственно наличием в глаголе преверба в том узком смысле, какой принят в этой книге, а либо формальным признаком «присутствие в глаголе (какого угодно) префикса», либо принадлежностью глагола к более широкой функциональной категории совершенного / перфективного вида, которая практически никогда не совпадает в точности с множеством превербных глаголов (см. подробнее §§ 5.3, 5.4).

Типичным признаком первого типа (чисто морфологического) является уже рассмотренная выше позиция рефлексивного показателя в литовском языке, который помещается перед корнем при наличии в составе глагольной словоформы любого префикса (необязательно преверба). Превербные глаголы в этом случае особенны лишь в том смысле, что у них позиция рефлексивного показателя является постоянной в пределах словоизменительной парадигмы, в отличие от глаголов без превербов. Другое чисто морфологическое явление, разграничивающее простые и превербные глаголы, — принадлежность их

к разным словоизменительным классам, что отмечено в нижнелужицком языке [Ермакова, Недолужко 2005: 342; С. С. Скорвид, личное сообщение], ср. нлуж. *kopaś* 'копать' ~ 1SgPrs *kopam*, но *rozkopas* 'раскопать' ~ 1SgPrs *rozkopajom* (впрочем, согласно работе [Ермакова 1963], ситуация в нижнелужицком более сложная и однозначной корреляции между наличием префикса и типом спряжения нет).

Характерный признак второй группы — известные ограничения на сочетаемость славянских глаголов совершенного вида с различными синтаксическими конструкциями, например, с фазовыми глаголами, или ограничения на образование тех или иных грамматических форм. К наличию в составе глагола преверба этот признак имеет отношение лишь постольку, поскольку присоединение преверба обычно переводит глагол в совершенный вид. Признаки такого типа здесь не рассматриваются, о них см. § 5.1.

Более интересным признаком превербных глаголов является их неспособность присоединять дальнейшие превербы. Как уже было сказано в § 2.3, этот признак принимает положительное значение в основном на периферии рассматриваемого ареала — в балтийских языках, в венгерском языке, в осетинском и, с оговорками насчёт подразделения превербов на классы не сочетающихся друг с другом единиц, в картвельских языках. Напротив, славянские языки такого ограничения не знают.

Ещё один признак превербных глаголов, наоборот, лучше всего засвидетельствованный в славянских языках, — их способность сочетаться с продуктивными показателями «имперфективации» (итеративными и / или дуративными), более подробно см. § 5.2. Так, в русском литературном языке наиболее продуктивный суффикс «вторичного имперфектива» *-ыва-* за относительно редкими лексикализованными исключениями¹ вроде *хаживать*, *читывать* и т. п. сочетается лишь с приставочными глаголами. Бесприставочные глаголы совершенного вида имперфективируются при помощи иных суффиксов, ср. минимальную пару *подтолкнуть* ~ *подтолкивать* vs. *толкнуть* ~ *толкать*. В литовском же языке единственный продуктивный пока-

¹ Беглый просмотр [ГСРЯ 2003] позволил выявить около 20 таких глаголов, примерно половина которых явно устарели. Их употребление было значительно более широким ещё в языке XVIII в., см., например, [Граннес 1970]; об истории этих образований в русском языке, в том числе об *-ыва-* итеративах от вторичных имперфективов типа *отдавати* → *отдавывати*, см. [Шевелёва 2012]. В русских диалектах такие глаголы наиболее распространены в северной диалектной зоне [Ровнова 2012: 503, 507–508].

затель итеративности — суффикс *-inè-* — практически без ограничений присоединяется к любым глаголам, вне зависимости от наличия в них преверба [Галнайтите 1966]², ср. *rašyti* ‘писать’ ~ *rašinėti* ‘пописывать, писать многократно’, *perrašyti* ‘переписать’ ~ *perrašinėti* ‘переписывать’. Чешский язык в этом отношении ближе к литовскому, нежели к русскому, см. [Широкова 1963; Danaher 2003; Berger 2009], а польский — напротив, ближе к русскому, чем к литовскому [Berger 2009: 33]. Наконец, в осетинском языке показатель вторичной имперфективации *-sæj-* присоединяется только к глаголам с превербами [Tomelleri 2011: 89], и так же ведёт себя показатель имперфективации *-t(i)m(a)-* в мегрельском языке [Deeters 1930: 15].

В венгерском языке лишь превербные глаголы могут выступать в ряде конструкций, в том числе вторичной имперфективации, требующих постпозиции преверба (с той оговоркой, что сам по себе класс элементов, способных в венгерском языке выступать в функции превербов, весьма обширен и гетерогенен), см. об этом, в частности, [Perrot 1999] и § 5.2.

Признак, особенно характерный для глаголов с превербами в северокавказских языках, — наличие у префиксального глагола синтаксической валентности на специфицируемый превербом ориентир.

4.2. АКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕВЕРБНЫХ ГЛАГолов

Как уже было отмечено в § 3.4, в тех из рассматриваемых языков, где превербы вообще способны оказывать влияние на акциональную характеристику глаголов, они, как правило, сообщают им актуальную предельность (терминативность), т. е. способность обозначать изменение состояния. Параметром языкового варьирования здесь оказываются более тонкие противопоставления в аспектуальном потенциале превербных глаголов (об этих противопоставлениях см., в частности, [Татевосов 2005]). Так, в рассматриваемых славянских языках (за исключением обиходного верхнелужицкого, см. ниже) глагол с превербом обычно обозначает лишь достижение ситуацией предела (или событие иного типа, например, начинательное), но не может выражать длительный процесс или состояние — для этого используется либо соответствующий глагол без преверба, либо

² Так, в обратном словаре [Robinson 1976] содержится как минимум несколько сотен бесприставочных итеративных глаголов.

вторичный имперфектив. В балтийских языках ситуация во многом сходна, однако существенное отличие состоит в том, что и в литовском, и в латышском языках многие префиксальные глаголы в форме настоящего времени (а ряд глаголов с лексикализованными превербами в формах любых времён)³ способны обозначать процесс или состояние, ср. литовские примеры (1) и (2) [Аркадьев 2012: 57–58] и показательный латышский пример (3), где один и тот же глагол с лексикализованным превербом в форме прошедшего времени может быть как предельным, так и непредельным, что демонстрирует сочетаемость с обстоятельствами.

литовский

(1) а. *Ati-dar-au* *lang-q.*
 PRV-делать-PRS.1SG ОКНО-ACC.SG
 ‘Я открываю окно’.

б. *Ati-dar-iau* *lang-q.*
 PRV-делать-PST.1SG ОКНО-ACC.SG
 ‘Я открыл окно’.

(2) а. *J-ai labiau pa.tik-o, kai*
 3-DAT.SG.F больше (PRV)нравиться-PST.3 когда
t-ie pašnekesi-ai vyk-o be
 тот-NOM.PL.M разговор-NOM.PL происходить-PST.3 без
j-os.
 3-GEN.SG.F
 ‘Ей больше нравилось, когда эти разговоры происходили без неё’
 (LKT).

б. *Tai, k-q iš.vyd-au, man*
 то что-ACC.SG (PRV)увидеть-PST.1SG я:DAT
pa.tik-o.
 (PRV)нравиться-PST.3
 ‘То, что я увидел, мне понравилось’ (LKT).

с. *J-am pa.tik-o š-is tilt-as.*
 3-DAT.SG.M (PRV)нравиться-PST.3 этот-NOM.SG.M мост-NOM.SG
 ‘Ему нравился // понравился этот мост’ (LKT).

³ О так называемых «двувидовых» глаголах литовского языка см., в частности, [Дамбрюнас 1962: 367–368; Dambriūnas 1960; Аркадьев 2012: 56–58, 62–66], о латышском — [Эндзелин 1971/1906: 633; Staltmane 1958: 22; Hauzenberga-Šturma 1979: 293ff; Mathiassen 1996b: 21; Horiguchi 2014].

латышский [Horiguchi 2014: 30]

- (3) а. ...*evakuācij-a* *no-tik-a* *daž-ās*
 эвакуация-NOM.SG PRV-произойти-PST.3 несколько-LOC.PL.F
stund-ās.
 час-LOC.PL
 ‘...эвакуация была проведена (букв. произошла) за несколько часов’.

- б. *Svinīb-as* *no-tik-a* *daž-as*
 празднование-NOM.PL PRV-произойти-PST.3 несколько-ACC.PL.F
stund-as.
 час-ACC.PL
 ‘Празднования длились (букв. происходили) несколько часов’.

Такое поведение демонстрируют также многие провербные глаголы в идише [Gold 1999: 75]. Напротив, на славянские языки в этом отношении похожи картвельские языки [Christophe 2004: 130–134; Tomelleri 2009a: 260] и осетинский [Tomelleri 2011: 82, 85], где, однако, особым образом ведут себя глаголы движения, у которых провербы имеют базовые пространственные значения и в формах настоящего времени допускают актуально-длительное значение, ср. (4).

иронский осетинский

- (4) а. *c'iw* *kletkæ-mæ* *ba-tæx-æ.*
 птица клетка-LAT PRV-лететь-PRS.3SG
 ‘Птица подлетает к клетке’ [Стойнова 2006: 4].

- б. *læppu* *xæzar-æj* *ra-sæd-i.*
 мальчик дом-AVL PRV-идти-PST.3SG
 ‘Мальчик вышел из дому’ [Ibid.: 3].

Интересно, что и среди литовских приставочных глаголов, презент которых допускает актуально-длительное прочтение, важное место также занимают глаголы движения [Галнайтите 1984]. Хотя и заманчиво предположить, что такое поведение глаголов движения связано с тем, что провербы в их составе реализуют свои исходные пространственные значения (ср. [Tomelleri 2009a: 246, 260]), это объяснение представляется всё же слишком упрощённым. Основное возражение, которое против него можно высказать, на мой взгляд, состоит в том, что указанный эффект не наблюдается с глаголами других семантических классов, с которыми провербы также выступают в пространственных значениях, ср. осетинский пример (5).

иронский осетинский [Стойнова 2006: 7]

(5) *don xætæl-æj ra-kæl-æ.*

вода труба-ABL PRV-течь-PRS.3SG

‘Вода выливается из трубы’ <каждый раз, когда трубу проливают / *сейчас>.

Исключительным образом на фоне других славянских языков ведёт себя в этом отношении обиходный вариант верхнелужицкого языка (см. [Breu 2000b, 2012; Scholze 2007: 214–255; Toops 1992b, 2001a, 2001b]), где преевренные глаголы, формально соответствующие глаголам СВ других славянских языков, могут употребляться в актуально-длительном значении, причём как в презенсе (6а), так и в претерите (6б).

обиходный верхнелужицкий

(6) а. *Wón napisa rune někotre slowa.*

‘Он сейчас пишет какие-то слова’ [Breu 2000b: 55].

б. *Dyš smó mó šijeli, su te lětadla rune wotlećeli.*

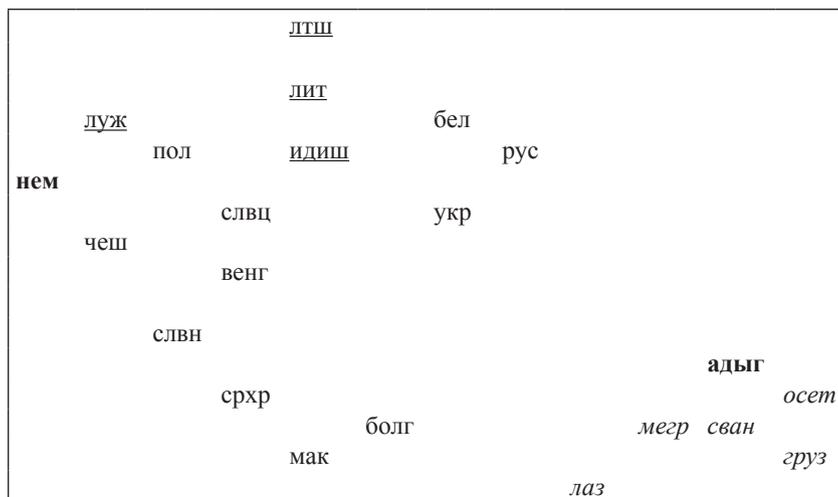
‘Когда мы приехали, самолёты как раз улетали’ [Ibid.: 56].

Стоит отметить, что по крайней мере в части идиолектов в рамках обиходного верхнелужицкого способность глаголов СВ употребляться для обозначения длющихся ситуаций ограничена теми случаями, когда прееврб меняет лексическое значение глагола [Тоопс 2001b: 132–133]. В целом, согласно работе [Breu 2000b], оппозиция видов в разговорном верхнелужицком была реинтерпретирована как выражающая потенциально предельные ситуации (СВ) в противоположность ситуациям, не имеющим предела или неограниченно кратным (НСВ) — ср. оппозицию «определённых» и «неопределённых» глаголов движения [Маслов 1961/2004: 457–457]. Употребление презенса глаголов СВ в актуально-длительном значении отмечено и для нижнелужицкого языка [Ермакова 1963: 99]. Тем самым, если в целом в славянских языках аспектуальная функция прееврбов состоит в перфективации (превращении глагола в терминативный), то в лужицких языках она была «ослаблена» до телисизации. Здесь стоит отметить, что более вероятным представляется именно указанное направление диахронического развития, т. е. «ослабление» аспектуального потенциала приставок в лужицких языках по сравнению с остальными славянскими языками, а не сохранение ими гипотетического исходного состояния, от которого остальные славянские языки ушли в ходе своего развития (эту точку зрения отстаивает, в частности, Э. Вернер, см. [Werner 2013]). В пользу этого говорит то, что, как будет показано в главе 7, лужицкие языки отличаются в отношении аспектуальных

функций превербов не только от современных славянских языков, но и от древнейших зафиксированных письменно славянских языков, в которых превербы уже в основном выступали в функции перфективаторов. Впрочем, поскольку исходное состояние аспектуальных систем лужицких языков до их контактов с немецким неизвестно, можно предположить, что эти контакты способствовали консервации раннего, «доперфективного» состояния префиксальных глаголов и его развития в сторону большей генерализации.

Таким образом, способность превербных глаголов в той или иной грамматической форме иметь процессное или актуально-длительное значение, сама по себе являясь параметром межъязыкового варьирования, может быть в разных языках обусловлена разными факторами. Если для языков кавказского ареала таким фактором оказывается сочетаемость с глаголами перемещения, то в балтийских языках роль играет скорее степень лексикализованности сочетания преверба с глаголом [Дамбрюнас 1962: 367, 372]: в имперфективных контекстах могут, помимо глаголов движения, выступать также глаголы, «которые резко отличаются по значению от соответствующих бесприставочных» [Ibid.: 372], см. подробнее [Аркадьев 2012: 51–52, 57–58, 64–66]. Способность префиксальных глаголов к неопредельному имперфективному употреблению картографирована на рис. 8.

Рис. 8. *Неопредельное употребление превербных глаголов*

неограниченное; преимущественно с глаголами перемещения; ограниченно с различными типами глаголов; невозможно или маргинально.

4.3. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ДЛЯ ПРЕВЕРБНЫХ ГЛАГОЛОВ ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Здесь пойдёт речь о грамматических категориях и грамматических значениях, характерных для превербных глаголов. К ним в полной мере применимо сказанное в § 4.1 о морфосинтаксических особенностях: такие явления обычно оказываются обусловлены не собственно наличием у глагола преверба, сколько принадлежностью его к более широкому грамматическому классу, ядро которого составляют превербные глаголы. Так, русские глаголы совершенного вида имеют в форме презенса референцию к будущему времени независимо от того, есть в их составе приставка или нет.

Наиболее яркий пример грамматической категории, релевантной лишь для префиксальных глаголов в строго морфологическом смысле слова, — уже упоминавшиеся осетинский показатель *-sæj-* и мегрельский показатель *-t(i)m(a)-*, обозначающие длительность ситуации (дуратив) или — в осетинском — неудачную попытку осуществления ситуации (конатив) и присоединяющиеся исключительно к превербным глаголам. Другие языки восточноевропейского ареала, насколько мне известно, не имеют столь ярко выраженных грамматических единиц, применимых лишь к префиксальным глаголам.

Тем не менее, поскольку даже в языках с грамматикализованной категорией вида именно превербные глаголы составляют её ядро и основу (в том числе в восточных славянских с их развитой суффиксальной имперфективацией), необходимо остановиться на характерных для них грамматических особенностях (ср. также § 5.6). В восточно- и западнославянских языках перфективные глаголы (в частности, префиксальные) демонстрируют хорошо известные особенности устройства и семантики морфологических категорий. Форма презенса русских глаголов СВ выражает, за редкими исключениями, значение будущего времени, презентные причастия (по крайней мере в литературном языке) отсутствуют, а деепричастия выражают предшествование событию главного предложения. Такая ситуация, однако, для изучаемого ареала оказывается скорее исключением, чем правилом. В болгарском языке [Маслов 1984/2004: 118–131] форма презенса глаголов СВ не имеет референции к будущему; кроме того, глаголы обоих видов совместимы с обоими синтетическими прошедшими временами (аористом и имперфектом), выражающими

аспектуальные значения западноевропейского типа⁴ (см. подробнее ниже § 5.6).

В литовском и латышском языках, по-видимому, вообще невозможно выделить никаких грамматических признаков, формальным образом противопоставляющих префиксальные глаголы (сами по себе или в составе каких-либо более широких функциональных объединений) беспрефиксальным, ср. [Dumašiūtė 1962: 246; Hauzenberga-Šturma 1979; Mathiassen 1996b; Вимер 2001; Аркадьев 2008a].

В немецком языке, в идише и в венгерском также никаких специфических для превербных глаголов грамматических категорий или систематических ограничений не отмечается. То же можно, видимо, сказать и об осетинском языке (за исключением уже упомянутого имперфективного показателя *-sæj-*). Напротив, в грузинском языке представлена ситуация, отчасти напоминающая южнославянскую, но отличающаяся от неё рядом важных признаков (подробнее см. § 5.6). Форма презенса превербных глаголов (кроме глаголов движения, см. выше) имеет значение будущего времени, также практически лишь превербные предельные глаголы употребляются в формах аориста и перфекта (непредельные глаголы, как уже говорилось выше, образуют отдельный морфологический класс; не сочетаясь в норме с превербами, они тем не менее образуют и будущее время, и аорист). Распределение префиксальных и беспрефиксальных глаголов по грамматическим категориям в грузинском языке является настолько систематическим, что позволяет считать глаголы с «чистовидовыми» превербами не самостоятельными лексемами, а элементами той же парадигмы, что и глаголы без префиксов. Такая трактовка находит поддержку и в поведении целых классов глаголов, не сочетающихся с превербами. Подробнее об этом пойдёт речь в следующей главе.

⁴ Применительно к лужицким языкам, где аорист сохраняется лишь у глаголов СВ, а имперфект — у глаголов НСВ [Маслов 1984/2004: 119; Scholze 2007: 210], разумнее, очевидно, говорить не о видовых ограничениях на употребление аориста и имперфекта, а о превращении последних в алломорфические варианты одной грамматической категории — прошедшего времени [Friedman 1994: 285].

ГЛАВА 5

ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЛАГОЛЬНЫХ СИСТЕМ С ПРЕВЕРБАМИ

Данная глава является центральной для обсуждения префиксального перфектива. Если выше рассматривались свойства превербов и превербных глаголов самих по себе, вне их соотношения со свойствами глаголов без префиксов (разумеется, такое «изолированное» изучение не во всех случаях было возможно и осмысленно), то здесь будет исследоваться организация глагольных систем языков восточноевропейского ареала в целом, и главным образом будут изучаться признаки, связанные с характером аспектуальной оппозиции простых и превербных глаголов и со степенью грамматикализованности (в узком смысле, см. § 1.3) аспектуальных категорий, в выражении которых используются превербные глаголы. В связи с этим уместно сделать ряд замечаний теоретического характера, дополняющих и развивающих более общие соображения, высказанные в главе 1.

Оценка грамматикализованности аспектуальных оппозиций, выражаемых при помощи глагольных ограничителей, в нашем случае превербов, сталкивается с той очевидной сложностью, что, в отличие от многих других грамматических категорий, такие аспектуальные системы в своей основе являются деривационными и, следовательно, морфологически и семантически нерегулярными (о деривационном характере аспекта славянского типа см., например, [Dahl 1985: 84–89; Леман 1997; Брой 1998; Breu 2000a; Lehmann 2004; Böttger 2004; Вимер 2006; Плунгян 2011a: 406–416; Плунгян 2011б]). В связи с этим такие традиционные критерии грамматичности, как функциональная обязательность и формальная регулярность оказываются либо вовсе неприменимыми (в частности, славянский вид не обладает регулярностью выражения в том же смысле, какой применим в славянских же языках к категории времени), либо не дают результатов, не зависящих от избранной аргументации. Для адекватного и непредвзятого анализа глагольных систем с ограничителями оказываются необходимы другие критерии, причём множество таких критериев

применительно к разным глагольным системам не обязательно даёт согласованные результаты.

В выборе признаков грамматикализованности префиксального перфектива я отчасти следую работам [Леман 1997; Lehmann 1999, 2004; Mende 1999; Вимер 2001]. Одним из важнейших критериев является характер оппозиции префиксальных и непрефиксальных глаголов, в частности то, насколько эта оппозиция является систематической с функциональной точки зрения. Оппозиция является тем более систематической (т. е., регулярной, но в несколько более абстрактном смысле, чем классическая словоизменительная оппозиция), чем меньше лексических ограничений на неё накладывается и с чем большей степенью обязательности она проявляется в распределении типов глаголов по контекстам употребления. Дополнительными и крайне важными признаками обязательности оппозиции оказываются следующие: (i) наличие таких контекстов употребления, где появление одного из членов оппозиции диктуется чисто формальными, не зависящими напрямую от семантики, правилами; (ii) участие в оппозиции глаголов с другими морфологическими характеристиками (т. е. в нашем случае глаголов без префиксов), проявляющих те же функциональные свойства, что и «ядерные» (т. е. провербные) глаголы. Глагольная система, обладающая высокой степенью грамматикализованности по указанным признакам, таким образом, характеризуется вовсе не тем, что аспектуальная оппозиция в ней носит словоизменительный характер, а тем, что функционирование этой оппозиции является высоко регулярным и в значительной степени «эмансипированным» как от лексической семантики глаголов, так и от частных значений самих аспектуальных категорий (ср. в связи с этим [Поливанова 1985/2008]).

Поскольку данная глава посвящена аспектологической проблематике, материал языков, в которых провербы не оказывают систематического влияния на акциональные и / или аспектуальные свойства глаголов (адыгейский, немецкий), здесь рассматриваться практически не будет.

5.1. ХАРАКТЕР ОППОЗИЦИИ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ И БЕСПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГЛОВ

В данном разделе обсуждается в первую очередь то, каким образом «простой» глагол и его префиксальный дериват (дериваты) «делают» между собою семантическое пространство (главным образом, пространство акциональных значений).

Языки рассматриваемого ареала демонстрируют в этой области немалую вариативность. В тех языках, где превербы не имеют аспектуальных функций, акциональные свойства превербных и «простых» глаголов естественным образом совпадают. Применительно к языкам, где превербы способны перфективировать глагол, имеет смысл ввести противопоставление «ядерных» и «периферийных» контекстов употребления (ср. [Маслов 1984/2004: 34, 98–110], где, однако, к «центральному видовым значениям» относятся также и некоторые из тех, что я трактую как периферийные). К ядерным я отношу такие контексты, в которых акциональное значение глагола проявляется максимально отчётливо (ср. [Князев 2004: 110–111]); в частности, для нетерминативного (непредельного или потенциально предельного) глагола без преверба это настоящее время в актуально-длительном значении (*пишет письмо*), для терминативного (актуально предельного или моментального) глагола с превербом — прошедшее время в перфективном значении (*написал письмо*). К периферийным относятся, среди прочего, хабитуальные, экспериентивные и модальные контексты, а также настоящее историческое¹. В периферийных контекстах на базовую акциональную характеристику глагола накладываются дополнительные аспектуальные и / или дискурсивные значения, которые могут взаимодействовать с базовым значением нетривиальным образом (см. об этом, например, [Wiemer 2008]). В ядерных контекстах употребление «простых» vs. превербных глаголов является в максимальной степени мотивированным семантически, и тем самым демонстрирует наибольшие сходства между языками; напротив, периферийные контексты, будучи потенциальными точками «конфликта» разных значений (например, значения терминативности и настоящего времени в *praesens historicum*), порождают основные различия между языками, см., например, [Breu 2000a; Аркадьев 2008a].

Высказанный только что тезис хорошо иллюстрируется славянскими языками. Для выражения членов ядерного акционального противопоставления «процесс в развитии» ~ «достижение процессом предела» рассматриваемые славянские языки (кроме обиходного

¹ Разумеется, данная классификация контекстов не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей, и я не вижу большого смысла ни в том, чтобы перечислить все ядерные контексты (предполагается, что во всех таких контекстах глаголы будут вести себя предсказуемо, т. е. либо как терминативные, либо как нетерминативные), ни в том, чтобы дать обзор всех периферийных контекстов — они слишком многочисленны и лингвоспецифичны.

верхнелужицкого, где видовая оппозиция устроена иначе, см. § 4.2) неизменно используют, соответственно, несовершенный (без префикса или вторичный имперфектив) и совершенный (обычно с префиксом) виды. Однако как только мы обращаемся к периферийным контекстам употребления видов, оказывается, что славянские языки существенно различаются между собой, см., например, [Петрухина 2000; Dickey 2000; Breu 2000a; Wiemer 2008]. В дальнейшем из периферийных аспектуальных контекстов употребления глаголов я буду рассматривать в основном контексты настоящего исторического и хабитуалиса, вовсе исключая из рассмотрения модальные конструкции².

В монографии [Dickey 2000] на основании анализа ряда периферийных употреблений видов славянские языки разделяются на две уже упоминавшиеся выше зоны: восточную (русский, украинский, белорусский, болгарский, македонский³) и западную (чешский⁴, словацкий, словенский и лужицкие), различающиеся по целому ряду признаков; выделяются также «переходные» языки — польский, демонстрирующий больше сходств с восточной зоной, и сербохорватский, напротив, близкий к западной зоне. Некоторые параметры, рассматриваемые в работе С. Дики, приведены в таблице 6 [Dickey 2000: 260]⁵. В скобках в таблице приводятся номера примеров, иллюстрирующие соответствующие противопоставления.

² Употреблению славянских видов в контексте модальности посвящена обширная литература; из недавних исследований отмечу освещающие весьма разные аспекты этой проблематики статью [Wiemer 2001] и монографию [Бенаккьо 2010].

³ Судя по данным работы [Усикова 1989], между болгарским и македонским имеются различия, указывающие на большую близость македонского к прототипу восточной зоны. Напротив, основанная на более обширном материале работа [Kamphuis 2014] приходит к противоположным выводам: автор называет македонский «переходной зоной» между болгарским и сербохорватским.

⁴ Детальное сопоставление употребления видов в русском и чешском языках содержится в монографии [Петрухина 2000]. См. также работы [Широкова 1971], где анализируются многие из параметров, рассматриваемых С. Дики, и [Stunová 1986, 1993], где анализируются контексты неоднократной повторяемости и настоящего исторического.

⁵ Ряд уточнений к типологии Дики приводятся в статье [Wiemer 2008].

Табл. 6. Славянский вид в периферийных контекстах

контекст	зап.	срхр.	пол.	вост.
СВ в хабиутальном значении (1) ⁶	+	+	(+)	—
НСВ в однократном общефактическом значении (2)	—	—	(+)	+
СВ в «двунаправленном» значении (3)	+	(+)	(+)	—
СВ в praesens historicum (4) ⁷	+	+	—	—
СВ в «сценическом настоящем» (5)	+	+	—	—

- (1) а. (чеш.) *Vypije_{CB} jednu skleničku vodky denně.*
 б. (срхр.) *Svaki dan popije_{CB} po jednu čašicu votke.*
 в. (пол.) *Codziennie *wypije_{CB} // wypija_{НСВ} kieliszek wódki.*
 д. (рус.) *Он *выпьет_{CB} // выпивает_{НСВ} по рюмке водки каждый день.*
 [Dickey 2000: 52–53]
- (2) а. (слвн.) *Ali si se že kdaj spotaknil_{CB} // *spotikal_{НСВ} na ulici?*
 б. (срхр.) *Jesi li se ikad spotakao_{CB} // *spoticao_{НСВ} na ulici?*
 в. (пол.) *Czy kiedykolwiek potknąłeś_{CB} // *potykałeś_{НСВ} się na ulicy?*
 д. (болг.) *Спъвал_{НСВ} ли си се някога на улицата?*
 ‘Ты когда-нибудь спотыкался на улице?’ [Ibid.: 98, 101]
- (3) а. (слвц.) *Otvoril_{CB} // Otváral_{НСВ} si okno?*
 б. (срхр.) *Jesi li otvarao_{НСВ} prozor?*
 в. (пол.) *Czy otwierales_{НСВ} okno?*
 д. (рус.) *Ты открывал_{НСВ} // #открыл_{CB} окно?*
 [Ibid.: 112]
- (4) а. (чеш.) *Dívka čte knihu, ve které je 60 stránek. První den přečte_{CB} čtvrtinu knihy...*
 б. (срхр.) *Devojčica čita knjigu u kojoj je 60 stranica. Prvog dana pročita_{CB} četvrtinu knjige...*

⁶ О типологии употребления славянских видов в хабиутальных контекстах см. также статью [Mønnesland 1984], где выделяются группы языков, сходные с постулируемыми С. Дики.

⁷ О типологии употребления видов в praesens historicum в разных славянских языках см. также статью [Бондарко 1959].

- c. (пол.) *Dziewczynka czyta książkę, która ma 60 stron. Pierwszego dnia ona *przeczyta_{СВнаст} // przeczytała_{СВпрош} jedną czwartą część książki...*
- d. (рус.) *Девочка читает книгу, в которой 60 страниц. В первый день она *прочитает_{СВ} // прочитывает_{НСВ} четвертую часть книги...* [Ibid.: 136]
- (5) a. (слвн.) *Najprej vzameš_{СВ} 4 skodelice kruha, potem priliješ_{СВ} skodelico mleka...*
- b. (срхр.) *Najpre uzmeš_{СВ} 4 šolje hleba, zatim sipaš_{НСВ} 1 šolju mleka...*
- c. (пол.) *Najpierw bierziesz_{НСВ} 4 szklanki chleba, następnie dodajesz_{НСВ} jedną szklankę mleka...*
- d. (рус.) *Сначала ты берёшь_{НСВ} 4 чашки хлеба [sic!], потом доливаешь_{НСВ} чашку молока...* [Ibid.: 162]

Анализ приведённых и ряда других контекстов показывает, что основное различие между аспектуальными системами западной и восточной зон славянского языкового ареала (отмечу, что данное деление не совпадает с генетическим) состоит в том, что в «западных» языках употребление видов чётко связано с базовым акциональным противопоставлением: СВ, который в этих языках, согласно С. Дики, выражает значение «целостности» ситуации (*totality*), используется для обозначения событий не только в «ядерных» контекстах, но и в периферийных, в том числе в тех, что «нагружены» дополнительными аспектуальными значениями — хабитуальным, экспериентивным, антирезультативным (как в «общефактическом двунаправленном», ср. [Плунгян 2001: 72–73]). Напротив, в языках восточной зоны употребление СВ более ограничено за счёт НСВ, который неизменно используется в целом ряде периферийных значений (в частности, практически во всех хабитуальных и презентных контекстах) при обозначении событий, несмотря на то, что, казалось бы, это противоречит его акциональному значению. Последнее, согласно С. Дики, в языках восточной зоны уступило место более абстрактному значению «неопределённой временной локализации» (*temporal indefiniteness*). Это свойство НСВ приводит к известным случаям так называемой нейтрализации видового противопоставления, см. [Маслов 1984/2004: 109–110].

Обобщение С. Дики, которое было существенно уточнено и приобрело диахроническое измерение в его уже упоминавшихся более поздних работах, можно переформулировать следующим образом. В славянских языках западной зоны соотношение между совершенным

и несовершенным видами в ядерных контекстах «доминирует» над периферийными контекстами: выбор вида в периферийном контексте в первую очередь определяется не самим этим контекстом, а денотативными характеристиками обозначаемой ситуации, определяемыми, так сказать, через отсылку к ядерному контексту. Применительно к хабитуальным употреблением в (1), например, это приводит к тому, что выбор СВ в языках западной зоны связан со свойством терминативности «микроситуации» — единичного события, на которое накладывается квантифицирующее значение контекста, порождающее «макроситуацию» — множество повторяющихся «микроситуаций» (в противопоставлении «микро-» и «макроситуаций» применительно к глагольной множественности я следую работам [Stunová 1986, 1993]). Напротив, в языках восточной зоны «доминирующими» в периферийных употреблениях видов оказываются контекстно-обусловленные значения с более широкой сферой действия. С этой точки зрения употребление НСВ в хабитуальных контекстах типа (1d) в русском языке мотивировано семантически в той же мере, что и употребление в тех же случаях СВ в чешском (1a) — но если в чешском «семантической доминантой» служит терминативность «микроситуации», то в русском ею оказывается неопределённая длительность «макроситуации» (ср. [Stunová 1986: 487, 497]).

Балтийские языки в рассматриваемом отношении ближе к западнославянской зоне, нежели к географически смежной с ними восточной. Более того, как кажется, обусловленность употребления глаголов их лексическими аспектуальными свойствами в балтийских языках является ещё более чёткой и однозначной, чем в чешском и словацком. Как и в славянских языках, связь между наличием в глаголе преверба и акциональной характеристикой не является в балтийских языках ни однозначной, ни полностью тривиальной, однако в простейших случаях можно говорить о том, что глагол без префикса обозначает длительную ситуацию (состояние или процесс), а превербный глагол — событие (мгновенное или представляемое как таковое). В литовском языке нейтрализация данного противопоставления для формально соотнесённых глаголов, таких как *rašyti* ‘писать’ vs. *parašyti* ‘написать’, невозможна, см. [Вимер 2001; Аркадьев 2008a]: при необходимости обозначить достижение ситуацией предела в периферийных контекстах, таких как хабитуалис (6) или настоящее историческое (7)⁸, всегда используется глагол

⁸ О настоящем историческом в литовском языке см. [Dumašiūte 1962; Sawicki 2000].

с превербом. То же, *mutatis mutandis*, можно сказать и о латышской системе, см., например, [Staltmane 1958: 25–28; Horiguchi 2014], ср. примеры (8) и (9).

литовский

- (6) *Sekretori-us kasdien per dvi valand-as*
 секретарь-NOM.SG каждый.день за два(ACC.PL) час-ACC.PL
*pa-raš-o // *raš-o tr-is laišk-us*
 PRV-писать-PRS.3 писать-PRS.3 три-ACC.PL письмо-ACC.PL
ir iš-ei-na.
 и PRV-идти-PRS.3
 ‘Секретарь каждый день пишет (букв. напишет) за два часа три письма и уходит (букв. уйдёт)’.

- (7) *Dėd-ė Luk-as nu-kand-a papiros-o*
 дядя-NOM.SG Лукас-NOM.SG PRV-кусать-PRS.3 папироса-GEN.SG
gilz-ės gal-q, iš-spjau-na ir
 гильза-GEN.SG кончик-ACC.SG PRV-плевать-PRS.3 и
už-si-deg-a gražiai perskelt-u degtuk-u.
 PRV-RFL-жечь-PRS.3 красиво расколотый-INS.SG.M спичка-INS.SG
 ‘Дядя Лукас надкусывает кончик папиросы, выплёвывает <его> и зажигает <её> себе расщеплённой спичкой’ [Sawicki 2000: 138].

латышский

- (8) *Pa-kārp-a zem-i, ie-liek bedrīt-ē*
 PRV-копать-PRS.3 земля-ACC.SG PRV-класть:PRS.3 ямка-LOC.SG
riekst-u, pa-bīd-a ar deguntiņ-u dziļāk,
 орех-ACC.SG PRV-двигать-PRS.3 с носик-ACC.SG глубже
labi no-līdzin-a viet-u un tad vēl
 хорошо PRV-ровнять-PRS.3 место-ACC.SG и тогда ещё
no vis-ām pus-ēm... krietni ap-skat-a...
 от весь-DAT.PL сторона-DAT.PL изрядно PRV-смотреть-PRS.3
 ‘Раскапывает землю, кладёт в ямку орех, носиком подвигает его глубже, хорошенько разравнивает место, и потом ещё со всех сторон осматривает...’ [Staltmane 1958: 25].
- (9) *Varē-tu teikt, ka ne-ēd-u kūciņ-as,*
 мочь-IRR сказать-INF что NEG-есть:PRS-1SG пирожное-ACC.PL
bet tad es melo-tu — gad-ā vien-u,
 но тогда я:NOM лгать-IRR год-LOC.SG один-ACC.SG
varbūt div-as kūciņ-as ap-ēd-u.
 может.быть два-ACC.PL.F пирожное-ACC.PL PRV-есть:PRS-1SG
 ‘Я мог(ла) бы сказать, что не ем пирожных, но тогда я бы солгал(а) — в год одно, может быть, два пирожных я съедаю.’ [Horiguchi 2014: 24]

В венгерском языке ситуация осложняется тем, что аспектуальная интерпретация предложения зависит, среди прочего, от взаиморасположения глагола и преверба (об этом см. в § 5.2). Если отвлечься от этого дополнительного фактора, то венгерская система оказывается во многом сходной с западнославянской, в частности, не допуская нейтрализации акционального противопоставления превербных и простых глаголов в хабитуальных контекстах, ср. (10). Согласно К. Е. Майтинской [1959: 177], в (10b) «приставка даёт нам точное указание на то, что субъект действия не только пишет письма, но и доводит их написание до конца», в то время как в (10a) «эта сторона действия не освещается, т. е. остаётся нераскрытым, дописываются ли письма до конца или нет». Превербные глаголы способны выступать в хабитуальных контекстах и в прошедшем времени, ср. (11).

венгерский

(10) a. *Ő minden nap ír egy level-et.*
 3 каждый день писать:PRS.3SG INDF письмо-ACC
 ‘Он(а) ежедневно пишет по письму’ [Майтинская 1959: 177].

b. *Ő minden nap meg-ír egy level-et.*
 3 каждый день PRV-писать:PRS.3SG INDF письмо-ACC
 ‘Он(а) ежедневно пишет по письму’ [Ibid.].

(11) *Néha meg-simogat-ott és meg-vereg-ett az arc-om-at.*
 иногда PRV-гладить-PST.3SG и PRV-хлопать-PST.3SG.OC DEF
 лицо-1SG.POSS-ACC
 ‘Иногда он ласкал меня и трепал по щеке’ [Ibid.: 178].

В идише ситуация ещё более сложная, поскольку даже в ядерных контекстах глаголы с превербами и без превербов не находятся в дополнительной дистрибуции. Показательны в этом смысле данные, приведённые в работе [Baviskar 1974; цит. по Gold 1999: 66–67]: информанты, которых просили перевести на идиш с английского предложения, содержащие формы Present Continuous (т. е. выражающие актуально-длительное значение), предпочитали употребить формы с превербами, причём даже в тех случаях, когда преверб служит лишь телесизации и не вносит никаких существенных изменений в лексическую семантику глагола (*raybn* vs. *onraybn*, *tseraybn* ‘натереть (сыр)’, *vishn* vs. *opvishn*, *oysvishn* ‘вытереть (стол)’). Согласно Э. Голд [Gold 1999: 72], противопоставление «перфективных» и «имперфективных» глаголов, постулируемое для идиша в таких

работах, как [Weinreich 1977; Schaechter 1986], сводится к противопоставлению акциональных классов (состояний, процессов и деятельностей vs. событий — states и activities vs. accomplishments и achievements по З. Вендлеру), не имеет никаких других проявлений в грамматике языка⁹ и, более того, не является обязательным даже в том сравнительно слабом смысле, что глаголы разных акциональных классов не могут свободно заменять друг друга в одних и тех же контекстах.

На Кавказе мы вновь встречаем системы, где дистрибуция префиксальных и беспрефиксальных глаголов чётко определяется акциональными значениями. В осетинском языке оппозиция двух типов глаголов более всего напоминает представленную в западной зоне славянских языков или в литовском. В ядерных контекстах глаголы с превербами противопоставлены глаголам без превербов как обозначающие точечные события vs. длительные процессы или состояния, ср. (12). В хабитуальном настоящем оппозиция между превербными и простыми глаголами является, однако, не эквиолентной, а привативной: согласно [Стойнова 2006: 2–3], глаголы без превербов могут в хабитуальных контекстах обозначать как терминативные, так и не-терминативные ситуации, в то время как глаголы с превербами ограничены терминативными прочтениями, ср. (13) [Ibid.]¹⁰.

иронский осетинский [Стойнова 2006: 2–3]

(12) a. *Alan fəš-t-af əštæg je= 'fšəməer-mæ.*
Алан писать-PST-3SG письмо 3SG.GEN=брат-LAT
'Алан (в тот момент) писал письмо своему брату'.

b. *Alan nə-ffəš-t-a fəštæg je= 'fšəməer-mæ.*
Алан PRV-писать-PST-3SG письмо 3SG.GEN=брат-LAT
'Алан написал письмо своему брату'.

(13) a. *Alan aləbon fəš-t-a je= 'fšəməer-mæ*
Алан каждый.день писать-PST-3SG 3SG.GEN=брат-LAT
fəštæg.
письмо
'Алан каждый день писал брату письмо (новое // одно и то же)'.

⁹ "Whether a verb is classified as perfective or imperfective has no other ramifications for the language" [Gold 1999: 72].

¹⁰ В контекстах настоящего исторического также допускаются как глаголы с превербами, так и простые, способные при этом выражать целостную ситуацию, см. [Tomelleri 2011: 99].

b. Alan aləbon nə-ffəš-t-a je= 'šəməer-mə
 Алан каждый.день PRV-писать-PST-3SG 3SG.GEN=брат-LAT
 fəštæg.

письмо

‘Алан каждый день писал брату по письму (*одно и тоже письмо)’.

Оппозиция простых и превербных глаголов в грузинском языке встроена в более общую аспектуальную систему, нетривиальным образом взаимодействуя с акциональными классами глаголов (которые оказывается возможно определить на независимых от наличия или отсутствия преверба основаниях, см. [Holisky 1979, 1981b]) и видо-временными формами (подробнее см. §§ 5.3, 5.6). Здесь, однако, стоит указать, что в периферийных аспектуальных контекстах грузинские глаголы ведут себя гетерогенно. С одной стороны, отмечаются такие примеры *praesens historicum*, как (14), где превербный глагол употребляется в соответствии со своим акциональным значением. С другой стороны, в хабитуальных контекстах нередко наблюдается нейтрализация противопоставления в пользу глагола без преверба, ср. (15)¹¹, что, однако, необязательно, ср. хабитуальное употребление превербного глагола в примере (16).

грузинский

(14) ...ert-i kac-i... da-i-nax-av-s
 один-NOM человек-NOM PRV-CV-видеть-SM-PRS.3SG.S
 dakidebul žor-s da i-tq̄v-i-s¹²...
 нагруженный осёл-DAT и CV-сказать-SM-PRS.3SG.S
 ‘...один человек... видит (букв. «увидит») нагруженного осла и говорит...’ [Vogt 1971: 181–182]

(15) čem-i bavšv-eb-isa-tvis me sxva sabavšvo
 мой-NOM ребёнок-PL-GEN-BEN я другой детский
 žurnal-s v-i-čer.
 журнал-DAT 1SG.S-CV-писать(PRS)
 ‘Для моих детей я подписываюсь на (букв. «пишу») другой детский журнал’ [Ibid.: 185].

¹¹ Стоит отметить, правда, что пример (15) допускает и иную аспектуальную интерпретацию; в любом случае выбор глагола без преверба в данном и подобных примерах диктуется не лексическим или акциональным значением, а грамматической формой настоящего времени.

¹² Глагольная форма *itq̄vis* ‘скажет’ не содержит преверба, однако по своим аспектуальным свойствам (перфективное будущее время) совпадает с превербной формой *dainaxavs* ‘увидит’.

- (16) *gam-is gušag-i... xandixan še-i-mal-eb-a*
 ночь-GEN стражник-NOM то.и.дело PRV-CV-прятать-SM-PRS.3SG.S
xolme yrubl-eb-ši...
 нав облако-PL-LOC
 ‘Луна (букв. «ночной страж») то и дело прячется (букв. «спрячется») в облаках’ [Ibid.: 186].

В лазском языке [Mattissen 2001: 37; Lacroix 2009: 342–343] презенс в сочетании с превербом также выступает в хабитуальном значении (17) и в *praesens historicum* (18).

лазский, архавский диалект (Турция)

- (17) *ha dayi-s mutu ko-b-zir-na,*
 этот гора-DAT что-нибудь AFF-1SG.S-видеть-COND
o-b-i-bxor-ja.
 PRV-1SG.S-CV-есть-EVID
 ‘Если я нахожу что-нибудь на этой горе, я это съедаю’ [Lacroix 2009: 342].

- (18) *lazi a köji-s mend-ul-u.*
 лаз(NOM) один село-DAT PRV-ИДТИ-PRS.3SG.S
 ‘Приезжает лаз в одно село’ [Ibid.: 343].

Аналогичные употребления отмечены и в мегрельском языке, ср. пример (19).

мегрельский [Rostovtsev-Popiel 2012: 28]

- (19) *Gio lers-en-s gi-no-çar-un-c.*
 Ги стихотворение-PL-DAT PRV-PRV-писать-SM-PRS.3SG.S
 ‘Ги (обычно / всегда) переписывает стихи’.

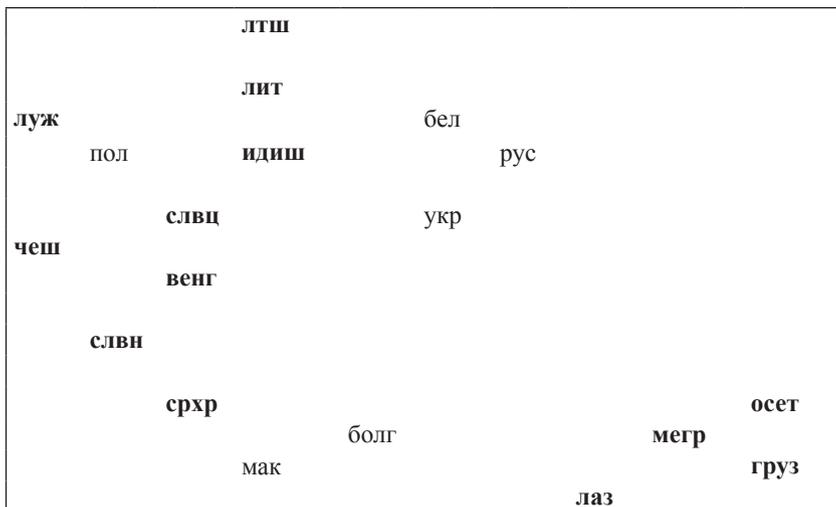
К сожалению, никакие имеющиеся в моём распоряжении источники по сванскому языку не дают информации об употреблении превербных глаголов в неактуальном презенсе.

Употребление превербных глаголов для обозначения целостных ситуаций в контекстах настоящего исторического и / или хабитуалиса картографировано на рис. 9.

Один из периферийных контекстов, не обсуждаемый в работах С. Дики, поскольку он не дифференцирует славянские языки, однако релевантный для нашего более широкого множества языков, — сочетаемость с фазовыми глаголами. Действительно, практически во всех славянских языках с фазовыми матричными предикатами сочетаются лишь глаголы НСВ [Маслов 1984/2004: 117], ср. рус. *начать читать*/**прочитать*, *начать переписывать*/**переписать*,

болг. *започна да пиша*/**напиша* ‘начинаю писать’, чеш. *přestal zpívat*/**zazpívat* ‘он перестал петь’ [Naughton 2005: 175]¹³. Единственное систематическое исключение среди рассматриваемых славянских языков — обиходные варианты лужицких языков, где глаголы СВ регулярно сочетаются с фазовыми предикатами [Breu 2000b: 55], ср. (20).

Рис. 9. Употребление превербных глаголов в «периферийных» контекстах

допускается употребление презенса превербных глаголов для обозначения целостных ситуаций.

верхнелужицкий [Breu 2000b: 55]

(20) *Wón jo započal jowo začisce napisać.*

‘Он начал записывать свои впечатления’.

Впрочем, аналогичные употребления глаголов СВ с фазовыми предикатами отмечаются также в современных неформальных вариантах чешского, ср. *začaly soustředit* ‘начали сосредотачиваться’ (букв. «начали сосредоточиться», [Петрухина 2009]), и словенского, ср. *začeli zgraditi* ‘начали строить’ (букв. «начали построить», С. С. Скорвид, личное

¹³ В качестве показательного курьёза следует отметить, что русскоязычные грамматики славянских языков как правило не отмечают данного ограничения, полагая его самоочевидным. Напротив, грамматики, написанные на европейских языках, неизменно уделяют внимание сочетаемости видов с фазовыми глаголами.

сообщение). Впрочем, для словенского следует отметить, что такие употребления довольно редки: на ок. 220 примеров сочетания *začeli graditi* с глаголом НСВ приходится 23 примера с приставочным глаголом СВ, в то время как распределение самих инфинитивов этих глаголов обратное: *graditi* ок. 260 примеров, *zgraditi* ок. 310 примеров (данные поисковой системы Google на 19.04.2014). Кажется неслучайным, что находящиеся за пределами литературной нормы, но допускаемые в разговорной речи употребления глаголов СВ с фазовыми предикатами отмечены в тех славянских языках, которые пребывали или пребывают в интенсивном контакте с немецким.

Напротив, в других языках изучаемого ареала столь строгое ограничение на сочетаемость терминативных (в том числе превербных) глаголов с фазовыми предикатами отсутствует. Допустимость инфинитива превербных глаголов с фазовыми предикатами отмечалась в литературе по литовскому языку [Dambriūnas 1960: 94; Brauner 1961; Непокупный 1964: 39–42; Генюшене 1985: 152]; в первую очередь это касается «двувидовых» глаголов с лексикализованными превербами, ср. *pradedata atsakyti* ‘начинает отвечать’, и с превербами, предсказуемым образом модифицирующими семантику основы, ср. *ėmė nusirengti* ‘начал(а) раздеваться’. То же отмечено и в латышском [Hauzenberga-Šturma 1979: 308–309], ср. *sāka satumst* ‘начало темнеть’ (букв. «потемнеть»), *beidza notiesāt* ‘кончили уписывать’ [Ibid.: 308]. Наиболее подробный и аргументированный анализ сочетаний глагола *baigti* ‘кончить’ с терминативными инфинитивами в литовском, в том числе в связи с аспектологической проблематикой, представлен в статье [Holvoet 2014].

Нет запрета на сочетаемость превербных глаголов с фазовыми в идише, ср. пример (21), и в венгерском языке, ср. (22):

идиш

- (21) *es hob-n on-ge-hoyb-n aroys-gey-n etlekeh*
 EXP AUX.PRS-3PL PRV-PRV-начать-PRT PRV-идти-PRT несколько
pedagogishe zhurnal-n.
 педагогический журнал-PL
 ‘Начало выходить несколько педагогических журналов’ (YNC).

венгерский [Майтинская 1960: 139]

- (22) *...aki kezd-te már le-szed-ni az*
 который начать-PST.3SG.OC уже PRV-собирать-INF DEF
abrakos tarisznyá-k-at.
 кормовой сумка-PL-ACC
 ‘...который уже начал снимать сумки с кормом’

Кавказские языки также негомогенны в отношении ограничений на фазовые конструкции (ср. [Tomelleri 2010: 77–78]). В осетинском ситуация сходна со славянской [Стойнова 2006: 3; Tomelleri 2011: 98], ср. пример (23)¹⁴.

иронский осетинский [Стойнова 2006: 3]

- (23) (*š-)araž-ən fæw-ən
 (*PRV-)строить-INF кончить-INF
 ‘закончить строить’

Напротив, в грузинском с фазовыми предикатами в норме сочетается именно превербная форма глагола, что связано с тем, что выступающее в этих конструкциях отглагольное имя как правило должно содержать преверб [Vogt 1971: 243], ср. пример (24a). Беспрефиксальная форма при фазовых предикатах допускается лишь с неопределёнными глаголами, которые в норме не сочетаются с превербами, см. [Holisky 1979: 395–396], ср. пример (24b).

грузинский

- (24) a. *disertaci-is* *da-çer-a* *da-v-i-çq-e*.
 диссертация-GEN PRV-писать-NML PRV-1SG.S-CV-начать-AOR
 ‘Я начал(а) писать диссертацию’ (букв. «написание диссертации») [Ibid.: 395].
- b. *bavšv-ma* *ṭir-il-i* *še-çqvít-a*.
 ребёнок-ERG плакать-NML-NOM PRV-кончить-AOR.3SG.S
 ‘Ребёнок прекратил плакать’ [Ibid.: 396].

В лазском языке, согласно [Holisky 1991: 462], отглагольное имя может как содержать преверб, так и выступать без него, ср. пример (25) с превербом, и такая же ситуация в мегрельском, ср. пример (26):

лазский, архавский диалект [Lacroix 2009: 650]

- (25) *žožo-ere-k-ti* *tabii* *kjapu-ši* *o-čkom-u-s*
 собака-PL-ERG-ADD точно шакал-GEN PRV-есть-NML-DAT
kq-gi-ö-čk-am-an.
 AFF-PRV-CV-начать-SM-PRS.3PL.S
 ‘Собаки точно начинают поедать шакала’.

¹⁴ Я благодарю О. И. Беляева за помощь в подтверждении этих данных материалом корпуса ONC.

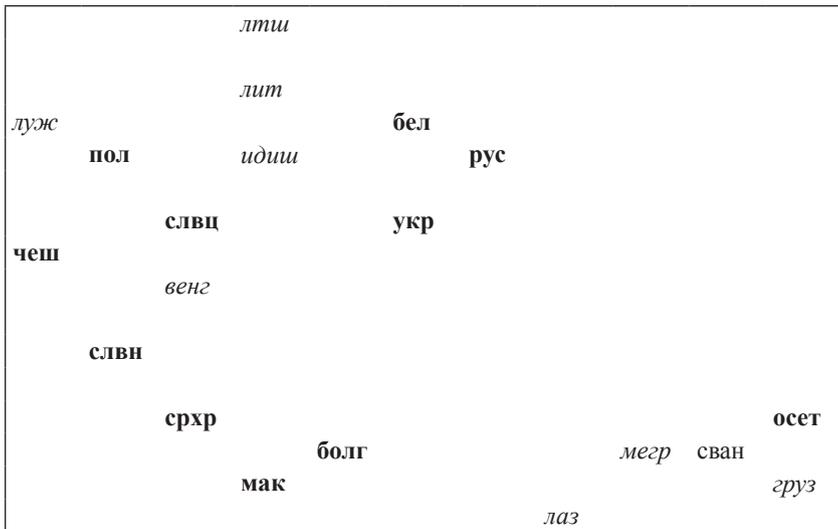
мегрельский [Ростовцев-Попель 2006: 56]

(26) *kvercx-ep-iš* *do-dw-ala* *ki-di-čq-ə*.
 яйцо-PL-GEN PRV-класть-NML AFF-PRV-начать-AOR.3SG.S
 ‘(Змея) начала откладывать яйца’.

Наконец, судя по тому, что сообщается об образовании отглагольного имени в сванском в [Tuite 1997: 22, 37], эта форма вообще не сочетается с провербами — т. е. данное ограничение не имеет отношения к фазовым глаголам как таковым.

Карта распределения ограничений на сочетаемость провербных глаголов с фазовыми конструкциями приведена на рис. 10. Как видно, данное ограничение является своеобразной славяно-осетинской изоглоссой.

Рис. 10. Ограничения на сочетаемость с фазовыми предикатами

запрет на употребление провербных глаголов при фазовых предикатах; *отсутствие* такого запрета; признак нерелевантен.

Помимо дистрибуции глаголов по акциональным значениям и аспектуально-релевантным контекстам важен и не менее сложный вопрос о характере лексических оппозиций, в которые вступают префиксальные и беспрефиксальные глаголы. Это в первую очередь касается тех случаев, когда префикс вносит в значение глагола дополнительные семантические компоненты, не сводящиеся к простой

телисизации / перфективации или какому-либо иному аспектуальному значению. Такие «лексические» функции превербов, являющиеся базовыми по отношению к аспектуальным / акциональным, широко представлены во всех рассматриваемых языках. В тех случаях, когда преверб не только модифицирует лексическое значение глагола, но и меняет его акциональные свойства, нередко возникает своего рода конфликт между необходимостью выразить новое лексическое значение в любых контекстах, независимо от конкретного аспектуального значения, и аспектуальными ограничениями, накладываемыми превербом на употребление глагола.

В разных языках рассматриваемого ареала этот конфликт разрешается по-разному. В славянских языках, а также в венгерском, осетинском и мегрельском имеются морфологические или морфосинтаксические средства, позволяющие поместить превербный глагол в любой семантически допустимый для него контекст; это механизмы так называемой вторичной имперфективации, о которых пойдёт речь в следующем разделе. Языки, где средств вторичной имперфективации, по крайней мере, продуктивных, нет, т. е. балтийские и грузинский, сванский и лазский¹⁵, оказываются перед выбором — либо допускать использование глаголов с «лексическими» превербами в большем числе аспектуальных контекстов, нежели это возможно для глаголов с «чисто перфективирующими» префиксами («победа» ясности выражения лексического значения над требованиями аспектуальной системы), либо использовать в «запретных» для превербных глаголов контекстах их беспрефиксальные корреляты, тем самым делая последние избыточно многозначными. Балтийские и картвельские языки в разной степени тяготеют к этим двум возможностям.

В грузинском языке существенно чаще используется второй вариант — в имперфективных контекстах (настоящее время в актуально-длительном значении и прошедшее несовершенное) глагол без преверба оказывается коррелятом всех своих превербных производных, выражающих подчас весьма разные лексические значения. Так, в приведённом выше примере (15) форма *viçer* ‘подписываюсь (на издание)’, букв. ‘пишу для себя’ соответствует префиксальному будущему времени *gamoviçer* ‘подпишусь’, и эта же форма *viçer* в подходящем

¹⁵ Германские языки я здесь не рассматриваю, поскольку ни в немецком, ни даже в испытывавшем сильное славянское влияние идише превербы не лишают глагол способности использоваться в актуально-длительном, хабитуальном и проч. значениях.

контексте может соответствовать, например, футуруму *čaviçer* ‘запишу (напр. в тетрадь)’. Форма презенса *aķeteb* ‘ты делаешь’ является коррелятом как для будущего с «пустым» превербом *gaaketeb* ‘ты сделаешь’, так и для глаголов с лексическими превербами *gamoaketeb* ‘ты восстановишь’, *gadaaketeb* ‘переделаешь’, *moaketeb* ‘вылечишь’, *šeaaketeb* ‘починишь’ [Vogt 1971: 185], см. также [Hewitt 2004: 288–289; Tomelleri 2009b: 255–256; Ростовцев-Попель 2012: 297–298]. Ср. показательный пример (27), где имперфект глагола без преверба соотносится с двумя противоположными по смыслу превербными глаголами — *čartva* ‘включить’ и *gamortva* ‘выключить’.

грузинский [Ростовцев-Попель 2012: 298]

- (27) *Otar-i* *šuk-s* *rom* *rt-av-d-a*,
 Отар-NOM свет-DAT когда переключать-SM-IPFV-3SG.S
še-vedi.
 PRV-идти:AOR:1SG.S
 ‘Я вошёл, когда Отар включал/выключал свет’.

В балтийских языках при необходимости употребить глагол с «лексическим» превербом в неопределённом контексте используется как стратегия депревербации (употребление исходного глагола в значении превербного деривата либо вторичное образование простого глагола путём отсечения преверба, см., например, [Vaillant 1946; Апресян 1995: 106; Tomelleri 2008: 39–41; Зализняк, Микаэлян 2011]), так и контекстная детелисизация префиксального глагола (данные две стратегии, по-видимому, лексически распределены, однако не следует исключать того, что их распределение не является постоянным — ни исторически, ни у разных носителей). О последней мы уже говорили выше (см. § 4.2), так что здесь обратимся к депревербации.

В латышском языке отмечены случаи, когда действительно можно говорить о депревербации в буквальном смысле слова как о процессе, образующем простой глагол (точнее, глагольную форму) от сложного путём отбрасывания преверба. Результирующие формы, насколько можно судить (ср. замечания в статье [Hauzenberga-Šturma 1979: 296]), являются «неологизмами» (т. е. не продолжают исходных значений беспрефиксальных глаголов) и не фиксируются словарями, хотя и отмечаются в художественной литературе. Э. Хаузенберга-Штурма пишет, в частности, что такие образованные депревербацией глаголы, как *baudīt* ‘проверять’ (← *pārbaudīt* ‘проверить’), ср. (27), или *vietot* ‘помещать’ (← *novietot* ‘поместить’) вне контекста непонятны (“ohne Kontext gar nicht verständlich” [Ibid.]); действительно, для глагола *baudīt* словари фиксируют

лишь значение ‘наслаждаться’ [KLLKV 2008: 645], а глагола *vietot* не признают вовсе. Ср. также пример (29), где простой глагол *saukt* ‘звать, призывать’ употреблён в значении превербного *sasaukt* ‘воззвать’.

латышский

- (28) *Viņ-iem jā-pārbaud-a past-a*
 3-DAT.PL.M DEB-PRV:проверить-PRS.3 почта-GEN.SG
mais-a apsējum-s, un tad viņ-i
 мешок-GEN.SG обвязка-NOM.SG и тогда 3-NOM.PL.M
stāv un baud-a.
 стоять(PRS.3) и проверить-PRS.3
 ‘Они должны были проверить обвязку почтового мешка, и вот они стоят и проверяют’ [Hauzenberga-Šturma 1979: 296].
- (29) *Viņ-š... sauc-a izglītīb-as kongres-us.*
 3-NOM.SG.M звать-PRS.3 просвещение-GEN.SG конгресс-ACC.PL
 ‘Он... созывал (букв. «звал») просветительские конгрессы» [Ibid.: 297].

Для литовского языка я не располагаю документированными свидетельствами синхронно активной депревербации наподобие проиллюстрированной только что для латышского. Тем не менее в литовском языке наблюдается явление, во многом сходное с описанным выше для грузинского: простой глагол выступает в контекстах, недоступных (или затруднительных) для его превербного коррелята в силу перфективирующего воздействия префикса. Лексико-семантические отношения между простым и производными глаголами при этом в некотором роде обратны наблюдаемому в латышском: если в примерах, подобных (28) и (29), простой глагол семантически произведен от морфологически более сложного превербного, то в литовском языке, наоборот, каждый из образованных от простого глагола префиксальных дериватов обладает более узкой лексической семантикой¹⁶. Б. Вимер [2001: 47–51] говорит о «диффузности» простых глаголов, т. е. о «наличии двух или более вариантов значения, причём равноправных» [Ibid.: 47], о дизъюнктивной структуре их семантики. Функция преверба состоит в том, чтобы выделить одно из значений

¹⁶ Тут следует сделать вполне очевидную оговорку о том, что противопоставление латышской и литовской ситуаций, разумеется, не является в реальности столь чётким, как может показаться из моего изложения. Разумеется, в обоих языках представлены разные лексико-семантические отношения между простыми и префиксальными глаголами. Так, В. Сталтмане [Staltmane 1958: 15–16; 1959: 630] говорит о том, что разные превербные производные в латышском соответствуют разным значениям простого глагола.

диффузного глагола, тем самым уменьшая число компонентов толкования и возможных контекстов употребления (в терминах Ф. Лемана [Lehmann 1999: 234], преверб контурирует диффузное значение глагола, ср. также понятие спецификации как основной функции префиксации у Д. Пайара [Пайар 1989/2003: 216]). Наиболее ярко диффузность лексической семантики простых глаголов проявляется в тех случаях, когда их префиксальные производные оказываются антонимичными [Вимер 2001: 49–50], ср. *jungti* ‘выключать √ включать’ ~ *įjungti* ‘включать’ vs. *išjungti* ‘выключать’, *rengtis* ‘одеваться √ раздеваться’ ~ *apsirengti* ‘одеваться’ vs. *nusirengti* ‘раздеваться’, *lipti* ‘садиться (в транспорт) √ выходить (из транспорта)’ ~ *įlipti* ‘садиться (в транспорт)’ vs. *išlipti* ‘выходить (из транспорта)’ и под.¹⁷ (ср. аналогичный грузинский пример (27)). Помимо этих примеров, имеются также многозначные простые глаголы типа *versti*, исходное физическое значение которого (‘переворачивать, опрокидывать’) при присоединении приставки не только контурируется (уточняется), но и модифицируется (дополняется), ср. *perversti* ‘перевернуть’, *nuversti* ‘сбросить’, *išversti* ‘перевести (с одного языка на другой)’, *priversti* ‘заставить (сделать что-либо)’, *paversti* ‘превратить’ [Ibid.: 50]. Согласно Б. Вимеру [Ibid.], «бесприставочные глаголы типа *versti* во всех своих значениях регулярно употребляются в большинстве аспектуально релевантных контекстов, довольно свободно “заменяя” производные приставочные глаголы», что подтверждается корпусными данными, ср. (30a–d).

литовский

- (30) a. *Šiandien jūr-a* *verči-a* *bang-as*
 сегодня море-NOM.SG переворачивать-PRS.3 волна-ACC.PL
kaip prieš šimt-ą ir prieš tūkstant-į
 как перед сто-ACC.SG и перед тысяча-ACC.SG
met-ų
 год-GEN.PL
 ‘Сегодня море переворачивает волны как и сто, и тысячу лет назад’ (LKT).

¹⁷ Стоит, правда, отметить, что лишь для глагола *lipti* мне удалось найти примеры обоих употреблений с примерно равномерным распределением. Что касается потенциально омонимичных сочетаний типа *daro langą* ‘открывает / закрывает окно’, то, во-первых, их число в интернете несоизмеримо мало (не более 10 примеров) и, насколько я могу судить, все они означают ‘открывает окно’; аналогичные наблюдения можно сделать и относительно глагола *jungti* ‘включать / выключать’. Тем самым можно предположить, что по крайней мере в современном литовском языке совмещение в одном глаголе «разнонаправленных» значений встречается редко.

- b. *Gerai, kad valdži-a verči-a dabar*
 хорошо что власть-NOM.SG заставлять-PRS.3 теперь
moky-ti-s.
 учить-INF-RFL
 ‘Хорошо, что власть теперь заставляет учиться’ (LKT).
- c. *Mes bėg-a-m per pusn-is,*
 мы.NOM бежать-PRS-1PL через сугроб-ACC.PL
klump-a-m, pūg-a verči-a iš
 спотыкаться-PRS-1PL метель-NOM.SG валить-PRS.3 из
koj-ų.
 нога-GEN.PL
 ‘Мы бежим через сугробы, спотыкаемся, метель валит с ног’
 (LKT).
- d. *Tačiau šved-ai ir B. Pasternak-ą, ir*
 однако швед-NOM.PL и Б. Пастернак-ACC.SG и
O. Mandelštam-ą verči-a verlibr-u.
 О. Мандельштам-ACC.SG переводить-PRS.3 верлибр-INS.SG
 ‘Однако шведы и Б. Пастернака, и О. Мандельштама переводят
 верлибром’ (LKT).

Представляется возможным предположить, что на синхронном уровне тип функциональной операции над семантикой простого глагола, осуществляемой превербом, — контурация или модификация — взаимообуславливает тип грамматической оппозиции простого и префиксального глагола. Так, например, в языках, где продуктивна вторичная имперфективация, позволяющая и сохранить внесённое превербом изменение лексической семантики, и использовать глагол в неопределённых контекстах, нет нужды использовать простые глаголы в качестве гиперонимов производных и, тем самым, контурация оказывается скорее периферийной по отношению к модификации. Разумеется, это предположение касается лишь общей тенденции и допускает исключения, которые могут быть мотивированы самыми разными факторами¹⁸. В этом смысле немалый интерес представляют отмеченные в русском языке случаи, в некотором роде промежуточные между литовской диффузностью простых глаголов и лагышской депревербацией. Имеются в виду нередкие примеры употребления простых глаголов в качестве эквивалентов, строго говоря, несинонимичных им вторичных имперфективов, особенно характерные для профессиональной речи,

¹⁸ Ср., например, замечания о русских глаголах с многочисленными приставочными дериватами в статье [Сигалов 1975а: 119].

ср. врачебное *рвём зубы* (вместо общелитературного *вырываем*), *режем аппендицит* (вместо *вырезаем*), или употребительное в речи людей, имеющих отношение к звукозаписи, *пишем диски, концерты* (вместо *записываем*). Такие употребления носят особую стилистическую окраску и не являются полностью продуктивными, ср. отсутствующее даже в профессиональной речи лингвистов выражение **пишем языки* (вместо *описываем*)¹⁹. Подробнее о таких употреблениях см. [Зализняк и др. 2010: 20; Зализняк, Микаэлян 2011].

5.2. СРЕДСТВА «ВТОРИЧНОЙ ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ»

Под вторичной имперфективацией понимается морфосинтаксический механизм, позволяющий перфективированному при помощи преверба глаголу быть употреблённым в имперфективном контексте. В связи с этим определением необходимо сделать сразу несколько уточнений.

Во-первых, с формальной точки зрения прототипическая вторичная имперфективация — это морфологическая деривация, применяющаяся к превербному терминативному глаголу, в результате которой возникает новый глагол, по-прежнему содержащий в своём составе преверб, но уже на более глубоком уровне своей «деривационной истории». Примером такой типичной имперфективной деривации служат славянские вторичные имперфективы с различными вариантами суффикса *-va-*, ср. рус. первичный имперфектив *писать*, префиксальный перфектив *переписать* и вторичный имперфектив *переписывать*. В изучаемых языках, однако, представлены различные отклонения от этого прототипа, в частности, случаи, когда имперфективация превербного глагола осуществляется при помощи не морфологической деривации (аффиксации), а (морфо)синтаксического преобразования, как в венгерском и отчасти латышском (см. ниже). Кроме того, вторичную имперфективацию следует отличать от так называемой «депревербации» — усечения преверба с «наследованием» значения сложного глагола непроеводным, — о которой шла речь в предыдущем разделе. Несмотря на то, что депревербация может служить функциональным аналогом вторичной имперфективации, мне не представляется корректным рассматривать первую как одно из возможных средств выражения последней —

¹⁹ Правда, как мне указала С. Ю. Толдова, более «повседневная» и конкретная деятельность, а именно запись текстов от носителей языка, может быть описана выражением *писать тексты*, ср. *В этом году мы у ульчей только писали тексты*.

депревербацию логичней рассматривать как особый тип соотношения простого и превербного глаголов, а не как морфологическую деривацию в собственном смысле этого слова.

Во-вторых, с функциональной точки зрения нужно выделить по крайней мере два существенно различных типа имперфективации (ср., например, Vikner 1994; Падучева 1998: 39]), которые я назову внесобытийным и внутрисобытийным. Внесобытийная имперфективация состоит в том, чтобы определённым образом «размножить» обозначаемое превербным глаголом предельное или моментальное событие, создав итеративный и / или хабитуальный дериват (например, рус. *подпрыгнуть* ~ *подпрыгивать*) (т.е., пользуясь терминологией А. Стуновой, сохраняя нетронутой терминативную «микроситуацию», породить длительную «макроситуацию»). Такой тип имперфективации потенциально применим к произвольному превербному глаголу, поскольку в принципе любая ситуация может быть представлена как повторяющаяся (с тождественным или меняющимся составом участников), независимо от её внутренней структуры.

Напротив, внутрисобытийная имперфективация манипулирует внутренней структурой единичной «микроситуации», «аннулируя» внесённую превербом терминативность; в результате её применения глагол становится нетерминативным и может использоваться для обозначения промежуточных, длительных фаз ситуации (например, рус. *внезапно проснуться* ~ *постепенно просыпаться*). Такая операция более существенным образом воздействует на семантику глагола, чем внесобытийная имперфективация, поскольку последняя лишь «надстраивает» событие, отображая его в серию однотипных событий, в то время как внутрисобытийная имперфективация «проникает внутрь» единичной ситуации, перестраивая отношения между её компонентами. Неслучайно, что имперфективация внутрисобытийного типа применима не к любому глаголу и с предикатами разных акциональных типов даёт разные результаты. Собственно выделение длительной фазы («действия в развитии» по Е. В. Падучевой) возможно лишь у предельных глаголов, обозначающих ситуации типа *accomplishment* по З. Вендлеру, состоящие из процесса и связанного с ним события — достижения процессом предела (ср. *переписать* ~ *переписывать* или *открыть* ~ *открывать*). С моментальными глаголами, обозначающими ситуации, не предполагающие никакого предварительного процесса, внутрисобытийная имперфективация либо вовсе невозможна, либо допустима лишь в перспективном значении ('имеются предпосылки для осуществления ситуации', ср. англ. *John*

is reaching the summit ‘Джон приближается к вершине’, см. о проспективном значении прогрессивных форм, например, [Smith 1991/1997: 75]). Нужно сразу отметить, что в русском языке вторичная имперфективация моментальных глаголов в основном является внесобытийной (ср. *прийти* ~ *приходить*, *взорваться* ~ *взрываться* и т. д.), внутрисобытийная же вторичная имперфективация проспективного типа скорее встречается редко, ср. *опоздать* ~ *опаздывать* и некоторые другие случаи [Падучева 1996: 96–97, 113–115].

При обсуждении вторичной имперфективации нас будет в наибольшей степени интересовать именно внутрисобытийная имперфективация. Этот выбор объясняется тем, что именно внутрисобытийная имперфективация, позволяющая представить ситуацию как развивающуюся по направлению к достижению предела, и является имперфективацией *sensu stricto* (ср. противопоставление «первичного» и «вторичного» аспекта в работе [Плунгян 2011а: 381 и след.]). С другой стороны, оставить внесобытийную имперфективацию полностью за пределами рассмотрения также невозможно, поскольку, во-первых, во многих языках (в частности, в славянских) оба типа имперфективации выражаются одинаково и не всегда могут быть чётко и однозначно разграничены, и, во-вторых, поскольку внесобытийная имперфективация является важным (но, очевидно, не единственным) диахроническим источником возникновения внутрисобытийной.

Языки восточноевропейского ареала значительно различаются в отношении наличия вторичной имперфективации, её типа, способов выражения и продуктивности, ср. карту на рис. 11.

Наиболее развитая вторичная имперфективация представлена в славянских языках, где она соответствует описанному ранее формальному «прототипу», выражаясь с помощью морфологической деривации, причём суффиксальный характер показателя имперфективации «иконически» отражает его функциональное отличие от перфективирующих превербов. Однако и славянские языки значительно различаются степенью продуктивности в них вторичных имперфективов. По данным работы [Петрухина 2000: 89, 101–104], продуктивность вторичных имперфективов возрастает в восточной зоне, достигая максимума в болгарском языке, где вторичная имперфективация применяется практически ко всем без исключения глаголам совершенного вида, как префиксальным (ср. *внеса* ‘внести’ ~ *внесям* ‘вносить’), так и беспрефиксальным (ср. *чуя* ‘услышать’ ~ *чувам* ‘слышать’, см. [Маслов 1981: 204–205 и след.; Маслов 1984/2004: 120 и след.]); возможна даже «третичная» имперфективация перфективного глагола, образованного префиксацией от вторичного

имперфектива [Маслов 1981: 209–210], ср. *седна* ‘сесть’ → *сядам* ‘сидеться’ → *насядам* ‘рассесться (по местам)’ → *насядвам* ‘рассаживаться’. Ограничения на образование вторичного имперфектива в болгарском языке носят сугубо формальный характер [там же: 211–212]; вторичные имперфективы свободно образуются от глаголов делимитативного [Маслов 1984/2004: 121], ср. *поседа* ‘посидеть’ ~ *посеждам*, и ингрессивного способов действия [там же: 120], ср. *заиграя* ‘заиграть’ ~ *заигравам*, а также от глаголов с «чистовидовыми» приставками [там же: 122], ср. *направя* ‘сделать’ ~ *направлям*²⁰. «Оборотной стороной» такой неограниченной продуктивности вторичной имперфективации в болгарском является преобладание у вторичных имперфективов внесобытийного значения «неограниченной кратности» и отсутствия у значительной их части процессуального, т. е. внутрисобытийного значения [Петрухина 2000: 89; Тоорс 1998а: 521–522]. В частности, как отмечает С. Дики [Dickey 2012: 9], не имеют актуально-длительного значения вторичные имперфективы, образованные от глаголов с «чистовидовыми» приставками, (31а), ср. (31б) с хабитуальным употреблением.

Рис. 11. Средства вторичной имперфективации

		<u>лтш</u>		
		<i>лит</i>		
<i>дуж</i>			бел	
	пол	идиш		рус
		слвц	укр	
чеш		<u>венг</u>		
	слвн			
		срхр		
			болг	
				осет
		мак	мегр	сван
				груз
				лаз

продуктивная морфологическая вторичная имперфективация; *ограниченно продуктивная* морфологическая вторичная имперфективация; неморфологические средства вторичной имперфективации; вторичная имперфективация отсутствует.

²⁰ В случае глагола *направлям* имперфективация выражается изменением класса спряжения, поскольку начальное *в* суффикса слилось с конечным *в* основы.

болгарский

(31) а. *Точно сега пише / *написва писмото.*

‘Как раз сейчас он пишет письмо’.

б. *Това значи, че написвам на листче хартия броя на своите звезди.*

‘Это значит: я записываю на листке бумаги число своих звёзд’

(А. де Сент-Экзюпери, «Маленький принц», гл. 13²¹).

В русском языке вторичная имперфективация также весьма продуктивна, но существенно более ограничена, чем в болгарском. Вторичные имперфективы, как правило, не образуются от ряда префиксальных способов действия, ср. **заигрывать* в значении ‘начинать играть’ или **посиживать* vs. *дописывать*, *наеда́ться*, а также от некоторых глаголов с «чистовидовыми» приставками. Последнее ограничение не является ни абсолютным (ср. [Сигалов 1975а: 119–120]), ни диахронически стабильным. Во-первых, вторичная имперфективация глаголов с «чистовидовыми» префиксами довольно широко распространена даже в литературном языке, ср. такие «видовые тройки» [Храковский 2005; Зализняк, Микаэлян 2010; Татевосов 2010б; Янда 2012], как *есть* → *съесть* → *съеда́ть* или *мазать* → *намазать* → *намазывать*, в которых вторичный имперфектив оказывается (контекстным) квазисинонимом исходному глаголу НСВ. Во-вторых, имперфективация более продуктивна и регулярна в разговорной речи и иных некодифицированных вариантах языка (в частности, в диалектах, см. [Ровнова 1998; 2012: 503, 504–506]), что приводит к возникновению и употребительности таких не признаваемых официальной нормой вторичных имперфективов, как *нарисовывать*, *полюблять*, *постраиваться* [Ремчукова 2004; Зализняк, Микаэлян 2010: 135; Зализняк и др. 2010: 14–16] или *приючать*, *перестреливать*, *возненавиживать* (неологизмы А. И. Солженицына, [Петрухина 2000: 100]).

Важным свойством русской аспектуальной системы, отличающей её от болгарской, является больший удельный вес внутрисобытийной вторичной имперфективации (см. [Петрухина 2000: 95 и след.]): довольно значительная часть вторичных имперфективов, в том числе входящих в «видовые тройки», способны иметь процессуальное значение. Сравнение с языками западной «аспектуальной области» позволяет говорить о своего рода обратной корреляции между продуктивностью вторичной имперфективации и преобладанием одного из двух её функциональных типов в славянских языках: чем более

²¹ А. Сент-Экзюпери. *Малкият принц*. URL: <http://malkiqtp Princ.atSPACE.com/13.htm>

продуктивна имперфективация, тем меньше удельный вес внутри-событийного типа, и наоборот. На это наглядно указывают данные чешского языка [Петрухина 2000: 100–103], где вторичная имперфективация, во-первых, существенно менее продуктивна, чем в русском языке, и, во-вторых, «практически нет непроцессуальных вторичных имперфективов» [там же: 101]. С другой стороны, в чешском языке, по-видимому, в большей степени, нежели в русском, распространена вторичная имперфективация глаголов с «чистовидовыми» приставками [Shull 2000: 229]²². Напротив, в современном верхнелужицком вторичная имперфективация в немалой степени утратила продуктивность и была переосмыслена как средство выражения итеративности или дистрибутивности (см., например, [Тоops 1998a, 1998b; Brankačkec 2011]), ср. *pokazować* ‘показывать один предмет за другим или многократно’, *přichadžeć* ‘приходить одному за другим или многократно’ [Тоops 1998b: 292], либо подверглась лексикализации, ср. *přinošować* ‘вносить вклад’.

Выйдем за пределы славянской группы. Балтийские языки существенно различаются между собою в отношении вторичной имперфективации. В литовском языке, на первый взгляд, представлена ситуация, в наибольшей степени сходная со славянской. В качестве средства вторичной имперфективации в литовском используется итеративный в своём исходном значении суффикс *-inė-* (см., в частности, [Dambriūnas 1960: 85–90; Paulauskienė 1964: 176–183; Галнайтите 1966]). Данный механизм демонстрирует следующие важные отличия от вторичной имперфективации славянских языков. Во-первых, суффикс *-inė-* свободно присоединяется не только к префиксальным глаголам «совершенного вида», но и к беспрефиксальным глаголам «несовершенного вида», придавая им итеративно-аттенуативное значение, ср. пример (32)²³.

²² С. Шал интерпретирует этот факт как свидетельство утраты префиксом морфологической и семантической автономности и слияние его с основой. Данный вывод без дополнительных аргументов представляется слишком смелым.

²³ Стоит отметить, что именно такие итеративные глаголы составляют основную массу лексем с суффиксом *-inė-*, включённых в нормативные словари литовского языка; так, в обратном словаре [Robinson 1976: 49–52], основанном на академическом словаре [DLKŽ 1954] из примерно 500 глаголов с данным суффиксом лишь несколько десятков содержат префикс (ср. [Галнайтите 1966: 148]). Напротив, по данным корпуса современного литовского языка [ЛКТ], из примерно 1000 глаголов с данным суффиксом большинство составляют образования от префиксальных основ (точную статистику без специального исследования привести затруднительно).

литовский

- (32) *O t-uo tarpu jaun-i talent-ai*
 а тот-INS.SG.M между молодой-NOM.SG.M талант-NOM.PL
raš-inė-jo š-į bei t-q, bet
 писать-ITER-PST.3 этот-ACC.SG.M и тот-ACC.SG но
daugiausia... gėr-ė!
 более.всего пить-PST.3
 ‘А между тем молодые таланты пописывали то и это, но больше
 всего... пили!’ (LKT)

Стоит обратить внимание на то, что в этом примере описываются две итеративные ситуации — ‘писать’ и ‘пить’, — однако лишь первая из них обозначается с помощью итеративного суффикса; видимо, это связано именно с дополнительным оценочным значением незначительности результата действия, который отсутствует в ситуации ‘пить’ (ср. [Roszko, Roszko 2006: 165, 167–169]).

Кроме того, в литовском языке нет ограничения на образование итеративов от глаголов с «чисто аспектуальными» префиксами. Так, от глагола *parašyti* ‘написать’ образуется итератив *parašinėti* ‘периодически писать (до конца)’, ср. пример (33).

литовский

- (33) — *O iš k-o gyven-i?..*
 а из что-GEN жить-PRS.2SG
 — *Kai k-q pa-raš-inė-ju... — at.sak-iau.*
 кое.что-ACC PRV-писать-ITER-PRS.1SG (PRV)ответить-PST.1SG
 ‘— А на что ты живёшь?.. — Кое-что пишу (букв. «написываю»), — ответил я’ (LKT).

Во-вторых, в литовском литературном языке основным значением глаголов с суффиксом *-inė-* является внесобытийное (итеративное), а не внутрисобытийное (процессуальное). По всей видимости, рост продуктивности суффиксальных глаголов и вовлечение их в область выражения длительной однократной ситуации — предельного процесса в развитии, — определяются влиянием славянских языков, в частности, русского в советскую эпоху, и особенно характерны для литовских диалектов, находящихся в интенсивном контакте со славянскими идиомами (см. об этом, в частности, [Vidugiris 1961; Paulauskienė 1964: 178–179; Kardelis, Wiemer 2002; Pakerys, Wiemer 2007]). Предложения вроде (34а) встречаются в ненормированной разговорной речи и в интернете и эквивалентны стандартному (34б); в литературном языке они не допускаются, да и в субстандартных разновидностях

не являются особенно частотными, хотя и отмечаются в справочниках по «культуре языка» как типичные «ошибки» (см., например, [Завьялова 2013: 258–259]).

литовский

(34) a. ...*pa.puol-ė* *po* *automobili-o* *rat-ais*,
 попасть-PST.3 под автомобиль-GEN.SG колесо-INS.PL
kai ***per-ei-dinė-jo*** *gatv-ę*...
 когда PRV-ИДТИ-ИТЕР-PST.3 улица-ACC.SG
 ‘...попал под колёса автомобиля, когда переходил улицу...’²⁴

b. *Jon-as* ***ėj-o*** *per* *gatv-ę*.
 Йонас-NOM.SG идти-PST.3 через улица-ACC.SG
 ‘Йонас переходил (букв. «шёл через») улицу’.

Тем не менее, можно отметить ряд глаголов с суффиксом *-inė-*, употребление которых в процессуальном значении допускается нормой, ср. *įrodinėti* ‘доказывать’ (< *įrodyti* ‘доказать’), *įžeidinėti* ‘оскорблять’ (< *įžeisti* ‘оскорбить’), *apžiūrinėti* ‘осматривать’ (< *apžiūrėti* ‘осмотреть’), *įtikinėti* ‘убеждать’ (< *įtikinti* ‘убедить’)²⁵, см. подробнее [Paulauskienė 1964: 180–181], где, тем не менее, утверждается, что большая часть таких глаголов всё же сохраняют оттенок многократности. Так, в примерах (35) и (36) можно усмотреть не только процессное значение единичной ситуации в развитии, но и многократное (объектно-дистрибутивное) значение, закономерно возникающее при множественном числе актанта.

²⁴ <http://www.facebook.com/pages/ABA-BOKSAS/214505118233>. Стоит отметить, что все крайне немногочисленные примеры глагола *pereidinėti* ‘переходить’ в ЛКТ демонстрируют итеративное, а не дуративное значение.

²⁵ Интересно, что именно на эти глаголы, в которых префикс модифицирует, причём подчас существенно, значение основы, приходится львиная доля употреблений литовских глаголов с суффиксом *-inė-* в корпусе; так, из примерно 7000 употреблений 3 л. претерита вторичных имперфективов в публицистических текстах, представленных в ЛКТ, ок. 1500 (20 %) приходится на следующие пять наиболее употребительных глаголов: *įrodinėjo* ‘доказывал(а/и)’, *atsakinėjo* ‘отвечал(а/и)’, *įtikinėjo* ‘убеждал(а/и)’, *aptarinėjo* ‘обсуждал(а/и)’ и *priiminėjo* ‘принимал(а/и)’. Подавляющее же большинство вторичных имперфективов в корпусе отмечены лишь единичными употреблениями.

литовский

- (35) *Darbinink-as dar at-si-min-ė, kaip j-o*
 рабочий-NOM.SG ещё PRV-RFL-помнить-PST.3 как 3-GEN.SG.M
žaid-as per-riš-inė-jo jaun-a
 рана-ACC.PL PRV-вязать-ITER-PST.3 молодой-NOM.SG.F
mergin-a.
 девушка-NOM.SG
 ‘Рабочий ещё помнил, как его раны перевязывала юная девушка’
 [Paulauskienė 1964: 180–181].

- (36) *Frid-a kaip niekur niek-o nuo staliuk-ų*
 Фрида-NOM.SG как нигде ничто-GEN от столик-GEN.PL
nu-rink-inė-jo ind-us.
 PRV-собирать-ITER-PST.3 посуда-ACC.PL
 ‘Фрида как ни в чём не бывало собирала со столиков посуду’
 (LKT).

Можно, однако, отметить и чисто процессуальные употребления вторичных имперфективов с единичными актантами, ср. примеры (37) и (38) из современной публицистики.

литовский

- (37) *...mūs-ų valstyb-ė pra.rad-inė-ja*
 мы-GEN государство-NOM.SG (PRV)терять-ITER-PRS.3
politin-į ir ekonomin-į
 политический-ACC.SG.M и экономический-ACC.SG.M
suverenitet-ą.
 суверенитет-ACC.SG
 ‘...наше государство теряет политический и экономический суверенитет’ (LKT).

- (38) *Sprogim-as nu-griaudė-jo... t-uo met-u,*
 взрыв-NOM.SG PRV-гремять-PST.3 тот-INS.SG.M время-INS.SG
kai... j-is iš-jung-inė-jo
 когда 3-NOM.SG.M PRV-соединять-ITER-PST.3
automobili-o signalizacij-ą.
 автомобиль-GEN.SG сигнализация-ACC.SG
 ‘Взрыв прогремел в то время, когда... он отключал сигнализацию автомобиля’ (LKT).

Наконец, надо также отметить, что употребление глаголов на *-inė-* неодинаково в разных временных формах. Ввиду того, что, как уже говорилось, литовские префиксальные глаголы могут выступать в настоящем времени как в многократном значении (свободно), так

и в актуально-длительном (значительно более ограниченно), в данной форме они конкурируют со «вторичными имперфективами» и существенно превосходят их по частотности²⁶. Так, пример (37) с суффиксальным производным от глагола *prarasti* ‘потерять’ можно считать окказионализмом в сравнении с параллельным примером (39), где в том же значении выступает на несколько порядков более частотная форма исходного префиксального глагола.

литовский

- (39) ...*valstyb-ė* *pra.rand-a* *politin-i*
 государство-NOM.SG (PRV)терять-PRS.3 политический-ACC.SG.M
ir ekonomin-i *suverenitet-q.*
 и экономический-ACC.SG.M суверенитет-ACC.SG
 ‘...государство теряет политический и экономический суверени-
 тет’ (LKT).

Семантическое противопоставление между превербными глаголами и образованными от них производными на *-inė-* является более отчётливым в прошедшем времени, где исходный префиксальный глагол, как правило, не может иметь ни многократного, ни процессуального значения. Неслучайно вторичные имперфективы чаще употребляются в прошедшем, нежели в настоящем времени (ок. 5800 vs. ок. 3800 употреблений в корпусе публицистики²⁷). Однако и здесь употребление суффиксальных производных не является единственной

²⁶ Стоит отметить, что даже наиболее частотные вторичные имперфективы встречаются в несколько раз реже своих исходных глаголов, причём, по-видимому, различие в частотности в пользу простых префиксальных глаголов, как правило, не зависит от грамматической формы: как формы презенса, так и формы претерита бессуффиксальных глаголов оказываются частотней соответствующих форм вторичных имперфективов. Исключение составляет глагол *apgauti* ‘обмануть’, презенс которого встречается в два раза реже презенса суффиксального *apgaudinėti* ‘обманывать’, занимающего второе место среди презентных форм вторичных имперфективов. Этот факт, очевидным образом, связан с тем обстоятельством, что суффиксальный глагол *apgaudinėti* свободно используется для обозначения актуально-длительных ситуаций. В любом случае, по данным частотного словаря [Utka 2009], основанного на корпусе в 1 миллион словоупотреблений, ни один из литовских вторичных имперфективов не входит в первые 800 наиболее частотных глаголов. Для сравнения, в частотном словаре [Ляшевская, Шаров 2009] наиболее частотный русский вторичный имперфектив *понимать* находится на 21-м месте.

²⁷ К сожалению, из-за отсутствия в LKT морфологической разметки проверить статистическую существенность этого распределения можно лишь с помощью ручного подсчёта всех форм прошедшего и настоящего времён в корпусе.

возможностью: значение неоднократной повторяемости в прошлом как правило выражается словоизменительной формой хабиитуально-прошедшего, свободно образующейся от любых глаголов, в том числе префиксальных (см. [Генюшене 1989: 127–128; Roszko, Roszko 2006; Sakurai 2015]), а в значении недостигнутого предела может выступать аналитическая авертивная конструкция, обозначающая ситуацию, которая при нормальном ходе событий должна была произойти, однако из-за внешних обстоятельств так и не имела места (см. [Sližienė 1961; Arkadiev 2011b; Аркадьев 2012: 106–112]). Ср. употребление хабиитуалиса-в-прошедшем и вторичного имперфектива от одного и того же глагола в примерах (40а) и (40б). Итеративный глагол на *-inė-* обозначает множество однотипных ситуаций, связанных в серию и рассматриваемых как единая длительная комплексная ситуация, занимающая определённый промежуток времени, в то время как хабиитуалис-в-прошедшем обозначает неопределённое множество ситуаций, каждая из которых существует по отдельности и не связана с другими.

литовский

- (40) a. *miest-e...* *at.stat-inė-jo* *sugriaut-as*
 город-LOC.SG восстановить-ITER-PST.3 разрушенный-ACC.PL.F
gynybin-es *sien-as* *ir bokšt-us*.
 оборонительный-ACC.PL.F стена-ACC.PL и башня-ACC.PL
 ‘В городе... восстанавливали разрушенные оборонительные
 стены и башни’ (LKT).
- b. *Po gaisr-o* *žmon-ės* *visk-q*
 после пожар-GEN.SG люди-NOM.PL всё-ACC.SG
at.staty-dav-o *t-uo* *pači-u*
 восстановить-NAV-PST.3 TOT-INS.SG.M самый-INS.SG.M
stili-umi *kaip j-ų* *tėv-ai* *ir*
 стиль-INS.SG как 3-GEN.PL отец-NOM.PL и
seneli-ai.
 старик-NOM.PL
 ‘После пожара люди [обычно] всё восстанавливали в том са-
 мом стиле, как [строили] их отцы и деды’ (LKT).

Аналогичным образом нетождественны функции вторичного имперфектива и авертивной конструкции: последняя в большинстве случаев передаёт значение, близкое к «антирезультативному» [Плунгян 2001] — ‘ситуация вот-вот должна была произойти, но не произошла’, — в то время как глаголы на *-inė-*, когда они употребляются

в процессуальном значении, такой семантики не несут; ср. параллельные примеры (41a) и (41b).

литовский

- (41) a. *Skubiai už-si-met-ė rūb-q ir*
 спешно PRV-RFL-бросить-PST.3 одежда-ACC.SG и
buv-o be-iš-ein-a-nt-i, tačiau
 AUX-PST.3 CNT-PRV-идти-PRS-PA-NOM.SG.F однако
pri.si.min-ė, k-o čia
 (PRV.RFL)вспомнить-PST.3 что-GEN.SG сюда
at-ėj-us-i.
 PRV-идти-PST.PA-NOM.SG.F
 ‘Она спешно набросила на себя одежду и собралась было уйти, но вспомнила, зачем она сюда пришла’ (LKT).

- b. *Visai neseniai iš-ei-dinė-jau iš but-o*
 совсем недавно PRV-идти-ITER-PST.1SG из квартира-GEN.SG
ruošdamasis kažkur važiuo-ti. T-uo
 собираясь куда-то ехать-INF тот-INS.SG.M
pači-u met-u iš savo but-o
 самый-INS.SG.M время-INS.SG из свой квартира-GEN.SG
iš-ei-dinė-jo ir mano kaimyn-as.
 PRV-идти-ITER-PST.3 и мой сосед-NOM.SG
 ‘Совсем недавно я выходил из квартиры, собираясь куда-то ехать. В то самое время из своей квартиры выходил и мой сосед’²⁸.

Разумеется, хабитуальный претерит и авертив не исчерпывают всех возможных значений вторичной имперфективации, но, тем не менее, сужают «нишу» для употребления глаголов с суффиксом *-inė-*. Таким образом, хотя говорить о том, что в литовском языке вторичная имперфективация отсутствует вовсе, было бы неверно, её продуктивность, особенно во внутрисобытийной функции, весьма ограничена, а статус в системе не столь очевиден, как в славянских языках. Важно также подчеркнуть, что ограниченное распространение в литовском языке вторичной имперфективации не привело к «кристаллизации» оппозиции между условно «перфективными» и условно «имперфективными» глаголами и превращению существующих наборов акциональных противопоставлений в грамматическую категорию в строгом смысле (см. об этом в первую очередь [Вимер 2001]).

²⁸ <http://skirtumas.popo.lt/2010/09/20/lotoliukas/>

В отличие от литовского, в латышском языке морфологические средства имперфективации отсутствуют. При необходимости употребить превербный глагол в непредельном контексте могут использоваться рассматривавшаяся в предыдущем разделе депревербация, контекстная детелисизация с сохранением преверба (обычно лишь в настоящем времени), ср. *es norakstu vēstuli* ‘я переписываю письмо’ [Hauzenberga-Šturma 1979: 286], а также нетривиальные аналитические конструкции с наречиями, о которых пойдёт речь ниже (см. о них, в частности, [Эндзелин 1906/1971: 624–632; Endzelin 1922: 741–743; Staltmane 1958: 17–24; Hauzenberga-Šturma 1979: 293, 298–303; Holvoet 2000; 2001: 133–145; Toops 2001c]).

Так называемый «аналитический имперфектив» [Hauzenberga-Šturma 1979: 299] образуется сочетанием беспрефиксального глагола с обычно находящимся в постпозиции наречием, семантически соотносящимся с соответствующим превербом. В ряде случаев наречие этимологически связано с префиксом (ср. *ie-* ~ *iekšā* ‘внутри’, *no-* ~ *nost* ‘прочь’), однако это вовсе не обязательно (ср. *iz-* ~ *ārā* ‘наружу’, *no-* ~ *zemē* ‘вниз’), см. [Endzelin 1922: 741], где приводится список соответствий между превербами и наречиями. Конструкции с наречиями употребляются в тех случаях, когда префикс существенно меняет лексическое значение глагола, в первую очередь, с глаголами движения, ср. такие пары «глагол с превербом ~ глагол без преверба + наречие», как *aiziet* ‘уйти’ ~ *iet prom* ‘идти прочь, уходить’, *ienest* ‘внести’ ~ *nest iekšā* ‘нести внутрь, вносить’, *uzkāpt* ‘взойти’ ~ *kāpt augšā* ‘подниматься вверх, восходить’ и др., а также с глаголами других семантических классов: *atslēgt* ‘отпереть’ ~ *slēgt vaļā* ‘отпирать’ (ср. нем. *los*), *nosist* ‘убить’ ~ *sist nost* ‘убивать’ и др. Ср. следующие примеры, демонстрирующие аспектуальное противопоставление превербного глагола и конструкции с наречием.

латышский

(42) a. *Ar t-o var-ot veln-u at-gaiņā-t.*
с ЭТОТ-ACC.SG мочь-EVID чёрт-ACC.SG PRV-ГНАТЬ-INF
‘с его помощью можно, говорят, отогнать чёрта’ [Endzelin 1922: 741].

b. *Līdz rīt-am gaiņā-ja veln-u nuo*
до утро-DAT.SG гнать-PST.3 чёрт-ACC.SG от
kap-a nuost.
могила-GEN.SG прочь
‘Он до утра отгонял чёрта от могилы’ [Ibid.].

- (43) a. *Tomēr Kadikš-is krafi-jā-s no šād-ām*
 однако Кадитис-NOM.SG трясти-PST.3-RFL от такой-DAT.PL.F
dom-ām vaļā.
 мысль-DAT.PL на.волю
 ‘Однако Кадитис отделялся от таких мыслей’ [Holvoet 2001: 143].
- b. *Viņ-š ne-varē-ja at-krafi-tie-s no*
 он-NOM.SG.M NEG-мочь-PST.3 PRV-трясти-INF-RFL от
šād-ām dom-ām.
 такой-DAT.PL.F мысль-DAT.PL
 ‘Он не мог отделаться от таких мыслей’ [Ibid.].

Статус конструкций с наречиями в системе латышского языка, однако, не вполне очевиден. Неясно, насколько продуктивный и систематический характер носит корреляция между префиксальными глаголами и такими конструкциями. Согласно работам [Holvoet 2000; 2001: 141–142; Toops 2001c], следует говорить не столько о коррелятивности двух различающихся аспектуальной функцией типов сложных предикатов в латышском, сколько о существовании двух не зависящих друг от друга классов конструкций, которые в ряде случаев могут выступать как связанные аспектуальным отношением. Действительно, далеко не для всех превербных глаголов в латышском имеются синонимичные конструкции «простой глагол + наречие». С другой стороны, есть целый класс конструкций с наречиями, не имеющих превербных коррелятов. Это в первую очередь случаи, когда наречие сочетается с терминативными («перфективными») глаголами (как префиксальными, так и «простыми») [Holvoet 2001: 133–145], ср. *ielīdis iekšā* ‘вполз внутрь’ [Ibid.: 134] ~ *līst iekšā* ‘вползать, лезть внутрь’ и *tikt vaļā* ‘избавиться’ < *tikt* ‘попасть’ [Ibid.: 143], ср. «коррелятивную» пару *ietikt* ~ *tikt iekšā* ‘проникнуть внутрь’ [Ibid.]. По наблюдению А. Хольфута [Ibid.], выбор между префиксом и наречием с непроизводными терминативными глаголами в значительной степени непредсказуем.

В свете того, что соотношения между превербными глаголами и конструкциями с наречиями в латышском нерегулярны и не ограничены случаями, соответствующими прототипу имперфективации, приходится согласиться с выводом А. Хольфута [Ibid.: 146] и независимо от него выводом Г. Тупса [Toops 2001c: 107], что в латышском нет грамматической имперфективации и что добавление к простому глаголу наречия является лексическим процессом без выраженной аспектуальной функции. Способность же некоторых конструкций

с наречиями выступать в функции непредельных коррелятов превербных глаголов является скорее следствием семантики таких сочетаний, нежели какого-либо грамматического правила (ср. также [Вимер 2013]).

Ситуация, отчасти сходная с латышской, отмечается в верхнелужицком языке (а также, с различной степенью продуктивности, и в других славянских идиомах, испытавших сильное немецкое влияние, см. подробнее § 7.2), где наряду с общеславянским суффиксальным типом вторичной имперфективации получила распространение и модель «бесприставочный глагол + наречие» (ср. выше § 2.1, где обсуждается морфологический статус этих элементов, которые можно трактовать как отделяемые превербы), использующая преимущественно в дуративных контекстах (применительно к верхнелужицкому распространение таких конструкций можно попытаться связать с описанным выше функциональным ограничением вторичной имперфективации «славянского типа», ср. [Тоорс 2001с: 101–102]). Распространение в указанных языках такого рода конструкций, очевидно, — результат контактов с немецким языком, см. [Giger 1998; Brijnen 2000; Тоорс 2001с; Bayer 2006: 171–245; Дуличенко 2005; Brankačкес 2010; Вимер 2013]. Разумеется, данная модель ограничено представлена и в не испытавших сильного германского влияния славянских языках, ср. рус. *идти сюда* vs. *прийти*; очевидно, впрочем, что в русском языке такие «пары» не составляют никакой грамматической оппозиции. Верхнелужицкие «аспектуальные тройки» представлены в таблице 7 (на основе [Тоорс 2001с: 101]).

Табл. 7. Синтетическая и аналитическая имперфективация в верхнелужицком

превербный глагол СВ	суффиксальный вторичный имперфектив	аналитический имперфектив	перевод
<i>rozběžeć</i>	<i>rozběhać</i>	<i>rózno běžeć</i>	‘разбегаться’
<i>wotpadnyć</i>	<i>wotpadować</i>	<i>preč padać</i>	‘отпадать’
<i>wuhnać</i>	<i>wuhnawać</i>	<i>won hnać</i>	‘выгонять’
<i>zalěźć</i>	<i>zalazować</i>	<i>horje lěźć</i>	‘залезать’

В современном верхнелужицком, как уже говорилось выше, суффиксальный вторичный имперфектив не имеет внутрисобытийного значения; при обозначении процесса в развитии употребляются либо глаголы СВ (только в обиходном варианте языка, см. выше), либо сочетания простого глагола НСВ с наречием, ср. пример (44).

верхнелужицкий [Toops 1992b: 11]

- (44) *Jako přindžech, džeše Jan runje z doma won / *wuchadžeše.*
'Когда я пришёл, Ян как раз выходил из дома'.

Следует отметить, что по крайней мере с глаголами движения конструкции с наречиями во многом вытеснили приставочную модель пространственной модификации, что привело к утрате видовой оппозиции [Toops 1992b: 12], ср. пример (45), где такая конструкция употреблена в перфективном значении.

верхнелужицкий [Toops 2001c: 104]

- (45) *Wón je z doma won šoł.*
'Он вышел из дому' ('He went out of the house').

В отличие от славянских языков и литовского, германский идиш не обладает никакими средствами вторичной имперфективации. В частности, в диссертации [Gold 1999: 49–50, 65] убедительно доказывается, что аналитическую конструкцию *haltn in* + инфинитив в идише нельзя рассматривать в качестве механизма вторичной имперфективации, поскольку она свободно сочетается с любыми глаголами (как превербными, так и простыми) и выражает прогрессивное значение (ср. также обсуждение в статье [Aranson 1985: 175–177]). Г. Аронсон отмечает, что «отсутствие производных имперфективов в идише, соответствующих суффиксальным имперфективам славянских языков, особенно удивительно в свете того факта, что идиш заимствовал из славянских языков значительное число суффиксов глагольного словообразования» [Ibid.: 183]²⁹.

Вторичная имперфективация в венгерском языке формально напоминает рассмотренные выше конструкции с наречиями в латышском и верхнелужицком, однако имеет иной характер с точки зрения как морфосинтаксиса, так и системности. Имперфективация превербного глагола в венгерском состоит в постпозиции преверба, который сохраняет своё семантическое и формальное тождество (см. об этом [Майтинская 1960: 356–357] и в особенности [Kiefer 1982, 1994; Csirmaz 2004, 2006b]). Ср. пример (46а) с препозицией преверба и терминативной интерпретацией и пример (46б) с постпозицией преверба и нетерминативным (прогрессивным) прочтением.

²⁹ "The lack of derived imperfectives in Yiddish which would correspond to the suffixal derived imperfectives of Slavic is especially striking in light of the fact that Yiddish has borrowed a significant number of verbal suffixes from Slavic, all of which are derivational".

венгерский [Csirmaz 2006b: 113]

(46) а. *Amikor csenget-t-ek, János le-men-t a*
 когда звенеть-PST-3PL Янош PRV-идти-PST.3SG DEF
lépcső-n.

лестница-SPRES

‘Когда зазвенел звонок, Янош спустился по лестнице’.

б. *Amikor csenget-t-ek, János men-t le a*
 когда звенеть-PST-3PL Янош идти-PST.3SG PRV DEF
lépcső-n.

лестница-SPRES

‘Когда зазвенел звонок, Янош спускался по лестнице’.

Стоит отметить, что связь порядка слов с аспектуальной интерпретацией наблюдается не только у собственно превербных глаголов, но и у сочетаний глаголов с рядом наречий, ср. примеры (47а) и (47б) с наречием *haza* ‘домой’ (трактовку подобных компонентов сложных глаголов как наречий, а не превербов см. в [Майтинская 1959: 196]), и обстоятельственных именных групп, которые уже никак нельзя рассматривать как компоненты сложных глаголов, ср. примеры (48а) и (48б) с лативной ИГ *a tetőre* ‘на крышу’.

венгерский

(47) а. *János haza men-t amikor*
 Янош домой идти-PST.3SG когда
meg-lát-ta Mari-t.

PRV-видеть-PST.3SG.OC Мари-ACC

‘Янош пошёл домой, когда увидел Мари’ [Csirmaz 2006b: 111].

б. *János men-t haza amikor meg-lát-ta*
 Янош идти-PST.3SG домой когда PRV-видеть-PST.3SG.OC
Mari-t.

Мари-ACC

‘Янош шёл домой, когда увидел Мари’ [Ibid.].

(48) а. *János a tető-re men-t.*
 Янош DEF крыша-SPRLAT идти-PST.3SG
 ‘Янош пошёл на крышу’ [Ibid.: 118].

б. *János men-t a tető-re.*
 Янош идти-PST.3SG DEF крыша-SPRLAT
 ‘Янош шёл на крышу’ [Ibid.].

В связи с примерами типа (48) А. Чирмаз [Ibid.: 110], однако, отмечает, что перфективная (терминативная) интерпретация глагольной

группы возникает лишь при предглагольной позиции направительной или результативной группы. При том, что аналогичный анализ исследовательница предлагает и для глаголов с провербами (проверб модифицирует глагольную группу, а терминативное прочтение возникает при перемещении проверба в более высокую структурную позицию), всё же невозможно отвлечься от того, что провербы, в отличие от обстоятельств, сильно грамматикализованы и что для них предглагольная позиция является нейтральной.

В связи с этим необходимо отметить, что постпозиция проверба в венгерском не всегда однозначно связана с имперфективацией (см., например, [Perrot 1999] и работы, цитируемые ниже). Собственно аспектуальную функцию изменение порядка слов несёт лишь при нейтральной коммуникативной структуре в утвердительном предложении; отрицание (49) или фокусированные составляющие (50), помещаясь непосредственно перед глаголом, также вызывают перемещение проверба в постпозицию (или, при альтернативном анализе, блокируют его «подъём» в предглагольную позицию); аспектуальные противопоставления при этом могут нейтрализоваться [Kiefer 1994: 190; Агранат 1989: 270–271].

венгерский

(49) *János nem hív-ta fel a feleség-é-t.*
 Янош NEG звать-*PST.3SG.OC* PRV DEF жена-*3SG.POSS-ACC*
 ‘Янош не позвал свою жену’ [Kiss 2004: 131].

(50) *A lépcső-n men-t fel Pista.*
 DEF лестница-*SPRES* идти-*PST.3SG* PRV Пишта
 ‘Пишта поднялся / поднимался именно по лестнице’ [Kiefer 1994: 190].

Поскольку некоторые провербные глаголы, в частности те, что обозначают моментальные ситуации, не могут употребляться в актуально-длительном значении (подробнее об ограничениях на имперфективацию см. [Kiefer 1994: 197–200]), постпозиция проверба с ними возможна лишь по синтаксическим причинам и не имеет аспектуальной функции, ср. пример (51).

венгерский

(51) а. **János ér-te el a hegycsúcs-ot,*
 Янош дойти-*PST.3SG.OC* PRV DEF вершина.горы-*ACC*
amikor ki-tör-t a vihar.
 когда PRV-рваться-*PST.3SG* DEF буря
 ожидаемое значение: ‘Янош вот-вот уже достиг вершины, когда разыгралась буря’ [Kiss 2006b: 154].

- b. *Város-unk-at* *még* *nem* *ér-te* *el*
 город-1PL.POSS-ACC ещё NEG прийти-PST.3SG.OC PRV
az influenza-járvány.
 DEF грипп-эпидемия
 ‘Нашего города ещё не достигла эпидемия гриппа’³⁰.

В языках Кавказа вторичная имперфективация лучше всего представлена в осетинском и мегрельском. В иронском осетинском в функции вторичной имперфективации используется уже упоминавшийся префикс *-sæj-*, вставляющийся между провербом и глагольной основой (см. подробнее [Ахвледиани (ред.) 1963: 236; Левитская 2004; Tomelleri 2011: 85–89]). Интересно, что данный показатель совмещает значения «нейтральной» внутрисобытийной имперфективации (дуратив) и близкое к нему значение антирезультативной зоны — конативное, выражающее недостижимость действием результата вследствие его прерывания (см. [Левитская 2004: 30; Tomelleri 2011: 87–88]). Эти значения распределяются в зависимости от акциональных характеристик глагола и контекста. Примеры (52) и (53) иллюстрируют дуративное значение, а пример (54) — конативное.

иронский осетинский

- (52) *qæw-mæ* *kwə* *fæ-sæj-sə-d-i* *læppu*
 деревня-ALL когда PRV-IPF-идти-PST-3SG.ITR юноша
uæd je= 'mbal-əl *š-æmbæł-əd-i.*
 тогда 3SG.GEN=друг-ADESS PRV-встречать-PST-3SG
 ‘Когда парень шёл в село, он встретил друга’ [Tomelleri 2011: 87].

- (53) *Rašt* *xur* *fæ-sæj-nəgwəl-d-i,* *aftæ celdar-ə*
 прямо солнце PRV-IPF-заходить-PST-3SG так князь-GEN
raz ba-læwwə-d-əštə.
 перед PFV-стоять-PST-3PL
 ‘Как раз когда солнце закатывалось (уже почти закатилось), они предстали перед князем’ [Ibid.].

- (54) *Sæj,* *zənarv* *æmbæł-ttæ...* *ra-sæj-zərd-t-a* *Ivan*
 ну дорогой друг-PL PRV-IPF-говорить-PST-3SG Иван
Fedorovič æmæ ba-nca-d.
 Фёдорович и PFV-молчать-PST.3SG
 ‘Что ж, товарищи дорогие... начал было Иван Фёдорович и смолк’
 [Tomelleri 2011: 88; Левитская 2004: 30].

³⁰ http://www.ovtv.eu/index.php?option=com_content&task=view&id=934&Itemid=63

Согласно работе [Левитская 2004: 30], формы с префиксом *-sæj-* могут выражать и авертивное значение «готового совершиться действия», ср. пример (55).

иронский осетинский [Левитская 2004: 30]

- (55) *fællad suazən-ə fæštæ ændær æfsæddon xaj-mæ*
 усталость пустить-GEN после другой воинский часть-ALL
fæ-sæj-xaud-t-æn...
 PRV-IPF-попасть-PST-1SG
 ‘После отпуска я чуть было не попала в другую часть...’

На употребление имперфективирующего префикса *-sæj-* накладываются разнообразные и не до конца понятные ограничения. Во-первых, в отличие от славянских вторичных имперфективов, обладающих полной глагольной парадигмой, осетинский вторичный имперфектив в основном сочетается лишь с формами прошедшего и будущего времени (вопреки [Tomelleri 2011: 89], запрета на сочетание *-sæj-* с формами настоящего времени нет, однако в корпусе [ONC] сочетания его с презенсом встречаются в несколько раз реже, чем сочетания с претеритом³¹). Во-вторых, целые классы превербных глаголов не сочетаются с имперфективирующим префиксом [Левитская 2007; Tomelleri 2011: 89]: пердуративные глаголы с превербом *fæ-*, делимитативные глаголы с превербом *a-*, а также разные типы начинательных глаголов и других способов действия. Глаголы движения с превербами свободно сочетаются с показателем имперфективности, ср. пример (56).

иронский осетинский [Tomelleri 2011: 95]

- (56) *časovoj=iw je='rdæm kwə ærba-sæj-sæd,*
 часовой=НАВ 3SG.GEN=К когда PRV-IPF-идти:PST.3SG
uæd=iw Viktor fe-gwæppæg. Stæj=iw innærdæm
 тогда=НАВ Виктор PRV-замереть потом=НАВ обратно

³¹ Стоит, правда, отметить, что форм будущего времени с имперфективным префиксом в ONC (по данным на апрель 2014 г.) ещё на порядок меньше, чем имперфективных форм настоящего времени — всего 29 вхождений против 514 настоящего времени и более 2600 прошедшего. Распределение же всех временных форм в ONC (подсчитывались лишь формы с однозначной грамматической характеристикой) таково: ок. 312 тыс. прошедшего, ок. 216 тыс. настоящего и ок. 40 тыс. будущего. Сравнение этих цифр показывает, что тяготение форм со вторичным имперфективатором к прошедшему времени статистически весьма существенно ($\chi^2 > 990$, $p < 0,0001$).

fæ-sæj-səd, uæd ta=iw raʒmæ bər-yn
 PRV-IPF-ИДТИ:PST.3SG тогда а=НАВ вперед ползти-INF
ra-ʒəd-t-a.

PRV-начинать-PST-3SG

‘Когда часовой шёл по направлению к нему, Виктор замирал; когда часовой уходил, он снова начинал ползти’.

Нетривиальной ареально-типологической параллелью к осетинскому префиксу вторичной имперфективации служит аналогичный префикс в мегрельском языке [Deeters 1930: 15; Harris 1991: 342; Christophe 2004: 138–139], употребляющийся лишь с провербными глаголами и занимающий позицию после пространственно-акционального проверба, ср. нижеследующие примеры.

мегрельский³²

(57) *gidel-s o-nʃu-d-u do yvarɣval-i*
 кувшин-DAT CV-жечь-IPFV-3SG.S и ручка-NOM
ge-tmi-a-ʒic-en-d-u.

PRV-IPF-CV-смеяться-SM-IPFV-3SG.S

‘Кувшин горел, а ручка насмежалась’.

(58) *ʃori-ʃe ʃe-tme-r-çir-en-k ʃur-s.*
 далёкий-AVL PRV-IPF-2.O-жертвовать-SM-PRS душа-DAT

‘Издалека я тебе жертвую душу’.

Примеры (57) и (58) иллюстрируют мегрельский префикс *-t(i)m(e)-* в функции внутрисобытийного имперфективатора, придающего словоформе дуративное значение, однако он употребляется и в контекстах внесобытийной (хабитуальной) имперфективации, ср. пример (59) (А.А. Ростовцев-Попель, личное сообщение):

мегрельский

(59) *Zura ir çana-s txir-s*
 Зура(NOM) каждый год-DAT фундук-DAT
gi-tmo-çorob-un-c.

PRV-IPF-собирать-SM-3SG.S

‘Зура каждый год собирает (лежащий под деревом) фундук’.

Стоит отметить, что в осетинском в хабитуальных контекстах выступает не префикс имперфективации *-sæj-*, а специализированные

³² Примеры взяты с сайта <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etca/cauc/megr/kajaia/kajai.htm>; я приношу искреннюю благодарность А. М. Островскому и А. А. Ростовцеву-Попелю за помощь в обнаружении и анализе этих примеров.

энклитики (ирон. =*iw*, дигор. =*čit*³³), сочетающиеся с глаголами обоих видов [Цомартова 1988; Tomelleri 2011: 91–93], см. пример (56).

К сожалению, более подробно обсудить употребление мегрельского имперфективного префикса не представляется возможным из-за недостаточной документации этого языка. Напротив, в других картвельских языках средств вторичной имперфективации нет. Отдельные деривационные механизмы, позволяющие образовать нетерминативные (имперфективные) глаголы от терминативных, вроде грузинского итеративного суффикса *-ulob* [Vogt 1971: 141–142; Holisky 1981b: 137–138], в ряде случаев появляющегося в презентной серии некоторых предельных глаголов и придающего им дуративное значение, непродуктивны и скорее маргинальны; кроме того, среди приведённых Х. Фогтом и Г. Аронсоном [Aronson, Kiziria 1998: 374] примеров нет ни одного случая, когда суффикс *-ulob* «имперфективировал» бы глагол с превербом.

5.3. НЕПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ПЕРФЕКТИВИРУЮЩИЕ СРЕДСТВА

В тех из рассматриваемых языков, где префиксация является основным средством телисизации или перфективации глагола, могут наблюдаться и непрефиксальные морфологические способы выражения данных значений (речь пойдёт, естественно, лишь о продуктивных показателях или конструкциях). Наиболее распространены случаи непрефиксального маркирования семейфактива — единичного кванта мультипликативного процесса, являющего собою серию одинаковых событий, представляемых как единая длительная ситуация [Храковский 1989: 25; Плунгян 2011a: 400–401]. Тот факт, что семейфактивное значение выражается отдельно от системы маркирования предельности, не случаен и связан с тем, что семейфактивная семантика довольно значительно отличается от прототипических значений, вносимых превербами (достижение процессом предела, т. е. комплетивность, начало длительного состояния или процесса и т. п.)³⁴. Кроме того, в ряде случаев очевидно, что семейфактивные показатели, такие как общеславянский суффикс **-nq*, возникли в эпоху, предшествующую сколько-нибудь существенной грамматикализации превербов

³³ Д. А. Эршлер, личное сообщение.

³⁴ В этой связи интерес представляет сопоставление суффиксальных и префиксальных семейфактивных глаголов в русском языке, см. [Dickey, Janda 2009].

в аспектуальной функции (в частности, об индоевропейском происхождении славянских основ на *-n см. [Мейе 1934/2000: 184–186; Stang 1942: 54–60; Schuyt 1990: 295–269; Gorbachov 2007: 47–62]).

С другой стороны, необходимо отметить, что славянские образования с суффиксом *-nq обладают значительной полисемией. Продуктивность этого суффикса в отдельных значениях различна в разных зонах славянского ареала (подробнее см. статью [Dickey 2001]; подробный исторический обзор представлен также в монографии [Schuyt 1990: 263–287]). Собственно семельфактивная функция наиболее продуктивна в восточнославянских языках, где она грамматикализовалась, видимо, уже в историческую эпоху «на фоне» распространения префиксального перфектива [Dickey 2001: 42]. Напротив, в западной зоне славянских языков более распространены несемельфактивные употребления этого суффикса, такие как чеш. *lehnout* ‘лечь’, *padnout* ‘упасть’, *střetnout se* ‘встретить, вступить в соперничество’ [Ibid.: 42–43]. Кроме того, в западнославянских языках важную роль играют глаголы, содержащие одновременно префикс и назальный суффикс, вносящий значение одноактности, вроде чеш. *odtrhnout* ‘оторвать (одним движением)’, противопоставленные как перфективным глаголам с суффиксом, но без префикса (ср. *trhnout* ‘рвануть’), так и перфективным же глаголам с префиксом, но без суффикса, ср. *odtrhat* ‘оторвать (в результате более длительного действия)’ [Ibid.: 27 и след.]. Такие дублиеты различающихся семантикой подчёркнутой однократности глаголов с назальным суффиксом и без оного довольно многочисленны в чешском, словацком и лужицких языках, ср. также чеш. *odříznout* / *odřezat* ‘отрезать’ [Ibid.: 28], влуж. *dočerpać* / *dočerpnyć* ‘вычерпать’ ([Ibid.: 30]; ср. рус. семельфактив *зачерпнуть* vs. комплетив *вычерпать*). С меньшей регулярностью представлены такие дублиеты в польском (см. [Стрекалова 1979: 114–122]), где, в отличие от других западнославянских языков с чётким семантическим противопоставлением глаголов с назальным суффиксом и без него, члены «пары» синонимичны и различаются регистром или частотностью употребления, ср. *wyczerpać* / *wyczerpnyć* ‘вычерпать’, где -nq-глагол архаичен [Ibid.: 114], *wdmuchnąć* / *wdmuchać* ‘вдуть’, где более употребителен суффиксальный глагол [Ibid.: 115]; лишь отдельные пары сохраняют семантическое противопоставление по однократности / многократности [Dickey 2001: 31]. Отдельные дублиеты такого рода с семантическим противопоставлением по кратности встречаются и в словенском языке, ср. *odmahati* ‘ответить, махая рукой’ vs. *odmahniti* ‘отпустить взмахом руки’ [Ibid.: 33], и в сербохорватском [Ibid.: 34]. Напротив,

ни в русском, ни в болгарском языках — наиболее ярких представителях восточной зоны славянского аспекта — такие дублиеты сколько-нибудь существенно не представлены³⁵. На основании сопоставления разных славянских языков С. Дики [Dickey 2001: 43–44] заключает, что в чешском и других языках западной зоны суффикс **-nŕ* является показателем перфективности, т. е. вида как более абстрактного значения, в то время как в русском и языках восточной зоны он выражает более частное значение семельфактивного способа действия³⁶. Интересным аргументом, который Дики приводит в поддержку своей точки зрения, служит существование в восточной зоне неизвестных западнославянским языкам экспрессивных семельфактивных образований с суффиксом *-anu*, вроде *долбануть*, *резануть* и т. п. (см. о них, в частности, [Сигалов 1963; Kuznetsova, Makarova 2012]). По мнению Дики, такие глаголы могли возникнуть лишь при условии, что близкое к экспрессивной зоне семельфактивное значение является у суффикса *-nu* доминирующим.

Продуктивный семельфактивный суффикс представлен и в литовском языке: *-telė* (с диалектным вариантом *-terė*; происхождение его неясно, а ограниченность лишь одним из балтийских языков скорее указывает на инновационный характер данного показателя), ср. *moti* ‘махать’ ~ *mostelėti* ‘махнуть’, *kosėti* ‘кашлять’ ~ *kostelėti* ‘кашлянуть’, *žvelgti* ‘глядеть’ ~ *žvilgtelėti* ‘взглянуть’ и др. Этот суффикс, в отличие от славянского **-nŕ*, является чисто семельфактивным и особенно продуктивен при основах с экспрессивными компонентами значения (см. [Zinkevičius 1981: 91–92]). Кроме того, глаголы с семельфактивным суффиксом в литовском языке не сочетаются с превербами — по крайней мере, в списке из более четырёхсот лексем с суффиксом *-telė-* в обратном словаре [Robinson 1976] нет ни одного приставочно-глагола.

Суффиксальные морфемы с семельфактивным значением представлены и в венгерском языке, см. [Майтинская 1959: 117–119], однако все они малопродуктивны, ср. итеративный *csattogni* ‘щёлкать’ vs. семельфактивный *csattanni* ‘щёлкнуть’ [Ibid.: 114].

³⁵ Следует, правда, отметить тенденцию «дублировать» значение СВ при помощи и приставки, и суффикса в некоторых русских говорах [Ровнова 2003: 276], ср. архангельское *дождануться* ‘дождаться’, *засверкнуть* ‘сверкнуть’.

³⁶ Ср. в этом контексте содержащееся в работе [Shull 2000: 229] утверждение, что «в чешском языке различие между глаголами СВ и НСВ выражается в первую очередь с помощью суффиксов».

В идише к средствам выражения перфективности обычно относят аналитическую семельфактивную / целеративную (выражающую однократное или особенно быстрое, мгновенное событие) конструкцию, состоящую из вспомогательного глагола *ton* ‘делать’ или *gebn* ‘дать’ и отглагольного имени, по форме совпадающего с глагольной основой, см. [Aronson 1985: 178–181; Gold 1999: 93–97], ср. пример (60).

идиш [Gold 1999: 94]

- (60) *zi hot an efn ge-ton di*
 она AUX:PRS.3SG INDF открыть:NML PRV-делать:PRS DEF:PL
oug-n.
 глаз-PL
 ‘Она быстро открыла глаза’.

Данная конструкция, однако, имеет совсем иной статус, нежели славянские или балтийские семельфактивные суффиксы: если последние образуют с перфективирующими превербами одну систему, будучи либо парадигматически противопоставленными им, либо определённым образом взаимодействуя с ними в рамках выражения вида и способов действия, то превербация и аналитический семельфактив в идише относятся к разным грамматическим подсистемам и свободно сочетаются друг с другом, порождая закономерные семантические различия (отчасти параллельные тем, что наблюдаются в рассмотренных выше западнославянских перфективных дублетах, но значительно более продуктивные, ср. [Gold 1999: 96]).

Другая ситуация, на этот раз уже не связанная с выражением семельфактивности, представлена в современном грузинском языке. В грузинском глагольные лексемы делятся на морфосинтаксические классы, принадлежность к которым проявляется и в семантических (предельность, контролируемость), и в морфологических (способ образования форм и структура парадигмы), и в синтаксических (аргументная структура и падежное оформление актантов) признаках (см., например, [Holisky 1979, 1981a; Kobaidze 2014]). Глаголы I и II классов, содержащие, соответственно, в основном переходные и предельные непереходные глаголы, в норме сочетаются с превербами при образовании перфективных форм — будущего времени, аориста, опатива и ряда других. Напротив, глаголы III класса (так называемые медиальные), по большей части непереходные и не-предельные, обычно не сочетаются с превербами и образуют соответствующие формы при помощи не входящего в класс превербов

«версионного» префикса («характерного гласного») *i-*, ср., например, [Deeters 1930: 158–159; Vogt 1971: 188–190; Tuite 1996; Aronson 2005: 203]. Ср. таблицу 8.

Табл. 8. Спряжение грузинских глаголов I, II и III классов

	I класс 'писать'	II класс 'таять'	III класс 'лять'
3SgPrs	<i>çers</i> 'пишет'	<i>dneba</i> 'тает'	<i>q̇eps</i> 'лает'
3SgIpfv	<i>çerda</i> 'писал'	<i>dneboda</i> 'таял'	<i>q̇epda</i> 'лял'
3SgFut	<i>da-çers</i> 'напишет'	<i>da-dneba</i> 'растает'	<i>i-q̇epebs</i> 'будет лаять'
3SgAor	<i>da-çera</i> 'написал'	<i>da-dna</i> 'растаял'	<i>i-q̇epa</i> 'полаял'

Возможные различия в интерпретации двух типов футурума и аориста — префиксального и «версионного» (префиксальный обычно имеет комплетивную, а «версионный» — лимитативную интерпретации, об этих терминах см. [Плунгян 2011а: 396–397]) — обусловлены акциональным классом основы, а распределение между ними, как уже сказано, диктуется принадлежностью глагола к морфологическому классу, лишь частично, хотя и в большой степени, мотивированному семантически (см. об этом в первую очередь [Holisky 1981а], ср. также замечания в [Arkadiiev 2008b: 105–107]). С точки зрения их функциональной роли в организации глагольной парадигматики два типа образования новогрузинского перфектива, по-видимому, надо признать эквивалентными.

Ситуация в других картвельских языках не совпадает с грузинской. В мегрельском языке глаголы III класса, как и в грузинском, обычно не сочетаются с пространственными превербами. Перфективность в формах аориста и будущего времени может быть выражена у этих глаголов, в частности, префиксацией аффирмативного показателя *kV-* (возможно, эта модель может быть результатом аналогического расширения модели превербации), ср. Prs *ibirs* 'поёт' vs. Fut *k̇ibirs* 'споёт' [Harris 1991: 346], Aor *kosxapu* 'он(а) (по)ганцевал(а)' [Ibid.: 347]. Помимо этого, в мегрельском есть и модель образования перфектива с версионным показателем *i-*, однако она менее регулярна и наиболее распространена у глаголов, заимствованных из грузинского [Ibid.: 346–347]. Модель с аффирмативным префиксом представлена и в лазском языке [Holisky 1991: 437].

Карта на рис. 12 иллюстрирует географическое распределение не-превербных средств перфективации.

Рис. 12. Продуктивные средства перфективации помимо превербов

		лтш			
		<u>лит</u>			
<u>луж</u>			<u>бел</u>		
	<u>пол</u>	<u>идиш</u>		<u>рус</u>	
<u>чеш</u>		<u>слвц</u>		<u>укр</u>	
		<u>венг</u>			
	<u>слвн</u>				
		<u>срхр</u>			
			<u>болг</u>		осет
		<u>мак</u>		мегр	сван
					<u>эруз</u>
				лаз	

суффиксальные; префиксальные; в первую очередь семельфактивные; не (только) семельфактивные; иные или отсутствуют.

5.4. ГЛАГОЛЫ БЕЗ ПРЕВЕРБОВ, «ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ» ГЛАГОЛАМ С ПРЕВЕРБАМИ

В данном разделе пойдёт речь о представленных в рассматриваемых языках глаголах, не имеющих (по крайней мере на синхронном уровне) в своём составе превербов или иных показателей телисизации / перфективации (подобных тем, что обсуждались в предыдущем разделе), однако демонстрирующих акциональные и аспектуальные характеристики, сходные с таковыми превербных глаголов. Такие случаи распространены весьма широко, хотя и в разной степени в разных языках ареала.

В славянских языках сохранился целый ряд простых глаголов совершенного вида³⁷. В большей части славянских языков к этому классу относятся такие этимоны, как **dati* 'дать', **sěsti* 'сесть', **legti* 'лечь', **stati* 'встать, стать', **pasti* 'упасть', **rekti* 'сказать', **kupiti* 'купить',

³⁷ Краткий обзор простых глаголов совершенного вида в каждом из славянских языках представлен в соответствующих разделах монографии [Schuyt 1990], однако автор не всегда приводит полные списки и некоторые его данные не подтверждаются существующими словарями.

**pustiti* ‘пустить’; некоторые значения выражаются в разных славянских языках этимологически несвязанными непроезводными глаголами СВ, ср., например, лексемы со значением ‘бросить’: рус. *бросить*, болг. *хвърля*, срхр. *baciti*, чеш. *hodit*, пол. *rzucić*. Тем не менее лексический состав этого класса в разных славянских языках подвержен значительной вариативности. В качестве общей и сразу бросающейся в глаза тенденции можно отметить, что в южнославянских языках, особенно в болгарском и македонском, непроезводные глаголы СВ распространены существенно больше, чем в других ветвях славянской группы.

В русском языке таких глаголов сравнительно немного [Зализняк, Шмелёв 2000: 79 сн. 1; Schuyt 1990: 221]: *благословить*, *бросить(ся)*, *дать*, *деть(ся)*, *кончить(ся)*³⁸, *контузить*, *купить*, *лечь*, *лишить(ся)*, *основать*, *пасть*, *пленить*, *простить(ся)*, *пустить(ся)*, *решить(ся)*, *сесть*, *стать*, *ударить*, *хватить(ся)*, *явить(ся)*, в том числе исторически содержащие приставки: *взять*, *встретить*, *застрясть*, *затеять*, *обидеть*, *одолеть*, *ощутить*, *поймать*, *снабдить* и некоторые другие. Насколько можно судить, в украинском и белорусском языках данный класс в целом совпадает с русским³⁹.

В болгарском и македонском языках число простых глаголов СВ существенно больше, чем в русском. Ю. С. Маслов [1981: 197–198] приводит следующие болгарские глаголы: *дам* ‘дать’, *ударя* ‘ударить’, *чуя* ‘услышать’, *основа* ‘основать’, *вържа* ‘завязать’, *кажа* ‘сказать’, *харижа* ‘подарить’, *река* ‘сказать’, а также довольно обширный класс глаголов *и*-спряжения, например: *главя* ‘нанять’, *даря* ‘подарить’, *купя* ‘купить’, *лиша* ‘лишить’, *платя* ‘заплатить’, *пленя* ‘пленить’, *пратя* ‘послать’, *протя* ‘простить’, *пързоля се* ‘прокатиться, скользья’, *раня* ‘ранить’, *родя* ‘родить’ (в отличие от их русских когнатов, болгарские глаголы строго перфективны), *реша* ‘решить’, *скоча* ‘вскочить’, *спася* ‘спасти’, *стъпя* ‘ступить’, *хвърля* ‘бросить’, *явя се* ‘явиться’. Македонский язык в целом сходен в этом отношении с болгарским,

³⁸ Данный глагол в течение последнего столетия стремительно сдаёт свои позиции приставочному *закончить(ся)*.

³⁹ В русских говорах простые глаголы СВ более активно, чем в литературном языке, замещаются приставочными, ср. вологодское *покупить*, *улечь*, архангельское *спустить* ‘пустить’, *додать* ‘дать’ [Ровнова 2003: 273; Ровнова 2012: 502–503], ср. также древненогородское *в(ъ)дати* ‘дать’ [Зализняк 2004: 717 et passim]; с другой стороны, в тех же говорах сохраняются в качестве употребительных бесприставочные перфективные глаголы *пасть*, *кусить* ‘укусить’, *стрелить* ‘выстрелить’ [Ровнова 2003: 274].

см. [Lunt 1952: 71–72], где приводятся также следующие простые перфективы, отсутствующие в болгарском⁴⁰: *баци* ‘поцеловать’, *вети* ‘обещать’, *качи* ‘поднять(ся)’, *меня* ‘обменять’, *венча* ‘обвенчать’, *бендиса* ‘понравиться’, *кинуса* ‘отправиться’, *пљачкоса* ‘ограбить’, *крене* ‘поднять’.

В сербохорватском языке, согласно [Schuyt 1990: 59–65] и [Leskien 1914: 461–465], представлены следующие простые глаголы СВ⁴¹: *dati* ‘дать’, *leći* ‘лечь’, *pasti* ‘упасть’, *reći* ‘сказать’, *sjesti* ‘сесть’, *sresti* ‘встретить’, *stati* ‘стать, остановиться’, *darovati* ‘подарить’, *osnovati* ‘основать’, *krepati* ‘околеть’, *srgati se* ‘сбежаться’, *sveštati* ‘освятить’, *vjenčati* ‘обвенчать’, *baciti* ‘бросить’, *javiti se* ‘явиться’, *roditi* ‘родить’, *skočiti* ‘прыгнуть’, *pustiti* ‘пустить’, *bataliti* ‘оставить, бросить’, *blagosloviti* ‘благословить’, *bupiti* ‘ударить’, *bušiti* ‘свалиться’, *ćopiti* ‘ударить рукой’, *desiti* ‘встретить, застать’, *ključiti* ‘дотронуться’, *kupiti* ‘купить’, *platiti* ‘заплатить’, *vratiti* ‘вернуть’ и целый ряд других глаголов *i*-спряжения, см. [Leskien 1914: 464]. Немало бесприставочных глаголов СВ, представленных как в диалектах, так и в литературных языках, являются заимствованиями; так, согласно С. Дики (личное сообщение, ср. также [Leskien 1914: 463]), в чакавских диалектах Хорватии к совершенному виду относятся такие глаголы, как, например (*a*)*bundat* ‘подняться (о море)’ (< итал. *abbondare* ‘изобиловать’), *avizat* ‘проинформировать’ (< итал. *avvisare* ‘тж.’). Часть таких глаголов вошла и в литературный язык, ср. *krepati* ‘околеть’ (< итал. *crepare* ‘тж.’) или *zarariti* ‘понести убыток’ (< тур. *zarar* ‘убыток, вред’).

Набор простых глаголов совершенного вида в словенском языке в основном сходен с сербохорватским [Schuyt 1990: 84–90]⁴²; из глаголов, отсутствующих в сербохорватском, можно отметить *jeti* ‘начать’, *deti* ‘сказать’, *jenjati* ‘прекратиться’, *nehati* ‘прекратить’, *meniti* ‘обменять’, *treščiti* ‘швырнуть’.

В западнославянских языках простых глаголов совершенного вида меньше, чем в южнославянских (ср. [Schuyt 1990: 111]), особенно в чешском и словацком. Ряд глаголов, в других группах славянских

⁴⁰ Переводы даются по словарю [МРС 1963], видовая помета также уточняется по этому же источнику.

⁴¹ Из списка удалены глаголы, перфективность которых не подтверждена данными словаря [СХРС 1957]. Согласно работе [Ružić 1943: 32], в сербохорватском представлено около двухсот простых глаголов СВ, однако полного списка в ней не приводится.

⁴² Данные проверены по словарям [SRS 1967] и [SSKJ 2000].

языков сохраняющих непроизводность, в чешском приобрели назальный суффикс, ср. *lehnout si* ‘лечь’, *padnout* ‘упасть’, *sednout si* ‘сесть’ [Ibid.: 112]. Ряд глаголов, в южнославянских языках однозначно перфективных, в чешском и словацком являются двувидовыми, ср. срхр. *darovati*_{CB} vs. чеш. *darovat*_{CB/НСВ}, слвц. *darovat*_{CB/НСВ} ‘даровать’ [Ibid.: 117]. Класс бесприставочных глаголов *i*-спряжения в чешском и словацком узок в сравнении с южнославянскими языками и включает в себя такие общеславянские глаголы, как чеш. *koupit*, слвц. *kúpit* ‘купить’, чеш. *pustit*, слвц. *pustiť* ‘пустить’, чеш. *ranit*, слвц. *ranit’* ‘ранить’, чеш. *vrátit*, слвц. *vrátiť* ‘вернуть’, а также ряд более специфических лексем, таких как чеш. *hodit*, слвц. *hodit’* ‘бросить’, чеш. *chytit*, слвц. *chytiť* ‘схватить’, чеш. *střelit*, слвц. *strelit’* ‘выстрелить’, см. [Schuyt 1990: 120–121]⁴³.

В стандартном верхнелужицком языке простых перфективных глаголов также немного [Ермакова 1973: 199; ВЛРС 1974; Schuyt 1990: 160]: *dać* ‘дать’, *dyrić* ‘ударить’, *kulić* ‘прокатить’, *kupić* ‘купить’, *lapić* ‘поймать’, *požćić* ‘одолжить’, *pušćić* ‘пустить’, *sadzić* ‘посадить’, *stajić* ‘поставить’, *strašić* ‘запугать’, *štapić* ‘проткнуть’, *trjechić* ‘застать’, *třělić* ‘выстрелить’, *tulić* ‘прижать’, *wróćić* ‘возвратить’ и некоторые другие. Систематических данных для обиходного верхнелужицкого в моём распоряжении нет.

В состав класса непроизводных перфективов в польском языке [Schuyt 1990: 183–189; Стрекалова 1979: гл. 2]⁴⁴ входят такие лексемы, как *siąść* ‘сесть’, *paść* ‘упасть’, *lec* ‘лечь’ (данный глагол считается устаревшим по сравнению с суффиксальным *legnąć*), *rzec* ‘сказать’, *dać* ‘дать’, *stać się* ‘стать’ (невозвратный глагол *stać* ‘стоять’ относится к несовершенному виду и иному типу спряжения, восходя к псл. **stojati*) и небольшое число глаголов *i*-спряжения: *chwycić* ‘схватить’, *chybić* ‘промахнуться’, *czepić się* ‘уцепиться’, *puścić* ‘пустить’, *ruszyć* ‘тронуться с места’, *rzucić* ‘бросить’, *skoczyć* ‘прыгнуть’, *strzelić* ‘выстрелить’, *trafić* ‘попасть в цель’, *kupić* ‘купить’, *stawić* ‘поставить’, *trącić* ‘толкнуть’, *wrócić* ‘вернуться’.

Классами непроизводных предельных и моментальных глаголов обладают балтийские языки. Здесь необходимо сразу отметить, что поскольку в этих языках категория вида грамматикализована слабо

⁴³ Чешские данные проверены по онлайн-словарю [Seznam]. О словацких простых глаголах СВ см. также [Смирнов 1970: 34–37, 61–65, 190]. Автор приводит ряд заимствованных глаголов СВ [Ibid.: 190], например, *atestovat’* ‘письменно удостоверить’, *detronizovat’* ‘свергнуть с престола’ и др.

⁴⁴ Данные проверены по словарю [ПРС 1960].

и превербы нередко не лишают глагол возможности иметь актуально-длительное значение в формах презенса, в класс простых глаголов, по своим акциональным свойствам эквивалентным превербным глаголам, в балтийских языках попадают как предикаты, обозначающие моментальные события и не имеющие актуально-длительного употребления презенса, так и лексемы, обозначающие события лишь в формах претерита (а также будущего времени). В литовском языке к этому классу относятся в том числе такие глаголы [Дамбрюнас 1962: 371]: *dingti* ‘исчезнуть’, *gauti* ‘получить’, *laimėti* ‘выиграть’, *rasti* ‘найти’, *spėti* ‘успеть’, *šauti* ‘выстрелить’, *tapti* ‘стать’, *tekti* ‘достаться’, *smogti* ‘ударить’; сложность выделения этого класса связана в первую очередь с невозможностью чётко отграничить его от «двувидовых» глаголов, у которых все формы способны выражать как длительную, так и точечную ситуации⁴⁵.

Во многом сходная ситуация представлена и в латышском языке; согласно академической грамматике [Bergmane et al. (red.) 1959: 570], производных глаголов «совершенного вида» в латышском всего четыре: *rast* ‘найти’, *gūt* ‘приобрести’, *zaudēt* ‘потерять, проиграть’, *veikt* ‘сделать’, однако в работе [Дубасова 2002: 9] к этому списку добавляется также глагол *bilst* ‘молвить’. Если опираться на словарь [KLLKV 2008], можно выделить также производный терминативный глагол *teikt* ‘сказать’. Реальный статус этих глаголов с точки зрения акциональной интерпретации требует, разумеется, отдельного исследования.

В венгерском языке, как уже было сказано выше, предельность в значительной степени определяется синтаксически, в частности, глагольную группу могут телисизировать не только собственно превербы, но и помещённые в предглагольную позицию обстоятельства и актанты. Кроме того, терминативные предикации формируются без участия превербов глаголами, обозначающими создание, появление или приобретение неопределённого объекта [Kiss 2006a: 29–31], такими как *készít* ‘приготовить’, *hoz* ‘принести, привезти’, *szül* ‘родить’,

⁴⁵ Именно этим обстоятельством, видимо, объясняется тот факт, что в литовской грамматической традиции, отражённой, например, в грамматике [Амбразас (ред.) 1985: 199–200], «двувидовыми» называются в том числе и глаголы из приведённого здесь списка. Более того, согласно работе [Mathiassen 1996b: 23], ряд глаголов, которые Л. Дамбрюнас трактует как «двувидовые» в более узком понимании, т. е. способные использоваться как перфективно, так и имперфективно в формах прошедшего времени, иногда описываются в литературе как «перфективные»: *duoti* ‘дать / давать’, *gimti* ‘родиться / рождаться’.

születik ‘родиться’, *szerez* ‘приобрести’, *vesz* ‘купить’, *kap* ‘получить’, *sül* ‘пожарить’ и ряд других, ср. пример (61). Употребление превербов с этими глаголами возможно лишь с определёнными или по крайней мере референтными аргументами [Ibid.: 31–32], ср. (62a,b)

венгерский

(61) *Szület-ett egy gyerek.*
 родиться-PST.3SG один ребёнок
 ‘Родился ребёнок’ [Kiss 2006a: 30].

(62) a. *Éva talál-t egy gyűrű-t.*
 Эва найти-PST.3SG INDF кольцо-ACC
 ‘Эва нашла (какое-то) кольцо’ [Ibid.: 31].

b. *Éva meg-talál-ta a gyűrű-t.*
 Эва PRV-найти-PST.3SG.OC DEF кольцо-ACC
 ‘Эва нашла (известное) кольцо’ [Ibid.].

В осетинском языке непроизводных перфективных глаголов, насколько можно судить, крайне мало [Ахвледиани (ред.) 1963: 237; Tomelleri 2011: 84]; это такие лексемы, как *ææвæн* ‘сказать’ и *rattæn* ‘дать’, причём последняя исторически содержит преверб *ra-* [Абаев 1973: 340].

В качестве аналогов славянских непроизводных перфективных глаголов в картвельских языках можно рассматривать не имеющие превербов (нередко супплетивные) перфективные формы аориста и / или будущего времени ряда глаголов (ср. о грузинском [Fährnich 1987: 101–134]); многие из этих глаголов не различают имперфективные и перфективные формы в системе презенса-футурума (так называемая I серия времён): груз. Fut *naxavs* ‘увидит’, Аор *naxa* ‘увидел’ (Prs *xedavs* ‘видит’), Fut *iķitxavs* ‘спросит’, Аор *iķitxa* ‘спросил’ (Prs *kitxulobs* ‘спрашивает’), Fut *iqidis* ‘купит’, Аор *iqida* ‘купил’ (Prs *qidulobs* ‘покупает’), Аор *brzana* ‘велел’ (Fut = Prs *brzanebs* ‘велит’), Аор *čama* ‘съел’ (Fut = Prs *čams* ‘ест, съест’), Аор *kmna* ‘сделал’ (Fut = Prs *ikms* ‘делает, сделает’)⁴⁶, Fut *izams* ‘сделает’ (Prs *švrebа* ‘делает’), Аор *ibrzola* ‘сражался’ (Fut = Prs *ibrzvis* ‘сражается, сразится’), Аор *esrola* ‘выстрелил’ (Fut = Prs *esvris* ‘стреляет, выстрелит’), Fut *iťqvis* ‘скажет’, Аор *tkva* ‘сказал’ (Prs *ambobs* ‘говорит’), Fut *eťqvis* ‘скажет кому-либо’, Аор *utxra* ‘сказал кому-либо’ (Prs *eubneba* ‘говорит кому-либо’). Аналогично в сванском, ср. следующие перфективные

⁴⁶ Наряду с превербным Аор *šekmna*, Fut *šekmnis*.

аористы без превербов [Schmidt 1991: 524]: *rä:kw* ‘сказал’, *χä:kw* ‘сказал кому-либо’, *čwemin* ‘сделал’, — и мегрельском [Harris 1991: 342]: *tkuu* ‘сказал’, *txuu* ‘попросил’, *xuu* ‘родила’.

Наряду с однозначно терминативными глаголами без превербов нельзя не упомянуть также так называемые «двувидовые» глаголы — т. е. предикаты, проявляющие как нетерминативные (имперфективные), так и терминативные (перфективные) свойства. Разумеется, говорить о двувидовых глаголах можно лишь применительно к языкам, в которых категория аспекта грамматикализована в достаточной степени, чтобы в них можно было чётко противопоставить «одновидовые» — однозначно перфективные и однозначно имперфективные глаголы, на фоне которых двувидовые глаголы будут выделяться как такие, которые демонстрируют одновременно грамматические и семантические признаки обоих видов⁴⁷. В свете сказанного, о двувидовых глаголах полностью корректно говорить лишь применительно к славянским языкам, в которых они довольно хорошо изучены (см., в частности, [Чанг 1997; Черткова, Чанг 1998; Зализняк, Шмелёв 2000: 71–76; Anderson 2002] о русском языке, списки двувидовых глаголов в основных славянских языках приводятся также в монографии [Schuyt 1990]). Если обратиться к данным хотя бы наиболее близких к славянским балтийских языков, то выделить в них двувидовые глаголы оказывается непростой задачей в первую очередь из-за размытости самого аспектуального противопоставления. Как уже неоднократно говорилось, довольно значительное число литовских и латышских префиксальных глаголов имеет событийное (терминативное) значение в формах прошедшего и будущего времени и процессуальное или стативное (нетерминативное) значение в форме презенса. Грамматики обычно рассматривают такие глаголы как «двувидовые», однако эта трактовка затемняет фундаментальное отличие этой группы глаголов от также довольно многочисленного класса предикатов, демонстрирующих акциональную и аспектуальную неоднозначность во всех временах (см. о таких глаголах в литовском, в частности, [Дамбрюнас 1962: 371–374; Paulauskienė 1964; Аркадьев 2012: 57–58, 63–64]). Ср. следующий пример с литовским глаголом *mirti* ‘умереть / умирать’ [Аркадьев 2012: 63]:

⁴⁷ Подобно тому, как говорить о синкретизме (морфологическом совпадении), например, дательного и родительного падежей можно лишь применительно к языкам, где генитив и датив у части лексем формально противопоставлены и тем самым могут быть выделены как отдельные граммемы.

литовский

(63) a. *J-is mir-ė pirmiau nei j-i.*
 3-NOM.SG.M умирать-PST.3 раньше чем 3-NOM.SG.F
 ‘Он умер раньше, чем она’ (LKT).

b. *Turbūt keistai skambė-s, jei saky-si-u,*
 должно.быть странно звучать-FUT.3 если сказать-FUT-1SG
kad mir-iau vis labiau ir labiau.
 что умирать-PST.1SG всё больше и больше
 ‘Наверное, странно прозвучит, если я скажу, что умирал всё больше и больше’ (LKT).

Во многом аналогичная ситуация представлена и в латышском языке, см., например, [Hauzenberga-Šturma 1979: 286], где приводятся такие «двувидовые» глаголы, как *teikt* ‘сказать / говорить’ (ср. однако выше), *metst* ‘бросить / бросать’, *dot* ‘дать / давать’, *pirkst* ‘купить / покупать’; ср. также глагол *notikt* ‘произойти / происходить’ в примере (3) из § 4.2.

В осетинском языке к двувидовым можно отнести многие глаголы, образованные при помощи сильно десемантизированного префикса *fæ-* в значении длительного или многократного действия [Левитская 2004: 38–39; Tomelleri 2011: 83–84], ср. следующие лексемы из словаря [ОРС 1970]: *fæamonən* ‘долго показывать; пояснять’ (< *amonən* ‘учить’), *fædavən* ‘воровать’ (< *davən* ‘тж.’), *fædættən* ‘давать (многократно)’ (< *dættən* ‘давать’), *fænajən* ‘долго покупать’ (< *najən* ‘купать’) и др.

Как двувидовые, в принципе, можно трактовать упомянутые ранее грузинские глаголы с совпадающими (синкретичными) парадигмами (имперфективного) презенса и (перфективного) футурума, а также, по-видимому, целый класс венгерских глаголов без превербов⁴⁸ [Csirmaz 2006b: 116–117; Kiss 2006b: 129–130], ср. (64):

венгерский [Csirmaz 2006b: 117]

(64) a. *Amikor cseng-ett-ek, János éppen*
 когда звонить-PST-3PL Янош как.раз
telefonál-t.
 говорить.по.телефону-PST.3SG
 ‘Когда зазвонили, Янош говорил по телефону’.

⁴⁸ А. Чирмаз (личное сообщение) полагает, что таким свойством обладают все венгерские бесприставочные глаголы, обозначающие неопределённые процессы.

b. *Amikor cseng-ett-ek, János rögtön*
 когда звонить-PST-3PL Янош сразу
telefonál-t.

говорить.по.телефону-PST.3SG

‘Когда зазвонили, Янош сразу позвонил по телефону’.

Во многих из рассматриваемых языков двувидовые глаголы постепенно устраняются путём присоединения превербов в предельных / терминативных употреблениях, см., в частности, [Чанг 1997: 203; Черткова, Чанг 1998] о данном процессе в русском языке; аналогичный процесс отмечается в литовском, ср. однозначно терминативные глаголы *pabaigti* ‘закончить’, *numirti* ‘умереть’, употребляющиеся наряду с их акционально неоднозначными коррелятами без префиксов, и в разговорных вариантах венгерского [Kiss 2006b: 129–130], где отмечаются префиксальные образования от таких двувидовых глаголов литературного языка, как *ellenőriz* ‘проверять / проверить’ (*leellenőriz*) или *degradál* ‘деградировать’ (*ledegradál*).

5.5. НЕТЕРМИНАТИВНЫЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Наряду с непроизводными (непревербными) глаголами, демонстрирующими акциональные и / или аспектуальные характеристики, свойственные обычно глаголам с превербами, в рассматриваемых языках отмечаются глагольные лексемы, содержащие преверб, однако с аспектуальной точки зрения ведущие себя как глаголы без превербов, т. е. сохраняющие неопредельные свойства. Сразу отмечу, что речь идёт о глаголах, в которых преверб может быть выделен в качестве «непосредственной составляющей», т. е. попросту говоря, о глаголах, образованных с помощью преверба; различные образования, в которых «поверх» преверба «наслаиваются» иные морфологические операции, такие как вторичная имперфективация (ср. рус. омографы [*на*[*ná*дать]]_{св}) vs. [[*на*[*na*д]]*á*ть]]_{нсв}) или номинализация (ср. лит. [*pa-sak*]oti ‘рассказывать’ < *pasaka* ‘рассказ’), вообще нельзя считать превербными глаголами в собственном смысле этого слова.

Префиксальные глаголы несовершенного вида в славянских языках маргинальны и в основном образованы от стативных предикатов, нередко являясь кальками с греческих или латинских глаголов, ср. рус. *предстоять* (ср. греч. *παρίστασθαι*), *надлежать* (ср. греч. *ἐπικέσθαι*), *состоять* (ср. греч. *συνίστασθαι*), *зависеть* (ср. лат. *dependere*), *выглядеть* (ср. нем. *aussehen*) и др. В русских говорах представлена нетривиальная модель образования неопредельных

приставочных глаголов с префиксами *до-* и *за-* [Ровнова 2003: 282], ср. архангельское *довидит* ‘может видеть’, *зазнать* ‘знать’, карельское *плохо дослышу*.

В балтийских языках неопределённых приставочных глаголов существенно больше, см., например, специально посвящённую этому типу глаголов в литовском статью [Paulauskienė 1964]: *atrodyti* ‘казаться’ (< *rodyti* ‘показывать’), *priklausyti* ‘принадлежать’ (< *klausyti* ‘слушать, подчиняться’, видимо, калька с нем. *gehören*), *neapkęsti* ‘ненавидеть’ (< *kęsti* ‘терпеть, выносить’), *išmanyti* ‘понимать’ (< *manyti* ‘думать, считать’), *pavydėti* ‘завидовать’ (< *vudėti* ‘тж.’), *prīvengti* ‘опасаться’ (< *vengti* ‘избегать’) и др. Имеются такие глаголы и в латышском [Staltmane 1958: 22], ср. *uzskaitīt* ‘полагать, считать’ (< *skaitīt* ‘читать, считать’) и некоторые другие⁴⁹.

В венгерском языке также встречаются превербные глаголы, сохраняющие неопределённость; по большей части это, видимо, стативы, ср. *kihajol* ‘высовываться’ (< *hajol* ‘склоняться’), *lélóg* ‘свисать’ (< *lóg* ‘висеть’) [Csirmaz 2006b: 109–110; Kiefer, Németh 2012].

В грузинском языке превербные имперфективные глаголы немногочисленны и в основном являются архаичными (или калькированными) образованиями с непродуктивными древнегрузинскими вариантами превербов [Tomelleri 2009b: 67]: *აყნიშნავს* ‘обозначать’, *განმარტება* ‘простирает’ и др. В мегрельском языке превербы, присоединяясь к стативным глаголам, обычно не перфективируют их, ср. *e-ḳo-re* ‘стоит около него’, *gi-no-x-e* ‘сидит на нём’ [Rostovtsev-Popiel 2012: 58, 59], см. также парадигмы в [Ростовцев-Попель 2006: 175–182]. Аналогичное явление представлено и в лазском языке, ср. следующий пример:

лазский, ардешенский диалект (Турция) [Kutscher 2011: 57]

(65) *šiše* *ṭiḳina* *dolo-zun*.
 бутылка корзина PRV-лежать:PRS:3SG.S
 ‘Бутылка лежит в корзине’.

В этом смысле сочетания стативных глаголов с превербами в мегрельском и лазском ведут себя параллельно аналогичным сочетаниям в абхазо-адыгских языках.

⁴⁹ Следует отметить, что большая часть глаголов, которые В. Сталтмане трактует как чисто «имперфективные», по данным словаря [KLLKV 2008] оказываются «двувиновыми».

5.6. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРЕВЕРБОВ С ДРУГИМИ ГЛАГОЛЬНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ

В настоящем разделе пойдёт речь о том, как в глагольных системах с префиксальной перфективацией взаимодействуют между собой префиксальные (и эквивалентные им беспрефиксальные, если таковые имеются) терминативные (перфективные) глаголы, с одной стороны, и другие грамматические категории, в первую очередь видо-временные, с другой. Поскольку данная тема, при её широком понимании, может оказаться практически неисчерпаемой, я в основном ограничусь рассмотрением, по моему мнению (ср. также, например, [Tomelleri 2009a; 2010; Панов 2012a: гл. 5]), центральных проблем взаимодействия превербной перфективации с (i) граммемами презенса и футурума и (ii) другими аспектуальными категориями, такими как имперфект и аорист. Об отдельных аспектах этих вопросов уже шла речь выше, в частности, употребление презентных форм превербных глаголов подробно обсуждалось в § 5.1 в связи с характером акциональной и аспектуальной оппозиции между простыми и превербными глаголами. Ниже эти явления будут рассматриваться в ином ключе, в большей степени связанном с собственно грамматическими противопоставлениями.

5.6.1. ПРЕВЕРБЫ, ПРЕЗЕНС И ФУТУРУМ

Проблема семантической несочетаемости грамматических значений перфективного аспекта и настоящего времени (точнее, его актуально-длительного значения) хорошо известна (см., например, недавнее типологическое обсуждение в статьях [Malchukov 2009, 2014]). Особую актуальность такого рода несочетаемость приобретает именно в рассматриваемых нами языках, поскольку в них глаголы с превербами свободно образуют формы презенса (по крайней мере формы, морфологически совпадающие с презентными). «Парадокс», связанный с существованием терминативного или перфективного презенса, разные языки разрешают по-разному (ср. всё те же статьи А. Л. Мальчукова): в одних языках такие формы приобретают значение будущего времени, которое может грамматикализироваться и стать основной функцией сочетания презенса с превербом (в первую очередь русский и другие восточнославянские языки, польский, грузинский, сванский, мегрельский⁵⁰), в других

⁵⁰ А за пределами нашего ареала к таким языкам относится, в частности, классический персидский [MacKinnon 1977: 18–20].

языках такие формы имеют значение лишь неактуального (хабитуального или исторического) настоящего времени (литовский, латышский, болгарский, идиш, осетинский). Наконец, в ряде языков (в первую очередь в чешском и словацком и литературных лужицких) формы перфективного презенса имеют оба типа употреблений — как футуральные, так и хабитуальные и исторические, ср. примеры (66a) и (66b).

чешский

(66) а. *Při odemykání Vltavy odhalí pomník Járy Cimrmana.*

‘При открытии водного сезона на Влтаве откроют памятник Яру Цимрману’⁵¹.

б. *Jsou chvíle, kdy lidé náhle odhalí to, co po léta ukryvali.*

‘Бывают минуты, когда люди неожиданно открывают то, что годами скрывали’ [Петрухина 2000: 66].

Географическое распределение интерпретаций перфективного презенса в изучаемых языках представлено на рис. 13.

Рис. 13. Перфективный презенс в значении будущего времени

		лти			
		лит			
<u>луж</u>			бел		
	пол	идиш		рус	
		<u>слвц</u>		укр	
<u>чеш</u>		<u>венг</u>			
		<u>слвн</u>			
		срхр			осет
			болг		<u>мегр</u> <u>сван</u>
		мак			<u>груз</u>
					<u>лаз</u>

футуральное значение **основное**; футуральное значение *отсутствует или маргинально*; футуральное значение наряду с другими.

⁵¹ http://www.tyden.cz/rubriky/relax/cestovani/pri-odemykani-vltavy-odhali-pomnik-jary-cimrmana_302772.html

Факт существования языков, где «терминативный презенс» сочетает футуральные значения с неактуальными презентными, свидетельствует о том, что было бы неправомерным упрощением считать, что возникновение у таких форм продуктивных употреблений с референцией к будущему вызывает утрату собственно презентных (неактуальных) значений.

Ещё один аспект этой проблемы состоит в неоднократно высказывавшейся в литературе (из современных публикаций см. [Andersen 2009; Tomelleri 2008: 29–34; 2009a: 259–260]) гипотезе, что возникновение у форм перфективного презенса референции к будущему resp. хабиутального значения определённым образом коррелирует с тем, имеется ли в языке аспектуально не охарактеризованные формы будущего времени (точнее, в наличии такой формы или конструкции в эпоху, когда происходила грамматикализация аспектуальных противопоставлений). Несмотря на то, что на поверхностном уровне анализа такое предположение кажется интуитивно убедительным, его, по всей видимости, приходится отвергнуть по сугубо эмпирическим соображениям.

Во-первых, предложенные Х. Андерсеном [Andersen 2006, 2009] относительные хронологии грамматикализации аспекта и футуральных конструкций в различных славянских языках⁵² представляются умозрительными и в ряде случаев не адекватными реальному материалу. Так, хорошо известно, что презенс терминативных (как превербных, так и простых) глаголов мог иметь референцию к будущему ещё в старославянском языке (X в., [Вайан 1948/1952: 376; Бунина 1959: 48–49, 137–145; Lunt 2001: 154]); в болгарском ареале такие употребления постепенно утратились к среднеболгарскому периоду (XIII—XIV вв.), уступив место аналитическим конструкциям [Мирчев 1978: 221–222]. Очевидно, что старославянские данные как раз говорят о том, что уже на самом раннем этапе письменной фиксации славянских языков или даже в общеславянскую эпоху [Мейе 1934/2000: 228] у форм презенса предельных (ещё не ставших окончательно грамматически перфективными!) глаголов имелась «импликатура»

⁵² Ср.: “Still, if the Perfective / Imperfective aspect had been grammaticized first, it would then be natural for future-time reference to be primarily an implicature of the Perfective Present, and an auxiliated Prospective would be called for only with Imperfective verbs (as in East Slavic). This suggests that the relative chronology was the reverse in South Slavic: the de-modal Prospective auxiliaries were established before the Perfective / Imperfective distinction was grammaticized” [Andersen 2009: 11, цит. по электронному варианту статьи, любезно предоставленному автором].

референции к будущему времени, которая, однако, никоим образом не помешала возникновению новых аспектуально неохарактеризованных футуральных конструкций (при этом нелишне отметить, что в старославянском языке футуральные конструкции с глаголом *iměti* образовывались с участием инфинитива обоих видов [Бунина 1959: 49, 137 и след.]; о семантике старославянских аналитических футуральных конструкций см. недавнюю статью [Козлов 2014]). (См. также диссертацию [Whaley 2000] об относительной хронологии эволюции севернославянских футуральных конструкций.)

Во-вторых, и в современных славянских языках аспектуально неохарактеризованные конструкции будущего времени могут сосуществовать с футуральным употреблением перфективного презенса (о системах футуральных граммем в славянских языках см. в частности обзорную работу [Fici 1998]). Такая ситуация отмечается, например, в словенском языке [Dickey 2003: 187–188], где между аналитическим футурусом со вспомогательным глаголом *bom* ‘буду’ и футуральным употреблением перфективного презенса имеется противопоставление по временной дистанции — ситуации ближайшего будущего выражаются скорее формами перфективного презенса. Аналитические формы будущего времени образуются от глаголов обоих видов и употребляются наравне с презенсом и в лужицких языках, см. [Ермакова 1963: 94–97] о нижнелужицком и [Scholze 2007: 189–191] об обиходном верхнелужицком.

Аналогичным образом и в венгерском языке наряду с аналитической формой будущего времени со вспомогательным глаголом *fog*, сочетающейся как с простыми, так и с превербными глаголами, будущее время могут выражать формы презенса с превербами, ср. *fogja megírni* и *megírja* ‘напишет’ [Szende, Kassai 2007: 261; Palffy-Muhoray 2013]. Данная форма является сравнительно новым образованием, вытеснившим более старые формы с суффиксом *-nd*, которые также могли употребляться как с превербами, так и без них [Майтинская 1955: 227].

В картвельских языках так же, как и в славянских, представлены разные случаи взаимодействия превербных глаголов с презенсом и футуральными граммемами (о выражениях будущего времени в картвельских языках и его связи с аспектом см., например, [Christophe 2004: Кар. 3]). Если в грузинском будущее время вообще образуется только от перфективных форм — превербных для предельных глаголов I и II классов и «версионных» для непредельных глаголов III класса (см. § 5.3), то в других языках этой семьи представлены специализированные показатели футуральности. Так, мегрельская

система средств выражения будущего времени [Harris 1991: 344–346; Christophe 2004: 134–139] сходна с севернославянскими в том, что в ней представлены как перфективный футурум, основным средством выражения которого является присоединение преверба к форме презенса, ср. PrsInd *čaruns* ‘он(а) пишет’ vs. *dočaruns* ‘он(а) напишет’ [Christophe 2004: 134], так и выражающие имперфективное будущее аналитические конструкции, состоящие из формы сослагательного наклонения и особой частицы, восходящей к футуруму бытийного глагола [Harris 1991: 344, 346; Christophe 2004: 134–135]: vs. PrsSbj *čarundas* ‘он(а) написал(а) бы’, Fut *čarundas ižuapu* ‘он(а) будет писать’. Тем не менее, распределение между двумя футуральными конструкциями не является строгим, поскольку аналитический имперфективный футурум образуется и от превербных глаголов, ср. *dobčarunde ižuapu* ‘я буду писать’ [Christophe 2004: 135].

Так же и в лазском языке наряду с различающимися по диалектам специализированными формами будущего времени [Holisky 1991: 430–431; Lacroix 2009: 372ff], восходящими к аналитическим конструкциям и сочетающимися как с простыми (67), так и с префиксальными (68) глаголами, в футуральном значении используется и презенс с префиксом (69) [Lacroix 2009: 344], в том числе аффирмативным [Holisky 1991: 437].

лазский, архавский диалект

(67) *mo-xt-i*, ***g-o-čil-are!***
 PRV-прийти-IMP 2.O-CV-жениться-FUT.1SG.S
 ‘Вернись, я женюсь на тебе!’ [Lacroix 2009: 373]

(68) *hentepe-s bozo mo-čond-anoren.*
 они-DAT девушка(NOM) PRV-нравиться-FUT.3>PL
 ‘Девушка им понравится’ [Ibid.: 379].

(69) *b-i-mṭ-a-t-ja vana padišai-k*
 1.S-CV-бежать-ОПТ-PL-EVID иначе падишах-ERG
do-mṭ-il-om-an-ja!
 PRV-1.O-убить-SM-PRS.3SG>PL-EVID
 ‘Бежим, иначе падишах нас убьёт!’ [Ibid.: 344]

Сходное противопоставление перфективного и имперфективного футурума имеется и в сванском языке [Tuite 1997: 29–30; Christophe 2004: 149–160], где перфективный футурум образуется присоединением преверба к форме презенса, а имперфективный — суффиксально, ср. *tiḫn-un-i* ‘он будет возвращать’ vs. *ü-tḫe* ‘он вернёт’ [Tuite 1997: 27].

Тем самым можно заключить, что такие признаки глагольных систем с провербами, как наличие / отсутствие независимой от префиксального аспекта категории будущего времени и способность / неспособность презенса провербных глаголов выражать футуральное значение в значительной степени не связаны друг с другом. Это наглядно демонстрирует карта на рис. 14.

Рис. 14. *Выражение будущего времени*

		<i>лти</i>		
		<i>лит</i>		
<u>луж</u>			бел	
	пол	<i>идиш</i>		рус
		слвц		укр
чеш		<u>венг</u>		
	<u>слвн</u>			
		<i>срхр</i>		
			<i>болг</i>	
				<u>мегр</u> сван
		<i>мак</i>		груз
				<i>осет</i>
				<u>лаз</u>

тип 1: презенс перфективных глаголов vs. особая форма имперфективных; **тип 2:** особая аспектуально нейтральная форма; **тип 3:** презенс перфективных глаголов + аспектуально нейтральная форма.

5.6.2. ПРОВЕРБЫ И СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Обратимся теперь к другому вопросу, релевантному лишь для части рассматриваемых языков, а именно к проблеме сосуществования провербов со словоизменительными аспектуальными категориями (аорисом и имперфектом). Глагольные системы, в которых аспект «романского типа» с противопоставлением перфективного и имперфективного прошедших времён сосуществует с системой провербной телисизации / перфективации, представлены в древнейших славянских языках — старославянском, древнерусском и древнечешском, — в ряде современных славянских языков (болгарском, македонском, в реликтовом виде также в сербохорватском и лужицких; ср. выдвинутое в работе [Маслов 1984]

противопоставление «северного», «южнобалканского» и «сербохорватского» типов славянских глагольных систем), а также в картвельских языках. Несколько особняком стоит литовский язык, в котором также имеется не зависящее от провербного аспекта противопоставление «однократного» и «многократного» (хабитуального) прошедших времён; поскольку в литовском данное противопоставление находится в области количественного, а не «линейного» аспекта и не демонстрирует никакого нетривиального взаимодействия с системой провербов, рассматривать литовские данные я здесь не буду (о литовском хабитуальном прошедшем см., например, [Генюшене 1989; Roszko, Roszko 2006; Аркадьев 2012: 78–85; Sakurai 2015]). Аналогичное замечание касается и осетинского показателя хабитуальности =iw, о котором шла речь в § 5.2.

Несмотря на принятую здесь синхронную перспективу, обсуждение глагольных систем, в которых сочетаются деривационные и флективные аспектуальные категории, естественно начать с древних славянских языков. В старославянском языке (см., например, [Вайан 1948/1952: 379–382; Маслов 1954; Бородич 1954; Бунина 1959; Lunt 2001: 155–156]) аорист и имперфект сочетались как с нетерминативными («имперфективными»), так и с терминативными (простыми и префиксальными «перфективными») глаголами. При этом Г. Лант [Lunt 2001: 155 fn 7], ссылаясь на монографию [Dostál 1954: 599–600], отмечает, что если имперфект терминативных глаголов встречался в памятниках весьма редко (ок. 1 % всех вхождений данной грамматической формы), то распределение терминативного и нетерминативного аористов было практически равным. Имперфект терминативных глаголов использовался для обозначения «возможности, обычности или кратности действия» [Вайан 1948/1952: 379], ср. пример (70); аорист же атерминативных глаголов обозначал ограниченную во времени ситуацию в прошлом, встроенную в нарративную цепочку [Горшкова, Хабургаев 1981: 300], ср. пример (71).

старославянский

- (70) ржжж же плѣть дрѣжаахъ а доушж⁵³ бога поразоумѣахъ и ...
обрѣштаахъ чюдесно
 ‘рукою я дотрагивался до плоти [Иисуса] и всякий раз постигал Бога душою и находил чудо’ (Супрасльская рукопись, цит. по [Хабургаев 1974: 278]).

⁵³ Характерная для Супрасльской рукописи стяжённая форма InsSg а-склонения.

(71) **пѡмшѣ ѿса вѣща и**

‘схватив Иисуса, (по)вели его’ (Мт. 26:57 цит. по [Lunt 2001: 155]).

Во многом сходная ситуация, особенно в отношении имперфекта терминативных глаголов, наблюдалась и в книжных памятниках древнерусского языка, см., в частности, [Маслов 1954; 1984/2004: 141–175; Борковский, Кузнецов 1963: 269–270; Горшкова, Хабургаев 1981: 303; Силина 1995: 414–427, 432–443; Зализняк 2008: 94–106]. В некнижных памятниках ситуация была иной, поскольку в них практически не фиксируется имперфект даже от нетерминативных глаголов, а аорист выступает крайне редко [Борковский, Кузнецов 1963: 277], вытесняясь перфектом — ср. данные новгородских берестяных грамот [Зализняк 2004: 142]. Стоит отметить также, что в книжных памятниках древнерусского языка аорист бесприставочных нетерминативных глаголов мог употребляться практически синонимично аористу их приставочных коррелятов [Силина 1995: 420–425], выражая не только лимитативное значение (ограниченная во времени длительная ситуация), но и начинательное (72), (73) (аорист **вѣрова**) и даже комплетивное (73) (аорист **крѣти**) значения.

древнерусский

(72) **и подѣстоупиша близѣ и слышаша гласъ блаженнаго страсотерпца**

‘и подошли ближе и услышали голос блаженного страсотерпца’ (Сказание о Борисе и Глебе из Успенского сборника XII в., цит. по [Силина 1995: 423]).

(73) **дионисии познавѣ истину и вѣрова въ хѣа и крѣти са**

‘Дионисий познал истину и уверовал в Христа и крестился’ (Пролог Лобковский 1262 г., цит. по [Силина 1995: 424]).

Из современных славянских языков общеславянское состояние лучше всего сохранил болгарский язык, где аорист и имперфект свободно и семантически композиционно сочетаются с глаголами обоих видов⁵⁴. Данные болгарского языка детально описаны и хорошо известны (см., в первую очередь, [Маслов 1984/2004: 176–215; Lindstedt 1984, 1985], ср. также работу [Маслов 1984], где рассматривается употребление таких сочетаний в нарративе). «Гармоничные» комбинации граммем «славянского» и «романского» видов — аорист СВ и имперфект НСВ — выражают, соответственно, «единичное конкретное действие» [Маслов 1984/2004: 178] (74) и «либо единичное...

⁵⁴ О балканском контексте данной системы см., в частности, [Aronson 1981].

конкретное действие в процессе его протекания» (75а), «либо многократное (обычное, потенциальное) действие в его неограниченной повторяемости» (75b) [Ibid.: 180].

болгарский

(74) *Той дойде срещу чичо Горан, спря се на брега и се подпря на тягата като овчар.*

‘Он приблизился к дядюшке Горану, остановился на берегу и подперся на палку, как пастух’ [Ibid.: 178–179].

(75) а. *Веднъж, докато траеше дъждът, чичо Митуш и Аго седяха на сундурмата пред дама.*

‘Однажды, пока продолжался дождь, дядя Митуш и Аго сидели на завалинке перед хлевом’ [Ibid.: 181].

б. *Винаги ходеше гологлав, с безредно разпилени коси.*

‘Он всегда ходил без шапки, с беспорядочно торчащими волосами’ [Ibid.].

«Дисгармоничные» сочетания аспектуальных граммем встречаются в текстах реже [Ibid.: 186, 204] и имеют менее тривиальные, хотя и вполне предсказуемые значения. Аорист НСВ выражает [Ibid.: 186–204], во-первых, длительные ситуации, представленные как целостные ограниченные во времени события (76), во-вторых, ситуации, повторяющиеся известное число раз на ограниченном отрезке времени (77), а также однократные ситуации, «непосредственные результаты которых аннулированы, устранены последующими событиями» [Ibid.: 199], ср. (78).

болгарский

(76) *Защо ни държа цял час на пътя, керата?*

‘Зачем ты (про)держал нас целый час на улице, негодник?’ [Ibid.: 188]

(77) *Председателят на съда няколко пъти вади часовника си...*

‘Председатель суда несколько раз вынимал часы...’ [Ibid.: 194]

(78) *Ти праща за Райка, нали? Аз ти я не дадох тогава.*

‘Ты посылал сватов за Райкой, да? Я тебе её не дал тогда’ [Ibid.: 199].

Наконец, аорист НСВ может иметь общефактическое значение — «в общем, принципиальном указании на факт прошлого... без рассмотрения этого факта в конкретных условиях его осуществления» [Ibid.: 200], ср. (79).

болгарский

(79) *Ходиш ли на училище?* — *Ходих до четвърти клас. Сега работя в къщи.*

‘Ты ходишь в школу? — Ходила до 4 класса. Теперь работаю дома’ [Ibid.].

Основное значение имперфекта СВ [Ibid.: 204–213] — многократное повторение единичного события, проявляющееся в различных специальных контекстах, чаще всего в придаточных предложениях, ср. пример (80).

болгарский

(80) *Вечер, щом чиновниците тръгнаха да се расхождат по чаршията, Русин Дуров винаги закачеше кафеза с птицата на прозореца към улицата.*

‘Вечером, бывало, как только чиновники выйдут на прогулку по главной улице, Р.Д. всегда повесит клетку на окно, выходящее на улицу’ [Ibid.: 205].

Таким образом, в болгарском языке аспектуальные категории «европейского типа» — аорист и имперфект, выражающие противопоставление перфективного и имперфективного видовых ракурсов, сочетаясь с видом «славянского типа», выражающим в первую очередь значения из области акциональности, включают последний в свою сферу действия (ср. [Lindstedt 1984; Johanson 2000: 142]).

Ситуация в македонском языке отличается от болгарской, см. [Lunt 1952: 87–91; Friedman 1985; Friedman 2002: 30–31]. Во-первых, в македонском употребление имперфекта (и презенса) СВ ограничено контекстами, где выступает ряд вспомогательных частиц или подчинительных союзов, таких как показатель будущего времени *ке*, сослагательного наклонения *да*, или союзы *ако* ‘если’ или *дури* ‘пока’. Во-вторых, аорист НСВ в современном языке практически вышел из употребления [Friedman 1994], уступив место другим глагольным формам, в частности, имперфекту НСВ, ср. пример (81).

македонский [Friedman 1994: 296]

(81) *A зошто ti мене толку dolgo me бараше?*

‘А зачем ты меня так долго искал?’

В других славянских языках, сохраняющих аорист и имперфект на современном этапе, — сербохорватском и лужицких — эти формы,

во-первых, имеют тенденцию к дополнительному распределению по глагольным видам, а во-вторых, выходят из употребления, заменяясь перфектом, т. е. повторяя путь, пройденный имперфектом и аористом других славянских языков в более раннюю эпоху (об особенностях употребления этих форм в сербохорватском см., в частности, [Маслов 1984: 36–42; Morabito 1992]). Так, в лужицких языках имперфект образуется лишь от глаголов НСВ, а аорист — только от глаголов СВ, и тем самым эти формы могут быть отождествлены с болгарскими лишь на исторических основаниях; синхронно их показатели являются просто алломорфами прошедшего времени, ср. [Friedman 1994: 285], которые к тому же в разговорной речи регулярно смешиваются [Werner 1996: 120–126]; в сербохорватском языке полностью утрачен имперфект СВ [Ružić 1943: 76; Гудков 1969: 57], имперфект же НСВ воспринимается как устаревшая форма [Morabito 1992: 85], а в молизско-славянском микроязыке в Италии вообще утрачен аорист [Брой 2006].

Ещё один ареал, в котором превербный аспект «славянского типа» сосуществует в глагольной системе со словоизменительными аспектуальными категориями «романского типа», — картвельский (см., например, [Christophe 2004: 160–179]). Ситуация в современном грузинском языке на поверхностном уровне отчасти сходна с македонской (см. в этой связи [Tomelleri 2009b: 84–100; 2010: 71–73]). Морфологически имперфект с суффиксом *-(o)d* образуется как от имперфективных (без превербов), так и от перфективных (с превербами) глагольных основ, однако «перфективный имперфект» в грамматических описаниях называется «кондиционалом» (ср. [Aronson 2005: 45]) и в первую очередь выражает модальное значение ирреальности, нередко появляющееся у грамматических форм «будущего в прошедшем» (напомню, что презентная основа с превербом в современном грузинском языке выражает будущее время), ср. [Iatridou 2000]. Модальные значения грузинского «перфективного имперфекта» проявляются, в частности, в аподозисе контрфактического условного периода (82), или в различных подчинённых предикациях (83), (84), где данная форма вообще не имеет аспектуального значения имперфективности.

грузинский

- (82) *avad rom iḡ-os, ar ḡa-vid-od-a.*
 дурно если быть-ОПТ.3СГ.С не PRV-ИДТИ-ИПФV-3СГ.С
 ‘Если бы ему было дурно, он бы не ушёл’ [Vogt 1971: 211].

- (83) *sanam vin-me ga-mo-vid-od-a, čumi xm-it*
 перед кто(NOM)-ТО PRV-PRV-идти-IPFV-3SG.S тихий ГОЛОС-INS
da-u-mač-a.
 PRV-CV-добавить-AOR.3SG.S
 ‘Перед тем, как кто-либо вышел, он добавил тихим голосом’ [Ibid.: 205].
- (84) *kaqopol-ma rom isi-n-i ačarsad*
 убеждённый-ERG что тот-PL-NOM больше.никуда
ča-vid-od-nen...
 PRV-идти-IPFV-3PL.S
 ‘убеждённый, что они [коровы] больше никуда не уйдут...’ [Ibid.: 190]

Сказанное касается как имперфекта / кондиционала от глаголов I и II классов, образующих перфективную основу с помощью преверба, так и соответствующей формы от глаголов III класса, у которых, как было показано выше, перфективная основа образуется без использования преверба, ср. пример (85).

грузинский [Vogt 1971: 190]

- (85) *im šemtxveva-ši i-tir-eb-d-a.*
 этот(OBL) случай-LOC CV-плакать-SM-IPFV-3SG.S
 ‘В таком случае он бы плакал’.

Тем не менее, наряду с модальными значениями грузинский «перфективный имперфект» сохраняет и аспектуальные употребления, сходные с основной функцией болгарского имперфекта СВ, выражая повторяющиеся в прошлом законченные ситуации⁵⁵ [Vogt 1971: 189; Fähnrich 1987: 163; Ростовцев-Попель 2012: 300], как правило в присутствии хабитуального наречия *xolme*, ср. пример (86).

грузинский [Fähnrich 1987: 163]

- (86) *Dato zvel tanisamos-s ča-i-cv-am-d-a*
 Дато(NOM) ветхий одежда-DAT PRV-CV-надевать-SM-IPF-3SG.S
xolme.
 НАВ
 ‘Дато, бывало, надевал старую одежду’.

⁵⁵ Интересно, что в хорватском произошло обратное развитие: аналитические ирреальные формы стали использоваться для выражения хабитуального значения [Morabito 1992: 87].

В отличие от «перфективного имперфекта», активно функционирующего в грузинской глагольной системе, «имперфективный аорист» без превербов явно маргинален и употребляется почти исключительно в конативных конструкциях, синтагматически противопоставляясь перфективному аористу с превербом [Vogt 1971: 187; Christophe 2004: 165–166; Tomelleri 2009b: 86; Ростовцев-Попель 2012: 296–297], ср. пример (87).

грузинский [Vogt 1971: 187]

- (87) *ау-о,* *ау-о,* *da ver*
 открывать-АОР.3SG.S открывать-АОР.3SG.S и не.мочь
da-ау-о.
 PRV-открывать-АОР.3SG.S
 ‘Открывал, открывал, но не смог открыть’.

В литературе, однако, отмечаются также редкие случаи общефактического употребления неопределённого аориста, подобные приведённому выше болгарскому примеру (79), ср. (88).

грузинский [Гецадзе 1984: 263]

- (88) *дye-s* *gansaḳutreb-it* *bevri* *v-xaḳ-e.*
 день-DAT особенный-INS много 1.S-рисовать-АОР
 ‘Сегодня я особенно много рисовал’.

Тем не менее, насколько реальны в современном грузинском языке контрасты, подобные приведённым в работе [Гецадзе 1984: 265] между аористом с превербом в комплетивном значении и аористом без преверба в лимитативном значении, неясно⁵⁶.

К сказанному необходимо добавить, что, как уже было показано выше (§ 5.3), употребление превербов в грузинском в большой степени встроено в систему глагольной парадигматики. Ввиду маргинальности форм «имперфективного» аориста и высокой регулярности образования футурума, аориста и перфекта от предельных глаголов I и II классов с помощью превербов, а также существования альтернативных способов образования данных форм от неопределённых и стативных глаголов III и IV классов, равно как и супплетивных форм футурума и аориста у ряда глаголов (см. выше § 5.4), простые

⁵⁶ Судя по замечаниям А. А. Ростовцева-Попеля [Ростовцев-Попель 2012: 296–297; личное сообщение], данные И. О. Гецадзе не соответствуют современному узусу и являются идеализацией.

и превербные глагольные формы разумно объединить в одну видо-временную парадигму, наподобие приведённой в табл. 8 в § 5.3.

Другие картвельские языки демонстрируют ситуации, по ряду параметров отличающиеся от представленной в современном грузинском. Ближе всего к грузинскому сванский язык (см., например, [Tuite 1997: 27–35]). Как и в грузинском, имперфект превербных глаголов в сванском имеет и модальные, и аспектуальные (хабитуалис в прошедшем) значения [Ibid.: 30–31]. Напротив, в отличие от грузинского, «имперфективный» аорист без превербов — по крайней мере от тех глаголов, которые образуют терминативные формы с помощью префиксации, — в сванском отсутствует [Tuite 1994; 1997: 32]. Интересной особенностью сванского является «инвертирование» сферы действия «словоизменительного» и префиксального аспекта, отмеченное у целого ряда стативных глаголов [Schmidt 1984: 296; Tuite 1994]: присоединение преверба к форме и м п е р ф е к т а таких глаголов создаёт форму «псевдоаориста», употребляющуюся для обозначения единичных точечных ситуаций, ср. (приводятся формы верхнебальского диалекта): Ipfv *xoxalda* ‘знал’ vs. pseudo-Aor *lo-xxalda* ‘подумал’, Ipfv *xaltənda* ‘любил’ vs. pseudo-Aor *la-xlatənda* ‘влюбился’ [Tuite 1994: 7]⁵⁷. В данном случае преверб, очевидно, служит для перфективации формы имперфективного прошедшего времени.

Также в отличие от грузинского, сванские неопределённые глаголы образуют аорист с помощью превербов, ср. сван. вбал. Aor *ät-w-šdirä:l* ‘я играл’ [Tuite 1994: 7] vs. груз. *v-i-tamaša* ‘тж.’ с версионным показателем *i-* (различие в морфологическом статусе сванского и грузинского префиксов наглядно проявляется в их положении относительно префикса 1 л. субъекта, который следует за сванским превербом, но предшествует грузинскому «характерному гласному»). К. Тьют [Ibid.: 8–9] возводит такие образования в сванском также к сочетаниям имперфекта с превербом, ср. параллельные формы из нижнебальского диалекта: Ipfv *ikilal* ~ pseudo-Aor *üd-kilal* ‘кричал’. Ещё одно отличие сванского от грузинского состоит в наличии аспектуального противопоставления в системе будущего времени, о котором см. выше.

В языках занской группы (мегрельском и лазском), в отличие от грузинского и сванского, имперфективный аорист без преверба употребляется более активно, см. [Harris 1991: 347–348] о мегрельском (без развёрнутых примеров и обсуждения), [Holisky 1991: 433;

⁵⁷ Цитируется по электронному варианту статьи, размещённому на веб-странице автора <http://www.mapageweb.umontreal.ca/tuitekj/publications.htm>

Mattissen 2001; Lacroix 2009: 445–446] о лазском. При этом в лазском, по крайней мере, в архавском диалекте, аорист без превербов в основном выступает в зависимых предложениях или в неутвердительных контекстах, ср. пример (89а), однако в ардешенском диалекте отмечены и независимые употребления, ср. пример (90) с лимитативным беспревербным аористом.

лазский, архавский диалект

- (89) а. *si-na o-škv-i* *koč-i*
 ты-SBD CV-послать-AOR человек-NOM
 ‘человек, которого ты отправил’ [Lacroix 2009: 445]
- б. *ar koči-k bee-muš fransa-še*
 один человек-ERG ребёнок-3SG.POSS(NOM) Франция-ALL
mend-o-šk-u.
 PRV-CV-послать-AOR.3SG.S
 ‘Один человек послал своего сына во Францию’ [Ibid.: 446].

лазский, ардешенский диалект [Mattissen 2001: 37]

- (90) *γota si akšami-ša g-gor-i...*
 вчера ты вечер-МОТ 2.О-искать-AOR
 ‘Вчера я искал тебя весь вечер’.

Форму имперфекта с превербом в мегрельском А. Харрис [Narjis 1991: 344, 347] называет «хабитуалисом»; судя по приведённому ею примеру, данная форма не ограничена временной референцией к прошлому: *Ipfv čarundu* ‘писал’ ~ *Nab dočarundu* ‘обычно пишет’. В лазском языке данная форма, как и в грузинском, выражает как хабитуальное значение в прошлом (91), так и ирреальную семантику (92):

лазский, архавский диалект [Lacroix 2009: 349–350]

- (91) *didnana-k na-u-juž-asen mit*
 бабушка-ERG SBD-CV-слышать-FUT.3SG.S кто-нибудь
zir-aŋu-škul beropa-muši-š
 видеть-OPT.PASS.3SG.S-после детство-3SG.POSS-GEN
hikaje-pe-s ko-gj-ö-čk-am-ŋu.
 рассказ-PL-DAT AFF-PRV-CV-начать-SM-IPFV.3SG.S
 ‘Когда бабушка находила кого-нибудь, кто бы стал её слушать, она начинала рассказы о своём детстве’.
- (92) *ma daha kaj do-b-i-kom-ŋi.*
 я более хороший PRV-1.S-CV-делать-IPFV
 ‘Я бы сделал лучше’.

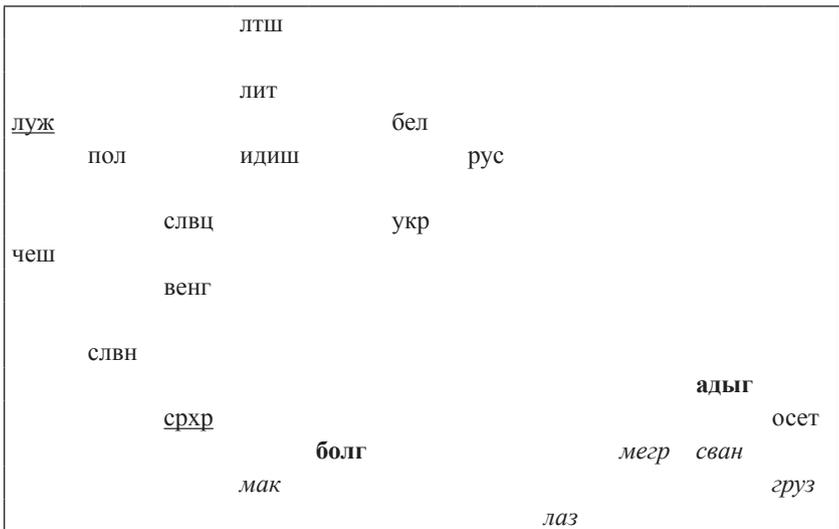
На основании рассмотренных данных, которые для некоторых языков (в особенности мегрельского), к сожалению, слишком фрагментарны, можно сделать вывод, что полноценная композициональная «двухуровневая» аспектуальная система, в которой «линейный» аспект «романского типа» и превербный аспект функционируют независимо друг от друга и свободно сочетаются между собою, представлена лишь в современном болгарском языке. В остальных языках «гармоничные» комбинации («имперфективный имперфект» и «перфективный аорист») вытесняют «дисгармоничные» либо на периферию системы (что произошло с «имперфективным аористом» в македонском, сербохорватском, сванском и в несколько меньшей степени в грузинском), либо в семантические области, напрямую не связанные с аспектуальными противопоставлениями, в частности в область выражения модальности (что произошло с «перфективным имперфектом» в картвельских языках и, видимо, с «имперфективным аористом» в лазском). Географическое распределение глагольных систем с «аспектуальным перекрещиванием» (ср. остроумный итальянский термин “*incrocio aspettuale*”, введённый в работе [Morabito 1992], ср. [Tomelleri 2008: 36 fn. 36]) показано на рис. 15⁵⁸.

При этом необходимо подчеркнуть, что процессы распада исторически более древних словоизменительных аспектуальных категорий аориста и имперфекта под давлением более нового превербного аспекта протекают в значительной степени независимо от семантической и грамматической эволюции последнего. Как ни парадоксально, именно болгарская система, в которой «романское» аспектуальное противопоставление сохранилось в наиболее полном объёме, одновременно является одной из наиболее «продвинутых» и в отношении грамматикализации вида славянского типа. Напротив, славянские языки, примерно одинаково рано утратившие аорист и имперфект — русский и чешский, — демонстрируют разный характер грамматикализации превербного вида. Очевидно, что устройство аспектуальной системы конкретного языка и в частности детальность «аспектуальной

⁵⁸ Адыгейский язык отмечен на карте и условно отнесён к тому же типу, что и болгарский, поскольку в адыгейском имеется противопоставление перфективного и имперфективного прошедшего времён, свободно сочетающихся как с превербными, так и с простыми глаголами. Основное отличие адыгских языков как от южнославянских, так и от картвельских состоит в том, что превербы практически не выступают в адыгских языках в аспектуальных функциях и не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на интерпретацию видовременных форм.

системы координат», которую он накладывает на соответствующую область «универсального грамматического набора» [Плунгян 2011a], в большей степени определяется (по-видимому, во многом случайными) фактами исторического развития и, среди прочего, языковыми контактами, нежели гипотетическими «универсальными принципами» «экономичного» устройства языка.

Рис. 15. Сочетание превербного аспекта с противопоставлением аориста и имперфекта

тип 1: продуктивная четырёхчленная система; **тип 2:** редуцированные и / или модализованные системы; **тип 3:** реликтовые системы; противопоставление аориста и имперфекта отсутствует.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев различные особенности глагольных систем языков с продуктивной префиксальной перфективацией, можно вернуться к поставленному во вступительных замечаниях к данной главе вопросу о корреляциях тех или иных признаков этих систем со степенью грамматикализованности выражаемых при участии превербов аспектуальных категорий. Как уже отмечалось, деривационный характер префиксального перфектива требует особого подхода к проблеме его грамматикализации, в первую очередь апеллирующего к признакам, связанным с морфосинтаксическими ограничениями на употребление

терминативных и нетерминативных глаголов и с особенностями их функционирования в периферийных аспектуальных контекстах.

В этом смысле наиболее показательны такие сугубо морфологические ограничения, как дополнительно распределённые по видам способы образования будущего времени в севернославянских языках, тесная парадигматическая интеграция превербного аспекта и других глагольных категорий в грузинском, семантически слабо мотивированный запрет на употребление перфективных глаголов в фазовых конструкциях в славянских языках (за исключением обиходного верхнелужицкого) и в осетинском, а также строгие, хотя и мотивированные в большей степени семантические ограничения на употребление видов в периферийных аспектуальных контекстах (в первую очередь в настоящем историческом и в настоящем хабитуальном) в восточной зоне славянских языков, где разрешению конфликта между необходимостью сохранить семантический вклад преверба и «снять» его перфективирующую функцию служит продуктивная вторичная имперфективация, присутствующая и в западнославянской зоне, но менее продуктивная. Одним из признаков грамматикализации является и вовлечение в «орбиту» категории, ядром которой служат превербные глаголы, предикатов иного морфологического состава; наиболее ярко это проявляется в славянских языках, где все без исключения морфосинтаксические и семантические признаки СВ охватывают перфективные глаголы любого морфологического устройства.

Именно применительно к славянским языкам, грузинскому⁵⁹ (в несколько меньшей степени к другим картвельским) и к осетинскому можно говорить о грамматической категории аспекта, в образовании которой участвуют превербы. Наибольшей степени грамматикализации эта категория достигает в славянских языках восточной зоны, где наблюдаются все выделенные выше морфосинтаксические признаки: парадигматические ограничения на образование тех или иных форм от глаголов данного вида, вовлечение в систему СВ непрефиксальных глаголов, морфосинтаксические ограничения на употребление СВ с фазовыми глаголами, весьма жёсткие правила употребления видов по крайней мере в части периферийных контекстов и продуктивная вторичная имперфективация. Другие славянские языки — за исключением обиходного верхнелужицкого — демон-

⁵⁹ См. также статью [Tomelleri, Topadze 2015], оказавшуюся в моём распоряжении слишком поздно, чтобы я мог ее учесть.

стрируют лишь часть этих признаков, однако всякий раз достаточную для признания несомненного грамматического статуса вида, и то же можно сказать о картвельских языках и об осетинском.

Напротив, в балтийских языках, в венгерском и в идише нет или практически нет собственно грамматических, не мотивированных непосредственно семантикой признаков, которые позволили бы чётко противопоставить терминативные (превербные) и нетерминативные предикаты как грамматические классы. Ограничения на употребление глаголов с превербами в тех или иных контекстах в этих языках не носят абсолютного характера и тесно связаны с лексическими свойствами глаголов; кроме того, эти ограничения могут быть непосредственно мотивированы акциональной семантикой без «промежуточного» уровня грамматической категории вида. К этому типу, насколько можно судить, приближается и обиходный верхнелужицкий, в котором СВ существенно расширил своё употребление за счёт контекстов, в других славянских языках доступных лишь имперфективным глаголам.

С ареально-типологической точки зрения особенно интересно то, что ситуация в языках с недостаточно грамматикализованным деривационным аспектом является результатом двух диаметрально противоположных процессов — не дошедшей до продвинутой стадии грамматикализации, как в балтийских, идише и венгерском, и частичной деграмматикализации под контактным влиянием немецкого языка, как, видимо, в разговорном верхнелужицком (хотя и здесь нельзя исключить также консервации в условиях двуязычия более архаичного состояния).

ГЛАВА 6

КВАНТИТАТИВНАЯ АРЕАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРЕФИКСАЛЬНОГО ПЕРФЕКТИВА

В данной главе¹ обобщаются результаты, полученные в предшествующих главах книги, и делается попытка построить на основании количественного анализа изученных параметров ареальную типологию префиксального перфектива, в частности, определить степень сходства и различия представленных в изучаемых языках систем префиксального перфектива и возможные модели кластеризации (сочетания) значений признаков, характерные для тех или иных языков, групп языков и (микро)ареалов. Речь пойдёт, среди прочего, о том, насколько системы префиксального перфектива в изученных языках соответствуют «славянскому» прототипу и в какой степени и как они отклоняются от него.

6.1. ПРИЗНАКИ ДЛЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Исследование ареального распределения некоторого сложного лингвистического явления, обнаруживающего как значимые сходства, так и существенные различия между языками (в данном случае, префиксального перфектива) требует количественного (статистического) анализа данных о значениях тех или иных признаков изучаемого явления. Такой количественный анализ позволяет с определённой долей объективности установить степень сходства между системами отдельных языков и выявить группы или кластеры признаков, демонстрирующих связь с генетическими или географическими факторами. Для построе-

¹ Я приношу благодарность Е. В. Коровиной и С. О. Оскольской за помощь в освоении компьютерных программ, использованных для количественной обработки данных и графической репрезентации результатов (Microsoft Excel и Splitstree), и Ф. Р. Минлосу, М. Р. Пентусу и А. Ч. Пиперски за консультации по применению статистических методов. Содержание данной главы было представлено в двух докладах на семинаре «Некоторые применения математических методов в языкознании» при ОТиПЛ МГУ весной 2013 г.; я благодарю слушателей за ценные советы и критику.

ния такого рода квантитативной ареально-типологической картины префиксального перфектива в изучаемых языках, опирающейся на подробно рассмотренные в предшествующих главах признаки, необходимо провести определённую «редукцию» полученных данных, а именно, отобрать те признаки, которые релевантны для значительной части языков, и кроме того, значения которых можно представить в достаточно схематическом дискретном виде (в идеале — «да» и «нет» или «+» и «-»); это соображение играло важную роль при картографировании значений тех или иных признаков в предшествующих разделах). Возникающее в результате этого представление с неизбежностью будет упрощённым и даже огрублённым, однако оно тем не менее будет отражать в единообразном виде сходства и различия между системами префиксального перфектива в языках Восточной Европы.

Для количественного анализа я отобрал следующие 19 признаков (их значения в дальнейшем будут схематически обозначаться цифрами):

1. Морфосинтаксис превербов:

1.1. Отделимость превербов: 2 — свободная; 1 — ограниченная; 0 — отсутствует.

1.2. Наличие других глагольных префиксов кроме превербов (показатель отрицания, ввиду его промежуточного статуса во многих языках, не учитывается): 1 — да; 0 — нет.

1.3. Позиция превербов в глагольной словоформе (при условии положительного значения признака 1.2): 1 — начальная; 2 — срединная; 3 — предосновная.

1.4. Итерация превербов (для языков с положительным значением следующего признака имеется в виду сочетаемость превербов одного подкласса): 2 — продуктивная; 1 — ограниченная; 0 — отсутствует.

1.5. Морфологическая субкатегоризация превербов: 1 — да; 0 — нет.

2. Функциональные признаки превербов и превербных глаголов:

2.1. Выражение дейксиса: 0 — систематическое отсутствует; 1 — маргинально; 2 — систематическое кумулятивное; 3 — систематическое отдельное.

2.2. Перфективирующая функция превербов: 0 — систематически отсутствует; 1 — относительно маргинальна; 2 — продуктивна.

2.3. «Чистая перфективация»: 0 — систематически отсутствует или маргинальна; 1 — продуктивна.

2.4. Делимитативные превербы: 2 — продуктивны; 1 — непродуктивны; 0 — отсутствуют.

2.5. Дуративное употребление превербных глаголов перемещения: 0 — отсутствует; 1 — ограничено; 2 — систематическое.

2.6. Дуративное употребление превербных глаголов других семантических классов: 0 — отсутствует; 1 — ограничено; 2 — систематическое.

3. Признаки глагольных систем:

3.1. Употребление презенса превербных (или вообще терминативных) глаголов в значении *praesens historicum*: 1 — да; 0 — нет.

3.2. Продуктивное футуральное употребление презенса превербных (или вообще терминативных) глаголов: 1 — да; 0 — нет.

3.3. Употребление превербных (или вообще терминативных) глаголов с фазовыми предикатами: 1 — да; 0 — нет.

3.4. Морфологические средства вторичной имперфективации: 2 — продуктивны; 1 — ограничены; 0 — отсутствуют.

3.5. Синтаксические средства вторичной имперфективации: 2 — продуктивны; 1 — ограничены; 0 — отсутствуют.

3.6. Продуктивные средства перфективации помимо превербов: 1 — да; 0 — нет.

3.7. Аспектуально-нейтральный футурум: 1 — да; 0 — нет.

3.8. Противопоставление аориста и имперфекта наряду с префиксальным перфективом: 0 — отсутствует; 1 — маргинально; 2 — редуцированная (двух- или трёхчленная) система; 3 — полная (четырёхчленная) система.

Как можно видеть, в данный список не вошёл целый ряд рассмотренных в предыдущих главах признаков, в частности, связанных с происхождением и исходными семантическими функциями превербов, с их продуктивностью (самих по себе и как телесизаторов / перфективаторов), со способами глагольного действия и т. п. Исключение этих признаков объясняется либо тем, что их значения затруднительно представить в дискретном виде, либо тем, что они практически во всех рассматриваемых языках принимают одно и то же значение и, следовательно, малорелевантны для выявления межъязыковой вариативности. Таков, в частности, признак «способы глагольного действия» — в том или ином виде они представлены почти во всех изучаемых языках, а межъязыковые различия в данной области, во-первых, «неформализуемы» и, во-вторых, малорелевантны для дальнейшего обсуждения.

Многофакторный анализ при помощи описанных выше признаков будет проводиться на материале следующих языков: русский (как представитель восточнославянских языков, которые, насколько можно судить, по значениям изучаемых признаков тождественны), польский, обиходный верхнелужицкий, чешский (словацкий опять-таки в интересующем нас отношении не отличается от чешского),

словенский, сербохорватский, болгарский, македонский; литовский, латышский; немецкий, идиш; венгерский; осетинский; грузинский, сванский, мегрельский, лазский (без различения диалектов, которые, насколько можно судить, в интересующем нас отношении существенно не отличаются); адыгейский.

6.2. СОПОСТАВЛЕНИЕ ЗНАЧЕНИЙ ПРИЗНАКОВ В ИССЛЕДУЕМЫХ ЯЗЫКАХ

В таблице 9 представлены значения признаков для каждого языка. В тех случаях, когда значение признака для некоторого языка нерелевантно либо неизвестно, соответствующие клетки оставлены пустыми. Значения признаков 3.1–3.8 для адыгейского и немецкого языков приведены с определённой долей условности ввиду отсутствия в этих языках, особенно в адыгейском, префиксальной перфективации в строгом смысле слова.

Таблица 9 сразу демонстрирует ряд случаев кластеризации или иного нетривиального распределения значений признаков. Во-первых, сразу бросается в глаза почти абсолютная гомогенность свойств собственно превербов, причём как морфологических (признаки 1.1–1.5), так и функционально-семантических (признаки 2.1–2.4) в славянских языках, отличающая их от всех остальных языков, ни в одном из которых набор значений соответствующих признаков не совпадает со славянским (правда, стоит отметить совпадение значений функциональных признаков 2.1–2.4 между славянскими и балтийскими языками — при важных отличиях в собственно формальных свойствах превербов). Кроме того, легко видеть, что морфологические признаки превербов вообще очень хорошо коррелируют с генетическим родством языков, ср. незначительные различия в парах «литовский, латышский» и «немецкий, идиш» и в четвёрке картвельских языков (в последней, правда, значения функциональных признаков 2.1–2.4 демонстрируют большую гомогенность, чем значения морфологических признаков). Факт наличия расхождений между языками внутри родственных групп объясняется, по-видимому, либо существенно большей глубиной родства (картвельская семья), либо историческими случайностями. Интересно также отметить, что адыгейский язык (как, впрочем, и осетинский) близок к картвельским по морфологическим признакам и предсказуемым образом не совпадает сколько-нибудь существенно ни с каким другим языком по функциональным.

Табл. 9. Значения признаков для рассматриваемых языков

признаки	рус	пол	чеш	славн	срхр	болг	мак	луж	лит	лтш	нем	идиш	венг	осет	груз	сван	мегр	лаз	адыг
1.1. отделимость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2	2	1	0	1	0	0	0
1.2. др. префиксы	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	1	1	1	1	1
1.3. позиция									2	3				1	1	1	2	2	2
1.4. итерация	2	2	2	2	2	2	2	2	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1
1.5. морф. подтипы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	1	1	1	1	1
2.1. дейксис отд.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	1	1	2	3	3	3	3	3
2.2. перфективация	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	1	2	2	2	2	2	2	2	0
2.3. чистая перф-я	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	0
2.4. делимитатив	2	2	1	1	1	2	2	2	2	2	0	0	0	2	0	0	0	0	0
2.5. неперед. движ.	0	0	0	0	0	0	0	2	1	1	2	1	0	2	2	2	2	2	2
2.6. неперед. другие	0	0	0	0	0	0	0	2	1	1	2	1	0	0	0	0	0	0	2
3.1. перф. презенс	0	0	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	1		1	1	1
3.2. перф. през. = фут.	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	1	1	1	1	0
3.3. фазовые глаголы	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	1		1	1	1
3.4. 2имперф. морф.	2	2	2	2	2	2	2	1	1	0	0	0	0	2	0	0	2	0	0
3.5. 2имперф. синт.	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	2	0	0	0	0	0	0
3.6. неперв. перф.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
3.7. нейтр. футур.	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	1
3.8. аор./имперф.	0	0	0	0	1	3	2	1	0	0	0	0	0	0	2	2	2	2	3

Во-вторых, таблица 9 показывает, что функционально-семантические признаки превербных глаголов и в особенности глагольных систем демонстрируют существенно меньшую гомогенность и уже не коррелируют столь явно с генетическим родством языков. Так, славянские языки, практически не отличающиеся друг от друга по признакам 1.1–2.4 (и, если исключить явный «аутсайдер» — обиходный верхнелужицкий, также по признакам 2.5–2.6), демонстрируют различные значения четырёх из восьми признаков последней группы, причём эти значения не коррелируют между собою. Интересно, что степень различия по функциональным критериям оказывается не связанной с противопоставлением «восточной» и «западной» аспектуальных областей по С. Дики [Dickey 2000]: между прототипическими представителями двух аспектуальных зон — русским и чешским — наблюдается всего одно различие в значениях функциональных признаков (3.1), в то время как между двумя языками восточной зоны — русским и болгарским — таких различий уже три (3.2, 3.7, 3.8). Это не случайно, поскольку из критериев противопоставления западной и восточной «аспектуальных зон» лишь один — употребление презенса перфективных глаголов в значении *praesens historicum* — одновременно входит в наше множество признаков (3.1).

По трём из восьми признаков данной группы различаются литовский и латышский. Напротив, пара германских языков — немецкий и идиш — совпадают по значениям признаков 3.1–3.8, но демонстрируют существенные различия по признакам 2.1–2.6, что разумно объяснять славянским влиянием на идиш (о калькировании славянских употреблений приставок в системе превербов идиша см., в частности, [Wexler 1964, 1972; Talmy 1982]). Очевидно, контактным влиянием немецкого следует объяснять и радикальное отличие обиходного верхнелужицкого от всех остальных славянских языков по признакам 2.5 и 2.6 (имперфективное употребление превербных глаголов) и 3.3 (сочетаемость терминативных глаголов с фазовыми предикатами). Языки картвельской семьи по функциональным признакам примерно столь же гомогенны, сколь и по формальным; осетинский примыкает к ним по таким нетривиальным параметрам, как важная роль дейксиса (2.1) и допустимость имперфективного прочтения исключительно у превербных глаголов движения (2.5, 2.6), однако отличается от картвельских по целому ряду других признаков.

Три не-балто-славянских центральноевропейских языка — немецкий, идиш и венгерский — образуют кластер по ряду признаков: 1.1 (свободная отделимость превербов), 2.4 (отсутствие делимитативных

превербов) и 3.4 (отсутствие морфологической вторичной имперфективации). По признаку 3.1 (неактуальные употребления перфективного презенса) они входят в более обширную область, включающую чешский, словенский, сербохорватский, литовский и латышский, а по признаку 3.3. (допустимость терминативных глаголов в фазовых конструкциях) объединяются с балтийскими. По признакам третьей группы венгерский сближается с западнославянскими языками, особенно со словенским, в частности по столь нетривиальному параметру, как наличие аспектуально-нейтральных форм будущего времени (3.7) наряду с футуральными употреблениями перфективного презенса (3.2). Положительные значения этих двух признаков независимо отмечены также в занской группе картвельских языков.

Таким образом, многофакторное сравнение систем префиксального перфектива на основании значений признаков из предложенного выше списка выделяет скорее микроареалы из нескольких языков, объединяющихся по небольшому, но нетривиальному набору значений признаков, нежели большие ареалы — если из числа таковых исключить, разумеется, объединения языков по генетическому признаку. Такой результат, который будет дополнительно подтверждён ниже с помощью ряда других количественных методов, представляется одновременно и нетривиальным, и не случайным: учитывая специальный характер рассматриваемых классификационных признаков и то, что они принимают весьма конкретные значения, не всегда допускающие широкое обобщение, кажется вполне закономерным, что значения этих признаков не совпадают даже в языках, близкородственных или находящихся в ситуации контакта.

6.3. СТЕПЕНЬ СХОДСТВА МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ

Перейдём теперь к вопросу о степени сходства рассматриваемых языков между собою. Степень сходства пары языков я определяю как (округлённое до целого числа) процентное отношение числа совпадения значений признаков в паре к числу признаков, релевантных для обоих языков (так, для русского и чешского релевантны 18 признаков из 19). В таблице 10 представлены степени сходства систем префиксального перфектива во всех парах языков, а также средняя степень²

² В качестве среднего я брал среднее арифметическое, а не медианное значение; это решение оправдано тем, что существенной разницы между этими двумя величинами не наблюдается ни для какого языка.

сходства всех языков с данным (естественно, стопроцентное сходство языка с самим собою не учитывается) и в скобках — стандартное отклонение степени сходства от среднего значения. Последние два числа необходимы для оценки того, насколько каждый конкретный язык похож или не похож на остальные: чем выше среднее значение степени сходства, тем меньше в целом данный язык отличается от остальных; стандартное же отклонение степени сходства указывает на значимость среднего значения: чем больше стандартное отклонение, тем дальше среднее значение отстоит от действительного распределения. При этом очень важно, что средние значения и стандартное отклонение рассчитывались не непосредственно по таблице 10, а по её модифицированному варианту, включающему украинский и белорусский, значения всех признаков для которых совпадают с русским и польским, и словацкий, совпадающий, соответственно, с чешским. Информация об этих языках нерелевантна для изучения попарных сходств и различий между отдельными языками, однако необходима для оценки параметров, касающихся всех языков.

Из таблицы 10 видно, что рассматриваемые языки демонстрируют в целом не очень значительную степень сходства по нашим признакам: максимальное среднее значение (62 %) у чешского языка при значительном стандартном отклонении (23) сравнительно невелико. О том же говорит и среднее значение, вычисленное для всех пар языков, равное 52 % при стандартном отклонении 21. Ярким исключением из этой тенденции служит северо-восточно-славянский кластер, языки которого — русский, украинский, белорусский и польский — вообще не отличаются друг от друга по нашим параметрам (напротив, южнославянские языки демонстрируют среднюю степень сходства лишь 84 %). Ещё один такой же кластер из двух языков образуют чешский и словацкий, степень генетической близости которых, однако, выше, чем между северо-восточно-славянскими языками. Другие пары близкородственных языков демонстрируют сходство менее 100 % — болгарский и македонский (94 %), мегрельский и лазский (95 %); та же степень сходства отмечается и между некоторыми более отдалённо родственными языками — словенским и чешским и грузинским и сванским. Напротив, такие близкородственные языки, как литовский и латышский сходны лишь на 74 %, а немецкий и идиш лишь на 67 % (впрочем, их сходство выше, чем между весьма близкородственными польским и верхнелужицким, составляющее всего 56 %, т. е. незначительно выше среднего по всем языкам). Статус обиходного верхнелужицкого как «аутсайдера» в славянской группе

Табл. 10. Степень сходства систем префиксального перфектива

	рус	пол	чеш	слвн	срхр	болг	мак	луж	лит	лтш	нем	идиш	венг	осет	груз	сван	метр	лаз	адыг	среднее
рус		100	89	83	72	83	83	56	50	39	17	28	50	50	39	38	39	33	11	59 (28)
пол	100		89	83	72	83	83	56	50	39	17	28	50	50	39	38	39	33	11	59 (28)
чеш	89	89		94	83	72	72	56	50	39	22	33	56	50	44	38	44	39	17	60 (25)
слвн	83	83	94		89	78	78	61	56	44	28	39	61	56	39	31	50	44	22	62 (23)
срхр	72	72	83	89		83	83	61	56	44	28	39	50	56	33	25	44	39	28	58 (21)
болг	83	83	72	78	83		94	56	56	44	22	33	44	56	28	25	39	33	28	57 (23)
мак	83	83	72	78	83	94		56	56	44	22	33	44	56	33	31	44	39	22	58 (23)
луж	56	56	56	61	61	56	56		61	56	33	33	50	39	39	25	44	44	33	49 (11)
лит	50	50	50	56	56	56	56	61		74	33	61	50	58	42	29	53	53	42	51 (9)
лтш	39	39	44	44	44	44	44	56	74		44	61	44	53	42	29	42	47	47	46 (9)
нем	17	17	22	28	28	22	22	33	33	44		67	44	39	50	44	50	56	78	36 (17)
идиш	28	28	33	39	39	33	33	33	61	61	67		67	50	56	50	56	61	50	44 (14)
венг	50	50	56	61	50	44	44	50	50	44	44	67		44	50	44	50	56	28	49 (8)
осет	50	50	50	56	56	56	56	39	58	53	39	50	44		53	59	58	53	37	51 (6)
груз	39	39	44	39	33	28	33	39	42	42	50	56	50	53		94	84	89	58	49 (18)
сван	38	38	38	31	25	25	31	25	29	29	44	50	44	59	94		76	82	47	44 (19)
метр	39	39	44	50	44	39	44	44	53	47	50	56	50	58	84	76		95	63	52 (15)
лаз	33	33	39	44	39	33	39	44	53	47	56	61	56	53	89	82	95		68	51 (18)
адыг	11	11	17	22	28	28	22	33	42	47	78	50	28	37	58	47	63	68		35 (20)

подтверждает в том числе то, что его степень сходства с «близкими родственниками» не превышает степени сходства с «дальними родственниками» — балтийскими языками. Также стоит отметить, что литовский язык оказывается ближе к славянским и дальше от германских, чем латышский, а осетинский язык — в целом столь же близким к центральноевропейским, сколь и к кавказским.

Показательно и то, что языки, демонстрирующие наименьшее стандартное отклонение — венгерский (8) и осетинский (6) — имеют невысокую (49 % и 51 %, соответственно) степень сходства с другими языками; такая комбинация значений двух параметров говорит о том, что эти языки не имеют значительных совпадений ни с одним языком (для венгерского максимальная степень сходства — 67 % с идишем; для осетинского она ещё ниже — 58–59 % с литовским, сванским и мегрельским). Для сравнения, средняя степень сходства между славянскими языками равна 80 %, а без учёта сильно выделяющегося обиходного верхнелужицкого и вовсе достигает 85 % при стандартном отклонении, соответственно, 14 и 9. Примерно такая же средняя степень сходства в картвельской семье — 87 % при стандартном отклонении 7. Самую низкую степень сходства с другими языками (36 % и 35 %) ожидаемым образом демонстрируют немецкий и адыгейский — языки, в которых префиксальный перфектив отсутствует; тем не менее, даже для этих языков-«аутсайдеров» находятся особенно близкие к ним системы, причём интересно, хотя и закономерно, что самыми близкими они оказываются друг к другу (78 %). Если исключить это сходство «аутсайдеров», то для немецкого ближайшим языком оказывается, ожидаемым образом, идиш (67 % сходства), а для адыгейского — лазский (68 %), мегрельский (63 %) и грузинский (58 %). В обоих случаях степень сходства превышает среднюю для всех языков, но оказывается существенно ниже средней для славянских языков.

В связи с анализом степени сходства между системами префиксального перфектива встаёт вопрос о корректности применения количественных методов к данным в таблице 9. Дело в том, что при вычислении степени сходства подсчитываются совпадения значений того или иного признака в паре языков. Такой метод, однако, совершенно одинаковым образом трактует различие между полярными значениями некоторого признака (например, «делимитативные превербы продуктивны» vs. «делимитативные превербы отсутствуют») и различие между разными степенями проявления признака (например, «делимитативные превербы продуктивны» vs. «делимитативные

превербы имеются, но непродуктивны»). Тем самым, некоторые языки могут оказаться «более различными», чем они есть в действительности. В связи с этим я рассмотрю модифицированный набор значений признаков 1.1–3.8, в котором максимальное число признаков приведено к бинарному формату по следующему принципу (за исключением признака 1.3, значения которого не образуют такого рода шкалы):

1.1. Отделимость превербов: 0 — отсутствует; 1 — допускается.

1.2. Наличие других глагольных префиксов кроме превербов (показатель отрицания, ввиду его промежуточного статуса во многих языках, не учитывается): 0 — нет; 1 — да.

1.3. Позиция превербов в глагольной словоформе (при условии положительного значения признака 1.2): 1 — начальная; 2 — срединная; 3 — предосновная.

1.4. Итерация превербов: 0 — отсутствует; 1 — допускается.

1.5. Морфологическая субкатегоризация превербов: 0 — нет; 1 — да.

2. Функциональные признаки превербов и превербных глаголов:

2.1. Выражение дейксиса: 0 — систематическое отсутствует или маргинально; 1 — систематическое.

2.2. Перфективирующая функция превербов: 0 — систематически отсутствует или маргинальна; 1 — продуктивна.

2.3. «Чистая перфективация»: 0 — систематически отсутствует или маргинальна; 1 — продуктивна.

2.4. Делимитативные превербы: 0 — отсутствуют; 1 — имеются.

2.5. Дуративное употребление превербных глаголов перемещения: 0 — запрещено; 1 — допускается.

2.6. Дуративное употребление превербных глаголов других семантических классов: 0 — запрещено; 1 — допускается.

3. Признаки глагольных систем:

3.1. Употребление презенса превербных глаголов в значении *praesens historicum*: 0 — нет; 1 — да.

3.2. Продуктивное футуральное употребление презенса превербных глаголов: 0 — нет; 1 — да.

3.3. Употребление превербных (или вообще терминативных) глаголов с фазовыми предикатами: 0 — нет; 1 — да.

3.4. Морфологические средства вторичной имперфективации: 0 — отсутствуют; 1 — имеются.

3.5. Синтаксические средства вторичной имперфективации: 0 — отсутствуют; 1 — имеются.

3.6. Средства перфективации помимо превербов: 0 — нет; 1 — да.

3.7. Аспектуально-нейтральный футурум: 0 — нет; 1 — да.

3.8. Противопоставление аориста и имперфекта наряду с префиксальным перфективом: 0 — отсутствует или маргинально; 1 — имеется.

Значения модифицированных признаков для каждого из исследуемых языков приведено в таблице 11, а вычисленная на их основе степень сходства между языками — в таблице 12.

Среднее значение по всем парам языков при модифицированных значениях признаков равно 57 % (ср. 52 % для таблицы 10), а стандартное отклонение — 21 (22 для таблицы 10).

Сравнение таблиц 10 и 12 показывает, что модификация системы значений признаков не привела к «одностороннему» изменению степеней сходства между языками. В целом ряде случаев степень сходства осталась прежней (например, для северных славянских языков и для картвельской семьи), а в большинстве случаев, как и ожидалось, степень сходства возросла (в среднем на 5 пунктов). Для некоторых пар такое увеличение степени сходства оказалось существенным: так, обиходный верхнелужицкий язык при модифицированной системе признаков существенно больше похож на другие языки, в особенности на неславянские центральноевропейские (литовский, латышский, идиш и венгерский), а также на осетинский и словенский, чем при исходной. Это наглядно демонстрирует среднее значение степени сходства для верхнелужицкого: в таблице 10 оно равнялось 49 (ниже среднего по генеральной совокупности), а в таблице 12 — 60 (выше среднего).

Поучительно, что модифицированная система признаков свела на нет и так минимальное различие в системах префиксального перфектива в болгарском и македонском, однако никак не изменила дистанцию между такими парами языков, как мегрельский и лазский: очевидно, что различия в продуктивности сочетаний деривационного и словоизменительного аспектов менее существенны, чем наличие vs. отсутствие вторичной имперфективации. То же касается и пары балтийских языков, на отражение существенных различий между которыми модифицированная система признаков никак не повлияла. Парадоксальная более высокая близость латышского к обиходному верхнелужицкому (78 %), чем к литовскому (73 %), при модифицированной системе признаков объясняется тем, что релевантными для пары «латышский, верхнелужицкий» оказывается на один признак меньше, чем для пары «латышский, литовский»; тем не менее, важно, что число совпадающих значений признаков в обеих парах одинаково (14). Тем самым можно говорить о выделении своего рода кластера, состоящего из балтийских языков и обиходного верхнелужицкого — «аутсайдеров» по отношению к славянским аспектуальным системам.

Табл. 11. Значения признаков для рассматриваемых языков (модифицированный вариант)

признаки	рус	пол	чеш	слвн	срхр	болг	мак	луж	лит	лтш	нем	идиш	венг	осет	груз	сван	метр	лаз	адыг
1.1. отделимость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	0	1	0	0	0
1.2. др. префиксы	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	1	1	1	1	1	1
1.3. позиция									2	3				1	1	1	2	2	2
1.4. итерация	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1
1.5. морф. подтипы	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	0	0	1	1	1	1	1
2.1. дейксис отд.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	1	1	1	1	1
2.2. телисизация	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	0
2.3. чистая телис.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1	1	0
2.4. делимитатив	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0
2.5. неперед. движ.	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	1	1	1	1	1	1
2.6. неперед. другие	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	1
3.1. перф. презенс	0	0	1	1	1	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1		1	1	1
3.2. перф. през. = фут.	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0	1	1	1	1	0
3.3. фазовые глаголы	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	0	1		1	1	1
3.4. 2имперф. морф.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	0	1	0	0	1	0	0
3.5. 2имперф. синт.	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0
3.6. неперв. перф.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0
3.7. нейтр. футур.	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	0	0	1	1	1
3.8. аор. / имперф.	0	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	1	1	1	1

Табл. 12. Степень сходства систем префиксального перфектива (модифицированный вариант)

	рус	пол	чеш	славн	срхр	болг	мак	луж	лит	лтш	нем	идиш	венг	осет	груз	сван	метр	лаз	адыг	среднее
рус		100	94	89	83	83	83	67	56	44	22	33	56	50	39	38	39	33	17	63 (28)
пол	100		94	89	83	83	83	67	56	44	22	33	56	50	39	38	39	33	17	63 (28)
чеш	94	94		94	89	78	78	72	61	50	28	39	61	56	44	38	44	39	22	65 (25)
славн	89	89	94		94	83	83	78	67	56	33	44	67	61	39	31	50	44	28	67 (23)
срхр	83	83	89	94		89	89	72	72	61	39	50	61	67	33	25	44	39	33	66 (22)
болг	83	83	78	83	89		100	61	61	50	28	39	50	56	33	31	44	39	33	61 (22)
мак	83	83	78	83	89	100		61	61	50	28	39	50	56	33	31	44	39	33	61 (22)
луж	67	67	72	78	72	61	61		78	78	44	56	67	50	39	25	50	44	39	60 (15)
лит	56	56	61	67	72	61	61	78		73	44	67	56	68	47	35	63	59	53	60 (10)
лтш	44	44	50	56	51	50	50	78	73		56	67	56	58	47	35	47	53	58	53 (10)
нем	22	22	28	33	39	28	28	44	44	56		78	44	50	50	50	50	56	83	42 (17)
идиш	33	33	39	44	50	39	39	56	67	67	78		67	61	61	63	61	67	61	52 (14)
венг	56	56	61	67	61	50	50	67	56	56	44	67		50	50	50	50	56	28	55 (9)
осет	50	50	56	61	66	56	56	50	68	58	50	61	50		58	65	63	58	42	56 (6)
груз	39	39	44	39	33	33	33	39	47	47	50	61	50	58		94	84	89	63	51 (18)
сван	38	38	38	31	25	31	31	25	35	35	50	63	50	65	94		76	82	53	46 (19)
метр	39	39	44	50	44	44	44	50	63	47	50	61	50	63	84	76		95	68	54 (15)
лаз	33	33	39	44	39	39	39	44	58	53	56	67	56	58	89	82	95		74	53 (19)
адыг	17	17	22	28	33	33	33	39	53	58	83	61	28	42	63	53	68	74		41 (20)

6.4. ГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ

Степень сходства и различия между языками также можно изображать графически при помощи метода NeighborNet [Bryant, Moulton 2004], реализованного в компьютерной программе SplitsTree [Huson, Bryant 2006]; данный метод, изначально разработанный для филогенетических исследований в эволюционной биологии, приобрёл популярность и в лингвистических работах (см., например, [McMahon, McMahon 2005; Bryant et al. 2005; Nichols, Warnow 2008; Соловьев 2010; Donohue et al. 2011; Wichmann et al. 2011; Donohue 2012]). Суть этого метода состоит в сравнении объединённых в матрицу векторов значений признаков для каких-либо объектов (например, последовательностей генов в ДНК разных видов) и постулировании расхождений (splits) между объектами всякий раз, когда значения одного и того же признака не совпадают в какой-либо паре соответствующих векторов. Поскольку множества векторов значений признаков не всегда порождают дерево (связный однонаправленный граф без циклов), графическая репрезентация расхождений между объектами принимает довольно сложные формы с многочисленными параллельными связующими линиями, отражающими альтернативные возможные «пути эволюции» (см., например, [Wichmann et al. 2011]). Такое свойство филогенетических сетей (графов) особенно удобно в тех случаях, когда, подобно рассматриваемому здесь, вообще не идёт речь об историческом развитии изучаемых объектов и тем более об их эволюции из единого источника (ср. [McMahon, McMahon 2005: 158]). В таких ситуациях филогенетические сети можно рассматривать как модели кластеризации объектов, отражающие их относительное сходство. Помимо отображения собственно расхождений между объектами и группами объектов, метод NeighborNet моделирует степень расхождения (расстояние) между ними, отражая его в длине линий, соединяющих объекты с точками расхождения и в конечном итоге между собою. Мерой различия между двумя объектами служит минимальная суммарная длина соединяющих их линий.

В нашем случае применение программной процедуры NeighborNet оправдано прежде всего в качестве метода «визуализации» данных, представления их в более наглядном и обозримом виде, нежели приведённые выше таблицы с числовыми значениями степени сходства между системами префиксального перфектива. Делать на основании одних лишь полученных диаграмм выводы о природе и тем более

причинах наблюдаемых распределений сходств и различий было бы неосмотрительно.

Ниже на рис. 16 и 17 приводятся NeighborNet-диаграммы, построенные на основе, соответственно, значений признаков из таблиц 9 и 11.

Рис. 16. NeighborNet-диаграмма
на основании значений признаков из табл. 9

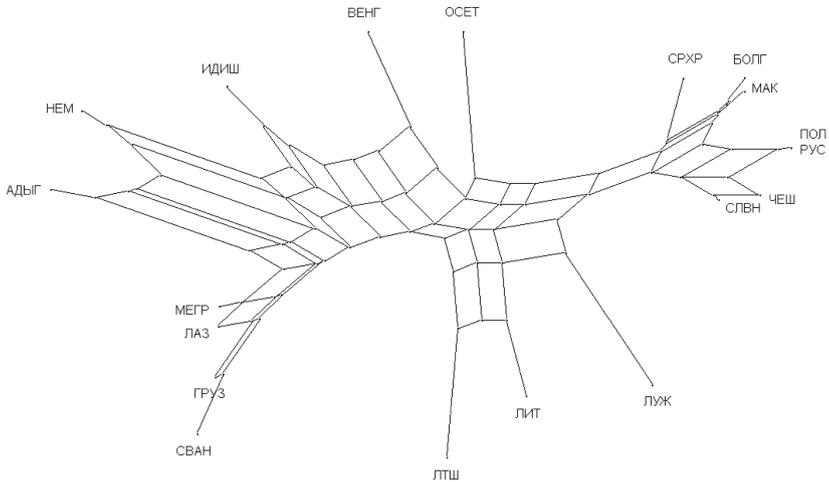
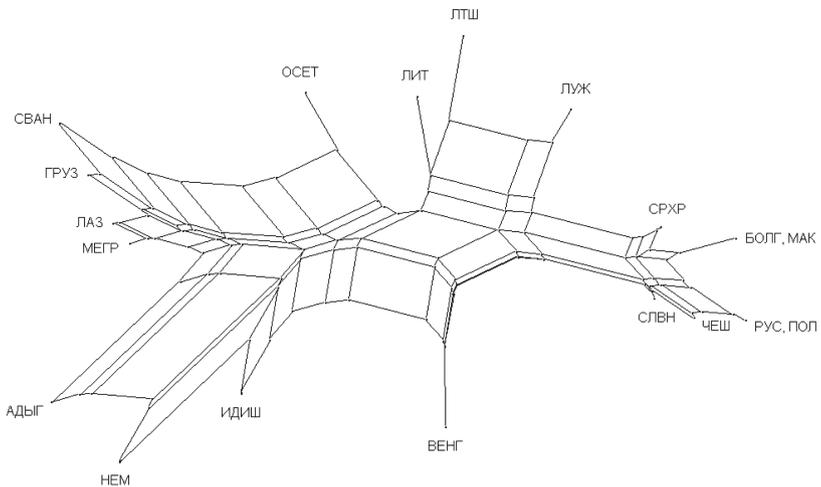

Рис. 17. NeighborNet-диаграмма
на основании значений признаков из табл. 11

Даже поверхностное сравнение двух диаграмм говорит о том, что они лишь незначительно отличаются друг от друга, причём скорее длиной отдельных линий, отражающей степень отличия языков от их «соседей», нежели общей конфигурацией. Сложная структура обеих диаграмм указывает на нетривиальный характер сходств и различий между рассматриваемыми языками, а также на отсутствие большого числа значимых корреляций между отдельными классификационными признаками. Обе диаграммы ясно демонстрируют наличие в изучаемом ареале двух весьма сильно отличных друг от друга, но внутренне довольно гомогенных зон — славянской (с ярким «аутсайдером» — обиходным верхнелужицким) и картвельской. Остальные языки на обеих диаграммах расположены на весьма значительных расстояниях как друг от друга, так и от указанных двух кластеров. Закономерно, что обиходный верхнелужицкий на рис. 17 оказывается ближе к литовскому и латышскому, чем на рис. 16, и более явно образует с ними подобие кластера, а идиш, соответственно, к немецкому (это отражают и таблицы 10 и 12). Осетинский язык на рис. 16 оказывается в целом ближе к славянским языкам, нежели к картвельским, однако степень его отличия от обеих групп весьма значительна; на рис. 17 осетинский скорее выглядит как кавказский «аутсайдер». Относительная близость немецкого и адыгейского, отражённая и в таблицах 10 и 12, равно как и значительное расстояние, отделяющее их «кластер» от остальных языков, также вполне объяснимо эффектом сходства «аутсайдеров». Диаграммы наглядно отражают уже отмеченные факты: большую гомогенность славянских языков в сравнении с картвельскими и парой балтийских и отсутствие сколько-нибудь ярко выраженного противопоставления западнославянских языков, в первую очередь чешского, восточнославянским, равно как и отсутствие гомогенности в южнославянской зоне.

Интересно сравнить диаграммы, отражающие степень сходства и различия языков по всему множеству классификационных признаков, с диаграммами, построенными на основании лишь части признаков. На рис. 18–20 представлены диаграммы, построенные, соответственно, для признаков 1.1–1.5 (формальные признаки превербов), для признаков 1.1–2.4 (формальные и функциональные признаки превербов) и 2.5–3.8 (функциональные признаки превербных глаголов и глагольных систем). Все диаграммы основываются на модифицированной системе признаков (табл. 11).

Рис. 18. NeighborNet-диаграмма на основании значений признаков 1.1–1.5

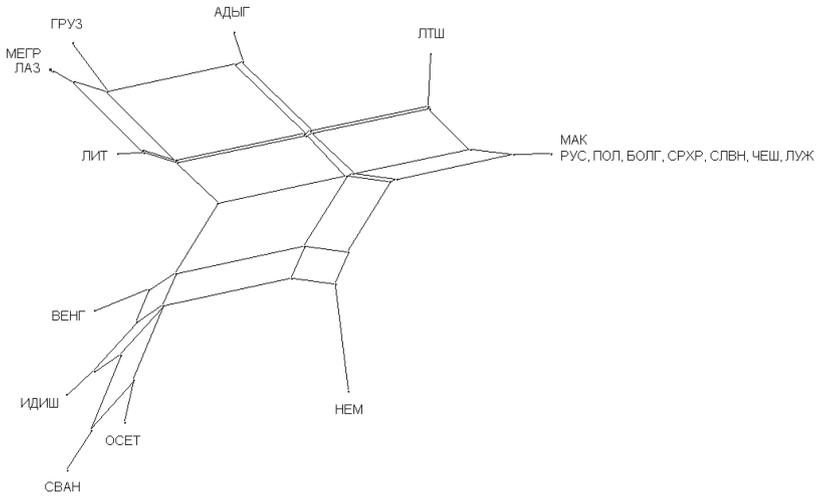

Рис. 19. NeighborNet-диаграмма на основании значений признаков 1.1–2.4

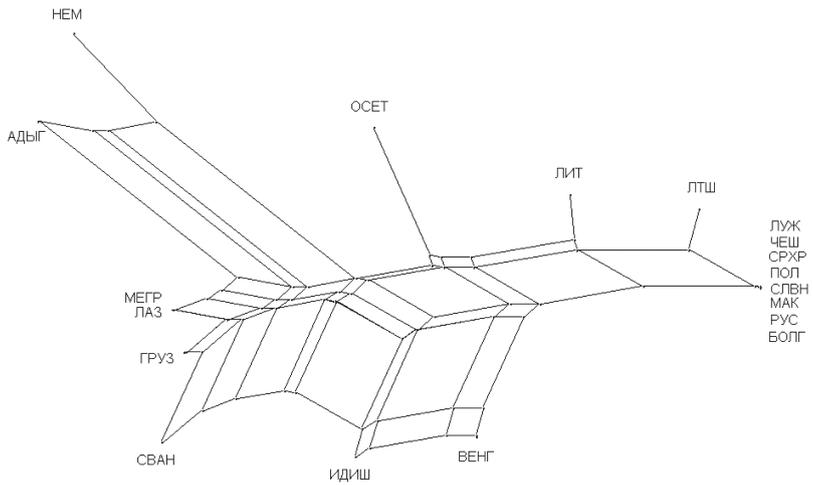
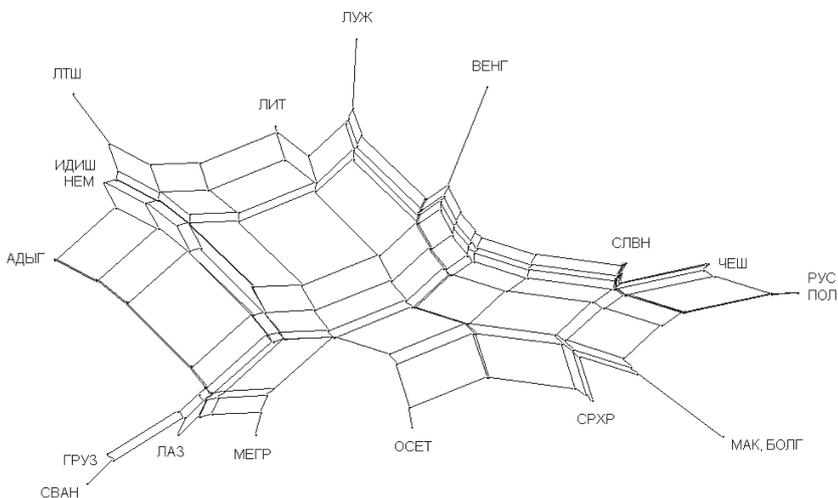

Рис. 20. NeighborNet-диаграмма на основании значений признаков 2.5–3.7

Сравнение трёх диаграмм, построенных на основании лишь части признаков, между собою и с обобщающей диаграммой на рис. 17 наглядно подтверждает уже отмеченную выше гетерогенность нашей системы признаков, в которой формальные свойства превербов оказываются в большой степени независимыми от функционально-семантических характеристик как самих префиксов, так и глагольных систем. Если на рис. 18 и 19 все славянские языки находятся в одной точке, совпадая по всем признакам, то на рис. 20 степень различия между ними оказывается большей, чем внутри картвельской семьи, причём особенно ярко видно отклонение обиходного верхнелужицкого, который оказывается дальше от остальных славянских языков, чем венгерский, и балканославянских языков, особенно болгарского и македонского. Напротив, немецкий и идиш, не различимые по функциональным признакам на рис. 20, демонстрируют весьма существенную степень различия на рис. 18 и 19; степень гомогенности картвельской семьи языков также увеличивается по мере привлечения функциональных признаков. Сходным образом «парадоксально» и поведение пары балтийских языков, которые оказываются максимально близки друг к другу лишь на рис. 19. Показанное же на диаграмме на рис. 18 более сильное различие между литовским и латышским с точки зрения формальных свойств превербов, очевидно, является «артефактом» применяемого метода, что видно из того, как эта разница в значении двух признаков в значительной степени нивелируется на рис. 19, где

диаграмма основывается уже не на пяти, а на девяти признаках. Показательно, тем не менее, что на рис. 20 латышский оказывается снова дальше от литовского (несовпадение по трём признакам), и, напротив, сближается с парой германских языков (отличаясь от них значением всего одного признака), которые, в свою очередь, близки адыгейскому (также различие в одном признаке). Литовский, напротив, по функциональным признакам располагается ближе к верхнелужицкому и другим центрально-европейским языкам. Все три диаграммы указывают на промежуточное положение осетинского, который имеет существенные схождения с языками Центральной Европы и приближается к языкам Кавказа лишь по совокупности функциональных признаков.

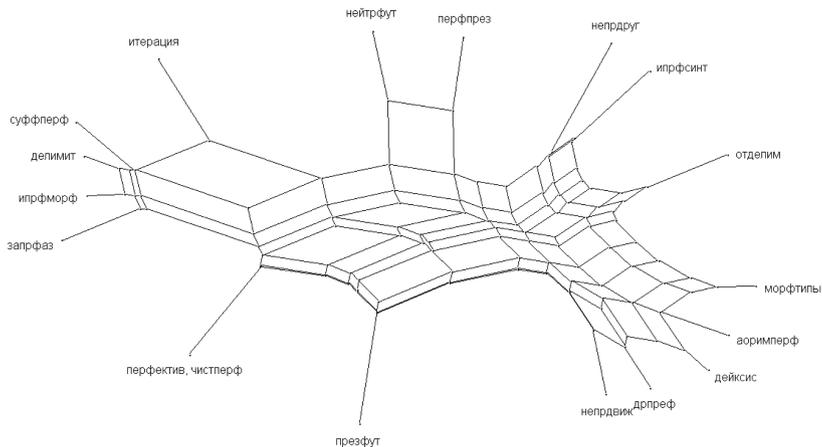
6.5. КЛАСТЕРИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПРИЗНАКОВ

Метод кластеризации NeighborNet можно применить к представленным в таблице 11 данным «зеркальным» образом, рассматривая в качестве объектов классификации сами типологические параметры префиксального перфектива, а в качестве признаков классификации — языки. При таком подходе каждый типологический параметр характеризуется вектором значений, принимаемых данным параметром в каждом языке, а алгоритм строит филогенетический граф, демонстрирующий сходства и различия между параметрами. Такой граф для изучаемых признаков префиксальной перфективации (из рассмотрения исключён признак 1.3, который логически организован иначе, чем остальные, и нерелевантен для большого числа языков) изображён на рис. 21.

На представленной на рис. 21 диаграмме легко выделяется два кластера признаков, демонстрирующих, во-первых, сильные корреляции друг с другом, и, во-вторых, существенную степень взаимной поляризации. Кластер, расположенный в левой части диаграммы, и включающий признаки 1.4, 2.4, 3.3, 3.4, 3.5, соответствует славянским языкам, а кластер в правой части диаграммы, включающий признаки 1.2, 1.5, 2.1, 2.5, 3.8, напротив, соответствует языкам Кавказа. Остальные признаки не демонстрируют сильных корреляций ни друг с другом, ни с обоими кластерами.

Этот результат показывает, что наряду с самими языками, группирующимися на основании значений признаков в две противопоставленные области, и сами типологические параметры префиксальной перфективации закономерно образуют два объединения, соответствующие двум кластерам языков. Тем самым, можно говорить о том, что в изу-

Рис. 21. NeighborNet-диаграмма кластеризации признаков
(на основе табл. 11)

чаемом ареале выделяется два «прототипа» префиксальной перфективации — «славянский» и «кавказский», различающиеся характерными для них значениями типологических признаков. Схематически свойства славянской и кавказской разновидностей префиксальной перфективации представлены в табл. 13.

Табл. 13. Два «прототипа» префиксального перфектива

Славянский «прототип»	Кавказский «прототип»
– итерация превербов	– запрет итерации превербов
– отсутствие морфологической и функциональной субкатегоризации превербов	– морфологическая и функциональная субкатегоризация превербов
– отсутствие других префиксов	– наличие других префиксов
– нет систематического выражения дейксиса	– систематическое выражение дейксиса
– продуктивные делимитативные превербы	– отсутствие продуктивных делимитативных превербов (кроме осетинского)
– вторичная имперфективация	– отсутствие вторичной имперфективации (кроме осетинского и мегрельского)
– наличие суффиксального перфективатора	– отсутствие иных средств перфективации
– запрет на сочетаемость перфективных глаголов с фазовыми предикатами	– сочетаемость перфективных глаголов с фазовыми предикатами (кроме осетинского)
– запрет на дуративное употребление перфективных глаголов	– дуративное употребление превербных глаголов перемещения
– нет противопоставления аориста и имперфекта (кроме болгарского и македонского)	– противопоставление аориста и имперфекта (кроме осетинского)

Тот факт, что два выделенных субареала префиксальной перфективации существенно различаются также характерными для них наборами признаков, может указывать на независимость их возникновения и развития, равно как и на то, что само явление префиксальной перфективации не просто гетерогенно, но имеет более одной стабильной во времени и пространстве реализации.

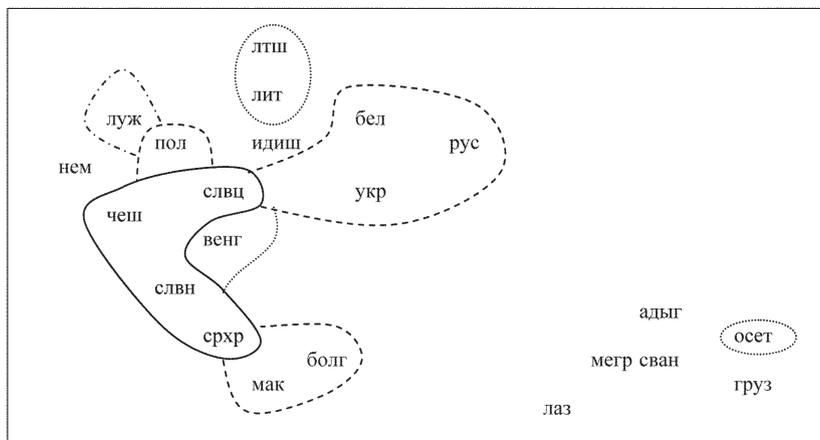
6.6. КАРТОГРАФИРОВАНИЕ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ ЯЗЫКАМИ

Степень сходства между языками можно изобразить на карте, подобной тем, что использовались в предыдущих главах книги. Для этого я воспользуюсь методом, опробованным в работах по типологии европейских языков, например, [van der Auwera 1998; Dahl 2001: 1458–1459; Haspelmath 2001: 1504–1505]: линии на карте отражают не изоглоссы, ограничивающие множество идиомов, объединённых некоторым конкретным лингвистическим признаком или множеством признаков, а *изоплеты*, т. е. число признаков, принимающих у данного языка одинаковое значение в сравнении с выбранным эталоном. Отличие карт, представленных ниже, от карты, изображающей степень близости языков к «среднеевропейскому стандарту» [Haspelmath 2001: 1505], состоит в том, что у нас нет никакого заранее фиксированного набора значений классификационных признаков, соответствие которому исследуемых систем префиксального перфектива можно было бы измерять или картографировать³. Вместо этого в качестве эталона я выбрал язык, для которого в таблице 12 зафиксирована максимальная средняя степень сходства с другими языками — словенский. Соответствующая карта представлена на рис. 22.

Карта на рис. 22 определённо указывает на «ядро» центрально-европейской зоны префиксального перфектива, включающее чешский, словацкий, словенский и сербохорватский языки. К этому «ядру» с минимальным отличием примыкает на востоке гомогенная зона, включающая польский, белорусский, украинский и русский языки, а на юге — болгарский и македонский; в качестве «ближней периферии»

³ Впрочем, карта из статьи М. Хаспельмата, фактически, отражает степень близости языков Европы к французскому и немецкому с точки зрения определённого множества признаков, постулированных как характеризующие «среднеевропейский стандарт».

Рис. 22. Карта сродства со словенским языком

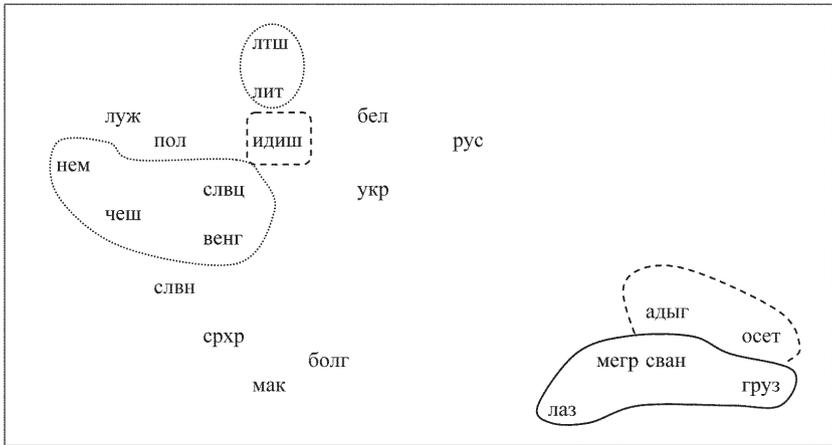
————— > 16 общих признаков
 - - - - - 15–16 общих признаков

..... 13–14 общих признаков
 10–12 общих признаков

этой «ядерной» славянской зоны выступает обиходный верхнелужицкий. Географически близкие неславянские языки, демонстрирующие максимальное сродство с «ядерной» славянской зоной (но меньшее, чем у верхнелужицкого), — балтийские и венгерский. В кавказском ареале в качестве «островка» периферии средневропейского типа префиксального перфектива выделяется осетинский язык. «Дальнюю периферию» этой области составляют картвельские и германские языки, причём идиш географически «накладывается» на северную часть центральноевропейского «ядра» префиксального перфектива.

Если же мы для сравнения в качестве эталона возьмём один из кавказских языков, например, грузинский, то результирующая карта предсказуемым образом окажется совершенно иной, ср. рис. 23. На этой карте наиболее интересна не столько ожидаемая «ядерная» кавказская зона, сколько нетривиальное множество языков Центральной Европы, демонстрирующих более высокую степень сродства с грузинским, нежели остальные языки. Как видно, «с точки зрения» грузинского объединены оказались столь попарно несхожие между собою чешский, немецкий, венгерский, балтийские языки и идиш. Каждый из этих языков разделяет с грузинским ряд признаков, однако наборы общих значений признаков в парах <грузинский, немецкий>, <грузинский, идиш>, <грузинский, чешский>, <грузинский, литовский> и т. д. разные.

Рис. 23. Карта сходства с грузинским языком

————— > 16 общих признаков
 - - - - - 11-12 общих признаков

..... 8-9 общих признаков

Сопоставление карт кластеризации систем префиксального перфектива на рис. 22 и 23 показывает, во-первых, ограниченность избранного метода картографирования степени сходства между языками, объективность которого сильно зависит от выбора эталонного набора значений признаков; такой эталон тем точнее позволяет отображать на карте реальную кластеризацию языков, чем выше его средняя степень сходства со всем множеством языков; если для словенского усреднённая степень сходства относительно высока (67 %), то её более низкое значение для грузинского (51 %, что ниже среднего по всем языкам) оказывается существенным, причём даже независимо от меньшего значения стандартного отклонения (18 для грузинского при 23 для словенского). Во-вторых, сравнение этих карт, так же как и анализ диаграмм на рис. 16 и 17 и кластеризации самих признаков в § 6.5, ещё раз наглядно показывает существование в интересующей нас географической области двух нетривиальным образом отличающихся друг от друга ареалов распространения префиксального перфектива — центральноевропейского с ярко выраженным славянским «ядром» и кавказского. При всех несомненных сходствах между системами префиксального перфектива указанных двух типов, и даже с учётом существования систем, занимающих промежуточное (не в смысле географической локализации, но лишь с точки зрения значений признаков) положение между ними, различия между кавказ-

ским и центральноевропейским ареалами префиксального перфектива невозможно игнорировать хотя бы потому, что, как показывают карты на рис. 22 и 23, эти ареалы как бы «не видят» друг друга: если в качестве эталона взять представителя одного из них, то различия между системами другого ареала окажутся практически нерелевантными, что особенно ярко заметно на карте на рис. 23, где выбор грузинского как точки отсчёта привёл к явно неестественной группировке языков Центральной Европы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги данной главы, отмечу следующее. Несмотря на то, что несколько методов, основанных на квантитативном анализе множества значений классификационных признаков (вычисление степени сходства, диаграммы NeighborNet и картографирование изоплет), выделяют в Восточной Европе две зоны «кристаллизации» систем префиксального перфектива — восточноевропейскую и кавказскую, — эти методы явным образом демонстрируют сравнительно невысокую степень гомогенности таких систем внутри данных зон. В частности, не приходится говорить о том, что в рамках каждой из зон значительное множество различных признаков хорошо коррелируют между собою, и не наблюдается «универсальной» связи той или иной группы признаков с генетическим родством либо с географической близостью языков. Скорее выясняется, что, во-первых, сходства между конкретно-языковыми системами префиксального перфектива носят локальный характер, затрагивая небольшие группы языков и проявляясь лишь в небольшом наборе общих признаков, и, во-вторых, характер сходжений между языками также во многом свой для того или иного микроареала. С другой стороны, очевидно, что многие локальные распределения значений признаков и следующие из них сходства и различия между языками носят именно ареальный характер, не будучи сводимы к общему происхождению языков.

ГЛАВА 7

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ, ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И КОНТАКТНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В настоящей главе будет затронут ряд вопросов, касающихся происхождения и исторического развития систем префиксального перфектива в изучаемом ареале и становления наблюдаемого ныне и намеченного в предыдущей главе распределения таких систем в языках Восточной Европы и Кавказа. Рассмотрение это я буду вести с ареально-типологической точки зрения, уделяя основное внимание вопросам взаимодействия в ходе возникновения и эволюции систем префиксального перфектива черт, унаследованных от более раннего состояния, явлений, возникших в результате языковых контактов, и универсально-типологических тенденций, — трёх аспектов, учёт которых необходим для любого адекватного ареально-типологического анализа (ср. [Heine 2009; Wiemer, Wälchli 2012; Wiemer et al. 2014]). В этой связи я полагаю оправданным воздержаться, в частности, от сколько-нибудь подробного изложения многочисленных концепций происхождения и развития вида в славянских языках и обзора соответствующей литературы, ограничившись наиболее общей картиной. Напротив, избранная перспектива диктует необходимость выйти за пределы рассматривавшегося до сих пор круга языков и обратиться как к более ранним стадиям их существования (в частности, к старославянскому, древнегрузинскому, древневенгерскому и древневерхненемецкому), так и к ряду других языков, связанных с ними генетическим родством (в частности, к готскому и латыни, а также к обско-угорским языкам). Привлечение данных этих языков, как будет показано, интересно не только с диахронической, но и с типологической точки зрения.

Кроме того, отдельное внимание будет уделено собственно контактологической проблематике, а именно, отмеченным в изучаемом ареале случаям заимствования тех или иных аспектов глагольных систем, в первую очередь самих превербов и их семантических признаков, таких как модели полисемии (соответственно, “MAT(ter)-borrowing”

и “PAT(tern)-borrowing” в терминологии работ [Sakel 2007; Matras, Sakel 2007], см. также [Gast, van der Auwera 2012; Heine, Kuteva 2005: ch. 3; Heine 2012]). Помимо этого будут кратко рассмотрены системы глагольных превербов, а также некоторые отмеченные в литературе случаи развития аспекта на основе категории глагольной ориентации (необязательно выражаемой с помощью префиксов), встречающиеся за пределами изучаемого ареала.

Основная цель данной главы состоит в том, чтобы на основании анализа дополнительных данных и уже выдвигавшихся в литературе гипотез и обобщений построить по возможности целостную и непротиворечивую картину возникновения современного ареала распространения префиксального перфектива, в частности, определить «удельный вес» в этом процессе генетических, типологических и собственно ареальных (контактных) факторов.

7.1. ДИАХРОНИЯ СИСТЕМ ПРЕФИКСАЛЬНОГО ПЕРФЕКТИВА

Важнейший факт, касающийся всех обсуждающихся языковых групп и семей, состоит в следующем. С одной стороны, превербы или их морфологически свободные аналоги как средства выражения глагольной ориентации существовали как в индоевропейских, так и в картвельских и финно-угорских языках по крайней мере на самых ранних этапах письменной фиксации этих языков или могут быть реконструированы путём внешнего сравнения. С другой стороны, те же самые ранние источники указывают на то, что использование превербов в телисизирующей функции и тем более грамматикализация систем префиксального перфектива для всех рассматриваемых языков является сравнительно поздней инновацией. Рассмотрим более подробно данные, подтверждающие оба тезиса.

7.1.1. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

То, что системы глагольных превербов в индоевропейских языках восходят к праязыку, где эти элементы функционировали в качестве наречий, общеизвестно (см. хотя бы [Delbrück 1893: 647–653, 666–752; Brugmann 1904: 457–459; Kuryłowicz 1964: 171–178; Beekes 1995: 220–222; Pinault 1995]; интересный обзор превербов в индоевропейских языках с основным вниманием к их акциональным и аспектуальным функциям представлен в диссертации [DeLazero 2012]). Об этом свидетельствуют в том числе данные древних индоевропей-

ских языков, в частности хеттского [Hoffner, Melchert 2008: 295–297], ведийского [Kuryłowicz 1964: 171–172; Renou 1952: 315–323; Елизаренкова 1987: 76–78], авестийского [Reichelt 1909/1967: 267–273; Соколов 1979: 225–226]¹ и древнегреческого [Humbert 1947: 291–292, 328–344], а также тохарских [Penney 1989; Бурлак, Иткин 2006: 191–195]. Разбирать данные этих языков подробно здесь нет необходимости; отмечу (ср. § 2.1), что в хеттском, тохарских, ведийском санскрите и в гомеровском греческом наречия-превербы сохраняли значительную степень морфосинтаксической автономности, в частности могли отделяться от глагола другими словоформами, а в ведийском [Елизаренкова 1987: 76] превербы, семантически соотносящиеся с одним и тем же глаголом, могли сочиняться, ср. (1), где представлены оба эти явления.

ведийский (Ригведа I, 164, 31, [Елизаренкова 1987: 76])

- (1) *ā ca pārā ca pathi-bhiḥ cār-ant-am*
 к и прочь и путь-INS.PL идти-PRS.PA-ACC.SG.M
 ‘приближающегося и удаляющегося (букв. «к и от идущего») по [своим] путям’

Важно в этой связи то, что в древнейших индоевропейских языках превербы не имели ярко выраженных аспектуальных функций, употребляясь в первую очередь в качестве пространственных или лексических модификаторов предиката (см., впрочем, замечания в статье [Josephson 2008] о возможных аспектуальных функциях пространственных энклитик в хеттском; автор, однако, не приводит материала, который позволил бы верифицировать эту гипотезу). Превербы, несомненно, могли в силу своего пространственного значения делать неопределенный предикат предельным (ср. [Dahl 2010: 157–160] о ведийской системе или [Эдельман 1975: 347] о древнеиранской), однако такого рода превербная телисизация не превращала глаголы в терминативные и не лишала их возможности обозначать длительные ситуации, ср. следующий пример из Авесты:

авестийский [Соколов 1979: 215]

- (2) *māñh-əm aiwi-vaēn-əm... māñh-əm*
 месяц-ACC.SG PRV-видеть:IPFV-1SG месяц-ACC.SG
aiwi-vī-s-əm
 PRV-знать-AOR-1SG
 ‘я смотрел на месяц, я узнал месяц’ (Яшты 7, 3)

¹ В авестийском некоторые из таких элементов могли употребляться лишь в качестве превербов [Reichelt 1909/1967: 277–279; Соколов 1979: 226].

В этом смысле неточно и существенно упрощённо представление, высказывавшееся рядом учёных, о «перфективирующей» роли превербов в древних индоевропейских языках, см. в частности [Reichert 1909/1967: 302] об авестийском или [Brugmann 1900: 472] о греческом, ср. критическое обсуждение в [Абаев 1964: 92–93] и [Napoli 2006: 21–23]. Отчасти такое представление могло быть связано с распространёнными, например, в древнегреческом, эффектами Вея—Схоневелда, когда значение преверба в большой степени дублировало значение глагольной основы, сообщая последней в первую очередь лишь значение (потенциальной) предельности или особой интенсивности (ср. замечания в [Humbert 1947: 328–329ff] о так называемых *préverbes pleins vs. préverbes vides*), ср. *ἀποξυράω* ‘отстричь’ (пространственное значение преверба — ‘отделение’); тем не менее, многие примеры, приведённые в указанной работе, не кажутся убедительными. Представляется в этой связи слишком сильным также утверждение в статье [Левитская 2004: 35] о том, что «к началу кавказского этапа истории осетинского языка его отличала хорошо развитая система маркирования предельности глагольного действия с помощью приставок... генетически унаследованная из индоевропейской общности».

Преобразование превербов в акциональные модификаторы глаголов и тем более грамматикализация систем префиксального перфектива происходила с разной степенью интенсивности в более поздний период в отдельных ветвях индоевропейских языков — балто-славянской, германской, кельтской и в латинском языке (см. ниже), а также на ещё более позднем этапе в осетинском. Отдельные ветви индоевропейских языков, напротив, утрачивали или целиком перестраивали системы превербов, что происходило, видимо, в первую очередь из-за изменения системы выражения пространственных значений (ср. [Панов 2012а: 103–111] о романских языках). Так, в древнеармянском языке индоевропейские превербы были устранены [Туманян 1971: 116], однако вместо них отмечаются как многочисленные книжные кальки с греческих образцов [Ibid.: 121–126], так и префиксация к глаголу предлогов [Ibid.: 126–129]. Продуктивная превербация была в основном утрачена индоиранскими языками, в рамках которых осетинский является ярким исключением. Об эволюции видо-временных систем иранских языков см. в первую очередь [Эдельман 1975].

Интересная параллель рассматриваемому здесь типу превербной перфективации представлена в языке пушту, где в дополнение к немногочисленным продуктивным превербам [Грюнберг 1987: 90–91], способным, по-видимому, телесизировать непредельные глаголы, но

не придающим им терминативного значения, имеется «универсальный» перфективатор — префикс *wi-*, присоединяющийся к простым глаголам и превращающий их в терминативные [там же: 101 и след.; Эдельман 1975: 376–377; Babrakzai 1999: 154–155], ср. следующие примеры²; пример (4) иллюстрирует хабитуальное предельное прочтение перфективной формы настоящего времени; в работе [Babrakzai 1999: 158] упоминаются также модальные употребления этих форм.

пушту

(3) a. *ze lvedəl-əm.*
я:НОМ падать:РСТ-1СГ
‘Я падал’ [Эдельман 1975: 376].

b. *ze vū-lvedəl-əm.*
я:НОМ РРВ-падать:РСТ-1СГ
‘Я упал’ [Ibid.: 377].

(4) *kitāb-un-a pəki v-ačav-əm.*
книга-РЛ-НОМ в.него РРВ-класть:РРС-1СГ
‘Я [обычно] укладываю в него книги’ [Ibid.].

Особенно интересно то, что перфективатор *wi-* не присоединяется к глаголам, уже содержащим преверб, и их перфективация осуществляется путём переноса ударения на префикс [Эдельман 1975: 377; Грюнберг 1987: 101 и след.; Babrakzai 1999: 156], ср. следующие примеры:

пушту [Babrakzai 1999: 156]

(5) a. *ahmad pə-cawkəy ke-nast-ə.*
Ахмад на-стул РРВ-садиться:РСТ-3СГ.М
‘Ахмад садился на стул’.

b. *ahmad pə-cawkəy ké-nast-ə.*
Ахмад на-стул РРВ+РРВ-садиться:РСТ-3СГ.М
‘Ахмад сел на стул’.

Таким образом, пушту демонстрирует аспектуальную систему, в которой префиксация является лишь одним из целого ряда средств выражения перфективности, употребляющихся в зависимости от морфологической структуры глагола (ряд глаголов образует формы перфектива аналитически [Грюнберг 1987: 103–106] или супплетивно [Babrakzai 1999: 156–157]), и при этом собственно перфективирующий

² Транскрипция примеров в работах разных авторов различается.

префикс в системе имеется лишь один. Ср. отчасти сходную ситуацию в табасаранском языке, описанную в § 7.3.

Пользуются префиксацией для выражения перфективации и западноиранские языки, см. обсуждение персидского префикса *bi-* в [MacKinnon 1977; Ефимов и др. 1982: 149, 151–153] и его аналогов в родственных языках в [Эдельман 1975: 382–383]. Тем не менее здесь аспектуальные системы устроены принципиально иначе, чем в рассматриваемом нами ареале; в частности, выражение аспекта чётко отграничено от словообразования, и с помощью префиксов может выражаться как перфективный, так и имперфективный аспект (причём чаще именно последний, ср. дуративный префикс *di-* в курдских языках [Цаболов 1997: 87–88], функционирующий совершенно независимо от разветвлённой системы превербов [Там же: 80–84]).

Продуктивные системы превербов исчезли в английском и скандинавских языках (ср., впрочем, [Faarlund 1995] о современном норвежском) в противоположность «континентальным» германским (см., например, [Fraser 1995; Bauer 2003; van Kemenade, Los 2004; Wischer, Habermann 2004; Los et al. 2012]), и в романских языках. В этой связи интересно обратиться к древнеирландскому, латинскому и готскому языкам, где превербы в большей или меньшей степени приобрели аспектуальные функции.

В древнеирландском языке существовал целый ряд морфем, функционировавших одновременно как предлоги и (ограниченно отделяемые) превербы [Thurneysen 1909: 449–486], выражавшие как пространственные, так и иные функции (присоединение превербов в древнеирландском сопровождалось рядом морфологических и морфонологических преобразований; превербы могли сочетаться друг с другом, образуя комплексы числом до четырёх, ср. *fo-t-imm-di-riut* ‘я воскуряю’, букв. ‘вниз-к-вокруг-от-бегу’ [Stifter 1993/2010: 85]). Некоторые из них, в первую очередь преверб *ro-* (< пие. **pro-*), практически утративший своё лексическое значение [Thurneysen 1909: 478–479], выступали в качестве показателей «перфективности» или скорее терминативности [Ibid.: 316–325] (в более современных работах такое употребление превербов принято называть «аугментацией», *augmentation*, ср. [Stifter 1993/2010: 102–103]). Согласно описанию Р. Турнейзена [Thurneysen 1909: 318], сочетание *ro-* с глаголом выражало «законченность действия», причём это значение сохранялось в разных временах: в имперфекте и в презенсе глаголы с *ro-* выражали множественность законченных ситуаций, в будущем времени — ситуацию, завершённую к заданной контекстом точке отсчёта. Презентные

формы глаголов с данным превербом могли также выражать модальное значение возможности [Ibid.: 319]. В функции перфективаторов также могли выступать и другие превербы, которые, однако, не были столь продуктивны, как *ro-* [Ibid.: 321–322; Lambert 1995: 239–241]; кроме того, *ro-* нередко выступал в качестве перфективатора при глаголах с другими превербами, ср. *do-ru-ménar* ‘я подумал’ от *domuinethar* ‘думать’ [Lambert 1995: 232] или *do-melt* ‘ел’ vs. *do-ru-malt* ‘съел целиком’ [Ibid.: 243]. В среднеирландском данный преверб превратился в показатель претерита [Ibid.: 247] и утратил аспектуальные функции [Stifter 1993/2010: 112–113].

Превербы латинского языка (часть которых в раннеклассических текстах ещё употреблялась в качестве отделимых от глагола наречий или «частиц», ср., например, [Rompeï 2010]), помимо продуктивного употребления в пространственных функциях с глаголами перемещения, участвовали в образовании способов действия и могли придавать глаголу предельное и в отдельных случаях терминативное значение (из недавних работ о функциях латинских превербов и их аспектуальных употреблениях отмечу [Haverling 2003, 2008, 2010; Панов 2012а, 2012б], на которые я опираюсь в первую очередь; перфективирующая функция латинского преверба *con-* отмечалась уже в классическом труде [Delbrück 1897: 147–152]). В первую очередь в аспектуальных функциях выступали превербы *per-*, выражавший комплетивное значение, ср. пример (6), и *con-* с преимущественно инхоативным значением, ср. (7).

латынь

(6) *per-ven-erunt ad hanc civitat-em.*

PRV-прийти-PRF.3PL в DEM.ACC.SG.F город-ACC.SG

‘Они прибыли в этот город’ (Historia Apollonii regis Tyri, 29, III–IV вв. н. э. [Панов 2012б: 719]).

(7) *alter-a sola-ri miser-am*

другой-NOM.SG.F утешить-INF.PASS несчастный-ACC.SG

cona-t-a parent-em con-ticu-it

пытаться-PRF.PP-NOM.SG.F родитель-ACC.SG PRV-молчать-PRF.3SG

subito.

вдруг

‘А другая, пытаюсь утешить несчастную мать, вдруг умолкла’ (Ovid., Metamorph., 6: 292, I в. н. э., [Ibid.: 720]).

В подобных функциях могли употребляться и другие превербы, ср. *adamo* ‘полюбить’ [Ibid.: 720]; преверб *con-*, кроме того, помимо

инхоативного, мог выражать и комплетивное значение, ср. *comburare* ‘сжечь’ [Delbrück 1897: 721] или *comedere* ‘съесть’. В ряде случаев функция преемства, по-видимому, сводилась к выражению терминативности, ср. *condemnare* ‘проклясть’ vs. *damnare* ‘проклинать’, и следующий пример, в котором префикс *ex-* функционирует как «чистовидовой»:

латынь (Historia Apollonii regis Тури, I, III–IV вв. н. э. [Панов 2012б: 722])

- (8) ...*in qua nihil re-rum natur-a*
 в КТО:ABL.SG.F ничто вещь-GEN.PL природа-NOM.SG
ex-errav-erat
 PRV-ошибаться-PLSQ.3SG
 ‘[девушка,] в которой природа ни в чём не ошиблась’

По свидетельству работы [Haverling 2003], в раннеклассической латыни акциональные различия беспрефиксальных и префиксальных глаголов проявлялись в сочетаемости с темпоральными обстоятельствами, ср. примеры (9a,b), и в интерпретации конструкций с союзами *dum*, ср. примеры (10a,b), и *cum*, ср. примеры (11a,b).

латынь

- (9) a. *du-os mens-es ut siccesc-at*
 два-ACC.PL.M месяц-ACC.PL чтобы сохнуть-PRS.SBJV.3SG
 ‘чтобы сохло в течение двух месяцев’ (Vitruvius Pollio, De Architectura, I в. до н. э., [Haverling 2003: 116])
- b. *quindecim die-bus ... ex-aresc-ere*
 пятнадцать день-ABL.PL PRV-сохнуть-INF
 ‘высохнуть за пятнадцать дней’ (Varro, Rerum rusticarum libri tres, 1.32.1, I в. до н. э., [Ibid.])
- (10) a. *dum haec silesc-unt turb-ae...*
 пока DEM.NOM.PL.F стихать-PRS.3PL бедствие-NOM.PL
 ‘пока стихают эти бедствия’ (Terentius, Adelphoe, 785, II в. до н. э. [Ibid.])
- b. *dum haec con-silesc-unt turb-ae...*
 пока DEM.NOM.PL.F PRV-стигать-PRS.3PL бедствие-NOM.PL
 ‘пока не стихнут эти бедствия’ (Plautus, Miles gloriosus, 583, конец III — начало II в. до н. э., [Ibid.])
- (11) a. *mult-os cum tacu-isset ann-os*
 многий-ACC.PL.M когда молчать-PLSQ.SBJV.3SG год-ACC.PL
 ‘когда он безмолствовал долгие годы’ (Cicero, Brutus, 226, I в. до н. э., [Ibid.: 118])

- b. *cum con-ticu-isset*
 когда PRV-молчать-PLSQ.SBJV.3SG
 ‘когда он замолчал’ (Varro, Rerum rusticarum libri tres, 1.49.1,
 [Ibid.]

Многие префиксальные глаголы в латинском языке были не просто предельными, а терминативными, выражая точечные или достигшие предела ситуации. Это проявлялось, в частности, в том, что префиксальные глаголы лишь весьма редко употреблялись в формах настоящего времени, а немногие зафиксированные употребления получали неактуальную интерпретацию (*praesens historicum* или хабиутуальную, см. [Панов 2012б: 721, 729]), ср. следующий пример:

латынь (Gellius, Noctes Atticae, 12.14, II в. н. э., [Панов 2012б: 730])

- (12) *qui mult-a simul*
 кто:NOM.SG.M многой-ACC.PL.N одновременно
in.cip-it ne-que per-fic-it,
 (PRV)начать-PRS.3SG NEG-ADD PRV-делать-PRS.3SG
is festin-at.
 3SG.M.NOM спешить-PRS.3SG
 ‘Кто одновременно начинает много [дел] и не доводит их до конца, тот спешит’.

То же касается и имперфекта: эта форма лишь изредка образуется от префиксальных глаголов [Панов 2012а: 83–84], а когда она всё же возникает, то выражает многократные предельные ситуации, ср. пример (13).

латынь (Caesar, De bello civili, 3.49, I в. до н. э., [Панов 2012а: 84])

- (13) *font-es ... celeriter aest-ibus ex-aresc-ebant.*
 источник-NOM.SG быстро лето-ABL.PL PRV-сохнуть-IPFV.3PL
 ‘Ключи... быстро высыхали каждое лето’.

Тем не менее, как указывает В. А. Панов [Панов 2012б: 724–726], оппозиция между превербными и простыми глаголами в латыни скорее была привативной, нежели эквиполентной, и беспрефиксальные глаголы также могли выражать в формах перфекта достижение предела (ср., однако, мнение Г. Хаверлинг о более строгом характере данной оппозиции в раннеклассической латыни [Haverling 2003]). В позднеклассической латыни оппозиция превербных и простых глаголов размывается и во многом утрачивает акциональную нагрузку, что было связано с падением продуктивности ряда превербов и лексикализацией многих превербных глаголов, равно как и с распространённым «пустым»

употреблением превербов без видимых семантических или аспектуальных отличий от простого глагола, см. [Haverling 2003: 123–125; 2008: 79–82; 2010: 327–340]. Если в классической латыни глаголы без превербов, в частности, обозначали состояния (ср. выше пример (11a)), то в поздней латыни то же выражение *cum tacuisset* уже могло употребляться в значении ‘когда он замолчал’ [Haverling 2003: 126]. В романских языках этот процесс пошёл ещё дальше, см., например, [Dufresne et al. 2004] о постепенном падении продуктивности и систематичности акциональной префиксации в истории французского языка.

Перейдём к древнегерманским языкам. Довольно многочисленные превербы готского языка ещё не полностью морфологизовались; большинство их соотносились с предлогами и наречиями и не всегда могли быть надёжно отличены от них (о морфологическом статусе готских превербов см. статью [Сизова 2007], в которой аргументируется точка зрения о большой роли греческого оригинала в формировании системы превербов готского перевода Библии, ср. также [Сизова 1978: гл. 3]), ср. примеры, в которых в практически идентичных контекстах одна и та же единица употреблена в препозиции и в постпозиции к глаголу [Сизова 2007: 162, 165; Delbrück 1910: 359–360]:

готский

(14) a. *jah inn-ga-leiþ-and-s þairh-laiþ*
 и внутри-PRV-идти-PRS.PRT-NOM.SG.M PRV-идти:PST:3SG
Iaireikon.
 Иерихон
 ‘и, войдя, прошёл Иерихон’ (СА, Лк. 19:1)

b. *jah ga-leiþ-and-s inn sa*
 и PRV-идти-PRS.PRT-NOM.SG.M внутри этот:NOM.SG.M
aggil-us du izai qaþ.
 ангел-NOM.SG к она:DAT.SG сказать:PST:3SG
 ‘и войдя, ангел сказал ей’ (СА, Лк. 1:28)

Кроме того, даже те превербы, которые не имели подобных коррелятов, могли отделяться от глагольной основы энклитиками [Streitberg 1920: 161], ср. следующий пример с наиболее употребительным превербом *ga-*:

готский

(15) *frah ina ga=u=þwa=seþu-iþ.*
 спросить:PST:3SG он:ACC.SG PRV=Q=что=видеть-PRS:3SG
 ‘спросил его: видит ли что?’ (СА, Мк. 8:23)

Готские превербы наряду с целым рядом лексических и словообразовательных значений, как пространственных, так и более абстрактных (о семантике готских превербов см. в первую очередь [Сизова 1978: гл. 1], из недавних работ см., например, диссертацию [Bucsko 2008]) имели также ряд функций, связанных с аспектом. Эти употребления готских превербов послужили предметом жарких дискуссий, не утихающих со времени появления работы [Streitberg 1891], где была высказана мысль о том, что готские превербы, в особенности наиболее употребительный и семантически абстрактный преверб *ga-*, выражали перфективный аспект, подобный славянскому совершенному виду (ср. [Delbrück 1897: 152–161; Streitberg 1920: 195]; обзор разных точек зрения см., в частности, в работах [Scherer 1964; Гухман 1966: 231–235; Genis 2012]; из важнейших работ после Штрайтберга упомяну [Scherer 1954, 1964; Маслов 1959/2004; Marache 1960; Josephson 1976; Lloyd 1979]). В данной работе я следую точке зрения Ю. С. Маслова, аргументированно показавшего, что готские превербы выражали не аспектуальное (грамматическое) значение перфективности, а акциональное (лексическое) значение предельности, которое могли выражать и простые глаголы [Маслов 1959/2004: 264–265]. Ср. следующую показательную пару примеров, в которой как превербный глагол *gameljan*, так и его беспревербный коррелят *meljan* ‘писать’ употреблены в одном и том же перфективном контексте в качестве переводов греческого перфективного императива ὑράψον ‘напиши’^{3,4}:

готский

(16) а. <i>nim</i>	<i>þus</i>	<i>bok-os</i>	<i>jah</i>
взять:IMP.2SG	этот:ACC.PL.F	книга-ACC.PL	и
<i>ga-sit-and-s</i>		<i>sprauto</i>	<i>ga-mel-ei</i>
PRV-сидеть-PRS.PRT-NOM.SG.M		быстро	PRV-писать-IMP.2SG
<i>fim</i>	<i>tigun-s.</i>		
пять	десяток-ACC.PL		
‘Возьми расписку и, сев, быстро напиши: пятьдесят’ (СА, Лк. 16:6).			

³ Интересно, что Р. Генис, специально исследовавший глагол *meljan* ‘писать’ [Genis 2012: 15–16], не обратил внимания на данные примеры, наглядно демонстрирующие мнимость «видовой парности» префиксального и простого глаголов.

⁴ Здесь и далее греческий Новый Завет цитируется по онлайн-изданию OGB.

- b. *nim* *þus* *bok-os* *jah*
 взять:IMP.2SG ЭТОТ:ACC.PL.F книга-ACC.PL и
mel-ei *ahtautehund*.
 писать-IMP.2SG восемьдесят
 ‘Возьми расписку и напиши: восемьдесят’ (СА, Лк. 16:7).

Не менее показательна и пара примеров, в которой один и тот же бес-префиксальный глагол *frijon* ‘(по)любить’ употребляется для обозначения инцептивного события (перевод греч. аориста ἤγάπησεν) и длительного состояния (перевод греч. имперфекта ἐφίλει) [Scherer 1954: 213]:

готский

- (17) a. *ip* *Ies-us* *in-saihu-and-s* *du*
 и Иисус-NOM.SG PRV-видеть-PRS.PRT-NOM.SG.M к
imma ***frijo-d-a*** *ina...*
 он:DAT.SG любить-PST-3SG он:ACC.SG
 ‘Иисус, взглянув на него, полюбил его’ (СА, Мк. 10:21).

- b. *þaruh* *qep-un* *þai* *Iudai-eis:*
 тогда сказать:PST-3PL тот:NOM.PL.M иудей-NOM.PL
sai, *hwaiwa* ***frijo-d-a*** *ina*
 видеть:IMP.2SG как любить-PST-3SG он:ACC.SG
 ‘Тогда иудеи говорили: смотри, как он любил его’ (СА, Ин. 11:36).

Разумеется, наряду с такого рода примерами в готском отмечаются также довольно многочисленные случаи, когда глагол без преверба выражает дуративную ситуацию, а превербный глагол обозначает либо достижение этой ситуацией предела, либо начало процесса или состояния, ср. следующие примеры.

готский

- (18) a. *unte* *dauhtar* *ainoho*
 потому.что дочь:NOM.SG единственный:NOM.SG.F
was *imma* *swe* *wintriw-e*
 быть:PST:3SG он:DAT.SG как зимы-GEN.PL
twalib-e, *jah* *so* ***swalt***.
 двенадцать-GEN.PL и она:NOM.SG умирать:PST.3SG
 ‘Потому что у него была одна дочь лет двенадцати, и она была при смерти (букв. «умирала»)’ (СА, Лк. 8:42).

- b. *ip* *Peilat-us* *sildaleik-id-a* *ei* *is*
 но Пилат-NOM.SG удивляться-PST-3SG что он:NOM.SG
juþan ***ga-swalt***.
 уже PRV-умирать:PST.3SG
 ‘Пилат удивился, что Он уже умер’ (СА, Мк. 15:44).

(21) <i>jah</i>	<i>warþ</i>	<i>skur-a</i>	<i>wind-is</i>	
и	статья:PST.3SG	буря-NOM.SG	ветер-GEN.SG	
<i>mikil-a</i>		<i>jah</i>	<i>weg-os</i>	<i>walti-ded-un</i>
сильный-NOM.SG.F	и	волны-NOM.PL	ударять-PST-3PL	in
<i>skip,</i>	<i>swaswe</i>	<i>ita</i>	<i>juþan</i>	
корабль(ACC.SG)	так.что	оно:NOM.SG	уже	

ga-fullno-d-a.

PRV-наполняться-PST-3SG

‘И поднялась буря с сильным ветром, и волны били в лодку, так что она уже наполнялась (в греч. презентный инфинитив ὑεμίϛεσθαι [водой])’ (СА, Мк. 4:37).

Таким образом, можно заключить, что готские превербы находились на сравнительно ранней стадии грамматикализации в качестве показателей предельности и тем более терминативности. В этой связи, тем не менее, нельзя не отметить, что несмотря на справедливость упомянутых выше замечаний о большой роли в функционировании готских превербов семантического калькирования префиксальных глаголов греческого оригинала, из приведённого материала очевидно, что греческое влияние не касалось акциональных функций превербов, в частности, преверба *ga-*, и что тем самым его употребление в качестве телисизатора было результатом внутригерманского развития.

Ситуация в других древнегерманских языках, зафиксированных в памятниках позднее готского, демонстрирует ещё меньшую степень регулярности употребления превербов в аспектуальной функции (см., например, [Смирницкая 1977: 18–20], а также [Elenbaas 2007: ch. 4; Wischer, Habermann 2004: 266–271] о древнеанглийском, [Eroms 1997; Wischer, Habermann 2004: 271–281] о древневерхненемецком), равно как и утрату продуктивности категории превербов в целом, как в скандинавских языках (где даже в древнейших памятниках сколько-нибудь продуктивная система превербов не зафиксирована) и в английском. При этом не следует упускать из виду тот факт, что все современные германские языки обладают относительно продуктивными системами глагольных сателлитов, выражающих в том числе аспектуальные функции (об английском см., например, классическую работу [Brinton 1988]; обзор и основная библиография представлены в монографиях [Elenbaas 2007; Los et al. 2012]); тот факт, что в «южногерманском» ареале (немецкий, нидерландский, идиш) эти элементы функционируют в том числе как превербы, а в «северногерманском» (английский, скандинавские) — лишь как «поствербы» или наречия,

связан с эволюцией порядка слов в этих группах германских языков, в частности, с утратой конструкций с конечной позицией глагола [van Kemenade, Los 2004; Fischer et al. 2004: ch. 6; Los et al. 2012: ch. 6–7]. Ср. показательные примеры из древнеанглийского и современного английского:

древнеанглийский [Elenbaas 2007: 134]

- (22) *Donne Moyses his handa up*
 когда Моисей его руки:ACC.PL вверх
a-hof...

PRV-поднять:PST.3SG

‘Когда Моисей поднимал свои руки...’ (Исх. 17:11, Ælfric’s Heptateuch)

современный английский

- (23) *...when Moses held up his hand...*
 ‘тж.’ (Библия короля Иакова⁶)

Что касается собственно превербов в узком смысле (неотделимых глагольных префиксов), то в древнеанглийском, как и в готском, они были способны телисизировать глагол; в первую очередь это касалось префикса *ge-* [Kastovsky 1992: 378; Wischer, Habermann 2004: 269–270], обладавшего, как и в готском, наиболее абстрактным значением и наибольшей продуктивностью и способного в ряде случаев выступать в качестве «чистого» телисизатора. Ср. следующую пару примеров из перевода латинского трактата Орозия, выполненного в конце IX в.:

древнеанглийский [Wischer, Habermann 2004: 270]

- (24) a. *after þam ge-feah-t Pompeius se*
 после этого PRV-сражаться-PST.3SG Помпей DEM
consul wiþ eal þa folc, & ge-fliem-ed
 консул с весь DEM народ и PRV-прогнать-PST.PP
wearþ.

стать:PST.3SG

‘Затем консул Помпей сразился со всеми народами, и был обращён в бегство’.

⁶ Bible Gateway, King James Version. URL: <http://www.biblegateway.com/passage/?search=exodus%2017:11&version=KJV>

b. <i>æfter</i>	<i>þæt</i>	<i>Philippus</i>	<i>feah-t</i>	<i>on</i>	<i>Thona</i>
после	этого	Филипп	сражаться-PST.3SG	в	Тона
	<i>þa burg...</i>				
DEM	город				
‘Затем Филипп сражался в городе Тона...’					

Причины утраты среднеанглийским большей части неотделимых превербов до сих пор дискутируются в литературе, см. новейший обзор в работе [Molineux 2012], где предлагается метрико-фонологическое объяснение падению части превербов и сохранению других; см. также статьи [Schulte 2003, 2005], где обсуждаются раннескандинавские данные и предлагается связывать утрату или сохранение префикса в первую очередь с ударением; в работе [Minkova 2008: 30] утрата глагольного префикса *ge-* связывается как с его безударностью, так и с высокой степенью десемантизации.

В древневерхненемецком ситуация была во многом аналогичной; наиболее продуктивными в качестве абстрактных показателей предельности были префиксы *gi-* и *ar-* (совр. нем. *ge-* и *er-*, [Wischer, Habermann 2004: 275]). Ср. следующие примеры из «Немецкого Татиана» первой половины IX в., демонстрирующие акциональное противопоставление простых и префиксальных глаголов:

древневерхненемецкий

(25) <i>thanne</i>	<i>thie</i>	<i>toton</i>	<i>hor-ent</i>	<i>stemma</i>
когда	те	мёртвые	слышать-PRS.3PL	голос(ACC.SG)
<i>got-es</i>		<i>sun-es</i>	<i>inti</i>	<i>thie</i>
БОГ-GEN.SG		сын-GEN.SG	и	те
				3SG.ACC.F
<i>gi-hor-ent</i>		<i>leb-ent.</i>		
PRV-слышать-PRS.3PL		жить-PRS.3PL		

‘Когда мёртвые слышат голос Сына Божьего, оживают те, кто его услышали’ [Wischer, Habermann 2004: 277].

(26) <i>der</i>	<i>heilant...</i>	<i>huob</i>	<i>inan</i>
DEF:NOM.SG.M	спаситель:NOM.SG	поднять:PST.3SG	3SG.ACC.M
<i>uf</i>	<i>inti</i>	<i>ar-stuont...</i>	
вверх	и	PRV-стоять:PST.3SG	
‘Спаситель... поднял его, и [юноша] встал...’ [Ibid.: 279]			

Впоследствии, однако, акциональное противопоставление между глаголами с превербом и без преверба было в значительной степени утрачено; один из соотносительных глаголов либо исчезал, либо менял своё значение, теряя непосредственную связь с «акциональным

партнёром» [Weissberg 1991: 183–184; Eroms 1997: 12], ср. совр. нем. *hören* ‘слышать’ vs. *gehören* ‘принадлежать’.

Рассмотрение систем глагольных превербов и в первую очередь их аспектуальных функций в древних индоевропейских языках я завершу кратким экскурсом в ранние стадии славянской аспектуальной системы. Как уже было сказано выше, здесь неуместно разбирать все многочисленные концепции происхождения славянского вида (отсылаю читателя к классической работе [Маслов 1961/2004], выводы которой я полагаю не утратившими актуальности, и к ряду новейших работ, в частности [Кукушкина, Шевелёва 1991; Lehmann 1999, 2004; Mende 1999]), поэтому я лишь кратко сформулирую основные отличия раннеславянских аспектуальных систем (в первую очередь старославянской и древнерусской) от современных и укажу на их место в разработанной в предшествующих главах типологии.

С точки зрения функционирования самой по себе системы глагольных превербов ранние славянские языки отличались от современных в первую очередь отсутствием продуктивных «чистовидовых» и делимитативных приставок; в частности, известно, что делимитативные употребления префикса *po-* развились в первую очередь в «восточной» зоне славянских языков в основном в период начиная с XVI в., см. например, [Сигалов 1975б; Böttger 2004; Dickey 2007, 2008: 103–104], а основной аспектуальный префикс «западной» зоны — *s-/z-* возник в результате контаминации префиксов **sъ-* и **iz-* в письменную эпоху [Dickey 2005]. Основную роль в формировании чисто перфективирующей функции префиксов в древних славянских языках играл эффект Вея—Схоневелда. Кроме того, из-за неокончателюности сформированности категории вида сохранялись и были отчасти продуктивными неперфективирующие префиксы, например, **мимо-**, ср. **мимонти** ‘идти мимо’ [Хабургаев 1974: 328]. Одним из косвенных признаков неполной грамматикализации видового противопоставления можно считать и несформированность категории будущего времени, в особенности в северных славянских языках, где выражение этого значения оказалось переплетено с видом, ср. об этом [Силина 1995: 411].

С морфологической точки зрения раннеславянские системы превербов практически не отличаются от современных; морфологизация превербов, ставших неотделимыми компонентами глагольной словоформы, произошла, очевидно, ещё в праславянскую эпоху — в отличие от большинства других ветвей индоевропейских языков, включая близкородственные балтийские, в славянских языках не обнаруживается никаких следов «тмезиса». Кроме того, не была

ещё продуктивной множественная префиксация, употреблявшаяся в основном в тех случаях, когда ближайший к основе префикс был лексикализован [Хабургаев 1974: 332]. Суффиксальная вторичная имперфективация, очевидно, была более поздним явлением (так, в древнерусских памятниках имперфективы с суффиксом *-ыва-* от приставочных глаголов фиксируются с XII в. [Силина 1995: 377]), однако уже в древнерусский период она стала весьма продуктивной, причём, как показано в работе [Шевелёва 2010], такие глаголы могли употребляться не только в итеративном, но и в дуративном значении, ср. следующий пример:

древнерусский [Шевелёва 2010: 209]

(27) **се ны^т оуже есть не верема. рѣкы са смерзываютъ**

‘Вот теперь уже не время, реки замерзают’ (Киевская летопись 1150 г.).

С точки зрения аспектуальных функций провербных глаголов ситуация в древних славянских языках представляется весьма сложной, в том числе и из-за невозможности однозначно трактовать ряд важных случаев. К таковым относится, в частности, дебатированный вопрос об употреблении приставочных глаголов в процессуальном значении. Так, в работе [Кукушкина, Шевелёва 1991: 43–44] примеры вроде (28) интерпретируются как содержащие не приставочные глаголы в форме дуративного имперфекта, а (квази)омонимичные им вторичные имперфективы⁷.

древнерусский [Кукушкина, Шевелёва 1991: 43]

(28) **И начьнъ от Моуѣсеа и отъ всѣхъ прѣкъ съказааше има отъ всѣхъ книгъ гаже блахотъ о немъ**

‘И начал от Моисея и от всех пророков, рассказывал им то, что во всех книгах было о нём’ (Мстиславово Евангелие II в., Лк. 24:27).

По мнению О. В. Кукушкиной и М. Н. Шевелёвой, как приставочные глаголы, так и их суффиксальные производные в древнерусском языке были положительно охарактеризованы по признакам, соответственно, терминативности и нетерминативности; единственным классом глаголов, способных в древнерусскую эпоху выступать как в перфективных, так и в имперфективных контекстах, были простые

⁷ Приставочные глаголы СВ и образованные от них имперфективы различались ударением и типом спряжения.

глаголы, не имевшие ни перфективирующего префикса, ни суффикса имперфективности [Кукушкина, Шевелёва 1991: 45–47; Силина 1995: 376–377]. Ср. следующую пару примеров:

древнерусский [Кукушкина, Шевелёва 1991: 46]

(29) а. **И приде в словѣни идеже нынѣ Новгородъ и видѣ ту люди сущая**

‘И пришёл к словенам, где теперь Новгород, и увидел бывших там людей’ (Лаврентьевская летопись, XIV в.).

б. **ничто же не имѣю въ жизни своен развѣ ризы сеа, гаже на мнѣ видиши**

‘ничего не имею я в своей жизни, кроме этой ризы, которую ты на мне видишь’ (Житие Кирилла Белозерского, XV в.)

Что касается неактуальных употреблений презенса глаголов СВ — настоящего узувального и исторического, то они были относительно продуктивно представлены в раннедревнерусских текстах [Кукушкина, Шевелёва 1991: 42; Силина 1995: 394–395], хотя и постепенно вытеснялись формами глаголов НСВ, в частности, вторичными имперфективами [Силина 1995: 389].

Данная ситуация сохранялась вплоть до XV—XVI вв. [Кукушкина, Шевелёва 1991: 48], т. е. до периода, который С. Дики (см. ссылки выше) связывает с началом активной грамматикализации чистовидовых превербов и ряда других инноваций, приведших к становлению восточнославянского вида в его современном состоянии.

Ситуация в старославянском языке была несколько иной, нежели в древнерусском, и, видимо, отражала ещё более раннюю стадию развития аспектуальных противопоставлений. Примеры несомненно дуративного употребления приставочных глаголов, которые невозможно интерпретировать как вторичные имперфективы, приводит Ф. Копечный в статье [Корешп 1981: 299], ср. (30)⁸, где стсл. **придетъ** выступает в качестве перевода греч. презенса *ἔρχεται*.

старославянский

(30) **нѣ придетъ година да всѣкъ иже убиветъ вы мьнитъ сѧ слоужъ-бѧ приносити боу**

‘Наступает время, когда всякий, кто убивает вас, думает, что он приносит службу Богу’ (МЕ, Ин. 16:2).

⁸ Справедливости ради стоит отметить, что большая часть приведённых в указанной работе примеров содержит неактуальные (хабитуальные) либо перформативные употребления.

Ср. также интересный пример употребления презенса провербного глагола в футуральном значении, однако в его имперфективной (многократной), а не перфективной разновидности (такая трактовка подтверждается как русским, так и чешским аналогом в (32), где закономерно использованы аналитические формы будущего времени НСВ):

старославянский [Кореšný 1981: 303]

(31) *именемъ моимъ бѣсы ижденѣтъ · ѡзкы вѣзглаголѣтъ новы і въ ркахъ змиѡ възъмѣтъ.*

‘Моим именем будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками и брать змей в руки’ (МЕ, Мк. 16:17–18).

чешский

(32) *budou vyhánět zlé duchy, budou mluvit novými jazyky, hady budou brát...*

‘тж.’

Таким образом, можно заключить, что в древнейших славянских языках аспектуальные противопоставления, будучи несомненно уже весьма релевантными, ещё окончательно не сформировались в бинарную систему оппозиций. Тем не менее очевидно, что тенденция к исключительно терминативному употреблению провербных глаголов была в старославянском и особенно в древнерусском существенно более сильной, чем в германских языках.

7.1.2. КАРТВЕЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Обратимся теперь к картвельским языкам, наиболее архаичная стадия которых зафиксирована древнегрузинскими памятниками. По всей видимости, ситуация здесь была сходна с индоевропейской в том, что часть элементов, в современных языках функционирующих в качестве провербов, может быть реконструирована для пракартвельского состояния (ср. [Rostovtsev-Popiel 2012: 89ff; Fähnrich 2007: 95]); отдельно следует отметить дейктические провербы **mi-* и **to-* [Ibid.: 86], восстанавливающиеся для грузинско-занского единства, но не имеющие когнатов в отделившемся ранее сванском (то же, впрочем, касается и ряда локативных провербов, ср. дргруз. *aγ-*, совр. груз. *a-*, мегр., лаз. *o-* [Fähnrich 2007: 42], груз. *da-*, мегр., лаз. *do-* [Ibid.: 121]). Проследить историю провербов и их семантическое развитие удаётся лишь для литературного грузинского языка, поскольку прочие

картвельские языки не имеют сколько-нибудь длительной письменной истории.

Как уже указывалось в § 2.5, древнегрузинская система превербов была более разветвлённой, чем современная грузинская, и включала целый ряд элементов, промежуточных между собственно превербными и наречиями (см., например, [Schanidse 1982: 81–84; Rostovtsev-Popiel 2012: 41–42; Ростовцев-Попель 2012: 303–304]). Кроме того, как уже отмечалось в § 2.1, в древнегрузинском превербные, подобно раннеиндоевропейским, обладали определённой степенью отделимости (которая отчасти сохраняется в современном сванском). Что же касается аспектуальных функций, то, по свидетельству таких работ, как [Шанидзе 1942; Schanidse 1982: 77; Schmidt 1984; Vogt 1971: 183; Ростовцев-Попель 2012: 302], в древнегрузинском превербные не играли роли в выражении аспектуальных значений, ср. примеры (33)–(35), иллюстрирующие употребление превербных глаголов в формах презенса и имперфекта.

древнегрузинский [Шанидзе 1942: 954]⁹

(33) *rajsa ga-mo-m-cd-i-t me, orgul-n-o?*
 зачем PRV-PRV-1SG.O-искушать-SM-PL я лицемер-PL-VOC
 ‘Что искушаете (греч. Πρὸς τειράζετε) меня, лицемеры?’ (Мк. 12:15)

(34) *da garda-mo-vid-a pētre nav-it da*
 и PRV-PRV-идти-AOR.3SG.S Пётр лодка-INS и
mo-vid-od-a iesu-ja.
 PRV-идти-IPFV-3SG.S Иисус-DAT
 ‘И сошёл Пётр с лодки и подходил¹⁰ к Иисусу’ (Мф. 14:29).

(35) *še-i-pqr-a igi,*
 PRV-CV-хватать-AOR.3SG.S DEM:NOM
še-ašt-ob-d-a m-is da e-tq-od-a.
 PRV-душить-SM-IPFV-3SG.S DEM-DAT и CV-говорить-IPFV-3SG.S
 ‘Схватил его, душил (греч. ἔρψεν) и говорил’ (Мф. 18:28).

Переход от древнегрузинской аспектуальной системы, типологически близкой раннеиндоевропейским системам с противопоставлением подсистем презенса / имперфекта, аориста и перфекта, к новогрузинской, где важнейшую роль в организации видовых

⁹ Точного указания на цитируемые памятники в статье А. Шанидзе нет.

¹⁰ Впрочем, в примере (34) дргруз. имперфект используется для перевода греч. аориста ἦλθεν; возможно, здесь мы имеем дело с употреблением имперфекта при обозначении последовательности событий.

противопоставлений играют превербы (по выражению А. Шанидзе [Шанидзе 1942: 956], переход от греческого типа к славянскому), происходил постепенно и в основном завершился к XII в. [Ростовцев-Попель 2012: 306], ср. первый стих «Витязя в тигровой шкуре» Шоты Руставели (рубеж XII—XIII вв.), где представлено уже вполне современное употребление аориста с превербом в чисто перфективирующей функции¹¹:

среднегрузинский

(36) *romel-man* *še-kmn-a* *samqaro* *zal-ita*
 который-ERG PRV-делать-АОР.3СГ.С вселенная(NOM) сила-INS
m-it *zlier-ita...*
 ДЕМ-INS могучий-INS
 ‘Тот, кто создал мир могущественной силой...’¹²

Вопрос о том, в какой степени развитие префиксального перфектива в грузинском можно экстраполировать на другие картвельские языки, остаётся в значительной мере открытым. С одной стороны, тот факт, что во всех картвельских языках наблюдаются сходные системы префиксальной перфективации, казалось бы, позволяет проецировать их возникновение на общекартвельский уровень. С другой стороны, только что продемонстрированные данные истории грузинского языка заставляют отвергнуть эту гипотезу и с неизбежностью требуют постулировать параллельное развитие аспектуальных систем разных языков этой семьи. В какой мере современная картвельская ситуация является результатом независимой эволюции сходных явлений в различных родственных языках, а в какой сходства между картвельскими аспектуальными системами обусловлены контактами между этими языками, — вопрос, который, по-видимому, не может быть решён окончательно.

7.1.3. УРАЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ

Наиболее сложным образом обстоит дело в уральской семье, где превербы представлены лишь в обско-угорской и в прибалтийско-финской группах финно-угорской ветви и в селькупском языке самодийской ветви, и в них сохраняют многие свойства автономных

¹¹ Как указывает [Шанидзе 1942: 956], поэма Руставели сочетает в себе черты как старогрузинской, так и новогрузинской аспектуальных систем.

¹² Šota Rustaveli. *Vepxistqaosani*. Ed. by J. Gippert and V. Imnaišvili. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/cauc/mgeo/vepx/vepx.htm>

наречных словоформ (см. [Honti 1999a: 85–86; Kiefer 1997; Kiefer, Honti 2003]; в данном случае я не касаюсь систем префиксов, прямо заимствованных из славянских или балтийских языков, о них см. ниже § 7.2). О сколько-нибудь глубокой реконструкции превербов в уральских языках речь не идёт¹³.

Обзор различных точек зрения по поводу возникновения и развития превербов в уральских языках и в первую очередь в венгерском представлен в работе [Honti 1999b]. Хотя все исследователи сходятся в том, что уральские превербы, как и их индоевропейские и картвельские аналоги, восходят к наречиям, выражавшим пространственные значения, дискуссионным в течение долгого времени оставался вопрос о том, является ли венгерская система превербов результатом развития праугорской, или же она развилась под влиянием контактов с носителями славянских и германских языков после переселения венгров в Центральную Европу. По мнению Л. Хонти, система превербов в венгерском языке сформировалась ещё в общеугорскую эпоху, а роль контактных влияний была лишь незначительной [Honti 1999b: 173]; так, он утверждает [Ibid.: 169–170], что преверб *meg-* был перфективатором ещё в протовенгерский период до интенсивных контактов со славянами. Ф. Кифер [Kiefer 2010: 154ff], признавая несомненные элементы славянского субстрата в венгерском, также отвергает сколько-нибудь значимое влияние славянских приставок на венгерские превербы, указывая, в частности, на отсутствие калькирования славянских приставочных глаголов в венгерском [Ibid.: 155]. Напротив, Кифер отмечает довольно многочисленные случаи калькирования немецких моделей [Ibid.], относящихся, однако, к периоду Австрийской империи, когда венгерская система превербов и её аспектуальные функции уже полностью сформировались.

Подробный анализ истории аспектуальных функций венгерских превербов представлен в работе [Kiss 2006b], и он позволяет несколько уточнить процитированную выше точку зрения Л. Хонти. В старовенгерском (вплоть до XVIII в.), а в некоторых восточных диалектах и до сих пор [Ibid.: 142], противопоставление перфективного и имперфективного способов рассмотрения ситуации выражалось

13 Ср. утверждение Л. Хонти [Honti 1999a: 81], что «префиксы [в уральских языках] суть либо инновации отдельных языков, либо заимствованные элементы» (“Präfixe sind entweder innersprachliche Neuerungen oder Lehnelement”), а также что «большинство исследователей... полагают, что развитие глагольных префиксов» в отдельных ветвях уральской семьи «происходило независимо» (“die meisten Forscher... damit rechnen, daß die Entwicklung von Verbalpräfixen in diesen vier Gruppen unabhängig von einander vor sich gegangen ist”) [Ibid.: 86].

в первую очередь глагольными формами прошедших времён [Kiss 2006b: 131–135] — синтетического перфективного претерита и аналитического имперфекта, ср. следующие примеры из текстов XVI в.

старовенгерский¹⁴

- (37) *Enying-en ír-á-m ez level-et*
 Эньинг-SPRES писать-PST-1SG.OC этот письмо-ACC
péntek-en.
 пятница-SPRES
 ‘Я написал это письмо в пятницу в Эньинге’ (1529, [Kiss 2006b: 133]).

- (38) *Mellé-je gyűlvén az mezői eger-ek,*
 около-3SG.POSS собравшись DEF полевой мышь-PL
ott játszadoz-nak val-a környül-e...
 там играть-PRS.3PL быть-PST.3SG вокруг-3SG.POSS
 ‘Собравшись около него [льва], полевые мыши играли вокруг него...’ (1566, [Ibid.])

Что касается использования превербов в функции телисизаторов и перфективаторов, то в древнейших венгерских текстах оно, согласно [Kiss 2006b: 144] и вопреки цитированным выше утверждениям Л. Хонти, ещё не отмечается. Так, первый венгерский связный текст «Надгробная речь и молитва» (“Halotti beszéd és könyörgés”, 1192–1195) содержит лишь единственное вхождение преверба *migé* (совр. венг. *meg*), интересное тем, что, во-первых, функция преверба здесь не вполне ясна, и, во-вторых, глагол с превербом употреблён в форме аналитического имперфективного прошедшего, выражающего дуративную ситуацию (точнее, подготовительную стадию моментальной ситуации):

старовенгерский (1192–1195, [Kiss 2006b: 145])

- (39) *Es oz guimilcs-nek ül keserői vol-a*
 и этот плод-DAT так горький быть-PST.3SG
víz-e, hügy turk-ok-at migé szokoszt-ja
 вода-3SG.POSS что горло-PL-ACC PRV прорвать-PRS.3SG.OC
vol-a.
 быть-PST.3SG
 ‘И сок этого плода был столь горек, что чуть не разорвал им горло’¹⁵.

¹⁴ Старовенгерские примеры даются в модернизированной графике; оригинальные цитаты приведены в [Kiss 2006b: 157].

¹⁵ Ср. перевод К. Е. Майтинской [Майтинская 1955: 17]: «поранил его горло».

Все остальные семантически терминативные ситуации в этом тексте XII в. выражаются с помощью форм прошедших времён (перфективного претерита на *-a*, перфекта на *-ott* или аналитического плюсквамперфекта) без участия превербов [Ibid.: 144], ср. следующие два примера:

старовенгерский (1192–1195, [Kiss 2006b: 144])

(40) *es od-utt-a vol-a neki paradiscum-ut hazoá.*
и дать-PRF-3SG быть-PST.3SG ему рай-ACC как.дом
'И дал (ср. совр. венг. *oda-adta*) ему рай для обиталища'¹⁶.

(41) *...ki-t úr ez nop-un ez*
который-ACC Господь этот день-SPRES этот
homis világ timnüce beleül ment-e
ложный мир темница из спасти-PST.3SG
'которого Господь в этот день спас (совр. венг. *ki-mentette*) из темницы этого лживого мира'¹⁷.

В текстах середины XIV в. уже встречаются более ясные употребления превербов, в частности *meg-* в перфективирующей функции, ср. следующий пример из клятвы 1350 г.:

старовенгерский (1350, [Simonyi 1907: 113])

(42) *...igazán meg-mond-od, meg-nevez-ed*
верно PRV-говорить-PRS.2SG.OC PRV-называть-PRS.2SG.OC
és ki-ad-od és meg nem tagad-od.
и PRV-дать-PRS.2SG.OC и PRV NEG отрицать-PRS.2SG.OC
'...ты верно расскажешь (о них), назовёшь и выдашь (их) и не отречёшься'.

Тем не менее перфективирующее употребление превербов не было полностью продуктивным, ср. пример (43) из того же текста, где в цепочке однородных перфективных предикаций глагол *veszt* 'терять' (в данном контексте 'убивать') выступает с превербом, в то время как отыменные глаголы *hamisít* зд. 'делать ложью' и *igazít* зд. 'делать правдой' употреблены без преверба (в современном языке был бы использован преверб *meg-*).

¹⁶ Перевод по [Майтинская 1955: 17].

¹⁷ Ср. перевод в [Майтинская 1955: 17]: «в сей день освободил из темницы коварного мира».

старовенгерский (1350, [Simonyi 1907: 113])

- (43) ...*és irigység-ben avagy gyűlöség-ben, senki-t*
 и зависть-INESS или ненависть-INESS никто-ACC
el nem vesztesz, és igaz-at nem
 PRV NEG потерять-PRS.2SG и правда-ACC NEG
hamisit-asz és hamis-at nem
 делать.ложью-PRS.2SG и ложь-ACC NEG
igazit-asz.
 делать.правдой-PRS.2SG
 ‘...и от зависти или ненависти никого не убьёшь и правду не назовёшь ложью, а ложь правдой’.

Согласно работам [Kiss 2006b: 145] и [Kiefer 2010: 155], превербы стали продуктивно употребляться в старовенгерских текстах в основном с XV в., ср. следующие примеры превербов в терминативных контекстах из «Жития святой Маргариты» (“Szent Margit élete”, 1510):

старовенгерский (1510, [Kiss 2006b: 145])

- (44) *az hal-ak-at meg-farag-ja val-a.*
 DEF рыба-PL-ACC PRV-резать-PRS.3SG.OC быть-PST.3SG
 ‘Она вырезала рыб’.

- (45) *el-megyen val-a az kapitulum-ház-ba.*
 PRV-идти(PRS.3SG) быть-PST DEF капитул-дом-ALL
 ‘Она уходила к зданию капитула...’

Интересно, что в обоих примерах глагол выступает в аналитической форме имперфекта, которая в тексте XVI в. имеет иное значение, нежели в тексте конца XII в., ср. пример (39): здесь представлено не актуально-длительное, а многократное (хабитуальное) употребление имперфекта, сохраняющее терминативность, внесённую превербом [Kiss 2006b: 146]; о таких употреблениях ср. также [Gugán 2011: 67]. Такого рода изменение значения сочетания сложного глагола с имперфектом, на мой взгляд, ясно свидетельствует о грамматикализации перфективирующей функции превербов. Ср. также противопоставление по терминативности перфектных форм с превербом и без него в следующем примере из другого текста первой половины XVI в.:

старовенгерский

- (46) *Az mező-t, hogy ott ő-tt-él, mind*
 DEF поле-ACC что там есть-PRF-2SG весь
el-pusztít-ott-ad nekem.
 PRV-уничтожать-PRF-2SG.OC мне

‘А поле, в котором ты ел, ты его всё мне уничтожил’ (Gábor Pesti, “Az farkasról és bárányról” [«О волке и овце»], 1536, [Kiss 2006b: 146]).

Ср., наконец, почти параллельные фрагменты из «Надгробной речи» и “Pater noster” XVI в., демонстрирующие появление в позднейшем тексте чисто перфективирующего преверба *meg-* (занимающего при императиве постглагольную позицию), отсутствующего и по-видимому невозможного к тексту XII в.:

старовенгерский

- (47) *es szobodochcha ű-t ürdüing ildetüi-tül...*
 и избавить:IMP.3SG.OC 3-ACC дьявол преследование-ELAT
 ‘и пусть Он избавит её [душу умершего] от преследований дьяво-
 ла’ (1192–1195, [Kiss 2006b: 144])¹⁸
- (48) *szabadíts meg mink-et a gonosz-tül*
 избавить:IMP.2SG PRV мы-ACC DEF зло-ELAT
 ‘избави нас от лукавого’ (начало XVI в., [Ibid.: 147])

Приведённые данные, как представляется, однозначно свидетельствуют о том, что система маркирования предельности и терминативности при помощи превербов грамматикализовалась лишь в письменный период, когда венгерский язык мог испытывать влияние как славянских, так и германских языков, и что, тем самым, аналогичные системы в обско-угорских языках (см. ниже) возникли в результате независимого параллельного развития.

Ближайшую параллель к венгерским превербам представляют обско-угорские языки — хантыйский [Николаева 1995: 74–77, 113–115; Nikolaeva 1999: 35–36] и мансийский [Ромбандеева 1973: 180–186; Riese 2001: 59–60], где превербы имеют не только пространственные, но и аспектуальные значения, см. [Kiefer 1997: 324–326; Kiefer, Honti 2003: 141–144]. По свидетельству И. А. Николаевой [Nikolaeva 1999: 35], хантыйские превербы имеют собственное ударение и (вопреки утверждению в [Kiefer, Honti 2003: 143]) могут не только отделяться

¹⁸ Перевод по [Майтинская 1955: 17].

от глагола, но и оказываться в постглагольной позиции, в частности в императиве (так же, как и в венгерском), ср. примеры (49a,b).

хантыйский (обдорский диалект)

(49) a. *il pa śi pa:jət-sə-lli*
 вниз снова FOC ронять-PST-3SG>SG
 ‘Он снова уронил это’ [Nikolaeva 1999: 35].

b. *man-a kim*
 идти-IMP.2SG вне
 ‘Выйди’ [Ibid.: 36].

Как и в венгерском, некоторые хантыйские превербы имеют чисто телесизирующую функцию (из описания И. А. Николаевой [Николаева 1995: 74–77; Nikolaeva 1999: 35], как кажется, следует, что преверб вносит значение терминативности, однако примеров, подтверждающих это однозначно, не приводится), ср. *nox tini* ‘продать’ (*nox* ‘вверх’), *lap re:sk* ‘убить’ (*lap* ‘вниз’) и т. п.

Отчасти сходная ситуация наблюдается в селькупском языке [Кузнецова и др. 1980: 310–313; Honti 1999a: 94; Kiefer, Honti 2003: 145–146], относящемся к самодийской ветви уральской семьи, где возникновение превербов, наложившихся на весьма своеобразную самодийскую аспектуальную систему, в первую очередь характеризующуюся богатством имперфективных дериваций (см., в частности, [Кузнецова 2008; Казакевич 2008], а о типологических особенностях самодийских аспектуальных систем — [Шлуинский 2011]), возможно, обусловлено контактами с обско-угорскими языками, на что указывают морфосинтаксические и семантические параллели (о контактах селькупского см., в частности, [Helimskij 1996], об особой ареальной близости селькупского и хантыйского см. [Helimski 2003: 160]). Селькупские превербы обладают ограниченной отделимостью (между превербом и глаголом могут вставать отрицательные и некоторые другие частицы, а также дополнение, выраженное личным местоимением), ср. (50a), и могут занимать постглагольную позицию в императиве, ср. (50b).

селькупский (тазовский диалект) [Кузнецова и др. 1980: 310–311]

(50) a. *ńennä śim ṭsy.*
 вперёд меня взял
 ‘Он меня выручил (букв. «вперёд взял»)’.

b. *ṭy ńennä!*
 возьми вперёд
 ‘Выручи!’

Судя по приводимым в цитируемой работе примерам, сочетания преверба с глаголом имеют предельное значение, однако остаётся неясным, свойственна ли им обязательная терминативность и как эти сочетания взаимодействуют с имперфективными деривациями.

В прибалтийско-финских языках ситуация с превербами двойка. Во-первых, в целом ряде языков (ливском, карельском, вепском) отмечается более или менее систематическое заимствование системы превербов из контактирующих с ними языков (латышского для ливского, русского для карельского и вепского); в финском языке имеются глаголы с префиксальными элементами, частично калькированные с немецких или шведских образцов. Об этих случаях речь пойдёт в § 7.2. Собственно система наречных модификаторов глагола, выполняющих в том числе перфективирующую функцию, имеется в эстонском языке, см. [Sulkala 1996: 181; Honti 1999a: 91–92; Ereht (ed.) 2003: 104; Ackerman 2004] и в первую очередь подробное диахроническое исследование [Metslang 2001]. Рассматривать данные элементы в качестве превербов *sensu stricto*, однако, не представляется мне возможным, поскольку они занимают непосредственно предглагольную позицию лишь в очень ограниченном классе случаев [Kiefer, Honti 2003: 145], а чаще всего выступают после глагола, тем самым сближаясь скорее с латышскими наречными частицами¹⁹ или с их северогерманскими аналогами²⁰, равно как и со сходными конструкциями в старофранцузском [Dufresne et al. 2004] или современном итальянском [Iacobini, Masini 2007] языках. Ср. следующие примеры, где аспектуальная функция адвербиальной частицы проявляется особенно ярко в виду омонимии объектных падежей, в обычном случае указывающих на имперфективное (партитив) или перфективное (генитив) прочтение:

эстонский [Metslang 2001: 449]

- (51) а. *Ta keetis kala.*
 3SG варить:PST:3SG рыба
 ‘Он(а) варил(а) / сварил(а) рыбу’.

¹⁹ О взаимном контактном влиянии латышского, эстонского и ливского в данной области см., в частности, [Wälchli 2001].

²⁰ Последние, возможно, послужили контактными источником для грамматикализации конструкций с приглагольными наречиями и частицами в прибалтийско-финских языках, см. [Metslang 2001: 454–456, 475; Wälchli 2001: 433; Kolehmainen 2005: 219].

b. <i>Ta</i>	<i>keetis</i>	<i>kala</i>	<i>ära.</i>
3SG	варить:PST:3SG	рыба	ADV
‘Он(а) сварил(а) рыбу’.			

Во многом аналогичные конструкции представлены и в финском языке [Kiefer, Honti 2003: 144; Kolehmainen 2005: 162–213], где они, однако, не влияют на аспектуальную интерпретацию предиката.

7.1.4. Выводы

Обсуждение исторического развития систем провербов в изучаемых нами языковых семьях приводит к следующему заявленному в самом начале выводу. Во-первых, системы провербов как пространственных и словообразовательных модификаторов глагола были характерны либо уже для самых ранних этапов развития этих семей (как в случае с индоевропейскими и картвельскими языками), либо по крайней мере ещё для дописьменного периода истории изучаемых языков (в случае обско-угорских языков). Элементы, в современных языках функционирующие как провербы, т. е. либо неотделяемые глагольные префиксы, либо полусвободные единицы особого типа, в части своих употреблений являющиеся глагольными префиксами, на ранних стадиях истории обладали большей степенью морфосинтаксической автономности и в конечном итоге восходят к адвербиальным выражениям. Во-вторых, приходится заключить, что несмотря на вышеуказанную древность систем провербов в рассматриваемых языках, грамматикализация этих систем или их элементов в функциях акциональных модификаторов предиката и тем более показателей терминативности происходила на более поздних этапах истории отдельных ветвей и групп языков и в некоторых случаях (как в венгерском и грузинском) может быть прослежена по письменным памятникам. Даже если в праязыковых системах и существовали определённые функциональные и грамматические предпосылки к такому развитию систем провербов, эти тенденции нашли свою реализацию или, напротив, устранились уже на более продвинутых стадиях истории каждой из языковых семей.

В этом смысле может быть полезным сравнение ряда рассмотренных в данном разделе языков с основными языками изучаемого ареала по признакам из главы 6 (используется более сбалансированный модифицированный вариант значений признаков из § 6.4). Для такого сравнения я отобрал следующие языки, для которых я располагаю наиболее полными и надёжными данными: латынь, готский, старославянский и древнегрузинский. Значения признаков приведены в табл. 14.

Табл. 14. Значения признаков из гл. 6
для латыни, готского, старославянского и древнегрузинского

признаки	лат	гот	стсл	дргруз
1.1. отделимость	0	1	0	1
1.2. др. префиксы	0	0	0	1
1.3. позиция				1
1.4. итерация	1	1	1	0
1.5. морф. подтипы	0	0	0	1
2.1. дейксис отд.	0	0	0	1
2.2. перфективация	1	1	1	0
2.3. чистая перф-я	1	1	1	0
2.4. делимитатив	0	0	0	0
2.5. неперед. движ.	1 ²¹	1	1	1
2.6. неперед. другие	1 ²²	1	1	1
3.1. перф. презенс	1	1	1	1
3.2. перф.през. = фут.	0	0	1	0
3.3. фазовые глаголы	1 ²³	1 ²⁴	0	1
3.4. 2имперф. морф.	0	0	1	0
3.5. 2имперф. синт.	0	0	0	0
3.6. непрев. перф.	0	0	1	0
3.7. нейтр. футур.	1	0	0	1
3.8. аор. / имперф.	1	0	1	1

Анализ степени сходства латыни, готского, старославянского и древнегрузинского с другими языками даёт не вполне тривиальные результаты. Латынь оказывается ближе всего к готскому (83 %), а из языков нашей основной выборки — к идишу (78 %), а также к литовскому, латышскому и адыгейскому (72 %), а из славянских языков — к обиходному верхнелужицкому (67 %) и старославянскому (72 %), что скорее демонстрирует незначительный уровень развития префиксальной перфективации. Стоит также обратить внимание на то, что по функциональным признакам 2.5–3.8 латынь показывает

²¹ Ср. [Панов 2012а: 141].

²² Ср. [Панов 2012а: 141].

²³ Ср. *coepit inridere me* ‘начал насмехаться надо мной’ (Pl. Mer. 2.1), *convenire coepistis* ‘вы начали собираться’ (Cic. Ver. 1.1.31), примеры и ссылки даны по электронному ресурсу Perseus. URL: <http://www.perseus.tufts.edu>.

²⁴ Ср. *dugann afdomjan* ‘начал проклинать’ [CA Mt 26:74], *dugann uswairpan* ‘начал выгонять’ [CA Lk 19:45], *dugann ins insandjan* ‘начал их посылать’ [CA Mk 6:7] и др.

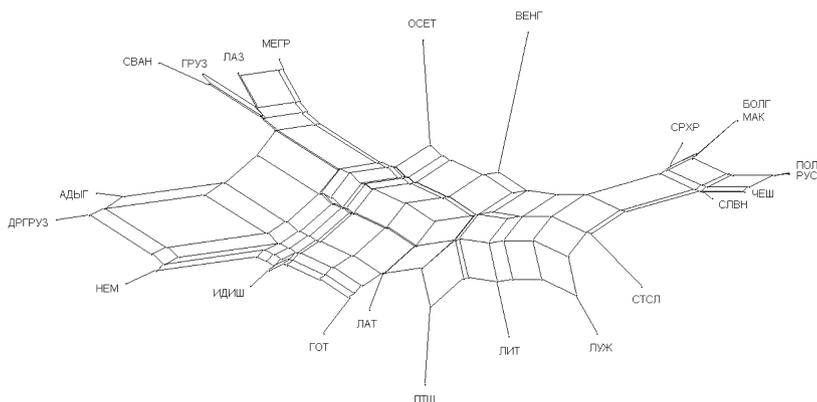
стоцентное совпадение с адыгейским и древнегрузинским, т. е. с языками без префиксальной перфективации. Готский оказывается ближе всего к идишу (83 %) и немецкому (72 %), что, разумеется, объяснимо генетическим родством этих языков, а также, что несколько более неожиданно, к латышскому (72 %). Важно отметить, что два признака, сближающие готский с идишем и отделяющие оба их от немецкого, связаны именно с перфективирующей функцией превербов (2.2 и 2.3); как уже было сказано выше, в германской группе перфективирующая префиксация получила определённое развитие на раннем этапе, а затем была утрачена большей частью языков. Её сохранение в идише, несомненно связанное со славянским влиянием, не следует, однако, рассматривать лишь как инновацию, вызванную контактами, — влияние славянских языков вполне могло состоять в том, чтобы «повернуть вспять» проходивший в средненемецких диалектах процесс утраты перфективирующей функции превербов и восстановить эту функцию в идише (см. ниже о возможном аналогичном «консервирующем» влиянии немецкого на западнославянские языки).

Два представителя более ранних этапов истории славянских и картвельских языков демонстрируют весьма существенные расхождения в своём соотношении с современными языками. Если старославянский в целом сравнительно мало отличается от современных славянских языков, особенно севернославянских (78 % сходства с чешским, 72 % сходства с восточнославянскими, польским, словенским и верхнелужицким), то древнегрузинский отличается от современных картвельских языков более значительно (68 % сходства с современным грузинским и лазским, 71 % со сванским, 63 % с мегрельским). Действительно, если в старославянском мы уже наблюдаем практически сформировавшуюся систему славянского вида с рядом основных конституирующих признаков, таких как вторичная имперфективация и запрет на употребление терминативных глаголов в фазовых конструкциях, то различия в аспектуальных системах древнегрузинского и современных картвельских языков, как показано выше, были гораздо более значительными. Неслучайно максимальную степень сходства древнегрузинский демонстрирует вовсе не со своими родственниками, а с адыгейским (84 %) и немецким (83 %).

Наглядно демонстрирует сделанные выше наблюдения и NeighborNet-диаграмма на рис. 24, на которой отчётливо видно, что старославянский язык ближе всего к славянским (и даже ближе к ним, чем обиходный верхнелужицкий), хотя и отделён от основного

кластера ощутимым расстоянием, в то время как древнегрузинский группируется вместе с адыгейским и немецким, а вовсе не с другими картвельскими языками, будучи сходен с ними не более, чем осетинский. Что же касается готского и латыни, то они оказываются на периферии своеобразного гетерогенного кластера, состоящего из языков с незначительным уровнем грамматикализации префиксальной перфективации или вовсе без таковой.

Рис. 24. *NeighborNet*-диаграмма с учётом древних языков

Таким образом, та картина распределения систем префиксального перфектива в языках Центральной и Восточной Европы, которую мы наблюдаем на современном этапе и которая была описана в предшествующих главах, является инновацией, причём сравнительно недавнего периода, в целом ограниченного последними полутора тысячелетиями. В связи с этим возникает закономерный вопрос о роли контактных факторов в развитии систем префиксального перфектива в изучаемых языках. Об этом пойдёт речь в следующем разделе.

7.2. КОНТАКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Контактные явления в области префиксальной перфективации можно классифицировать в соответствии с противопоставлением “MAT-borrowing” (заимствование материала) и “PAT-borrowing” (заимствование модели, [Sakel 2007; Matras, Sakel 2007]), также известных как, соответственно, «глобальное» (global) и «избирательное» (selective) копирование кодов (code-copying, [Johanson 1999: 40–41;

2008]) или (данная более традиционная терминология представляется менее удачной) собственно заимствование и интерференция²⁵ или калькирование. Оба типа заимствования могут происходить при интенсивном языковом контакте (т. е. продолжительном массовом двуязычии, преимущественно с асимметричным соотношением между языками-участниками) в условиях сохранения языка; лишь РАТ-заимствование семантических и / или грамматических структур происходит в ситуации субстратной интерференции при языковом сдвиге (см. об этом в первую очередь классическую монографию [Thomason, Kaufman 1988]).

В нашем случае (отмечу, что практически во всех рассматриваемых в этом разделе контактных ситуациях имеет место сохранение языка, а не языковой сдвиг) глобальное копирование состоит в заимствовании языком-реципиентом превербов языка-донора, а избирательное копирование — в перестройке по аналогии с системой языка-донора уже имеющейся в языке-реципиенте системы превербов (в частности, копирование моделей полисемии превербов или их акциональных / аспектуальных функций). В случае языкового сдвига последний процесс выглядел бы как изменение функционирования превербов языка-реципиента под влиянием аналогичной системы (если таковая имеется) субстратного языка-донора, носители которого, усваивая язык-реципиент, переносят в него модели своего родного языка. Как уже отмечено, надёжно документированных случаев такого рода в изучаемом мною ареале совсем немного.

7.2.1. МАТЕРИАЛЬНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ

Ситуации материального заимствования превербов делятся по крайней мере на три класса. Во-первых, это копирование языком-реципиентом, не имевшим до того глагольных префиксов, системы превербов языка-донора в целом или значительной её части и тем самым возникновение в языке-реципиенте своей собственной системы превербов, целиком состоящей из заимствованных единиц. Речь при этом, разумеется, идёт о случаях, когда заимствованные морфемы используются в сочетании с исконными глагольными основами (в противном случае можно говорить лишь о заимствовании приставочных глаголов как цельных единиц). Такого рода заимствование происходит лишь при весьма

²⁵ Строго говоря, любое заимствование является случаем интерференции и, наоборот, интерференция состоит в заимствовании из другого языка каких-либо аспектов его структуры, в том числе семантической, ср. [Weinreich 1953: 1].

интенсивных и продолжительных языковых контактах. В изучаемом ареале отмечен целый ряд таких случаев: заимствование славянских, германских (и в меньшей степени балтийских и венгерских) приставок диалектами цыганского языка [Ariste 1973; Iglá 1992, 1998; Kiefer 1997: 329–330, 333–334; Русаков 2000; Rusakov 2001; Schrammel 2002, 2005; Кожанов 2011], заимствование латышских приставок ливским языком [de Sivers 1971] и заимствование русских приставок вепским [de Sivers 1971: 19–20; Honti 1999a: 81, 92–93] и карельским языками [Pugh 1999]. Как легко видеть, все эти случаи отмечены в «миноритарных» языках с низким социолингвистическим статусом, испытывавших длительное и по большей части одностороннее (в случае ливского и латышского ситуация сложнее) воздействие со стороны языков доминирующих этносов. Рассмотрим некоторые из этих случаев подробнее.

Диалекты цыганского языка, активно контактировавшие с языками с развитыми системами глагольных префиксов, заимствовали из них системы превербов и саму словообразовательную модель префиксации. Глагольные префиксы славянского, германского, венгерского или балтийского происхождения присоединяются к исконно цыганским глагольным основам и выражают значения, характерные для соответствующих единиц в языке-доноре: пространственные, непространственные «лексические» и акциональные. Ср. следующие примеры из севернорусского диалекта цыганского языка с префиксами в «лексических» значениях: *te ot-des* ‘отдать’, *te vy-des* ‘выдать’, *te roz-des* ‘раздать’, *ros-phenava* ‘расскажу’ [Rusakov 2001: 315, 316] и в аспектуальном (перфективирующем) значении: *po-pychne* ‘они спросили’, *u-cherde* ‘украл’ [Ibid.: 316]. Аналогично в болгарском диалекте цыганского [Schrammel 2002: 62, 63]: *za-dines* ‘пошёл дождь’ (ср. болг. *завали*), *po-pirav* ‘погуляю’. Цыганские диалекты, находившиеся в контакте с немецким языком, заимствовали как неотделяемые префиксы, так и отделяемые превербы / наречия [Ibid.: 50–59; Schrammel 2005: 103], ср. *fa-bistrel* ‘забыть’ (нем. *vergessen*), *iber-dšivel* ‘пережить’ (нем. *überleben*) [Schrammel 2002: 50, 51], *vel hin* ‘идти туда’ (нем. *hingehen*) [Schrammel 2005: 108]. Интересно, что немецкие отделяемые превербы чаще калькируются с помощью собственно цыганских наречий, чем заимствуются [Ibid.: 103], см. ниже. Стоит отметить при этом, что заимствованию, тем не менее, в большей степени подвергаются отделяемые превербы [Ibid.]; из немецких превербов, употребляемых только как неотделяемые, отмечено заимствование *ver-*, *er-* и *zer-*, а из тех, что употребляются и как отделяемые, и как неотделяемые, отмечено заимствование неотделяемых *iber-* и *unter-*.

В диалекте латвийских цыган (лотфитке) отмечено заимствование латышских префиксов, ср. *no-čhindža* ‘отрезал’ (~ лтш. *nogriezt*), *uz-džinena* ‘узнать’ (~ лтш. *uzzināt*) [Ariste 1973: 80], в том числе в случаях сильной лексикализации сочетания в языке-доноре, ср. *aiz-terdžol* ‘защищать’ < *terdžol* ‘стоять’ (~ лтш. *aizstavēt*), *pie-del* ‘простить’ < *del* ‘дать’ (~ лтш. *piedot*) [Мануш-Белугин 1973: 128]. Наряду с этим в лотфитке возникла калькированная с латышского модель сочетания глаголов с наречиями, см. ниже.

Наличие у копированных цыганских провербов аспектуальных функций очевидным образом зависит от присутствия таковых в системах провербов языков-источников, и в этом смысле закономерно, что в диалектах, основным контактным языком которых является немецкий, акциональные использования провербов маргинальны, а префиксальная перфективация отсутствует вовсе — в отличие от диалектов со славянским или балтийским адстратом, где префиксальная перфективация в том или ином виде присутствует. При этом вполне очевидно, что наличие в языке-реципиенте употреблений заимствованных префиксов в чисто аспектуальных функциях само по себе не свидетельствует о развитии в нём аспекта как грамматической категории. Насколько можно судить по имеющимся данным, степень грамматикализованности и систематичности кодируемых при помощи заимствованных провербов аспектуальных противопоставлений в цыганских диалектах существенно ниже таковой языков-доноров (даже балтийских, не говоря о славянских), ср. обсуждение этого вопроса для севернорусского диалекта цыганского в работе [Rusakov 2001: 314–317]. Так, в этом диалекте, несмотря на наличие напоминающих русские парадигм вроде приведённой в табл. 15, функции простых и префиксальных глаголов остаются неокончательно дифференцированными. В частности, простые глаголы могут выступать в явно перфективных контекстах, ср. *i vdrug galyne* ‘и вдруг обнаружил’ наряду с префиксальным *u-galyne* ‘тж.’ [Ibid.: 315], а префиксальные глаголы — в имперфективных контекстах, по крайней мере итеративных или узуальных [Ibid.: 316].

Табл. 15. Видо-временная парадигма глагола
в севернорусском диалекте цыганского [Rusakov 2001: 314]

	«имперфектив»	«перфектив»
прошедшее	<i>bagand'a</i> ‘он(а) пел(а)’	<i>s-bagand'a</i> ‘он(а) спел(а)’
будущее	<i>lela te bagal</i> ‘он(а) будет петь’	<i>s-bagala</i> ‘он(а) споёт’
настоящее	<i>bagala</i> ‘он(а) поёт’	

Обратимся теперь к случаям заимствования префиксов в финно-угорские языки. Копированной с латышского системе глагольных префиксов в ливском языке посвящена монография [de Sivers 1971], согласно данным которой ливский заимствовал все без исключения латышские превербы (о контактах ливского и латышского в других областях грамматики и лексики см. в частности [Wälchli 1996, 2000]). В ливском заимствованные префиксы могут иметь как пространственные значения (ср. *lādō* ‘идти’: *aiz-lādō* ‘выйти’, *ap-lādō* ‘обойти’, *ie-lādō* ‘войти’, *iz-lādō* ‘выйти’, *nuo-lādō* ‘дойти’, *sa-lādō* ‘сойтись’ и др. [de Sivers 1971: 28–29]), так и более абстрактные, в том числе акциональные (ср. *tiedō* ‘делать’: *at-tiedō* ‘сделать в ответ; открыть, освободить’, *iz-tiedō* ‘сделать’, *nuo-tiedō* ‘сделать, доделать’ [Ibid.: 31–32]; *kītō* ‘говорить’: *at-kītō* ‘ответить’, *iz-kītō* ‘высказать, рассказать’, *pa-kītō* ‘сказать’, *uz-kītō* ‘похвалить’ [Ibid.: 37–38]; *maggō* ‘спать’: *nuo-maggō* ‘проспать [какое-то время]’ [Ibid.: 63–64]). Интересно, что заимствование глагольных префиксов создало в ливском сходную с латышским систему, в которой префиксы соотносятся с наречиями и наречными частицами ([Ibid.: 43–50]; о влиянии, в свою очередь, ливского на развитие системы приглагольных наречий-частиц в латышском см. [Wälchli 2001]). Две системы, однако, вряд ли можно считать вполне изоморфными, т. к. в латышском префиксальный глагол и конструкция «простой глагол + наречие» не употребляются в одних и тех же контекстах, в отличие от ливского, где наблюдаются параллельные примеры, ср. (52a,b).

ливский [de Sivers 1971: 45]

(52) a. *Pāva läe-b mā.*

солнце идти:PRS-3SG вниз
‘Солнце садится’.

b. *Pāva nuo-läe-b.*

солнце PRV-идти:PRS-3SG
‘тж.’

Опять-таки, как и в цыганских диалектах с заимствованными славянскими приставками, в ливском перфективирующая функция префиксов проявляется не систематически, о чём можно судить по большому числу случаев, когда (по крайней мере согласно Ф. де Сиверс, см. [de Sivers 1971: 61–63]) префиксальный и простой глаголы употребляются в одних и тех же контекстах.

Что касается вепсского и карельского, то они заимствовали лишь незначительную часть русских приставок, в первую очередь *до-*

и *nepe-* [Honti 1999a: 81, 92–93; Pugh 1999: 343], ср. *do-šöda* ‘доесть’, *do-mända* ‘дойти’, *pere-šidoda* ‘перевязать’ [Honti 1999a: 92–93]. К сожалению, имеющиеся в моём распоряжении источники дают по этому поводу лишь фрагментарную информацию и вовсе не содержат обсуждения акциональных функций префиксов.

Другой тип ситуации материального заимствования превербов — когда префиксы заимствуются языком, в котором уже имеется система глагольных превербов. Ряд таких случаев представлен в восточнороманских диалектах на территории Балкан. Романские языки сохраняют немногочисленные и ограниченно продуктивные глагольные префиксы, так что сама по себе префиксация как морфологический процесс им знакома (в отличие от первоначально чисто суффиксальных цыганского или прибалтийско-финских языков), однако они не имеют префиксальной перфективации.

Первые два случая отмечены в истрорумынском языке в Хорватии и в мегленорумынском в Греции и во многом аналогичны ситуации в ливском и цыганских (об обоих случаях см. подробную работу [Клепикова 1959]; об истрорумынском см. также [Hurren 1969]). Истрорумынский заимствовал из хорватских чакавских говоров целый ряд глагольных приставок, сформировавших в нём продуктивную систему, наложившуюся на немногочисленные и не столь продуктивные префиксы, унаследованные от протороманского состояния. При этом префиксы славянского происхождения в истрорумынском используются в том числе для образования способов действия и выражения перфективности, ср. *ćira* ‘ужинать’ ~ *poćira* ‘поужинать’ [Клепикова 1959: 38], *durmi* ‘спать’ ~ *nadurmi (se)* ‘наспаться’, *iadi* ‘сердиться’ ~ *zaiadi* ‘рассердиться’ [Ibid.: 39], *parti* ‘делить’ ~ *resparti* ‘разделить’ [Ibid.: 43] и др.²⁶ Помимо префиксов, истрорумынский заимствовал из славянских языков также и суффиксы имперфективации [Ibid.: 47ff; Hurren 1969: 66ff], чего не отмечено ни в одном из других языков, испытавших сильное воздействие со стороны славянских. Суффикс *-ve-* присоединяется к основам как славянского, так и романского происхождения, как к простым, так и к префиксальным, делая их не-терминативными, ср. простые глаголы: *a mnat* ‘прошёл’ ~ *mnaveit-a* ‘шли’ (в определённый момент времени) [Клепикова 1959: 48], *a scu-*

²⁶ Стоит отметить, что весьма значительная часть приводимых Г. П. Клепиковой примеров — случаи сочетания славянских префиксов с глагольными основами славянского же происхождения, однако приведённые примеры показывают, что префиксация распространилась и на исконно романские основы.

tat-av ‘услышал’ ~ *scutaveit-a* ‘слушал’ [Ibid.: 49]; префиксальные глаголы: *rescl'ide* ‘открыть’, *zecl'ide* ‘закрыть’ ~ *rescl'idavei* ‘открывать’, *zecl'idavei* ‘закрывать’ [Ibid.: 58–59], *durmi* ‘спать’ ~ *zedurmi* ‘заснуть’ ~ *zedurmivei* ‘засыпать’ [Ibid.: 59] и целый ряд других примеров. С неопредельными глаголами суффикс, видимо, вносит значение многократности, ср. *căntat-am* ‘я пел’ (в определённый момент времени) ~ *a... căntaveit* ‘пел’ (всегда) [Ibid.], *durmit-an* ‘мы спали’ (в определённый момент времени) ~ *durmiveit-a* ‘они спали’ (обычно) [Ibid.: 50] (см. также [Hugten 1969: 70–71] об итеративно-дуративной полисемии этого суффикса). Имперфективирующая роль суффикса *-ve-* была настолько обобщена истрорумынским, что многие простые глаголы, в том числе славянского происхождения, оказались реинтерпретированы как перфективные [Клепикова 1959: 54], ср. *pisescu* ‘они написали’ ~ *pisiveit-a* ‘они писали’ [Ibid.: 53]. Итак, фактически, истрорумынский заимствовал из славянских языков не только перфективирующую префиксацию, но и суффиксальную имперфективацию, создав на основе этих средств грамматическую категорию, функционально очень сходную со славянским видом, хотя и не тождественную ему. По-видимому, контактным влиянием славянских языков объясняется и утрата истрорумынским синтетических аориста и имперфекта²⁷, вытесненных аналитическим перфектом, превратившимся в простое прошедшее время [Ibid.: 66]. Такое развитие, не отмеченное ни в одном другом языке или диалекте изучаемого ареала, очевидно, связано с особенностями контактной ситуации: истрорумынский дольше, чем другие балканороманские, цыганские или иные идиомы, находился в славянском окружении в изоляции от других близкородственных языков и всегда имел весьма низкий социолингвистический статус, что способствовало значительной интерференции с господствующими славянскими идиомами на всех уровнях языковой структуры (ср. в этой связи сравнение языковой ситуации и степени грамматической интерференции в истрорумынском и мегленорумынском в работе [Клепикова 1959: 68–72]). Подобно истрорумынскому, мегленорумынский заимствовал из болгарского языка целый ряд приставок [Ibid.: 70–71], однако случаев заимствования имперфективирующих суффиксов (несмотря на уже отмечавшуюся их продуктивность в болгарском) в мегленорумынском не зафиксировано [Ibid.: 71].

²⁷ Согласно [Hugten 1969: 88–89], реликты имперфекта сохраняются в южных говорах.

В отличие от исторорумынского и мегленорумынского, влашский диалект румынского в Сербии заимствовал лишь славянскую приставку *do-* [Petrović Rignault 2008]. Основные значения *do-* во влашском диалекте румынского совпадают с соответствующими славянскими — ‘осуществление заключительной фазы ситуации’ (*do-rupțărăm cucuruzola* ‘мы дорвали кукурузу’ [Ibid.: 271]), ‘достижение конечной точки перемещения’ (*să do-dusără* ‘они добрались’, [Ibid.: 265]), хотя, по всей видимости, ситуация не ограничивается простым копированием функций сербской приставки. С точки зрения аспектуальности важно, что влашские глаголы с префиксом *do-* могут употребляться в актуально-длительном значении, ср. пример (53), что говорит о том, что (подобно рассмотренным выше случаям цыганского и ливского) заимствованный преверб не делает глагол терминативным (ср. также обсуждение в [Petrović Rignault 2008: 285–287]).

влашский диалект румынского [Petrović Rignault 2008: 269–270]

- (53) *Pănă vuoi do-mânca-ț, iuo mă duc pănă*
 пока вы PRV-есть:PRS-2PL я меня идти:PRS.1SG до
la ei.
 к ним
 ‘Пока вы доедаете, я пойду к ним’.

Интересно, что, согласно цитируемой работе, префикс *do-* во влашском диалекте румынского является очень продуктивным [Ibid.: 276], не сочетаясь разве что со стативными глаголами [Ibid.: 276–277].

Наконец, в литературном румынском языке имеется как минимум один глагольный префикс славянского происхождения — *răz-/răs-* [Mallinson 1986: 316], который, однако, не является продуктивным и не выражает никаких аспектуальных значений.

Другие случаи заимствования глагольных префиксов отмечены в балтийских языках и их диалектах. В восточноаукштайтских литовских говорах, в том числе на территории Латгалии, согласно работам [Paulauskas 1958: 320; Grinaveckienė 1983: 111–112; Судник 1987; Garšva et. al. 1988: 95; Garšva 2001: 79], отмечены заимствованные из славянских языков приставки *raz-* (< слав. *paz-*) и *pad-* (< слав. *pod-*), ср. *raz-si-kurdo ugnį* ‘разводит себе огонь’ в м. стандартного лит. *už-si-kuria* или *pad-neša* ‘подносит’ в м. стандартного лит. *pri-neša* ‘приносит’ [Paulauskas 1958: 320]. Более подробные данные о заимствовании славянских префиксов в литовские диалекты балто-славянского пограничья приведены в статье [Wiemer 2009: 361ff] и в диссертации [Кожанов 2015], ср. зафиксированные в дятловском (Zietela)

говоре на территории Белоруссии заимствованные превербы *na-*, *nad-*, *za-* [Wiemer 2009: 366]. Именно славянским влиянием объясняется и возникновение в этих говорах и множественной префиксации, ср. пример (54) из говоров вильнюсского края.

литовский, восточноаукштайтский диалект [Urbanavičienė 2006: 468]

- (54) *Dabar bern-ų nēr; vis-i*
 теперь парень-GEN.PL нет весь-NOM.PL.M
pa-raz-važiav-ęs.
 PRV-PRV-ехать-PST.PA
 ‘Теперь парней нет, все поразъехались’.

В литовских говорах на территории Латвии отмечается заимствование и латышских превербов, например *sa-* наряду с собственно литовским *su-*: *salauže* ‘слонал’ [Grinaveckienė 1983: 112].

Отдельного рассмотрения заслуживает балтийский преверб *da-*. Данная морфема не признаётся литературной нормой литовского и латышского языков, однако весьма широко распространена в диалектах (преимущественно восточных) и в некодифицированной речи. О происхождении этого преверба нет устоявшейся точки зрения, см. обзор в [Wiemer 2009: 364–365; Кожанов 2012, 2013, Kozhanov 2014]. Ряд исследователей, например, В. Мажюлис [Мажюлис 1958], полагают, что приставка *da-* и соответствующий предлог *do* заимствованы в балтийские языки из славянских, и именно такая точка зрения служит основанием нормативных запретов на её использование (ср. в этой связи [Завьялова 2013: 257–258]). Против этого объяснения, однако, выступил А. Брейдак, который привёл в своей работе [Брейдак 1972] аргументы в пользу исконно балтийского происхождения данных морфем. Несмотря на то, что собственно вопрос этимологии приставки *da-* в балтийских языках не может быть разрешён однозначно, «нельзя отрицать того факта, что восточнолатышский предлог *da* и приставка *da-* семантически в какой-то мере уподобились славянскому предлогу *do* и приставке *do-*, а литовская приставка *da-* полностью уподобилась славянской приставке *do-*» [Брейдак 1972: 141]. Хотя данное утверждение А. Брейдака, видимо, всё же слишком категорично (см. недавние работы [Кожанов 2012; Kozhanov 2014] о функциях приставки *da-* в литовском разговорном языке и в диалектах), роль интерференции славянских языков в данном случае не могла не быть значительной. Основные значения префикса *da-* совпадают с аналогичными значениями его русского аналога — ‘достижение конечной точки ситуации’ и ‘добавление’, ср. литовские (55) и латышские (56)

примеры, — а модель полисемии лит. *da-*, согласно работе [Kozhanov 2014], в наибольшей степени схожа с таковой соответствующей польской приставки.

литовский

(55) a. *Kolumb-as su keli-om geld-om*
 Колумб-NOM.SG с несколько-INS.PL.F корыто-INS.PL
iki Amerik-os da-plauk-ė...
 до Америка-GEN.SG PRV-ПЛЫТЬ-PST.3
 ‘Колумб на нескольких корытах до Америки доплыл...’²⁸

b. *Kad j-am vien-am ne-bū-tų liūdna,*
 что 3-DAT.SG.M один-DAT.SG.M NEG-БЫТЬ-SBJ.3 грустно
žmog-us da-pirk-o dar vien-a
 человек-NOM.SG PRV-КУПИТЬ-PST.3 ещё один-ACC.SG
papugėl-i.
 попугайчик-ACC.SG
 ‘Чтобы ему не было одному грустно, человек докупил ещё одного попугайчика’²⁹.

латышский

(56) a. *Un viņ-š da-gāj-a pie t-ā*
 и 3-NOM.SG.M PRV-ИДТИ-PST-PST.3 к ТОТ-GEN.SG.M
ķēniņ-a.
 король-GEN.SG

‘И он пришёл к тому королю’ (Латышская сказка из собрания А. Биленштейна³⁰).

b. *da-ber vėl drusku klāt.*
 PRV-СЫПАТЬ(IMP.2SG) ещё немного ADV
 ‘Присыпь ещё немного’ [Эндзелин 1906/1971: 561].

Наконец, весьма показательно, что заимствование префиксов в изучаемом ареале наблюдается и в именном словообразовании, например, в суперлативных формах прилагательных, ср. венгерское диалектное *něj-szebb*, *naj-szēbb* ‘самый красивый’ (< слвц. или хорв. *naj-*) [Honti 1999a: 81; Simonyi 1907: 75–76], лит. диал. *nái-greičiau* ‘быстрее всего’ (ср. пол. *naj-szybciej* ‘тж.’) [Wiemer 2009: 353], арумунское

²⁸ http://forum.lrytas.lt/topic_show.pl?pid=1540227;hl=

²⁹ [http://www.biteplius.lt/lt/2content.diary_view_other/2094207.328730-=\(399940142](http://www.biteplius.lt/lt/2content.diary_view_other/2094207.328730-=(399940142)

³⁰ P. Šmits. *Latviešu pasakas un teikas*. XV sējumi (1925–1937). URL: <http://valoda.ailab.lv/folklor/pasakas/gr06/0600302.htm>

nai-bun ‘лучше всего’ [Golab 1984: 122], лотфитка *vis-bāredir* ‘самый большой’ (~ лтш. *vislielāks*) [Мануш-Белугин 1973: 129].

Сколько-нибудь надёжных данных о заимствовании превербов в языках кавказского ареала нет; в работе [Hewitt 2004: 297] упоминаются превербы, заимствованные в мегрельский из грузинского, однако из изложения остаётся неясным, ограничено ли их употребление лишь собственно заимствованными основами, или распространилось и на глаголы мегрельского происхождения.

Резюмируя рассмотрение глобального копирования превербов в условиях языковых контактов, отмечу общую закономерность, выделенную в работе [Schrammel 2002: 75] и подтверждаемую самыми разнообразными данными: превербы с очевидным для двуязычных носителей значением заимствуются легче, чем превербы с размытым значением или сильно десемантизированные³¹. Так, русская приставка *no-* практически не заимствуется в контактные языки из-за абстрактности её значения, которое с трудом осознаётся владеющими русским как вторым языком [Pugh 1999: 342]. Эта тенденция, в свою очередь, является частным случаем более общей закономерности, в соответствии с которой легче заимствуются единицы, обладающие большей степенью формальной автономности и семантической прозрачности (см., например, обсуждение в [Winford 2003: 91–92]).

7.2.2. ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ КОПИРОВАНИЕ («КАЛЬКИРОВАНИЕ»)

Перейдём теперь к рассмотрению случаев избирательного копирования систем превербов. Здесь имеет смысл различать два подкласса: во-первых, ситуации, когда копирование проявляется лишь на уровне семантики и функционирования превербов, уже имеющих в языке-реципиенте, и, во-вторых, ситуации, когда под воздействием языка-донора меняются и морфосинтаксические свойства соответствующих единиц языка-реципиента. Наконец, к случаям избирательного копирования следует относить возникновение или распространение в языке-реципиенте моделей употребления приглагольных наречий или частиц, сходное с немецкими отделяемыми превербами.

Яркий случай первого рода представлен в идише, где в результате длительных контактов со славянскими языками превербы германского происхождения приобрели семантику, характерную для славянских

³¹ “Prefixes with stable, clear semantic contents are more likely to be borrowed than prefixes with vague or little semantic contents” [Schrammel 2002: 75].

приставок (см., например, [Wexler 1964, 1972; Talmy 1982; Weissberg 1991]³²). Семантическое калькирование касается как употребления приставок в функции телесизаторов, ср. *on-shraybn* ‘написать’, *oyfesn* ‘съесть’ [Talmy 1982: 237], *far-blijen* ‘зацвести’ vs. нем. *ver-blühen* ‘отцвести’ [Wexler 1972: 99], так и их словообразовательных употреблений (способов действия) и проявляется в первую очередь в копировании моделей полисемии, ср. *iber-shraybn* ‘переписать’, *iber-ton zikh* ‘переодеться’, *iber-vinken zikh* ‘перемигиваться’ [Talmy 1982: 243], ср. об этом превербе также [Weissberg 1991: 186–190], *far-boyen* ‘застроить’, *far-tanzn zex* ‘затанцеваться’, *far-šraybn* ‘записать’ [Wexler 1972: 99–100]. Важно, что, как отмечает П. Векслер [Wexler 1964: 90], подобные случаи калькирования славянских моделей представлены лишь в говорах идиша, распространённых на славянской территории.

Довольно значителен параллелизм между системами значений отдельных балтийских и славянских глагольных префиксов (удивительно, но данный вопрос, насколько мне известно, до самого последнего времени не становился объектом самостоятельных исследований; см. в первую очередь [Кожанов 2015]). Так, многие словообразовательные значения литовского преверба *už-*, этимологически являющегося когнатом славянскому **vъz-*, фактически копируют значения русской приставки *за-*, что, скорее всего, обусловлено сходством пространственных значений этих приставок и соответствующих им предлогов. Ср. такие примеры, как *už-aštrinti* ‘заострить’, *už-berti* ‘засыпать’, *už-migti* ‘заснуть’, *už-daryti* ‘закрыть’ (букв. «заделать») и др. В современном разговорном литовском отмечаются русские кальки, обусловленные сходством не только значения, но и в первую очередь формы превербов, ср. *at-reaguoti* ‘отреагировать’ вместо стандартного лит. *su-reaguoti*, *at-redaguoti* ‘отредактировать’ вместо стандартного лит. *su-redaguoti*, *pra-balsuoti* ‘проголосовать’ вместо стандартного лит. *su-balsuoti* [Завьялова 2013: 257].

Представляется вероятным, что развитие у литовского префикса *pa-* продуктивного делимитативного значения также обусловлено славянским влиянием. В пользу этого говорит и то, что в древнейших литовских текстах делимитативные употребления *pa-* практиче-

³² Утверждение в позднейших работах П. Векслера [Wexler 1991: 83–84] о том, что функциональные совпадения между глагольными префиксами в идише и в славянских языках следует объяснять не славянским влиянием на идиш, а славянским происхождением идиша с последующей заменой морфологического и лексического материала на германский, представляется невероятным с самых разных точек зрения и отвергается большинством исследователей.

ски не зафиксированы, и то, что префикс *pa-* в литовском сохраняет своё пространственное значение, утрата которого, по мнению С. Дики [Dickey 2007, 2008], была одним из условий развития этой морфемой чисто грамматического делимитативного значения. Из старолитовских текстов второй половины XVI в. мною были просмотрены [DK 1595, DP 1599, WP 1573, BG 1589]; отмечены лишь единичные случаи *pa-* в делимитативном значении, ср. [DP 620, 21–22]: *kiek' walandų norėtu... ant' maldós pabūt'* 'сколько часов хотел бы... пробыть на молитве'; более часто встречаются делимитативно-аттенуативные глаголы с «циркумфиксом» *pa-...-ė-*, ср. [DP 148, 37] *palukėkite... su manimi* 'подождите... со мною'; [DP 555, 20] *palūkek' ne daugėli* 'подожди немного'. Показательно, что употребления глагола *pavaikščioti* в «Постилле» М. Даукши [DP 1599], основное значение которого в современном литовском делимитативное ('погулять, походить'), демонстрируют скорее пространственное значение: *kas nūg Diėwo ir išg Diėwo pawaikščioie* 'что от Бога и из Бога исходит' [DP 232,34] (как мне указывает Б. Вимер, возможно, данный пример имеет своим образцом пол. *pochodzić od* 'происходить от, восходить', в котором, по моему мнению, также присутствует идея движения от ориентира). Во многом аналогичная ситуация представлена и в текстах XVII в. [SG 1646, KN SE 1653, KING 1666, JE 1679, KR 1681], в том числе переведённых с польского языка, и во «Временах года» К. Донелайтиса [DM 1765–1775]. Насколько можно судить из доступных мне материалов, делимитативные употребления *pa-* становятся более продуктивными в оригинальных литовских текстах лишь во второй половине XIX в., ср., например, отражающий особенности народного языка роман [VJ 1869]. С другой стороны, трактовать старолитовский префикс *pa-* как чисто лексический модификатор, разумеется, невозможно, поскольку он практически столь же часто, как и современном языке, употреблялся в качестве «чистого» перфективатора, ср. [Keudana 1998].

В литовских говорах на территории Латвии отмечен сдвиг употреблений провербов в сторону латышского [Jonaitytė 1967: 175], ср. *nuduoti* 'отдать' ~ лтш. *nodot* vs. станд. лит. *atiduoti, nulaukti* 'прождать' ~ лтш. *nogaidīt* 'прождать' vs. станд. лит. *pralaukti* 'прождать'.

Некоторые данные о калькировании немецких или славянских провербов венгерскими приводятся в [Kiefer 1997: 335; Földes 2009: 106], ср. венг. *betart* 'соблюдать; сдержать' ~ нем. *einhalten* 'тж.' наряду с венг. *megtart* 'тж.', венг. *lebüntet* 'наказать' ~ нем. *aburteilen* 'наказать, приговорить' наряду с венг. *megbüntet* 'тж.', где венгерские

пространственные превербы *be-* ‘внутри’ и *le-* ‘вниз, прочь’ приобрели переносные значения по модели соответствующих немецких приставок [Földes 2009: 106].

Копирование семантики превербов отмечено и в славянских языках, в первую очередь в тех, что испытали сильное влияние немецкого — лужицких, чешского, словенского³³ и ряда славянских микроязыков (отмечаются, разумеется, и взаимовлияния разных славянских языков и в первую очередь диалектов, ср. белорусское влияние на употребление приставок в пограничных польских диалектах [Ананьева 1995: 128–131]). Влиянию немецкого на семантику глагольных приставок в верхнелужицком посвящён целый ряд исследований, см., в частности, [Wexler 1972; Toops 1992a, 1992b]. Так, верхнелужицкая приставка *wob-* во многих случаях является эквивалентом немецкому неотделяемому превербу *be-*, в том числе в транзитивирующем значении, ср. *wobsedźeć* ‘обладать’ (~ нем. *besitzen*), *wobdźiwać* ‘восхищаться’ (~ нем. *bewundern*) [Toops 1992a: 25]; аналогичные соответствия можно установить между влуж. *před-* и нем. *vor-*, ср. *předležeć* ‘иметься, быть налицо’ (~ нем. *vorliegen*), между влуж. *pře-* и нем. *über-*, ср. *přewidžeć* ‘просмотреть, пропустить’ (~ нем. *übersehen*) [Ibid.: 26].

В чешском языке, согласно работе [Dickey 2011: 205–222], приставка *po-* во многих случаях отождествляется с нем. *be-*, ср., с одной стороны, эквивалентность исконно-славянских и немецких употреблений, ср. дрчеш. *pokropiti* ‘окропить’ и свн. *besprengen* [Ibid.: 208], и, с другой стороны, калькированные с немецкого употребления, ср. *potafłowati* ‘обделявать панелями’ (~ нем. *betäfel*), *popsat* ‘описать’ (~ нем. *beschreiben*) [Ibid.: 209], *pokřižovat se* ‘перекреститься’ (~ нем. *sich bekreuzigen*) [Ibid.: 212]. В той же работе отмечаются вероятные случаи калькирования нем. *be-* приставкой *po-* и в других славянских языках западной зоны, ср. слвн. *poslužiti se*, пол. *posłużyć się* ‘воспользоваться’ (~ нем. *sich bedienen*). Приставка *po-* в западнославянских языках копировала не только нем. *be-*, но и нем. *ver-*, особенно в отыменных глаголах [Ibid.: 214–216], ср. чеш. *poněmčit* ‘онемечить’ (~ нем. *verdeutschen*), *porovnat* ‘сравнить’ (~ нем. *vergleichen*). По мнению С. Дики, сближение приставки *po-* в западнославянских языках с немецкими превербами послужило важным фактором в сохранении этим префиксом конкретного пространственного значения (‘контакт с поверхностью’) и в связанном с этим отсутствием у него продуктивного делимитативного значения,

³³ О контактах словенского с немецким, в частности о возможных случаях калькирования глагольных приставок, см. монографию [Reindl 2008: 83–85].

активнее развившегося в других славянских языках, которые не испытали столь значительного воздействия немецкого языка. Контактному влиянию немецкого С. Дики приписывает и сохранение чешским языком древних употреблений НСВ в контекстах последовательности событий, вытесненных в восточной зоне делимитативными глаголами [Dickey 2011: 214–216].

Более ярким результатом немецкого влияния стало возникновение в активно контактировавших с ним славянских языках модели образования сложных глаголов с помощью наречий или частиц, в ряде случаев фактически превратившихся в отделяемые превербы, см. в первую очередь монографию [Bayer 2006: 171–245] и более детальное историческое исследование этой модели в верхнелужицком в диссертации [Brankaškes 2010] и работы [Giger 1998; Brijnen 2000; Дуличенко 2005; Ермакова 2008: 190–191; Вимер 2013]. Такие образования, аналоги которых в других славянских языках носят маргинальный характер, особенно характерны для лужицких языков, ср. влуж. *dalečinc* ‘продолжать делать’ (~ нем. *weitermachen*), *wonhlada* ‘выглядит’ (~ нем. *aussieht*), *prejčeleceli* ‘улетели’ (~ нем. *wegflogen*) и т. п. [Scholze 2007: 308–309], и для так называемых славянских микроязыков. Так, в градищанско-хорватском (Burgenlandkroatisch) языке в Австрийском Бургенланде и в словенских диалектах Каринтии отмечаются многочисленные случаи употребления наречий и частиц (как пространственных, так и непространственных) в качестве эквивалентов немецких отделяемых превербов, ср. табл. 16.

Табл. 16. *Немецкие превербы и их эквиваленты в славянских микроязыках* (по [Bayer 2006: 180])

немецкий преверб	градищанско-хорватский	каринтско-словенский	значение
<i>vorbei</i>	<i>mimo</i>	<i>mimo</i>	‘мимо’
<i>dabei</i>	<i>pole(g)</i>	<i>zreven</i>	‘возле’
<i>aus, hinaus</i>	<i>van</i>	<i>ven</i>	‘из’
<i>hinein, ein</i>	<i>u(nutra)</i>	<i>noter</i>	‘внутри’
<i>zusammen</i>	<i>skupa</i>	<i>vkup</i>	‘вместе’
<i>mit</i>	<i>sobom</i>	<i>seboj</i>	‘с собой’

В качестве примеров можно привести такие сложные глаголы, как грхр. *van dojti* ‘выйти, получиться’ (~ нем. *herauskommen*) [Ibid.: 185], кслв. *noter priti* ‘войти’ (~ нем. *hineinkommen*) [Ibid.: 187], грхр. *doli visiti* ‘свисать’ (~ нем. *herunterhängen*) и др. Следует также иметь

в виду, что возможным источником влияния для градищанско-хорватского мог быть не только немецкий, но и венгерский язык [Дуличенко 2005: 19–20].

Наряду с калькированием встречается и прямое заимствование прилагательных наречий / частиц из немецкого, особенно характерное для нижнелужицкого и градищанско-хорватского [Bayer 2006: 181]. Так, немецким превербам со значением отделения / удаления *weg-* и *fort-* в градищанско-хорватском соответствует как калькированное славянское *kraj*, ср. грхр. *kraj uzeti* ‘забрать’ (~ нем. *wegnehmen*), так и прямое заимствование *fort*, ср. грхр. *fort dati se* ‘удалиться’ (~ нем. *sich fortbegeben*) [Ibid.: 199]; из немецкого заимствованы в градищанско-хорватский такие единицы, как *cuj/dacuj* (< нем. *zu/dazu*), ср. грхр. *cuj/dacuj uzeti* ‘взять вдобавок’ (~ нем. *dazunehmen*) [Ibid.: 205], *noh(i)* (< нем. *nach*), ср. грхр. *nohi sabirati* ‘собирать после жатвы’ (~ нем. *nachlesen*) [Ibid.: 210], и аналогичные заимствования отмечаются и в каринтском словенском [Ibid.: 206, 210].

По своему морфосинтаксическому поведению (в первую очередь с точки зрения порядка слов и позиции относительно глагола) такие наречия и частицы далеко не всегда прямо копируют немецкие образцы, и в разных славянских языках ведут себя по-разному (подробнее см. [Bayer 2006: 216–232]). Так, в верхнелужицком и градищанско-хорватском, как и в немецком, противопоставлены контексты главного предложения, где преобладает дистантная постпозиция наречия финитному глаголу, ср. (57a), и придаточного предложения и аналитических форм, где, напротив, преобладает контактная препозиция, ср. (57b), (57c), что позволяет рассматривать соответствующие единицы в качестве отделяемых превербов.

верхнелужицкий

(57) a. *da počahnu ja sobu*
 ‘тогда я поеду вместе’ (~ нем. *da ziehe ich mit* [Bayer 2006: 217])

b. *zo krej po nohach dele běži*
 ‘что кровь стекает по ногам’ (~ нем. *daß das Blut die Beine herunterläuft*, [Ibid.])

c. *a pón bóch je nutř pušćiwa*
 ‘а потом я её пустила внутрь’ (~ нем. *und dann habe ich sie hineingelassen*, [Ibid.: 218])

В верхнелужицком отмечается также тенденция к исключительно контактному употреблению наречий в случае сильной лексикализо-

ванности сложного глагола [Ibid.: 219], т. е. наречия в таких случаях ведут себя как неотделяемые превербы, ср. влуж. *nutř widžu* ‘сознаю’ (~ нем. *einsehen*).

В нижнелужицком, в отличие от верхнелужицкого, постпозитивное употребление калькированных наречий весьма частотно во всех контекстах [Bayer 2006: 220–223], ср. употребление с аналитической формой в примере (58).

нижнелужицкий [Bayer 2006: 221]

(58) *a jaden blysk za drugim jo pšišel dołoj.*

‘Молнии ударили одна за другой’.

Несмотря на это, в нижнелужицком соотношение между постпозитивным (потенциально дистантным) и препозитивным (контактным) употреблением наречий примерно равно 50 % [Ibid.: 223] во всех контекстах, кроме синтетических форм в главном предложении. Напротив, в каринтском словенском во всех контекстах резко преобладает контактная препозиция [Ibid.: 227–229], ср. примеры (59a–b).

каринтский словенский [Bayer 2006: 227]

(59) a. *pe ze seboe dur dow zeprem*

‘и запру за собою дверь’ (~ нем. *absperren*)

b. *da jem dur hor upreš*

‘что ты отопрёшь ему дверь’ (~ нем. *aufsperrern*)

Тем не менее, даже здесь именно контексты синтетических глагольных форм в главном предложении в наибольшей степени способствуют постпозиции наречия, хотя в каринтском словенском эта тенденция проявляется слабее, чем в других языках, контактирующих с немецким [Ibid.: 230]. Не исключено, что эта тенденция в каринтском словенском коррелирует с преимущественно безударным характером приглагольных наречий [Ibid.: 232], демонстрирующих, тем самым, определённую степень морфологизации.

Заимствование славянскими языками из немецкого (и / или венгерского) языка модели отделяемых превербов или приглагольных наречий (или, точнее, превращение латентно существовавшей модели в продуктивную и частотную, ср. замечание в [Toops 2001c: 100]) приводит к определённому нарушению собственно славянской системы глагольных приставок. Новые единицы, обладающие большей морфосинтаксической автономностью и более прозрачным значением, могут вытеснять сильнее морфологизованные и идиоматизированные

приставки славянского происхождения [Bayer 2006: 235–236]. Вытеснение старых префиксов новыми наречиями может проявляться как в утрате морфемы, ср. грхр. *doli pustiti* ‘спустить’ [Ibid.: 236], так и в семантическом выветривании, ср. влуж. *fort donjasć* ‘унести прочь’ [Bayer 2006: 236], где префикс *do-* уже не имеет своего обычного значения достижения цели движения.

Кроме того, возникновение новой модели имеет последствия и для аспектуальной системы, поскольку прилагательные наречия не встраиваются автоматически в систему префиксальной перфективации. Наиболее подробно это явление изучено для верхнелужицкого, см. уже упоминавшиеся работы Г. Тупса (в первую очередь [Toops 2001c]) и обсуждение в § 5.2 употребления прилагательных наречий в качестве аналитических средств имперфективации и связанного с этим сужения функций исконно-славянских суффиксов вторичной имперфективации. Аналогичное явление наблюдается и в градищанско-хорватском и каринтском словенском, где, согласно [Bayer 2006: 237], вместо вторичных имперфективов используются сочетания простого глагола с наречием: грхр. *van kopati* ‘выкапывать’ vs. (*van*) *iskopati* ‘выкопать’ при отсутствии **iskapovati*.

Таким образом, в славянских языках контактное влияние типологически отличного от них немецкого скорее приводит к нарушению и перестройке исконной системы приставочной перфективации, как в верхнелужицком и других славянских идиомах, пребывающих в интенсивном контакте с немецким, либо по крайней мере к замедлению грамматикализации видовых категорий и более длительному сохранению архаичных черт, как в чешском.

Продуктивная в латышском и отчасти в северных диалектах литовского (см. [Girdenis, Kačiuškienė 1986; Mikulskas 2003; Вимер 2013]) аналогичная модель употребления прилагательных наречий, о роли которой в функционировании латышской аспектуальной системы шла речь в § 5.2, также объясняется контактным влиянием, в данном случае прибалтийско-финских языков, в первую очередь ливского субстрата (см. [Эндзелин 1906/1971: 653–654; Wälchli 2001]); нельзя, впрочем, исключать и определённого германского влияния, см. [Toops 2001c: 104–105], которое, однако, согласно [Wälchli 2001: 433], скорее было более ранним и общим для латышского, ливского и эстонского (о влиянии немецкого на эстонские сложные глаголы см. [Hasselblatt 1990, 1999, 2000: 136–138]). В работе [Wälchli 2001] приводятся многочисленные примеры семантических схождений между ливскими и латышскими прилагательными наречиями и демонстрируются

во многом параллельные пути их развития. Важным выводом данной статьи является тезис об ареальном континууме в функциональном соотношении между провербами и глагольными частицами [Wälchli 2001: 410], простирающемся от стандартного литовского (и, можно добавить, северных славянских языков), где использование наречий никак не связано с аспектом и в целом композиционно, а роль основных перфективаторов выполняют провербы, до эстонского, где провербы вовсе отсутствуют, а приглагольные наречия выступают в функции перфективаторов. Промежуточные области континуума занимают, с одной стороны, ливский, где наряду с более старыми глагольными наречиями в функции перфективаторов используются заимствованные из латышского провербы, и латышский с обратным соотношением исконных провербов и возникших в результате избирательного и даже глобального копирования приглагольных наречий, и, с другой стороны, северные диалекты литовского, где наречия используются в контекстах, более широких, чем в стандартном литовском и южных диалектах (ср. *ark laukan* ‘распахай’, букв. «паши наружу», *kirpk šalin* ‘отстриги’, букв. «стриги в сторону» [Mikulskas 2003: 84]), но менее продуктивны, чем в латышском.

Развитие наречной модели образования сложных глаголов наблюдается и в цыганских диалектах на территории Австрии и Германии [Iglá 1992; Schrammel 2002], а также Латвии [Мануш-Белугин 1973: 128], причём в австрийском диалекте синти калькирование затрагивает и порядок слов, ср. примеры (60a–b).

австрийский синти [Schrammel 2002: 52]

(60) a. *Aufamol* *dšias* *o* *vuda* *pre*.
внезапно идти:PST.3SG DEF дверь вверх
‘Вдруг открылась дверь’ (~ нем. *Auf einmal ging die Tür auf*).

b. *Je* *kota* *hi* *teli* *phagado*.
INDF кусок AUX вниз сломаться:PP
‘Кусок отвалился’ (~ нем. *Ein Stück ist abgebrochen*).

В качестве приглагольных наречий по немецкому образцу используются такие цыганские единицы, как *teli* ‘вниз’ (~ нем. *ab-*), *pre* ‘вверх’ (~ нем. *auf-*), *vri* ‘наружу’ (~ нем. *aus-*), *trujuŋ* ‘вокруг’ (~ нем. *um-*), ср. в том числе калькированные идиоматические сочетания глаголов с наречиями: *hanel trujuŋ* ‘убить’ (~ нем. *umbringen*) [Schrammel 2002: 53]. Напротив, немецкие дейктические провербы, которым в цыганском нет соответствий, заимствуются, ср. синти *me džau hin* ‘я иду туда’ (нем. *ich gehe hin*), см. [Matras, Sakel 2007: 846–847].

В диалекте латышских цыган, как уже было отмечено выше, наряду с заимствованными провербами употребляются приглагольные наречия цыганского происхождения, функционирующие, насколько можно судить, по латышской модели, ср. лотф. *iedžal* ‘войти’ vs. *džal andre* ‘входить, идти внутрь’ ~ лтш. *ieiet* vs. *iet iekšā*, лотф. *otkerel* ‘открыть’ vs. *kerel pšīro* ‘отпирать’ ~ лтш. *attaisīt* vs. *taisīt vaļā* [Мануш-Белугин 1973: 128].

Приглагольные наречия представлены и в финском языке [Kiefer, Honti 2003: 144; Kolehmainen 2005: 162–213], где многие сложные глаголы являются кальками с немецких или шведских образцов [Kolehmainen 2005: 201–205], ср. *kirjata ylös* ‘записать’ (букв. «писать вверх») ~ швед. *skriva upp*) [Ibid.: 203], *ajaa sisään* ‘обкатать (новый автомобиль)’ (букв. «ездить внутрь»), ~ швед. *köra in*) [Ibid.: 205]. В финском, в отличие от эстонского (ср. выше § 7.1.3), приглагольные наречия не влияют на аспектуальные характеристики предиката.

Калькирование собственно модели префиксации как морфологического процесса (в отличие от синтаксически более свободной модели «глагол + наречие / частица») встречается гораздо реже. Так, в заимствовавшем латышские провербы ливском встречаются лишь спорадические случаи префиксального использования собственно ливских единиц, ср. *i'lz-nūzōn* ‘вставши’, букв. «вверх-поднявшись» [Wälchli 2001: 418]. Единичные случаи отмечены и в цыганских диалектах, ср. употребление предлога *pale* ‘назад, через’ в качестве глагольного префикса в одном из говоров литовского диалекта цыганского, ср. *pale-gijom* ‘я перешёл’, *pale-de* ‘передай’ [Кожанов 2011: 312–314]. По-видимому, если в языке-реципиенте изначально не было неотделимых от глагольной основы провербов как морфологического средства, их оказывается «легче» заимствовать целиком из языка-донора, чем создать из собственных ресурсов (наречий или предлогов / послелогов); напротив, калькирование морфосинтаксически более свободных единиц (наречий и частиц) происходит существенно легче, что объясняет примерно равное соотношение калькированных и заимствованных приглагольных наречий в цыганских диалектах и преобладание калькированных приглагольных наречий в славянских микроязыках.

Возможным исключением из указанной закономерности является финский язык, в котором, наряду с уже упомянутыми сочетаниями глагола с наречными частицами, имеется довольно большое число префиксальных глаголов, употребляющихся преимущественно в формальных регистрах языка (см. [Honti 1999a: 93; Kiefer, Honti 2003: 144]

и в первую очередь [Kolehmainen 2005: 111–162]), ср. *edesauttaa* ‘содействовать’ (букв. «вперёд-помогать»), *etusijaistaa* ‘предпочитать’ (букв. «вперёд-ставить»), *oikolukea* ‘вычитывать (корректуру)’ (букв. «правильно-читать») и т. п. [Kolehmainen 2005: 115]. Финские префиксы по большей части восходят к именным формам и нередко имеют аналоги среди автономных словоформ [Kolehmainen 2005: 125–129], однако их употребление непродуктивно [Ibid.: 137–139] и служит исключительно модификации лексического значения глагола, но не его акциональных свойств [Kiefer, Honti 2003: 144]. Немаловажную роль в формировании механизма глагольной префиксации в финском сыграло влияние германских языков (шведского и немецкого) [Nakulinen 1961: 309; Kolehmainen 2005: 162], что косвенно подтверждается постепенным падением продуктивности глагольной префиксации на протяжении письменной истории финского языка [Kolehmainen 2005: 146]. Однако говорить о заимствовании модели префиксации из германских языков в финский, по-видимому, нужно с осторожностью, поскольку, по мнению Л. Колехмайнен, префиксальные глаголы могли возникнуть и как результат внутриязыкового морфологического развития, см. подробнее [Ibid.: 157–162].

Наряду с заимствованием или калькированием собственно превербов или аналогичных им единиц для нашего обсуждения важно рассмотреть случаи контактных влияний в других аспектуально релевантных областях. Один из таких случаев уже был отмечен выше — постулируемое С. Дики [Dickey 2011] влияние немецкого языка на сохранение в западнославянских языках (в первую очередь в чешском) употреблений НСВ при обозначении последовательных ситуаций. Другой случай связан с контактными влияниями в области вторичной имперфективации (помимо уже описанных выше заимствования славянского имперфективирующего суффикса в истрорумынский и новых «аналитических» моделей имперфективации в славянских языках в контакте с немецким). Выше уже шла речь о том, что в ряде языков, в которых система превербов испытала сильное славянское воздействие, например, в идише, не возникло, тем не менее, средств вторичной имперфективации, поскольку их глагольные системы изначально не обладали никакими аналогами славянского суффикса *-(y)va-*.

Единственный случай среди неславянских языков (за исключением осетинского и мегрельского, находящихся в другой географической зоне; о них см. ниже), когда такой аналог имеется, — литовский язык, где представлен уже рассматривавшийся подробно в § 5.2 итеративный

суффикс *-(d)inè-*. Круг употреблений этого суффикса испытал сильное воздействие со стороны славянских языков, и в особенности это касается его использования с префиксальными глаголами в качестве средства сначала внешней, а затем и внутренней имперфективации (ср. [Ostrowski 2006: 74ff]). Такая точка зрения подтверждается сразу целым рядом данных. Во-первых, известно, что наибольшей продуктивности суффикс *-(d)inè-* и в особенности его употребление с приставочными глаголами достигает в литовских островных говорах в Белоруссии, испытывающих самое сильное контактное воздействие со стороны славянских языков, см. [Vidugiris 1961; Kardelis, Wiemer 2002, 2003; Вимер 2007: 39–42; Wiemer 2009]. Во-вторых, старолитовские переводные памятники демонстрируют, как кажется, не случайную зависимость частотности употреблений производных с суффиксом *-(d)inè-* от языка оригинала: так, в переведённых с немецкого кратких текстах Й. Бретке ([BG 1589, ВКа 1589 и ВКо 1589]; к сожалению, его основные произведения — перевод Библии и «Постилла» — остались мне недоступны) встретился лишь один случай употребления глагола с данным суффиксом, причём исходная основа содержит лексикализированный преверб:

старолитовский

- (61) *ir užu per.sek-dine-ie-nczi-us mus mels-ti-si*
 и за преследовать-ITER-PRS-PA-ACC.PL.M нас молить-INF-RFL
 ‘и молиться за преследующих нас’ [ВКо 14, 6-7]

Показательно в этой связи сравнение переведённой с польского «Постиллы» М. Даукши [DP 1599] и переведённой с немецкого анонимной «Постиллы» из вольфенбюттельского собрания [WP 1573] (просмотрены глаголы с префиксом *ap-*). Если в первой встречается довольно значительное число приставочных глаголов с суффиксом *-(d)inè-*, например, *apipjaustinèti* ‘совершать обрезание’, *apkalbinèti* ‘клеветать’, *aprašinèti* ‘описывать’ и др., то во второй используются исключительно глаголы без суффикса³⁴. Гипотеза о влиянии славянского оригинала на употребление суффиксальных глаголов в «Постилле» М. Даукши высказывалась ещё в монографии [Ostrowski 2006: 75]; там же [Ibid.: 75–82] приводятся и довольно многочисленные примеры, причём в функции как внешней, так и внутренней имперфективации.

³⁴ Важно однако подчеркнуть, что указанные два текста не могут рассматриваться как параллельные и во многом не совпадают по своему лексическому составу.

Другой случай нетривиального контактного воздействия на аспектуальную систему, не затрагивающий употребления превербов, представлен в молиско-славянском микроязыке на территории Италии, восходящем к штокавским диалектам Герцеговины, см. [Брой 2006]. Во-первых, в отличие от прочих сербохорватских диалектов, из двух общеславянских флективных форм прошедшего времени утративших имперфект (особенно в СВ) и сохранивших аорист, молиско-славянский, напротив, сохранил имперфект и устранил аорист — в соответствии с романской моделью, где в первую очередь из системы синтетических видовременных форм выпадает аорист (итал. *passato remoto*, франц. *passé simple*), вытесняемый аналитическим перфектом (см. об этом в частности [Abraham 1999]; аналогичная ситуация отмечается и для словенских диалектов Фриули [Бенаккьо 2002: 278–282]). Во-вторых, контактное влияние итальянского проявилось в возникновении (или консервации) в молиско-славянском нехарактерного для основных современных славянских языков класса инцептивно-стативных глаголов, способных безо всякой деривации выражать как состояние (‘понимать’), так и вхождение в это состояние (‘понять’) (об инцептивно-стативном типе предикатов см. в первую очередь [Breu 1994; Tatevosov 2002: 382–384; Tatevosov 2005: 130–131]). В молиско-славянском для выражения данных значений при таких глаголах, как ‘знать’ или ‘иметь’, используется не деривационный вид, а — как и в итальянском — противопоставление глагольных форм перфекта (инцептивное значение) и имперфекта (стативное значение) от глагола НСВ, ср. мсл. *ja sa znaja* ‘я узнал’ (~ итал. *ho saputo*) vs. *znadahu* ‘я знал’ (~ итал. *sapevo*) [Брой 2006: 81–82]. Более того, перфект НСВ может в принципе выражать оба акциональных значения (что возможно, например, в литовском, см. [Аркадьев 2012: 51–52, 57–58, 64, 66], или — маргинально — в старославянском [Бородич 1954: 78] и в книжных памятниках древнерусского [Силина 1995: 420–424], но невозможно в современных славянских языках, за исключением дву-видовых глаголов), ср. (62).

молиско-славянский [Брой 2006: 82]

(62) а. *Su jimal nu krijaturu.*

‘У них родился ребёнок’ (букв. «Они (за)имели ребёнка»).

б. *Su jimal nu maginu pet gošti.*

‘У них пять лет была машина’ (букв. «Они имели машину 5 лет»).

Ещё один случай контактного влияния на функционирование аспектуальных категорий, не связанный непосредственно с превербами,

касается употребления глаголов в фазовых конструкциях. Согласно работе [Непокупный 1964: 39–53], в русских говорах на территории Литвы отмечается, во-первых, более частотное, чем в стандартном языке, использование фазовых конструкций с глаголами завершения (*кончить* и под.) и, во-вторых, употребление в них инфинитива глаголов СВ, что очевидным образом связано с литовским влиянием. Ср. *кончаю забыть стихи* (этот пример, по-видимому, демонстрирует характерное для литовского употребление «финитивного» глагола в проксимативном значении ‘вот-вот забуду’, о котором см. [Holvoet 2014]), *я уже кончаю выпить* [Непокупный 1964: 48] и др. Интересно, что А. П. Непокупный [Ibid.: 50–51] считает это явление не непосредственным результатом калькирования литовской модели, а вторичным следствием снижения под литовским влиянием продуктивности вторичных имперфективов типа *забывать* и *выпивать* и фактическим превращением приставочных глаголов в двувидовые. Аргументация А. П. Непокупного, однако, в данном случае представляется скорее умозрительной.

7.2.3. Выводы

Таким образом, мы видели, что в рассматриваемом ареале представлены самые различные случаи контактно-индуцированных изменений глагольных систем: материальное заимствование системы превербов (ливский, цыганские диалекты) или отдельных превербов (балтийские диалекты, вепсский и карельский, власский), развитие конкурирующей с унаследованными глагольными префиксами системы приглагольных наречий (латышский, лужицкие, градищанско-хорватский, словенский в Каринтии), копирование полисемии превербов и в частности их использования в качестве акциональных модификаторов (идиш), копирование моделей употребления глаголов и отдельных глагольных форм (в частности, развитие вторичной имперфективации и делимитативного употребления префикса *ra-* в литовском под славянским воздействием).

Помимо собственно «инвентаря» (скорее всего, неполного) вызванных языковыми контактами изменений в глагольных системах, собранный материал позволяет сделать некоторые обобщения.

Во-первых, как уже было отмечено выше, основная закономерность при заимствовании (как материальном, так и функциональном) морфологических элементов состоит в том, что с большей лёгкостью заимствуются единицы языка-донора, обладающие большей степенью

прозрачности для носителей языка-реципиента. Такого рода прозрачность проявляется как на уровне семантики (легче заимствуются элементы, обладающие чёткими лексическими или ярко выраженными грамматическими значениями; напротив, единицы, чьё значение либо слишком общо и абстрактно, либо слишком лексикализировано, заимствуются труднее), так и на уровне формы — скорее заимствуются элементы, легко вычленимые из структуры слова и не подверженные сложной или труднопредсказуемой алломорфии. В этом смысле вполне естественно то, что глагольные превербы в языках изучаемого ареала сравнительно часто заимствуются в другие языки, — по крайней мере многие глагольные префиксы обладают чёткими лексическими значениями и хорошо выделяемы морфологически. Напротив, славянские глагольные суффиксы этими свойствами обладают в меньшей степени и потому заимствуются лишь в исключительных случаях особо интенсивных языковых контактов.

Во-вторых, материальное заимствование, по-видимому, происходит легче в тех ситуациях, когда оно приводит к заполнению определённых «лакун» в системе языка-реципиента (точнее, когда с помощью заимствованной единицы оказывается возможным более детальное членение какой-либо семантической зоны). Особенно ярко это проявляется в случае заимствования отдельных славянских приставок в балтийские языки — так, литовский язык, чья система превербов беднее славянской, заимствует те славянские приставки, аналогов которых нет в его исходной системе, в частности, приставки *раз-* и *до-*, которые, вопреки мнению пуристов, не «нарушают» систему, а обогащают её (ср. [Завьялова 2013: 256–260]). По-видимому, аналогичная мотивация может быть постулирована и для заимствования славянской приставки *до-* во влашко-румынский. Напротив, семантическое калькирование, проявляющееся в перестройке полисемии единиц языка реципиента под влиянием аналогичных элементов языка-донора (*polysemy copying*, [Heine, Kuteva 2003: 555; Heine 2012]), необязательно имеет такого рода функциональную мотивацию — в первую очередь потому, что семантическое калькирование далеко не всегда приводит к заполнению «лакун» в исходной системе.

В-третьих, с точки зрения аспектологии важно то обстоятельство, что ни в одном из рассмотренных выше случаев не отмечено заимствования или калькирования собственно славянской категории вида. Всегда, когда в результате контактов со славянскими или балтийскими языками в языках-реципиентах возникают акциональные употребления превербов (исконных, как в идише, или заимствованных,

как в цыганских диалектах, ливском и истрорумынском), результатом заимствования является вовсе не аспектуальная категория, подобная славянской, а либо слабо грамматикализованная система, в которой простые и префиксальные глаголы нередко могут употребляться в одних и тех же контекстах и не являются строго дифференцированными (как в идише, цыганских диалектах и в ливском)³⁵, либо грамматикализованная система, тем не менее отличная от славянской (как в истрорумынском, где, насколько можно судить из имеющихся данных, функциональное распределение простых, префиксальных и суффиксальных глаголов парадоксальным образом не совпадает ни с одним славянским языком). Всё это говорит о том, что копирование грамматической категории из одного языка в другой, по крайней мере грамматической категории столь сложного формального устройства и столь абстрактной семантики, как славянский вид, вообще невозможно или крайне затруднено. Элементы, подвергающиеся заимствованию и / или интерференции, — это, как уже было сказано выше, в первую очередь единицы с ярко выраженными лексическими и «конкретными» грамматическими значениями и во вторую очередь «наглядные» грамматические модели вроде префиксации или порядка следования глагола и наречного модификатора. В этом смысле не случайно то, что заимствованию может подвергнуться относительно общее, однако семантически «очевидное» и функционально «полезное» выражение достижения предельной ситуацией точки кульминации, — и столь же очевидно, что гораздо труднее, если вообще возможно, копировать из языка-донора абстрактные и не столь явно семантически мотивированные грамматические правила вроде «нельзя употреблять терминативные глаголы в настоящем времени». Тем самым напрашивается вывод о том, что любая дальнейшая грамматикализация в языке-реципиенте заимствованных систем глагольной префиксации происходит в большой степени по внутриязыковым закономерностям и независимо от возможного влияния языка-донора, ср. [Gast, van der Auwera 2012; Wiemer, Wälchli 2012].

³⁵ Ср., например, [Johanson 2008: 69–70; Heine 2012] о том, что при копировании грамматических моделей конструкции языка-реципиента всегда демонстрируют более низкую степень грамматикализованности, чем аналогичные конструкции языка-донора.

7.3. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В данном разделе я по необходимости кратко и поверхностно остановлюсь на возможных аналогах изучаемой мною превербной перфективации в других языковых ареалах. В качестве таких аналогов могут выступать, во-первых, собственно превербы, и, во-вторых, иные случаи выражения акциональных значений с помощью показателей с исходно пространственной семантикой.

Выше в § 7.1 уже приводились примеры развития превербов или их аналогов в акциональные модификаторы в тех индоевропейских языках, которые можно по разным причинам исключить из рассматриваемого нами ареала: превербы в латыни, в готском, в древнеирландском, в пушту, приглагольные наречия в английском и итальянском. К этой же группе можно отнести и системы превербов в угорских языках и в селькупском, а также, возможно, в относящемся к енисейской семье кетском, см. [Буторин 2012], равно как и приглагольные наречия в эстонском. Системы пространственных превербов широко распространены в северокавказских языках, см. обзор в [Татевосов 2000], однако случаев продуктивной перфективации в них, за одним исключением, не отмечено (и рассматривавшийся в § 3.4 адыгейский дейктический преверб *qe-* не является здесь исключением, поскольку его акциональные функции для системы этого языка в целом маргинальны).

Единственным северокавказским языком с префиксальным выражением перфективации является табасаранский (лезгинская группа нахско-дагестанской ветви), в котором словоизменительные основы аориста (перфективного прошедшего) и перфекта у глаголов без превербов (пространственных или лексикализованных) образуются присоединением к основе превербов *ǵ-* ‘среди’ (аорист) и *d-* ‘назад’ (перфект) [Алексеев, Шихалиева 2003: 65–66; Babaliyeva 2013: 159–165; Богомолова 2013; Authier, Babaliyeva 2014]. У глаголов с превербами соответствующие формы образуются при помощи суффиксов, выступающих также и при простых глаголах, так что употребление превербов с последними является «плеонастическим». Типологически нетривиальная ситуация в табасаранском (точнее, в его южных диалектах и в литературном языке) проиллюстрирована в табл. 17. Как утверждает в работе [Authier, Babaliyeva 2014], возникновение табасаранской системы маркирования аспекта является результатом внутреннего развития, т. к. контактов с языками с префиксальной перфективацией (картвельскими или осетинским) табасаранский язык не имел.

Табл. 17. *Образование прошедших времён в табасаранском языке*
[Babaliyeva 2013: 159, 163]

	глаголы с превербами 'ложиться'	глаголы без превербов 'искать'
имперфект	<i>d-aqh-ura</i>	<i>abg-ura</i>
аорист	<i>d-aqh-nu</i>	<i>ǵ-abg-nu</i>
перфект	<i>d-aqh-na</i>	<i>d-abg-na</i>

В качестве иллюстрации «стандартных» восточнокавказских систем превербов рассмотрим агульский язык (лезгинская группа нахско-дагестанской ветви, [Майсак, Мерданова 2002; Maisak, Ganenkov to appear]), где в глаголе отражается типичное для именного словоизменения нахско-дагестанских языков противопоставление локализации и ориентации, см. [Тестелец 2008/1980]³⁶. В несколько упрощённом виде локативные и ориентивные (директивные) превербы агульского языка представлены в таблице 18 [Майсак, Мерданова 2002: 255, 257; Maisak, Ganenkov to appear: 7–9]³⁷, а некоторые примеры — в (63).

Табл. 18. *Система локативных и директивных превербов агульского языка*

Локативные превербы			Директивные превербы		
преверб	название	значение	преверб	название	значение
∅- / a-	IN	'внутри'	-ǵ(a)-	LAT	'к'
ǵ(a)-	INTER	'между, среди'	-at:-	ELAT	'от'
al(a)-	SUPER	'наверху'	-ʒ(a)-	UP	'вверх'
k(V)-	SUB / CONT	'под / вплотную'	-(d)a-	DOWN	'вниз'
h(V)-	ANTE	'перед'			
f(a)-	APUD	'около'			
q(V)-	POST	'позади'			

³⁶ В кубачинском даргинском, согласно [Татевосов 2000: 20–24], система превербов включает целых три сочетающихся между собою измерения: локализация, ориентация и «гравитационные» показатели ('вверх', 'вниз'). В агульском языке последние образуют одну категорию с ориентационными. Наконец, лишь одна — локативная — серия превербов представлена в крызском языке (лезгинская группа), где, впрочем, ориентационные значения выражаются апофонией гласных превербов [Authier 2008: 121–127].

³⁷ Транскрипция и анализ примеров унифицированы в соответствии с более поздней работой.

агульский

- (63) a. *burunz a-d-aqa-a čiwali-as.*
 рис IN-DOWN-сыпаться:IPF-PRS мешок-IN:ELAT
 ‘Рис сыплется вниз из мешка’ [Майсак, Мерданова 2002: 265].
- b. *ʒanas a-ča-šaw=wa.*
 внутрь IN-LAT-идти:IMP=PTCL
 ‘Войди же внутрь’ [Ibid.: 272].
- c. *gada-ji lak ke-t-ik'-i-naa*
 мальчик-ERG нога SUB-ELAT-СОВАТЬ-PFV-RES.PRS
jurvan-ik-as.
 одеяло-SUB-ELAT
 ‘Мальчик высунул ногу из-под одеяла’ [Ibid.: 277].
- d. *kitan ust:uli-l-di al-в-uč'a-a.*
 кошка СТОЛ-SUPER-LAT SUPER-LAT-ЛЕЗТЬ:IPF-PRS
 ‘Кошка лезет на стол’ [Ibid.: 289].

Как показывают примеры (63а), (63с) и (63d), агульские превербы вступают в своеобразное «согласование» с пространственными (падежными) показателями имён, демонстрируя с ними частичное формальное сходство.

Обратимся к данным языков других континентов³⁸. Единицы, по своим морфосинтаксическим свойствам сходные с германскими или венгерскими отделяемыми глагольными превербами или приглагольными наречиями, представлены, например, в языках семьи манде (западная Африка), см. [Выдрин 2006, 2009; Khachatryan 2013]. Круг значений, выражаемых этими морфемами (в том числе в тех языках, где, как в бамана [Dumestre 1981: 51–56] или джалонке [Keita 1989], они полностью морфологизовались в префиксы), не включает перфективацию — это в первую очередь либо пространственная или иная лексическая модификация глагольного действия, либо каузативизация.

Префиксальная модификация глаголов довольно широко представлена в языках Америки, см. в первую очередь обзорную работу [Craig, Hale 1988]. По своим функциям эти превербы сходны с глагольными префиксами западнокавказских языков: они выражают

³⁸ На этапе подготовки рукописи к печати мне стало известно о, возможно, наиболее близкой параллели к изучаемым аспектуальным системам — использовании пространственных префиксов в качестве перфективаторов в некоторых тибето-бирманских языках, в частности, цянских [Kepping 2000; LaPolla, Huang 2003: 154–161, 164] и цзяжунских [Nagano 2003: 475–476; Lin 2011]. Более подробное обсуждение этих систем здесь, к сожалению, невозможно.

отношение глагольной ситуации к «внешнему» участнику, повышающему свой синтаксический статус до актанта. Эти «реляционные превербы», возникающие в результате инкорпорации послелогов, выражают такие значения, как инструмент, реципиент, бенефактив, комитатив, место, направление, путь и т. п. Превербы такого типа встречаются в языках сиу и атабаскских в Северной Америке, и в ряде языков Южной Америки (рама чибчанской семьи и надеб семьи маку, о последнем кроме цитируемой работы см. также статью [Weir 1986], где подробно описываются функции и механизмы эволюции «реляционных» префиксов). Использование превербов в качестве телесизаторов или перфективаторов ни в каких указанных языках не отмечено. Приведу несколько примеров. Пример (64) иллюстрирует двойное поведение превербов языка надеб, способных выступать также в качестве послелогов. Нейтральный для этого языка типологически крайне редкий порядок слов OSV в примере (64b) указывает на то, что ‘дерево’ является ядерным актантом превербного глагола.

надеб (семья маку, Бразилия)

(64) a. *kalapée a-sooh bxaah yó.*
 ребёнок PRX-сидеть дерево сверху
 ‘Ребёнок сидит на дереве’ [Weir 1986: 299].

b. *bxaah kalapée ya-sooh.*
 дерево ребёнок PRV:на-сидеть
 ‘тж.’ [Ibid.: 300].

Пример (65a) иллюстрирует инструментальный преверб языка хочанк (виннебаго), а пример (65b) — способность локативного преверба в том же языке присоединять местоименный показатель непрямого объекта (ср. аналогичные адыгейские примеры в § 2.2).

хочанк (семья сиу, США)

(65) a. *Kunnun-ga chaa-izhan wizhuk hi-guch-shannan.*
 Куннун-DEF олень-INDF ружьё PRV:INSTR-стрелять-DCL
 ‘Куннун застрелил оленя из ружья’ [Craig, Hale 1988: 331].

b. *Kook-ra wa-a-mink-shannan.*
 коробка-DEF PL-PRV:на-лежать-DCL
 ‘Он лежал на коробках’ [Ibid.: 315].

Несколько иной тип превербов представлен в алгонкинских языках (см., например, [Bannister 2000]) и в языке-изоляте кутенаи [Dryer

2002], где с помощью находящихся в предглагольной позиции, но не полностью морфологизованных элементов выражаются самые различные модификации глагольной ситуации. Ближе всего к европейскому типу превербов находятся некоторые префиксы этих языков, имеющие такие значения, как краткость или длительность, многократное или однократное повторение ситуации, а также начало или прекращение ситуации, см. [Dryer 2002: 10–12, 18, 23] о кутенаи, [Bannister 2000: 38–39] об инну, [Costa 2002: 144, 148] о шони, [Slavin 2012: 182–198] об оджибве и др. Во всех этих языках превербы являются весьма гетерогенной с семантической и морфологической точки зрения категорией (ср., например, [Slavin 2006] о порядке превербов в оджибве), и аспектуальная модификация — лишь одна, причём не самая распространённая их функция. Стоит отметить, однако, что в алгонкинских языках аспектуальные функции превербов развились из пространственных и модели семантического развития во многом совпадают с европейскими, ср. оджибве *kiiwe-* ‘назад’ > ‘опять’ [Slavin 2012: 186], *maacii-* ‘прочь’ > ‘начинательность’ [Ibid.: 188].

Частично сходные «реляционные превербы» именного происхождения отмечены в ряде языков Австралии, например, вальбири [Craig, Hale 1988: 343; Nash 1982] и джару [Tsunoda 1981: 72–74, 177–194], где они выражают различные модификации глагольной основы, по большей части непространственные (о типологии систем таких показателей в австралийских языках см. [McGregor 2002]). С морфосинтаксической точки зрения превербы в этих языках ведут себя двояко, будучи способны как употребляться отдельно и принимать падежные показатели, так и образовывать одно фонетическое слово с глаголом. Как и их североамериканские аналоги, австралийские превербы не имеют в норме акциональных значений, за исключением немногих единиц, выражающих начинательность, прекращение ситуации и т. п. Более того, в ряде случаев преверб имеет собственно лексическое значение (выражая, например, способ осуществления действия или характер положения в пространстве), в то время как глагольная словоформа выражает более абстрактное значение изменения состояния, каузации и т. п. [Tsunoda 1981: 190–194; Schultze-Berndt 2004: 149–151], что сближает эти конструкции с нетривиальным типом сложных глаголов, представленным в целом ряде не родственных между собою языков Северной Австралии, см. в частности [Schultze-Berndt 2000, 2004; McGregor 2002, 2004: 174–186], и вообще с типологически широко распространёнными «сложными глаголами» с именной частью. В этих случаях грамматикализации также оказываются

скорее подвержены не провербы, а глагольные компоненты конструкций [Schultze-Berndt 2004: 165–166]. Ср. следующие примеры:

джару (семья пама-ньюнга, Австралия, [Tsunoda 1981: 192])

(66) a. *jambagina jud=ninan-an.*
ребёнок сидя=сидеть-PRS
'Ребёнок сидит'.

b. *mawun-du jambagina jud=jaan-an.*
мужчина-ERG ребёнок сидя=класть-PRS
'Мужчина сажает ребёнка'.

джаминджунг (семья минди, Австралия, [Schultze-Berndt 2004: 150])

(67) a. *ngathan wijwij=nganth-angga-m?*
что скоблить=2SG>3SG-делать-PRS
'Что ты скоблишь?'

b. *mulurru-ni gagawuli yurrg=gan-garra-ny*
старуха-ERG батат показать=3SG>1SG-класть-PST
Gilwi-ni.
Гилви-LOC
'Старуха показала мне батат в Гилви'.

Глагольные префиксы, выражающие различные модификации обозначаемой глаголом ситуации, представлены в различных ветвях австронезийской семьи, в частности, в языках Меланезии (см., например, обзор в статье [Ozanne-Rivierre, Rivierre 2004], а также [Lynch et al. 2002: 48] об океанийских языках).

Несомненной параллелью к восточноевропейскому развитию пространственных провербов в показатели перфективации является наблюдаемая в целом ряде языков аналогичная эволюция пространственных словообразовательных суффиксов. Так, в ряде диалектов кечуа суффиксы с директивным значением превратились в показатель перфективного аспекта, ср. [Adelaar 2006: 133–137; Hintz 2011: 25–46, 186–210], и аналогичное развитие отмечено в ареально близком и гипотетически родственном языке аймара, см. [Haude 2003]. Ср. следующие примеры:

кечуа, диалект Южных Кончукос (Перу)

(68) a. *tsa karrete:ra-man cha-rpu-r*
тогда дорога-ALL приходить-PFV:ВНИЗ-SS
ka:rru-ta shuya-ku-ru.
транспорт-ACC ждать-RFL-PST:1
'Тогда, спустившись на дорогу, я ждал автобуса' [Hintz 2011: 27].

- b. *tsayno: niptinnam... upa:lla-ku-rpu-ya-rqa-n.*
 так когда.он.сказал быть.тихим-RFL-PFV:ВНИЗ-PL-PST-3
 ‘Когда он так сказал, они затихли’ [Ibid.: 28].

аймара (Боливия)

- (69) a. *Jupa-x uta-pa-ta jal-su.*
 3SG-TOP дом-3SG.POSS-ABL бежать-PFV:ELAT
 ‘Он(а) выбежал(а) из своего дома’ [Haude 2003: 12].

- b. *Ñik'uta-ja-t t'aq pach jank'u-nak*
 волосы-1SG.POSS-ABL все белый-PL
jik'-su-s-ta.
 рвать-PFV:ELAT-RFL-1SG
 ‘Я вырвал(а) у себя все седые волосы’ [Ibid.: 26].

- c. *Ukata uma quta phar-su-ya-ña*
 поэтому вода море быть.сухим-PFV:ELAT-CAUS-INF
tunapxatayuna.
 они захотели
 ‘Поэтому они захотели высушить воду в море’ [Ibid.: 43].

Сходная ситуация представлена в ряде других языков Южной Америки (например, в аравакских [Payne 1982]), в Африке в чадском языке марги [Hoffmann 1963: 114–149], в океанийских языках мокил [Harrison 1977: 160–166] и кусаие [Lee 1974], в Северной Америке в языках кашайя (семья помо, США, [Oswalt 1990]), шошоне (юто-ацтекская семья, [Dayley 1989: 56]) и ацугеви (семья карок-шаста, [Talmy 2007: 157–158]). Во многих из этих языков одна и та же глагольная основа может сочетаться с разными перфективирующими суффиксами (ср. кусаие *otwe-ack* ‘начать плести’ букв. «плести-вверх» vs. *otwe-lah* ‘сплести’ букв. «плести-наружу», [Lee 1974: 282], *puok-yac* ‘ударить’ букв. «бить-вниз» vs. *puok-lah* ‘избить’ букв. «бить-наружу» [Ibid.: 295]), а сами показатели перфективности обладают подчас довольно разветвлённой полисемией, что делает такие системы особенно похожими на восточноевропейские. Ср. полисемию перфективного суффикса *-ack* ‘вверх’ в языке кусаие:

кусаие (австронезийская семья > малайско-полинезийская ветвь > океанийская группа, Микронезия, [Lee 1974: 198–199])

- (70) a. *Sruhk-ack poum.*
 поднимать-PFV:ВВЕРХ рука:2SG.POSS
 ‘Подними руку’ (движение вверх).

- b. *Nga tulohkuhn-ack sru soko ah.*
 я ставить-ПФV:вверх столб один DEF
 ‘Я поставил столб’ (переход в вертикальное положение).
- c. *Eng luhlaph se puok-ack sahk*
 ветер большой INDF толкать-ПФV:вверх дерево
na loes soko.
 длинный один
 ‘Сильный ветер вынес на берег длинное дерево’ (движение на берег).
- d. *Ninac el sruhpuhsr-ack nuknuk ah.*
 мать 3 вешать-ПФV:вверх одежда DEF
 ‘Мать повесила бельё’ (переход в висячее положение).
- e. *Ahwowo el ekuhl-ack kaht ah*
 ребёнок 3 поворачивать-ПФV:вверх карта DEF
noh fohn.
 все
 ‘Ребёнок перевернул все карты лицом вверх’ (переход в положение «фасадной стороной вверх»).
- f. *Sah el ahkos-ack insin soko ah.*
 Са 3 зажигать-ПФV:вверх лодка один DEF
 ‘Са завёл моторную лодку’ (начало процесса или действия).
- g. *Sepe el fahk-ack ma lukmac se*
 Сепе 3 говорить-ПФV:вверх вещь тайна INDF
nuh seltahl.
 к они
 ‘Сепе рассказала им секрет’ (переход в состояние известности).

Наконец, важной параллелью к восточноевропейской превербной перфективации служат распространённые на значительной территории Азии конструкции с телисизирующими или перфективирующими вспомогательными глаголами (о типологии таких конструкций см. в первую очередь [Майсак 2005: гл. 4], там же приводится основная библиография; о сходстве превербного и аналитического способов перфективации указывалось, в частности, в работах [Chatterjee 1988; Vreu 1992; McGregor 2002: ch. 7]). Такие конструкции представлены в индоарийских, дравидийских, алтайских, сино-тибетских, тайских и австроазиатских языках. В зависимости от морфологического типа языка они состоят либо из нефинитной (деепричастной или номинализованной) формы смыслового глагола и финитной формы вспомогательного глагола, либо из двух соположенных глаголов, образующих

«сериальную» структуру, и обладают целым рядом свойств, сближающих их с системами префиксальной перфективации. Телисизирующие вспомогательные глаголы почти всегда имеют синхронные соответствия среди полнозначных глаголов языка, таких как ‘дать’, ‘взять’, ‘бросить’, ‘уйти’, ‘сесть’ и т. п., и частично сохраняют определённые компоненты своего лексического значения и в грамматикализованных употреблениях. Комбинаторика аналитических телисизаторов со смысловыми глаголами может быть весьма прихотливой; обычно с одним и тем же лексическим глаголом могут сочетаться несколько вспомогательных, так что результирующие конструкции выражают не только предельность или терминативность, но и ряд дополнительных значений, сходных с восточноевропейскими способами глагольного действия. Приведу несколько примеров из различных языков.

урду (индоарийские, Пакистан)

(71) a. *Yaasiin=nee keek k^haa lii-yaa.*

Яссин=ERG пирог есть взять-PRF.M.SG

‘Яссин съел пирог (целиком)’ [Butt, Geuder 2003: 295].

b. *Naadyaa gaa paṛ-ii.*

Надя петь упасть-PRF.F.SG

‘Надя (вдруг) запела’ [Ibid.: 296].

тувинский (тюркские)

(72) a. *Ol arazin-da bičii urug-lar kiskiriz-a*
этот время-LOC малый ребёнок-PL кричать-CNV
ber-gen.

дать-PST

‘В это время маленькие дети начали кричать’ [Anderson 2004: 113].

b. *Ol kino-nu kör-üp ka-an men.*

этот фильм-ACC видеть-CNV класть-PST я

‘Я уже посмотрел этот фильм’ [Ibid.: 141].

мандаринский китайский (сино-тибетские, [Майсак 2005: 315])

(73) a. *Wo zuotian xie-le yifeng xin, keshi mei*
я вчера писать-PFV один письмо но не
xie-wan.

писать-кончить

‘Я вчера (некоторое время) писал письмо, но не дописал’.

- b. *Wo dao chezhan jie-le ji ci, ye*
 я на вокзал встречать-PFV несколько раз так и
mei jie-zhao.
 не встречать-коснуться
 ‘Я несколько раз (ходил) на вокзал встречать его, но так и не встретил’.

Последние примеры из мандаринского китайского демонстрируют сходное с южнославянским противопоставление лексической или деривационной перфективации, выражающей в первую очередь достижение ситуацией предела, и морфологической перфективации, служащей для помещения ситуации в закрытый временной интервал без обязательного выражения терминативности.

Вообще стоит отметить, что во многих языках, где представлены подобные конструкции, их основная функция состоит не в перфективации глагола, а в выражении «способов действия», т. е. тех или иных модификаций глагольной семантики, в частности, различных способов достижения ситуацией предела (ср. [Майсак 2005: 325–330]). Во многих языках такие конструкции существуют наряду с морфологическими перфективаторами (ср. выше мандаринский, ср. также статью [Singh 1998] о противопоставлении синтетического и аналитического перфектива в хинди), а кроме того, они нередко оказываются способны употребляться не только в перфективных, но и в имперфективных контекстах, ср. следующие примеры:

татарский, мишарский диалект (тюркские, [Майсак 2005: 327])

- (74) a. *Marat kxr-nx ser-ep čyk-tx.*
 Марат поле-ACC пахать-CNV выходить-PST
 ‘Марат вспахал поле’.
 b. *Marat kxr-nx ser-ep čyg-ä.*
 Марат поле-ACC пахать-CNV выходить-PRS
 ‘Марат допахивает поле’.

урду [Butt, Geuder 2003: 330]

- (75) *Mariam iimeel lik^h mar rah-ii t^h-ii*
 Мириам e-mail писать бить PROG-F.SG AUX.PST-F.SG
jab Viilii kamre=kee andar aa-yaa.
 когда Вилли комната=GEN.SG внутри прийти-PRF.M.SG
 ‘Мириам набрасывала электронное письмо, когда Вилли вошёл в комнату’.

* * *

Приведённый выше краткий типологический обзор потенциальных параллелей к восточноевропейской префиксальной перфективации показал, что сходные системы находятся не столько среди языков с модифицирующими глагол префиксами, сколько в языках с суффиксальными и аналитическими «ограничителями» (в терминах [Вубее, Dahl 1989]). Наиболее прямые соответствия системам перфективирующих превербов обнаруживаются в языках с пространственными глагольными суффиксами, демонстрирующими весьма сходные пути семантического развития от директивных модификаторов к телисизаторам и перфективаторам. Тот факт, что подобные системы встречаются в языках самых различных генетических групп и ареалов, свидетельствует о типологической естественности такого развития. Более углублённое и детальное изучение перфективов, основанных на глагольных ограничителях, сможет продемонстрировать степень сходства и пределы типологического варьирования глагольных систем с деривационной перфективацией.

7.4. ОБЩЕНИЕ:

О ДВУХ АРЕАЛАХ ПРЕФИКСАЛЬНОГО ПЕРФЕКТИВА

Уже в главе 6, где исследуемые в книге системы префиксального перфектива были подвергнуты — неизбежно редуцирующему реальную картину — квантитативному анализу, было выдвинуто положение о существовании в восточноевропейской лингвогеографической области двух зон кластеризации таких систем: центральноевропейской с ярко выраженным славянским центром и кавказской, включающей картвельские языки и осетинский. Как было указано, несмотря на весьма значительные черты сходства, наблюдающиеся между этими двумя зонами, их всё же следует скорее рассматривать на синхронном уровне как отдельные. Особого обсуждения, однако, заслуживает вопрос о диахронических истоках центральноевропейского и кавказского ареалов префиксального перфектива.

В предыдущих разделах настоящей главы был приведён значительный массив данных, говорящих, с одной стороны, об инновационном характере наблюдаемой ныне ситуации (в первую очередь о недавнем происхождении современных аспектуальных систем в обоих ареалах), и, с другой стороны, о принципиальной возможности интенсивных контактных влияний в этой области. В отношении последнего

ещё раз подчеркну вывод § 7.2 о том, что заимствоваться при языковом контакте могут в первую очередь лексико-семантические признаки превербов и сам механизм глагольной префиксации и в меньшей степени — акциональные (телисизирующие и перфективирующие) свойства превербов, в то время как собственно грамматические аспектуальные категории, конституирующую роль в которых наряду с превербами нередко играют и единицы других типов, в существенно меньшей степени подвержены контактному влиянию, в особенности когда взаимодействие двух языков происходит без весьма продолжительного периода массового и асимметричного двуязычия (и даже в таком случае, отмеченном по крайней мере в идише, обиходном верхнелужицком, молизско-славянском или исторорумынском, языковой контакт не приводит к полной конвергенции аспектуальных систем языка-реципиента и языка-донора).

В данном разделе я покажу, с одной стороны, что невозможно предполагать славянское влияние на кавказские глагольные системы, и что, с другой стороны, даже в рамках кавказского ареала непосредственное контактное взаимодействие между картвельскими языками и осетинским, по всей видимости, не было единственным определяющим фактором в развитии аспектуальных систем.

Гипотеза о том, что механизм перфективирующей префиксации был заимствован кавказскими языками из славянских, была высказана В. И. Абаевым [Абаев 1964; 1965: 54–68] и поддержана Д. И. Эдельман [Эдельман 2002: 127]. Справедливо указывая на то, что перфективирующая функция превербов в осетинском языке является инновацией по сравнению с древнеиранскими и даже среднеиранскими языками, В. И. Абаев высказывает гипотезу о том, что осетинская аспектуальная система возникла в результате доисторических контактов сарматов и алан со славянами в Северном Причерноморье, происходивших, по его мнению «со второй половины II тысячелетия до н. э. ...до гуннского нашествия, т. е. до IV в. н. э.» [Абаев 1965: 53].

Данная гипотеза, однако, не представляется обоснованной (см. её критику, в частности, в работах [Thordarson 1982: 254–256; Левитская 2004: 32–33]). Действительно, доисторические контакты между славянами и балтами, с одной стороны, и иранцами, с другой, явно имели место и отразились в топонимике, лексических заимствованиях и ряде черт фонологии и грамматики, равно как и в мифологии, см., например, [Зализняк 1962]. Тем не менее, эти контакты, согласно [Эдельман 2002: 14] относятся по крайней мере к I тысячелетию до н. э., когда славянская система префиксальной перфективации вряд ли была

грамматикализована в сколько-нибудь значительной степени (а если принять более раннюю датировку В. И. Абаева, то влияние славянских языков на сарматские в отношении превербной перфективности станет ещё менее вероятным). Даже если глагольная префиксация в языке сарматов могла претерпеть определённые изменения под влиянием контактов с раннепраславянским, эти изменения могли касаться лексических значений превербов, а не их аспектуальных функций, скорее всего в ту эпоху ещё не развившихся. Таким образом, остаётся констатировать, что нетривиальные черты сходства между славянскими и балтийскими глагольными системами, с одной стороны, и осетинской глагольной системой, с другой, в гораздо большей степени являются результатом независимого параллельного развития, нежели доисторических языковых контактов³⁹.

Вторая часть гипотезы В. И. Абаева [Абаев 1964: 95–96] состоит в том, что осетинский язык послужил «передаточным звеном», посредством которого префиксальная перфективация из славянских языков проникла в картвельские. Несмотря на то, что идею о раннем славянском влиянии на протоосетинский мы отвергли, гипотеза о более поздних (в период письменной фиксации грузинского языка) интенсивных контактах между картвельскими языками и осетинским представляется более вероятной, с той поправкой, что в отсутствие «славянского элемента» направление влияния в области глагольных превербов представляется куда менее очевидным. Действительно, один из периодов интенсивных алано-картвельских контактов примерно совпадает с эпохой довольно быстрого развития префиксальной перфективации в грузинском (X—XIII вв.) [Абаев 1964: 95]. Тем не менее, нет никаких оснований предполагать, что этот процесс происходил именно под осетинским влиянием (ср. критику этого положения в работе [Thordarson 1982: 252–253]); напротив, представляется более вероятным, что именно картвельские языки могли на определённом этапе повлиять на (прото)осетинский.

Такая гипотеза подтверждается целым рядом известных фактов, говорящих о том, что несомненные структурные схождения между картвельскими (в первую очередь, грузинским) языками и осетинским по большей части выглядят как конвергенция иранского языка

³⁹ Разумеется, гипотезу о том, что кавказские аспектуальные системы возникли в результате позднейших контактов, интенсивно происходивших с конца XVIII в., невозможно рассматривать всерьёз хотя бы потому, что к тому времени и картвельские, и осетинский языки уже обладали полностью сформировавшимися системами префиксального перфектива.

в сторону «кавказского языкового типа», а не наоборот (см. об этом, в частности, [Абаев 1949: 76–80, 86–122; Ахвледиани 1960: 170–210]; ср. однако взвешенный критический разбор в монографии [Thordarson 2009: ch. 3] и работу [Эршлер рукопись], где ряд явлений, традиционно рассматриваемых как свидетельства кавказского субстрата в осетинском, подвергаются обоснованному сомнению). Известно, что осетинская фонологическая система в значительной степени перестроилась под кавказским влиянием, причём особенное сходство демонстрирует осетинский именно с картвельскими фонологическими системами [Абаев 1949: 76, 96–98; Ахвледиани 1960: 177–179]⁴⁰; при этом облик ряда картвельских заимствований в осетинском, по мнению указанных авторов, свидетельствует об особой древности контактов [Ахвледиани 1960: 179]. Не меньший интерес представляют многочисленные схождения в лексике, лексической семантике и фразеологии [Там же: 194–210], обычно возникающие при условии длительного и широко распространённого двуязычия (ср. [Thomason, Kaufman 1988: ch. 4; Ross 1999, 2007; King 2005] о лексико-семантической интерференции как основе и необходимом условии грамматических схождений в ситуации сохранения языка). При этом наиболее интенсивные контакты между картвельскими языками и протоосетинским должны были, по мнению цитируемых исследователей, происходить в эпоху существенно более широкого распространения аланских племён по территории Кавказа, чем нынешняя область проживания осетин.

Приведённая точка зрения об особо «интимных» (выражение В. И. Абаева [Абаев 1949: 76]) отношениях осетинского и грузинского языков подвергается критическому разбору в работах Ф. Тордарсона, который, в частности, отмечает [Thordarson 1999; 2009: 6, 45–63], что весьма значительная часть картвельских заимствований в осетинском ограничена диалектами Южной Осетии, и трактует их как относящиеся к эпохе после монгольских завоеваний XIII в. и переселения части осетин в Грузию. Тем не менее Ф. Тордарсон приводит также ряд несомненно более древних лексических картвелизмов в осетинских диалектах. Кроме того, Ф. Тордарсон указывает на то, что собственно осетинских или аланских заимствований в картвельских языках очень

⁴⁰ Ср. однако более сдержанную позицию по этому вопросу, в особенности в отношении глоттализованных (абруптивных) согласных, в работе [Thordarson 2009: 66], где предполагается, что такие согласные появились в осетинском сравнительно поздно — во времена черкесского господства.

немного, что ещё больше ставит под сомнение гипотезу об осетинском влиянии на картвельские превербы [Thordarson 2009: 63] (если, конечно, не принимать во внимание возможности массового языкового сдвига с осетинского на грузинский и иные картвельские языки, при котором, как известно [Thomason, Kaufmann 1988: ch. 5], может иметь место значительная грамматическая интерференция при минимальном числе лексических заимствований; такого рода языковой сдвиг, даже если и имел место, то лишь ограниченно и вряд ли мог привести к масштабным изменениям в аспектуальных системах всех картвельских языков). С другой стороны, в недавних исследованиях [Эршлер 2010; Erschler 2012] убедительно продемонстрировано, что осетинский вместе с нахскими языками развили предположительно под картвельским влиянием ряд нетривиальных особенностей синтаксиса (предглагольную позицию подчинительных союзов и вопросительных слов и систему отрицательных местоимений), что не может не свидетельствовать о значительных и интенсивных языковых контактах между картвельскими языками и (прото)осетинским, причём, поскольку речь идёт о морфосинтаксической интерференции, можно предполагать языковой сдвиг скорее в сторону осетинского, чем наоборот.

С нашей точки зрения, наиболее интересно несомненное картвельское влияние на лексико-семантические характеристики осетинских превербов [Абаев 1949: 106–107; Ахведиани 1960: 179–184] и в первую очередь отмеченное в § 3.1 систематическое выражение в обеих системах дейктического измерения, ср. [Абаев 1949: 107; Ахведиани 1960: 182]. Приведу ещё раз для наглядности соответствующие таблицы.

Табл. 19. Система превербов в иронском осетинском

	‘внутри’	‘вовне’	‘вниз’	‘вверх’	
‘сюда’	<i>ba-</i>	<i>ra-</i>	<i>ær-, sæ-</i>	ǰ-	
‘отсюда’	<i>ærba-</i>	<i>a-</i>	<i>nə-</i>		<i>fæ-</i>

Табл. 20. Система превербов в современном грузинском языке

		‘вниз’	‘вверх’	‘наружу’	‘внутри’	‘через’	‘вперёд’
‘сюда’	<i>to-</i>	<i>ča-to-</i>	<i>a-to-</i>	<i>ga-to-</i>	<i>še-to-</i>	<i>gad-to-</i>	<i>ça-to-</i>
‘отсюда’	<i>mi-</i>	<i>ča-, da-</i>	<i>a-</i>	<i>ga-</i>	<i>še-</i>	<i>gada-</i>	<i>ça-</i>

Несмотря на то, что грузинская система богаче осетинской в области выражения чисто пространственных отношений, параллелизм между двумя системами очевиден в систематическом кодировании и дейксиса, и значений вертикальной оси. Показательно сходжение между картвельскими языками и осетинским (а также, следует заметить, адыгскими) в использовании дейктических превербов с разными комбинациями лиц агенса и реципиента при глаголах передачи, ср. примеры (76) и (77).

иронский осетинский [Thordarson 2009: 68]

- (76) a. *æz a-rvəs-t-on wəm-æn činæg.*
 я:НОМ PRV-посылать-PST-1SG он-DAT книга
 ‘Я послал ему книгу’.
- b. *wəy ærba-rvəs-t-a mæn-æn činæg.*
 он:НОМ PRV-посылать-PST-3SG я-DAT книга
 ‘Он послал мне книгу’.

грузинский [Vogt 1971: 173]

- (77) a. *mi-v-s-çer-e çeril-i.*
 PRV-1.S-3.Ю-писать-AOR письмо-NOM
 ‘Я написал ему письмо’.
- b. *mo-m-çer-a çeril-i.*
 PRV-1SG.Ю-писать-AOR.3SG.S письмо-NOM
 ‘Он написал мне письмо’.

Данная черта осетинской системы превербов трактуется как возникшая под картвельским влиянием всеми указанными авторами, ср. также [Thordarson 1982: 254, 2009: 69; Левитская 2004: 35–36]. Кроме того, как справедливо указывает Г. С. Ахвледиани [Ахвледиани 1960: 183–184], значение ориентации, существовавшее в картвельских языках задолго до возникновения перфективирующей функции превербов, и в протоосетинском должно было возникнуть раньше, чем аспектуальное.

На основании всех вышеприведённых данных можно сделать следующие выводы (ср. сходные замечания в работах [Tomelleri 2009a: 263; Tomelleri 2011: 80–82]). Во-первых, как по социолингвистическим, так и по историко-грамматическим причинам представляется невероятной гипотеза В. И. Абаева об аланском или осетинском влиянии на возникновение в картвельских языках превербной перфективации, по крайней мере, в её сильной версии. Во-вторых, наиболее правдоподобным кажется предположение о том, что обратное картвельское

(скорее всего, в основном грузинское) влияние на функции осетинских превербов в первую очередь касалось их семантики и главным образом становления систематических противопоставлений дейктического характера. Что касается развития собственно аспектуальных функций превербов и грамматикализации категории аспекта в осетинском и в картвельских языках, то здесь — в отсутствие каких-либо надёжных положительных свидетельств — наиболее значимым фактором следует, по-видимому, признать параллельное развитие грамматических систем, особенно учитывая сравнительно незначительную степень сходства между картвельскими аспектуальными системами и осетинской. Даже если на каких-то этапах постепенное обобщение перфективирующей функции превербов в картвельских языках могло повлиять на аналогичный процесс в осетинском или наоборот, совершенно очевидно, что сама по себе эволюция аспектуальных систем этих языков проходила в значительной степени независимо. Гипотеза об одностороннем грузинском влиянии на осетинский предполагала бы сначала заимствование перфективации из грузинского в осетинские диалекты к югу от Кавказского хребта и последующее распространение этой грамматической модели в диалекты северных осетин. Несмотря на то, что полностью отвергать такой сценарий, видимо, нельзя, отсутствие сколько-нибудь значимых различий между видовыми категориями осетинских диалектов делает его весьма маловероятным.

Отдельную занимательную проблему представляет отмеченная выше осетинско-мегрельская параллель в маркировании вторичной имперфективации. Напомню, что в обоих языках показатель внутрисобытийной (дуративной) вторичной имперфективации располагается между превербом и основой и не употребляется с простыми глаголами, не имеющими префиксов. Более подробное обсуждение функций этих показателей, которые, к сожалению, никак нельзя считать всесторонне изученными, см. в § 5.2, здесь же я лишь повторю два иллюстративных примера.

иронский осетинский

- (78) *qæw-mæ* *kwə* *fæ-sæj-sə-d-i* *læppu*
 деревня-ALL когда PRV-IPF-идти-PST-3SG.ITR юноша
uæd *je=’mbal-əl* *š-æmbæl-əd-i*.
 тогда 3SG.GEN=друг-ADESS PRV-встречать-PST-3SG
 ‘Когда парень шёл в село, он встретил друга’.

мегрельский

- (79) *gidel-s* *o-nɬu-d-u* *do* *yvaryl-i*
 кувшин-DAT CV-жечь-IPFV-3SG.S и ручка-NOM
ge-tmi-a-zic-en-d-u.
 PRV-IPF-CV-смеяться-SM-IPFV-3SG.S
 ‘Кувшин горел, а ручка насмежалась’.

Разумеется, чрезвычайно соблазнительна гипотеза о том, что столь явная морфологическая и функциональная параллель между осетинским и мегрельским является результатом контактного развития (такая гипотеза рассматривается как потенциально возможная, например, в работе [Hewitt 2004: 288]).

Подобное предположение, сколь бы привлекательным и даже на первый взгляд очевидным оно ни казалось, тем не менее, при более подробном рассмотрении оказывается скорее сомнительным. Во-первых, интерференция, которая могла бы привести к возникновению в одном из этих языков префиксального показателя имперфективации по образцу другого либо к параллельному контактному развитию таких показателей в обоих языках, возможна лишь в условиях относительно длительного и интенсивного двуязычия. Несмотря на то, что контакты между мегрельским и осетинским, по всей видимости, имели место, крайне сомнительно, чтобы они были настолько интенсивны — надёжных случаев лексических заимствований или иных схождений между мегрельским и осетинским очень немного, см. [Абаев 1949: 87, 323–330; Ахвледиани 1960: 177; Thordarson 2009: 58–60], так что предполагать, что когда-либо в истории обоих народов мог быть период массового двуязычия, вряд ли возможно. Во-вторых, сам по себе функциональный параллелизм между мегрельской и осетинской морфемами не представляется столь очевидным (даже при всех оговорках о недостаточной исследованности обеих). Если мегрельский показатель *-t(i)m(a)-* выступает в качестве имперфективатора при глаголах разных семантических классов, ср. пример (79) и примеры (58) и (59) в § 5.2, то осетинский префикс *-sæj-*, согласно имеющимся в моём распоряжении источникам, употребляется таким образом преимущественно с превербными глаголами движения, с остальными семантическими классами предикатов выступая в конативной функции, ср. примеры (53)–(55) в § 5.2. Более того, такое употребление, согласно [Абаев 1949: 419], характерно лишь для иронского диалекта, в то время как в дигорском [Исаев 1966: 93] соответствующий показатель не имеет аспектуальной семантики и «часто не даёт заметного отличия от форм без *цæй*» [Исаев

1966: 93]⁴¹. Таким образом, достаточных оснований считать параллелизм между мегрельским и осетинским маркерами имперфективности чем-либо, кроме проявления редкого и явно неполного типологического сходства, нет.

Ещё одна гипотеза о контактно-индуцированном происхождении осетинского имперфективатора *-sæj-* была выдвинута в работе [Ахвледиани 1963: 13–14], где осетинский показатель объявляется «семантически тождественным» древнегрузинской клитике *-ra(j)-* ‘что, как, когда’, способной вставляться между превербом и глагольной основой. В пользу своей гипотезы Г. С. Ахвледиани приводит, в частности, уже отмеченную возможную этимологию осетинского префикса, который он возводит сначала к побудительной частице, а далее — к форме генитива местоимения ‘что’ [Ibid.: 12]. Данная гипотеза представляется, однако, почти столь же маловероятной, что и идея о мегрельско-осетинском взаимовлиянии, и может рассматриваться в лучшем случае как одно из возможных объяснений осетинского «тмезиса», но никак не аспектуальных функций показателя *-sæj-*. Действительно, хотя одной из функций «вставного» *-ra(j)-* в древнегрузинском (равно как и его утратившего способность вызывать «тмезис» аналога в современном грузинском) было участие в формировании темпоральных придаточных предложений, этот показатель, очевидно, никогда не был ограничен имперфективными контекстами, ср. пример (80).

древнегрузинский (Ин. 21:14, цит. по [Schanidse 1982: 84])

- (80) *sam* *dγ-is* *ga-mo-u-cxad-a* *iesu*
 три время-GEN PRV-PRV-3.Ю-явиться-AOR.3SG.S Иисус
tav-i *tv-is-i* *moçape-ta* *tv-is-ta*,
 сам-NOM сам-GEN-NOM ученик-OBL.PL сам-GEN-OBL.PL
aγ=raj=dg-a *m̄kudre-t-it*.
 PRV=когда=встать-AOR.3SG.S мёртвый-OBL.PL-INS
 ‘Третий раз явил Иисус себя ученикам своим, [после того] когда
 восстал из мёртвых’.

Насколько можно судить, употреблений в качестве подчинительного союза у осетинского *-sæj-* нет, и предполагать их наличие в прошлом было бы излишне смелым допущением. Таким образом, даже

⁴¹ Г. С. Ахвледиани [Ахвледиани 1963: 12] возводит иронский показатель имперфективности к побудительной частице, отмеченной в обоих диалектах, однако В. И. Абаев [Абаев 1958: 299] высказывается об этой этимологии с осторожностью.

если принять гипотезу Г. С. Ахвледиани об этимологии имперфективирующего *-sæj-* (генитив местоимения ‘что’ > побудительная частица > имперфективатор), возможное грузинское влияние можно усматривать лишь в тенденции помещать этот элемент между превербом и основой, но никоим образом не в развитии его функций.

Заключая обсуждение кавказского субареала префиксального перфектива, приходится констатировать, что роль языковых контактов в его становлении была скорее всего более ограниченной, чем это предполагалось ранее, и проявилась в первую очередь в кавказском (скорее всего, именно картвельском) влиянии на протоосетинскую систему превербов, приведшем, во-первых, к сохранению или восстановлению их продуктивности как пространственных и лексических модификаторов глагола, и, во-вторых, к семантической реорганизации системы превербов, в частности развитию систематического выражения дейксиса. Что же касается возникновения у превербов акциональных значений и грамматикализации видовых категорий в картвельских языках и в осетинском, то, при отсутствии сколько-нибудь несомненных данных об обратном, эти исторические процессы следует объяснять в первую очередь внутриязыковыми тенденциями, которым языковые контакты могли способствовать лишь косвенно.

Роль языковых контактов более очевидна в возникновении восточноевропейского ареала префиксальной перфективации, ядро которого составляют славянские языки. Независимо от выбора одной из возможных гипотез о взаимных отношениях балтийских и славянских языков, можно с довольно большой степенью уверенности полагать, что праславянская и раннебалтийская системы были в значительной степени изоморфны (с поправкой на ортогональные префиксации различия в словоизменительных глагольных категориях) и что в их возникновении отделить друг от друга параллельное развитие черт, унаследованных из общего источника, и контактное взаимовлияние практически невозможно (обзор балто-славянских гипотез см. в статье [Топоров 2006: 16–21]; о принципиальной возможности как генетической, так и контактной интерпретации многих общих черт балтийских и славянских языков см. [Вимер 2007]). На этом раннем этапе, хронологические рамки которого установить весьма затруднительно, балто-славянские системы превербов, активно развивавшихся из чисто пространственных и лексических модификаторов в акциональные, скорее всего определённым образом взаимодействовали с раннегерманскими, однако характер и масштаб этого контактно-го взаимодействия невозможно достоверно оценить. Что касается

развития балтийских и славянских глагольных систем в исторический период, то славянские языки, с одной стороны, сильно ушли вперёд в обобщении и грамматикализации аспектуальных противопоставлений, выражаемых превербами и показателями имперфективации, и, с другой стороны, оказывали более или менее интенсивное влияние на балтийские языки и в особенности на их диалекты.

Основные лингвистические события, приведшие к современному состоянию центральноевропейского ареала префиксального перфектива, происходили в последнее тысячелетие. Во-первых, это, как уже было сказано, обобщение и окончательная грамматикализация собственно славянских аспектуальных систем, происходившие в разных областях славянского ареала неодинаково и давшие различные результаты. Выше довольно подробно шла речь о противопоставлении западной и восточной «аспектуальных зон» славянских языков [Dickey 2000], различающихся по целому ряду признаков, в основном связанных с большей степенью абстрактности и ориентацией на «макроуровень» видовой оппозиции в языках восточной зоны (восточнославянских, польском, болгарском и македонском), сильнее «эмансипированной» от «микроуровня» акциональных противопоставлений, нежели аспектуальные системы западных языков (лужицких, чешского, словацкого, словенского и сербохорватского), сохраняющие исконную более непосредственную связь грамматического вида с лексической акциональностью. При этом, как убедительно показывает в ряде своих работ С. Дики, противопоставление западной и восточной зон в первую очередь обязано своим происхождением ряду инноваций, происходивших в восточных языках начиная с XV–XVII в. [Dickey 2000: 282–287; 2008: 97] и, очевидно, независимо в северной (польско-восточнославянский континуум) и южной (болгарско-македонский континуум) частях ареала. Эти инновации в основном касались, с одной стороны, распространения видовой коррелятивности на (ингерентно) неопределённые глаголы и непосредственно связанного с этим процесса грамматикализации делимитативного префикса *po-*, и, с другой стороны, сужения употребления совершенного вида, который был постепенно вытеснен несовершенным видом из контекстов настоящего исторического, узального настоящего и общефактического прошедшего.

Во-вторых, как опять-таки показано в работах С. Дики [Dickey 2011], более консервативный характер аспектуальных систем западной зоны по крайней мере отчасти связан с влиянием немецкого языка, длительные контакты с которым — как ни парадоксально это

может показаться на первый взгляд — способствовали сохранению в чешском, словацком, словенском и отчасти в (сербо)хорватском и польском более архаичных черт праславянской аспектуальной системы и препятствовали развитию тех инноваций, которые произошли в свободных от немецкого влияния восточных языках. (Точнее, С. Дики [2008, 2012] рассматривает в качестве наиболее архаичной именно сербохорватскую систему, в которой, в отличие от чешской, словацкой и словенской, не развились чистовидовые употребления префиксов, не связанные напрямую с эффектом Вея—Схоневелда. Тем самым развитие западнославянских аспектуальных систем также включало ряд инноваций, однако иного характера, нежели те, что были представлены в восточной зоне.) Если принять во внимание то, что западнославянские аспектуальные системы сохранили как раз те более архаичные черты, которые сближали их с германскими моделями функционирования превербов и аспектуальных категорий (причём эта близость была ещё большей между древнечешским и средневерхненемецким, нежели между современными чешским и немецким языками), постулируемое С. Дики «ингибирующее» контактное влияние немецкого оказывается вполне закономерным.

Вообще, как было показано в § 7.2, результат контактов с различными вариантами немецкого языка в развитии аспектуальных систем тех славянских языков, в истории которых эти контакты играют особенно значительную роль (в первую очередь это лужицкие языки и ряд славянских микроязыков), неизменно состоит в определённом «нарушении» славянской системы или «торможении» её развития. Претерпевающие под немецким влиянием ту или иную степень грамматикализации конструкции с приглагольными наречиями ослабляют функциональную нагрузку собственно славянских механизмов префиксальной перфективации и суффиксальной имперфективации, что приводит, с оговорками о не всегда очевидной относительной хронологии, к «размыванию» видовой оппозиции или к её неполной «кристаллизации». Это особенно наглядно проявляется в обиходном верхнелужицком, в котором под воздействием немецкого языка утратилось — либо до конца не развилось — фундаментальное свойство славянских приставочных глаголов — строгая терминативность, запрещающая им употребляться в дуративных контекстах.

В-третьих, не вызывает сомнений роль славянских языков в развитии префиксальной перфективации или иных связанных с нею грамматических явлений в других языках ареала — балтийских, идише и венгерском. Выше уже шла речь и о славянском влиянии

на распространение в литовском языке делимитативного употребления префикса *pa-* и имперфективирующей функции итеративного суффикса *-inè-*, и о роли контактов с восточнославянскими языками в развитии префиксальной перфективации в идише, равно как и о контактных явлениях в ливском, цыганском, балканороманских языках и др. Отдельного обсуждения заслуживает вопрос о роли контактов со славянскими языками в развитии аспектуальной системы венгерского языка.

Как уже было отмечено в § 7.1, вопреки мнению некоторых исследователей, в первую очередь Л. Хонти, невозможно утверждать, что перфективирующая префиксация полностью сложилась в венгерском ещё в дописьменный период (и тем более нельзя этого утверждать для общеугорского уровня), и тем самым наиболее активную стадию её грамматикализации следует относить, по-видимому, к XII–XV вв. Основными контактными языками для венгерского в этот период были средневерхненемецкий и — для письменного языка — латынь [Майтинская 1955: 26–35; Mollay 1992; Földes 2009]; со славянскими же языками наиболее интенсивные контакты происходили несколькими веками ранее [Майтинская 1955: 24–25]. Славянские заимствования в венгерском чрезвычайно многочисленны и относятся к самым различным областям материальной и духовной культуры, см. [Simonyi 1907: 63–65, 69], ср. также [Kiefer 2010: 154–155]. Помимо лексики, из славянских языков венгерский заимствовал ряд именных суффиксов [Simonyi 1907: 77–78]; как указывалось выше, в венгерских диалектах отмечается заимствованный славянский префикс превосходной степени прилагательных. Кроме того, западнославянские языки объединяет с венгерским (и немецким) ряд инноваций, относимых рядом исследователей к так называемому центральноевропейскому или «дунайскому» языковому союзу (см. подробнее с основной библиографией [Kurzová 1996; Thomas 2008; Скорвид рукопись]), в частности, утрата противопоставления синтетических перфективного и имперфективного прошедших времён и образование будущего времени с помощью инхоативного вспомогательного глагола. Впрочем, оба эти признака характерны для существенно более крупных ареалов на территории Европы, см. [Thieroff 2000; Dahl 2000].

В свете вышесказанного предположение о славянском влиянии на систему превербов старовенгерского языка и в частности на их перфективирующие употребления вполне закономерно. Тем не менее подтвердить или опровергнуть эту гипотезу без самостоятельного углублённого исследования крайне сложно из-за недостаточности

данных о нетривиальных схождениях между славянскими и венгерскими системами наиболее продуктивных превербов. В частности, в работе Ф. Кифера [Kiefer 2010: 154ff] говорится, с одной стороны, о семантическом параллелизме некоторых славянских и венгерских способов действия и, с другой стороны, о не менее значимых расхождениях, часть которых, по-видимому, связана с позднейшим влиянием немецкого языка. Так, венгерский выражает сатуративный способ действия при помощи элативного преверба *ki-*, следуя немецкой, а не славянской модели [Ibid.: 158], *kipihenni* ‘отдохнуть’ (букв. «наотдыхаться», ср. нем. *sich ausruhen*). Таким образом, хотя предположение о славянском влиянии на венгерскую префиксальную перфективацию представляется не столь невероятным (и Ф. Кифер в указанной работе допускает его в самом общем виде [Ibid.: 155]), его нельзя считать доказанным и тем более невозможно постулировать такое влияние в качестве единственного или основного фактора в развитии венгерской аспектуальной системы.

Аналогичным образом, лишь с большой осторожностью можно говорить о контактных влияниях и тем более их направлении в развитии других признаков глагольных систем «центральноевропейского языкового союза». Так, редукция системы прошедших времён является общеславянской тенденцией, связанной в первую очередь с распространением перфекта (ср. аналогичное развитие в западноевропейских языках, [Abraham 1999]) и становлением деривационного аспекта. В специальном объяснении нуждается скорее отсутствие такой редукции в южнославянских языках, очевидным образом связанное с их интенсивными контактами с греческим и балканороманскими языками. Что же касается перестройки системы прошедших времён в венгерском, то оно может быть обусловлено как внутренними причинами, так и контактами, причём с равной вероятностью и со славянскими языками, и с немецким. То же самое касается и аналитического будущего времени, развитие которого из различных источников является общей чертой европейских языков. Тот факт, что в немецком, венгерском и западнославянских языках источником аналитического футурума послужили сходные конструкции, делает привлекательной контактную гипотезу, однако вопрос источника влияния упирается в трудноразрешимую проблему относительной хронологии грамматикализации этих конструкций (см., например, диссертацию [Whaley 2000], в которой на основании подробного эмпирического анализа отвергается гипотеза о германском влиянии на севернославянские футуральные конструкции).

* * *

Итак, приведённые выше факты и доводы свидетельствуют о том, что в историческом развитии двух ареалов префиксального перфектива в Восточной Европе сыграли важную роль все три основных фактора языковой эволюции: сохранение черт, унаследованных от общего предка, заимствование языковых черт в результате языковых контактов и независимое развитие в соответствии с типологическими тенденциями. В разных языках ареала эти факторы проявлялись и взаимодействовали по-разному. Схематически их соотношение в различных изученных языковых группах и языках представлено в таблице 21.

Как видно из таблицы, если исключить наиболее очевидные (и в основном маргинальные) случаи контактно-индуцированного развития превербной перфективации, оказывается, что роль языковых контактов в становлении центральноевропейского и кавказского ареалов префиксального перфектива в основном сводилась к «частным» взаимовлияниям языков. Эти взаимовлияния касались таких явлений, как калькирование полисемии и семантических признаков превербов, изменение частотности употребления тех или иных морфологических или морфосинтаксических моделей (ср. понятие *frequential copying* в работе [Johanson 2008: 74–75]), развития (или отсутствия развития) частновидовых функций и т. п. Напротив, в большинстве случаев как возникновение и становление собственно систем превербов, так и грамматикализация (самой разной степени продвинутости) их телисизирующих и перфективирующих употреблений, равно как и развитие целого ряда других «сопутствующих» грамматических признаков, вся совокупность которых формирует видо-временную систему каждого конкретного языка, в значительной степени происходили независимо в отдельных языках или языковых группах, и влияние языковых контактов, даже в тех случаях, когда оно было значительным, нельзя рассматривать в качестве основного фактора в становлении рассматриваемых аспектуальных систем.

Этот вывод, как я надеюсь, подкреплённый как надёжными эмпирическими фактами, так и достаточно убедительными рассуждениями, имплицитно следующее важное для ареальной типологии заключение: наблюдаемая в синхронии картина значительных сходств грамматических систем или подсистем географически смежных языков не всегда непременно имеет своим единственным или основным источником контактную конвергенцию даже в тех случаях, когда

Табл. 21. Соотношение унаследованного, контактного и типологического в системах префиксального перфектива

языки	унаследованное	контактное влияние	независимое развитие
1. балтийские и славянские	система преворов	возникновение преворной перфективации	
1.1. славянские в целом	преворная перфективация, итеративный суффикс, аорист и имперфект		вторичная имперфективация
1.1.1. восточные славянские	преворная перфективация, вторичная имперфективация, (южные) аорист и имперфект		делимитативы, чистовидовые преворы, расширение сферы НСВ, (кроме южных) утрага аориста и имперфекта
1.1.2. западные славянские	преворная перфективация, вторичная имперфективация	контакты с немецким: сохранение архаичных черт системы	чистовидовые преворы, утрага аориста и имперфекта
1.1.2.1. обиходный верхнелучицкий	преворная перфективация, вторичная имперфективация, система «западного типа»	контакты с немецким: дуративные употребления глаголов СВ, конструкции с прилагательными наречиями	
1.1.2.2. молиско-славянский	преворная перфективация, вторичная имперфективация, система «западного типа», имперфект	контакты с итальянским: утрага аориста, инцептивно-стативные глаголы	

		<i>Продолжение таблицы 21</i>	
1.2. балтийские в целом	слабо грамматикализованная превербная перфективация		
1.2.1. литовский	слабо грамматикализованная превербная перфективация, итеративный суффикс	контакты со славянскими: делимитативы, вторичная имперфективация с помощью итеративного суффикса	хабитуальное прошедшее, прогрессив-авертив
1.2.2. латышский	слабо грамматикализованная превербная перфективация	контакты с финно-угорскими: конструкции с прилагательными наречиями	аспектуальное распределение превербных глаголов и конструкций с наречиями
2. германские в целом	система превербов	превербная телесизация и отчасти перфективация (возможно контактное влияние латыни и / или балто-славянских)	
2.1. немецкий	система превербов		сокращение превербной перфективации
2.2. идиш	система превербов	контакты со славянскими: перестройка способов действия, превербная перфективация	
3. обско-угорские в целом	система наречий, система прошедших времён		превербы
3.1. венгерский	система превербов, система прошедших времён, синтетическое будущее	возможно, контакты со славянскими: превербная перфективация	превербная перфективация, аналитическая имперфективация, сокращение системы прошедших времён, утрата синтетического будущего

		<i>Окончание таблицы 21</i>	
4. иранские в целом	система преве́рбов, аорист и имперфект		превербная телисизация, перестройка системы времён
4.1. осетинский	система преве́рбов	контакты с картвельскими: перестройка системы преве́рбов, дейксис возможно, контакты с картвельскими: перфективация	показатель имперфективации, будущее время
5. картвельские в целом	система преве́рбов	возможно, контакты с осетинским: преве́рбная перфективация	
6. цыганские	отсутствие преве́рбов	контакты со славянскими, балтийскими, немецким или венгерским: заимствование преве́рбов, преве́рбная телисизация / перфективация, конструкции с приглагольными наречиями	
7. ливский	отсутствие преве́рбов	контакты с латышским: заимствование преве́рбов, преве́рбная телисизация / перфективация	
8. истрорумынский	отсутствие продуктивных преве́рбов и показателей имперфективации, аорист и имперфект, актуальная нейтральность глагольных лексем	контакты со славянскими: заимствование преве́рбов и показателя имперфективации, преве́рбная перфективация, суффиксальная имперфективация, утрата аориста и имперфекта	перфективность простых глаголов

можно доказать, что эти сходства или их значительная часть носят инновационный характер. Взаимодействие генетически унаследованного, универсально-типологического и контактно-индуцированного в эволюции грамматических систем происходит чрезвычайно сложным образом, и роль этих факторов в каждом конкретном случае не всегда может быть надёжно установлена, особенно в отсутствие как полноценных письменных памятников, отражающих лингвистические особенности контактирующих идиомов в конкретные эпохи, так и достоверных свидетельств социолингвистического характера. Данное утверждение может показаться тривиальным, однако немалое число авторитетных работ, в том числе обсуждавшихся выше, без достаточно весомых аргументов постулирующих или, напротив, отвергающих контактный характер тех или иных инноваций, скорее убеждает в обратном.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги книги, кратко суммирую основные выводы и результаты ареально-типологического исследования систем префиксального перфектива в языках Восточной Европы и Кавказа.

В книге было впервые предпринято «фронтальное» сопоставительное исследование систем префиксальной перфективации в значительной части релевантных языков, исходящее из единой системы теоретических предпосылок и использующее общую систему классификационных параметров. Одной из целей исследования было по возможности освободиться от «перекоса» в сторону лучше всего изученных славянских языков и рассмотреть на необходимом уровне подробности данные балтийских языков (как литовского, так и латышского, который в данном контексте нередко игнорировался), идиша (и, для необходимого сопоставления с ним, немецкого), венгерского, осетинского и всех картвельских языков (опять-таки, в большей части существующих типологических работ по виду «славянского типа» привлекается лишь грузинский).

Главы 2–5 были в первую очередь ориентированы на систематическое представление эмпирического материала — описание весьма разнообразных конкретных проявлений классификационных параметров, избранных мною для анализа рассматриваемых глагольных систем. Были изучены морфологические и морфосинтаксические характеристики превербов и префиксальных глаголов, семантические особенности превербов, как связанные непосредственно с выражением акциональных и аспектуальных значений, так и не имеющие, по крайней мере, на первый взгляд, очевидной связи с предельностью, терминативностью и перфективностью (например, характер выражения в системах превербов дейктических значений). Наконец, в наиболее подробной главе 5 были проанализированы с типологической точки зрения характеристики самих глагольных систем с перфективирующими превербами, с особым вниманием к таким признакам, как характер функционального противопоставления между простыми и превербными глаголами, средства вторичной имперфективации и типы взаимодействия превербных глаголов с другими имеющи-

мися в изучаемых языках грамматическими видо-временными категориями.

Поскольку отправной точкой описания в главах 2–5 всякий раз были конкретные классификационные признаки, разумеется, его итогом являются относительно подробные данные о значениях этих признаков для каждого из языков, а не «портреты» каждой из изучаемых глагольных систем (такая задача, собственно, и не ставилась). Основным результатом этих глав — во-первых, обобщение большого количества фактов, многие из которых прежде не рассматривались в сопоставлении и не были известны аспектологам за пределами соответствующей лингвистической традиции, и, во-вторых, эксплицирование в рамках единой системы понятий и классификационных признаков сходств и различий между системами префиксальной перфективации всех изученных языков. Методом наглядного представления выявленных сходств и различий служили, в частности, схематические карты соответствующих изоглосс.

В главе 6 был предпринят количественный анализ полученных данных с использованием ряда методик, в частности, картографирования изоплет, построения филогенетических графов NeighborNet и количественной оценки степени сходства между языками. Все эти методы продемонстрировали, что в рассматриваемом ареале имеются две существенно отличающиеся друг от друга зоны кластеризации систем префиксального перфектива — славянская (с ярко выраженным «аутсайдером» — обиходным верхнелужицким) и картвельская. Остальные языки, как восточноевропейские, так и локализующийся на Кавказе осетинский, располагаются в менее чётко очерченной области, промежуточной между двумя «полюсами», и не демонстрируют существенного «притяжения» ни друг к другу, ни к одному из «полюсов» (осетинский, разумеется, следует рассматривать как «аутсайдер» по отношению к картвельскому кластеру, однако степень его сходства с картвельскими языками ниже, чем у обиходного верхнелужицкого со славянскими). Анализ кластеризации значений признаков позволил выделить во многом различающиеся наборы их значений, характерные для двух «ядерных» зон префиксального перфектива, и сделать вывод о существовании двух «прототипов» данной категории: славянского и картвельского, — к которым в той или иной степени приближаются другие языки изучаемого ареала.

Важным негативным выводом главы 6 является то, что многофакторный количественный анализ не позволяет чётко выявить действие собственно ареального фактора, т. е. языковых контактов.

Так, демонстрируя «девиантность» обиходного верхнелужицкого в рамках славянской группы, квантитативные методы ничего не сообщают о её причинах — контактах с немецким языком, поскольку в результате этих контактов верхнелужицкий не столько приблизился к немецкой системе, сколько отдалился от славянского «прототипа». Очевидно, что языковые контакты редко влияют на грамматическую систему в целом и скорее проявляются в изменении конкретных значений отдельных признаков. В связи с этим изучение контактных взаимодействий систем префиксального перфектива было отдельной задачей исследования.

Целью главы 7 было оценить роль и «вес» в развитии наблюдаемого ныне синхронного состояния систем префиксального перфектива в изучаемом ареале трёх основных факторов языковой эволюции — генетического родства, языковых контактов и универсальных типологических тенденций. С этой целью было предпринято три фактически независимых исследования.

Диахронический (сравнительно-исторический) анализ истории превербов и их аспектуальных функций в трёх основных рассматриваемых языковых семьях — индоевропейской, картвельской и уральской, для которого был привлечён дополнительный материал целого ряда древних и современных языков, показал, что, с одной стороны, во всех этих семьях имелись внутренние предпосылки для возникновения префиксальной перфективации или по крайней мере развитой системы глагольной ориентации, но, с другой стороны, развитие аспектуальных функций в каждой из семей было сравнительно поздней инновацией. В частности, нет оснований считать, что префиксальная перфективация в различных ветвях индоевропейской семьи (балто-славянской, иранской, германской, кельтской, итальянской) была унаследована от праязыка, напротив, исторические данные вполне однозначно свидетельствуют об инновационном характере каждого из этих случаев. То же самое можно с достаточной долей уверенности сказать и о превербной перфективации в обско-угорских и картвельских языках.

Изучение реальных (а не гипотетических) контактных взаимодействий в области префиксального перфектива также потребовало существенного расширения эмпирической базы исследования. К рассмотрению были привлечены данные по большей части миноритарных контактных языков, испытавших разного рода воздействия на свои глагольные системы, — цыганских диалектов, ливского, славянских микроязыков, балканороманских языков, литовских диалектов балто-

славянского пограничья и др. Основной вывод этого исследования состоит в том, что даже в тех случаях, когда в результате языкового контакта в языке-реципиенте появляются заимствованные превербы или целые системы превербов (как в цыганских диалектах, ливском и истрорумынском) или существующие системы претерпевают существенные структурные и функциональные изменения (как в идише под славянским влиянием или в славянских микроязыках под немецким), не приходится говорить о заимствовании или калькировании (или, в случае контактов славянских языков с немецким, о разрушении) аспектуальной системы как таковой. Даже в ситуации продолжительного и интенсивного языкового контакта, приводящего к частичной «метатипии» [Ross 1999, 2007], система языка-реципиента, интегрируя заимствованные элементы, развивается по своей внутренней логике и не копирует в полной мере систему языка-донора. В связи с этим неизбежен вывод о том, что в случае менее продолжительных и менее интенсивных языковых контактов, а именно такие наблюдались по большей части между основными рассматриваемыми языками, роль этих контактов в возникновении и развитии аспектуальных категорий самих по себе должна быть ещё более ограниченной.

Действительно, более подробный анализ возможной роли языковых контактов в возникновении картвельской и осетинской аспектуальной систем, для которых в литературе постулировалось общее происхождение в результате контактного взаимодействия, показал, что роль такого взаимодействия в их развитии могла быть лишь весьма ограниченной и касаться в первую очередь семантики превербов (например, дейктических противопоставлений), в то время как взаимовлияние собственно аспектуальных систем приходится, вопреки авторитетным работам В. И. Абаева, считать маловероятным. Тем самым, наиболее взвешенной представляется трактовка кавказского ареала префиксального перфектива как возникшего в результате параллельного развития из типологически сходных источников с определённым и ограниченным «вкладом» языковых контактов. Во многом аналогичный вывод приходится сделать и для венгерского языка, хотя здесь влияние как славянских языков, так и средненемецкого представляется более вероятным.

Наконец, хотя в книге не ставилась задача систематического поиска типологических параллелей к восточноевропейским системам префиксальной перфективации, анализ небольшого числа упоминавшихся в литературе случаев показывает, что хотя само по себе использование превербов как перфективаторов, возможно, за предела-

ми изучаемого ареала встречается очень редко, развитие префиксальными показателями «глагольной ориентации» телесизирующей и перфективирующей функций отмечено в самых разных языковых семьях и ареалах и может считаться универсально-типологической тенденцией.

Заключая, укажу, что основными результатами данной работы я считаю первый систематический анализ сходств и различий между системами префиксальной перфективации в представительном множестве языков Восточной Европы и Кавказа и демонстрацию нетривиального и сложного взаимодействия в этой области генетических, типологических и ареальных факторов. Разумеется, ни в какой работе нельзя изучить всё множество фактов, и настоящая монография не является исключением и ни в коей мере не претендует на полноту охвата материала. Тем не менее мне хочется надеяться на то, что изложенные здесь эмпирические данные и выводы будут использованы в дальнейших типологических и ареальных исследованиях по аспектологии.

СОКРАЩЕНИЯ

1	—	1-е лицо
2	—	2-е лицо
3	—	3-е лицо
X>Y	—	в полиперсональных показателях указывает на категории субъекта (X) и объекта (Y)
A	—	агенса переходного глагола
ABL	—	аблатив
ABS	—	абсолютив
ACC	—	аккузатив
ADESS	—	адэссив
ADD	—	аддитивный показатель
ADV	—	приглагольное наречие
AFF	—	утвердительность
ALL	—	аллатив
AOR	—	аорист
AUX	—	вспомогательный глагол
BEN	—	бенефактив
CAUS	—	каузатив
CNT	—	континуатив
CNTR	—	контрастивность
CNV	—	конверб (деепричастие)
COM	—	комитатив
COMP	—	подчинительный союз
COND	—	кондиционалис
CV	—	«характерный гласный» (в картвельских языках)
DAT	—	датив
DCL	—	декларатив
DEB	—	дебитив
DEF	—	определённость
DEM	—	указательное местоимение
DIR	—	директивность
ELAT	—	элатив
ERG	—	эргатив
EVID	—	эвиденциальность
F	—	женский род

FOC	—	фокус
FUT	—	будущее время
GEN	—	генитив
HAB	—	хабитуалис
ILL	—	иллатив
IMP	—	императив
IND	—	индикатив
INDF	—	неопределённость
INESS	—	инэссив
INF	—	инфинитив
INS	—	инструменталис
INSTR	—	инструментальный преверб
IO	—	непрямой объект
IPF	—	имперфектив
IPFV	—	имперфект
ITER	—	итератив
LAT	—	латив
LOC	—	локатив; локативность
M	—	мужской род
MOT	—	мотатив (падеж начальной / конечной точки движения в лазском)
N	—	средний род
NAR	—	«нарративный» падеж (в мегрельском)
NEG	—	отрицание
NML	—	номинализация
NOM	—	номинатив
O	—	объект
OBL	—	косвенный падеж
OC	—	объектное спряжение (в венгерском)
OPT	—	оптатив
PA	—	активное причастие
PASS	—	пассив
PFV	—	перфектив
PL	—	множественное число
PLSQ	—	плюсквамперфект
POSS	—	посессивность
PP	—	пассивное причастие
PRF	—	перфект
PROG	—	прогрессив
PRS	—	настоящее время
PRT	—	причастие
PRV	—	преверб
PST	—	прошедшее время
PX	—	префикс

Q	—	вопросительность
QUOT	—	квотатив
RES	—	результатив
RFL	—	рефлексив
S	—	субъект
SBD	—	субординатор
SBJ	—	сослагательное наклонение
SG	—	единственное число
SM	—	показатель серии (в картвельских языках)
SPRES	—	суперэссив
SPRLAT	—	суперлатив (падеж)
SS	—	односубъектность
TOP	—	топик
VOC	—	вокатив
адыг.	—	адыгейский
англ.	—	английский
болг.	—	болгарский
вбал.	—	верхнебальский (диалект сванского)
венг.	—	венгерский
влуж.	—	верхнелужицкий
вост.-слав.	—	восточнославянские
греч.	—	древнегреческий
груз.	—	грузинский
грхр.	—	градишанско-хорватский
дигор.	—	дигорский осетинский
дргруз.	—	древнегрузинский
дрчеш.	—	древнечешский
ирон.	—	иронский осетинский
итал.	—	итальянский
кслв.	—	каринтский словенский
лаз.	—	лазский
латг.	—	латгальский
лит.	—	литовский
лотф.	—	лотфитка
лтш.	—	латышский
луж.	—	верхнелужицкий (на рисунках)
мегр.	—	мегрельский
мсл.	—	молизско-славянский
нем.	—	немецкий
нлуж.	—	нижнелужицкий
осет.	—	осетинский
пие.	—	праиндоевропейский

пол.	—	польский
псл.	—	праславянский
рус.	—	русский
сван.	—	сванский
свн.	—	средневерхненемецкий
слвн.	—	словенский
слвц.	—	словацкий
срхр.	—	сербохорватский
стсл.	—	старославянский
франц.	—	французский
хорв.	—	хорватский
чеш.	—	чешский

ИСТОЧНИКИ

- ВЛРС 1974 — *Верхнелужицко-русский словарь*. 35 000 слов / Сост. К. К. Трофимович, под ред. Ф. Михалка и П. Фёлькиеля. М.: Русский язык; Budyšin: Domowina, 1974.
- ГСРЯ 2003 — А. А. Зализняк. *Грамматический словарь русского языка*. Около 110 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М.: «Русские словари», 2003.
- МЕ — *Мариинское Евангелие. Codex Marianus*. Электронное издание. <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/slav/aksl/marianus/maria.htm>
- МРС 1963 — *Македонско-русский словарь*. 30 000 слов / Сост. Д. Толовски, В. М. Иллич-Свитыч, под ред. Н. И. Толстого. М.: ГИИИИЦ, 1963.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>
- ОРС 1970 — *Осетинско-русский словарь* / Под ред. В. И. Абаева. 3-е изд. Орджоникидзе: «Ир», 1970.
- ПРС 1960 — *Польско-русский словарь*. Ок. 50 000 слов / Под ред. М. Ф. Розвадовской. М.: ГИИИИЦ, 1960.
- СХРС 1957 — *Сербохорватско-русский словарь* / Сост. Н. И. Толстой. М.: ГИИИИЦ, 1957.
- BG 1589 — Jonas Bretkūnas. Giesmės Duchanos. Königsberg, 1589. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=12>
- ВКа 1589 — Jonas Bretkūnas. Kancionalas nekuru Giesmu Bažniczioie Diewa... Königsberg, 1589. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=13>
- ВКо 1589 — Jonas Bretkūnas. Kolektos alba Paspalitas Maldas... isch Wokischko liežuwió ing Lietuwischka pergulditas, 1589. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=14>
- СА — *Codex Argenteus. Die gotische Bibel*: Hrg. von Wilhelm Streitberg. (Germanische Bibliothek, 2. Abt., 3. Band) 1. Teil: *Der gotische Text und seine griechische Vorlage*. Heidelberg: Winter, 1919.
- DK 1595 — Mikalojus Daukša. Katekizmas (Kathechismas arba Mokslas kiekvienam Krikszczioni priwalus...). Vilnius, 1595. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=1>
- DLKŽ 1954 — *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, 1954.
- DM 1765–1775 — Kristijonas Donelaitis. Metai. Электронное издание. <http://www.antologija.lt/texts/6/main.html>

- DP 1599 — Mikalojus Daukša. Postilė (Postilla Catholica tai est Išguldimas Ewangeliu...). Vilnius, 1599. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=2>
- JE 1679 — Jonas Jaknavičius. Ewangelie Polskie y Litewskie. Vilnius, 1679. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=18>
- KLLKV 2008 — В. Сеплите, А. Дарбиџа, Н. Калниџс, Д. Нџтиџа. *Krievu-latviešu / latviešu-krievu vārdnīca*. Rīga: Avots, 2008.
- KING 1666 — Danielius Kleinas. Naujos giesmių knygos (Neu Littausches verbessert und mit vielen neuen Liedern vermehretes Gesangbuch...). Königsberg, 1666. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=40>
- KN SE 1653 — Steponas Jaugelis Telega, Samuelis Minvydas, Jonas Božymovskis. Suma evangelijų (Summa aba Trumpas iszguldimas Ewanieliv...). Kedainai, 1653. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=23>
- KR 1681 — Jurgis Kasakauskis. Rožančius švenčiausios Marijos, 1681. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=17>
- LGDF 1993 — *Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache* / Hrsg. von D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. Berlin: Langenscheidt, 1993.
- LKT — Lietuvių kalbos tekstynas / Корпус литовского языка. <http://tekstynas.vdu.lt>
- OGB — The Online Greek Bible. <http://www.greekbible.com/index.php>
- ONC — Ossetic national corpus / Осетинский национальный корпус. <http://www.ossetic-studies.org/iron-corpus>
- Seznam — Seznam.cz Slovník. Электронное издание. <http://slovník.seznam.cz>
- SG 1646 — Saliamonas Mozerka Slavočinskis. Giesmės tikėjimui katolickam priderančios. Vilnius, 1646. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=10>
- SRS 1967 — J. Kotnik. *Slovensko-ruski slovar*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1967.
- SSKJ 2000 — *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2000. Электронное издание. <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>
- VJ 1869 — Motiejus Valančius. Palangos Juzė. 1869. Электронное издание. http://www.antologija.lt/texts/18/turinys_1.html
- WP 1573 — (Anonymus) Wolfenbüttelio postilė (Ischguldimas Evangeiv per wisvs metvs...). 1573. Электронное издание. <http://www.lki.lt/seniejirastai/db.php?source=37>
- YNC — Corpus of Modern Yiddish. <http://corpustechnologies.com:8080/YNC>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И. (1949). *Осетинский язык и фольклор*. Т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Абаев В. И. (1958). *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Абаев В. И. (1959). Грамматический очерк осетинского языка // *Осетинско-русский словарь*. Орджоникидзе, 1959, с. 544–720.
- Абаев В. И. (1964). Превербь и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе // В. Н. Топоров (ред.). *Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков*. М.: «Наука», 1964, с. 90–99.
- Абаев В. И. (1965). *Скифо-европейские изоглоссы. На стыке востока и запада*. М.: «Наука», 1965.
- Абаев В. И. (1973). *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. II. Л.: «Наука», 1973.
- Авилова Н. С. (1976). *Вид глагола и семантика глагольного слова*. М.: «Наука», 1976.
- Агранат Т. Б. (1989). Функции превербов в современном венгерском языке // *Советское финно-угроведение*. Т. 25 (1989) № 4, с. 262–273.
- Алексеев М. Е., Шихалиева С. Х. (2003). *Табасаранский язык*. М.: «Academia», 2003.
- Амбразас В. (ред.) (1985). *Грамматика литовского языка*. Вильнюс: «Моклас», 1985.
- Ананьева Н. Е. (1995). О некоторых особенностях глагола в польских говорах окрестностей Видз // Г. П. Клепикова (ред.). *Исследования по славянской диалектологии. Вып. 4. Dialectologia Slavica. Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна*. М.: «Индрик», 1995, с. 125–132.
- Апресян Ю. Д. (1995). Трактовка избыточных аспектуальных парадигм в толковом словаре // Ю. Д. Апресян. *Избранные труды*. Т. II. М.: «Восточная литература», 1995, с. 102–113.
- Аркадьев П. М. (2006). Соотношение между семантическими и морфологическими классами непроеизводных глаголов в литовском языке в типологической перспективе // Т. Н. Молошная (ред.). *Типология грамматических систем славянского пространства*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2006, с. 128–163.

- Аркадьев П. М. (2007а). Заметки к типологии префектива // Иванов (ред.) 2007: 17–30.
- Аркадьев П. М. (2007б). Предикаты и обстоятельства длительности в адыгейском языке: взаимодействие лексической и синтаксической семантики // Ф. И. Дудчук, Н. В. Ивлиева, А. В. Подобряев (ред.). *Структуры и интерпретации: работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике*. М.: Изд-во Московского университета, 2007, с. 172–194.
- Аркадьев П. М. (2008а). Уроки литовского языка для славянской аспектологии // А. М. Молдован (ред.). *Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации*. М.: «Индрик», 2008, с. 28–43.
- Аркадьев П. М. (2008б). Таксономические категории глагола и темпоральные наречия: свидетельства адыгейского языка // А. В. Бондарко, Г. И. Кустова, Р. И. Розина (ред.). *Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой*. М.: «Языки славянских культур», 2008, с. 59–70.
- Аркадьев П. М. (2009а). Теория акциональности и литовский глагол // *Балто-славянские исследования*, Вып. XVIII. М.: «Языки славянских культур», 2009: 72–94.
- Аркадьев П. М. (2009б). Глагольная акциональность // Тестелец (ред.) 2009: 201–261.
- Аркадьев П. М. (2010). Ещё раз о семантике литовских *n/st*-глаголов: от непереходности к начинательности // М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян (ред.), *Топоровские чтения. I–IV. Избранное*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010, с. 309–324.
- Аркадьев П. М. (2012). Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // Плунгян (ред.) 2012: 45–121.
- Аркадьев П. М. (2013). Комбинаторика «партикул» и литовские внешние префиксы. Статья для юбилейного сайта Т. М. Николаевой. <http://tnikolaeva.inslav.ru/statji/>
- Аркадьев П. М. (2014). Глагольная рестриктивность в литовском языке // С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика (ред.). *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskii Samuelis filio dedicata (Acta Linguistica Petropolitana T. X, Ч. 3)*. СПб: «Наука», 2014, с. 11–40.
- Аркадьев П. М., Короткова Н. А. (2005). О показателе *-ž'ə-* в адыгейском языке. Доклад на 2-й Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 3–5 ноября 2005. Электронное издание. http://www.inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/ArkadievKorotkova_Z'E_Spb.pdf

- Аркадьев П. М., Ландер Ю. А., Летучий А. Б., Сумбатова Н. Р., Тестелец Я. Г. (2009). Введение. Основные сведения об адыгейском языке // Тестелец (ред.) 2009: 17–120.
- Аркадьев П. М., Тестелец Я. Г. (2009). О трех чередованиях в адыгейском языке // Тестелец (ред.) 2009: 121–145.
- Ахвледиани Г. С. (1960). *Сборник избранных работ по осетинскому языку*. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1960.
- Ахвледиани Г. С. (1963). Превербный тмезис в осетинском языке // *Краткие сообщения института народов Азии*. 67. *Иранская филология*. М.: Изд-во восточной литературы, 1963, с. 11–15.
- Ахвледиани Г. С. (ред.) (1963). *Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология*. Орджоникидзе: НИИ при совете министров Северо-осетинской АССР, 1963.
- Бенаккьо Р. (2002). Славяно-романские контакты в словенских говорах Фриули // Николаева (ред.) 2002: 263–300.
- Бенаккьо Р. (2010). *Вид и категория вежливости в славянском императиве: сравнительный анализ*. München: Otto Sagner, 2010.
- Богомолова Н. К. (2013). Префиксальный перфект в табасаранском языке // Е. М. Девяткина (ред.). *Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Второй конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых учёных» (5–7 сентября 2013 г.)*. М.: Институт языкознания РАН, 2013, с. 40–54.
- Бондарко А. В. (1959). Настоящее историческое в славянских языках с точки зрения глагольного вида // *Виноградов (ред.) 1959*: 48–58.
- Бондарко А. В. (ред.) (1984). *Теория грамматического значения и аспектологические исследования*. Л.: «Наука», 1984.
- Бородич В. В. (1954). К вопросу о видовых отношениях старославянского глагола // С. Б. Бернштейн (ред.). *Учёные записки Института славяноведения*. Вып. IX. М.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 50–138.
- Борковский В. И., Кузнецов П. С. (1963). *Историческая грамматика русского языка*. М., 1963.
- Брейдак А. Б. (1972). Происхождение предлога *da* и приставки *da-* в балтийских языках // *Известия Академии наук Латвийской ССР*. 1972 № 4 (297), с. 137–142.
- Брой В. (1998). Сопоставление славянского глагольного вида и вида романского типа (аорист : имперфект : перфект) на основе взаимодействия с лексикой // *Черткова (ред.) 1998*: 88–98.
- Брой В. (2006). Флективный и деривационный глагольный вид в молизско-славянском языке // *Вопросы языкознания*. 2006 № 3, с. 70–87.
- Булнина И. К. (1959). *Система времён старославянского глагола*. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

- Бурлак С. А., Иткин И. Б. (2006). *Формальная грамматика тохарского А языка (Фонология. Морфонология. Морфология)*. Рукопись, 2006.
- Буторин С. С. (2012). Директивные глагольные сателлиты в кетском языке и типология моделей лексикализации Л. Талми // *Вестник ТГПУ*. 2012 № 1 (116), с. 33–37.
- Вайан А. (1948/1952). *Руководство по старославянскому языку* / Пер. с франц. В. В. Бородич, под ред. и с предисл. В. Н. Сидорова. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1952. (A. Vaillant. *Manuel du vieux slave*. Paris: Institut d'études slaves, 1948).
- Венедиктов Г. К. (1955). К вопросу о глаголах с двумя приставками в современном болгарском языке // *Учёные записки ЛГУ. Сер. филол. наук*. Т. 180 (1955), вып. 21, с. 172–177.
- Венедиктов Г. К. (1976/2009). Об одном явлении в системе глагольного вида в болгарском литературном языке // С. Б. Бернштейн (ред.). *Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии современных славянских и балканских языков*. М.: «Наука», 1976, с. 283–301. (2-е изд. в: Г. К. Венедиктов. *Исследования по лингвистической болгаристике*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009, с. 174–194.)
- Вимер Б. (2001). Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов // *Вопросы языкознания*. 2001 № 2, с. 26–58.
- Вимер Б. (2006). О разграничении грамматических и лексических противопоставлений в глагольном словообразовании, или: чему могут научиться аспектологи на примере *ся*-глаголов // Ф. Леман (ред.). *Семантика и структура славянского вида IV. Глагольный вид и лексикография*. München: Sagner, 2006, с. 97–123.
- Вимер Б. (2007). Судьбы балто-славянских гипотез и сегодняшняя контактная лингвистика // Иванов (ред.) 2007: 31–45.
- Вимер Б. (2013). Значимость способов модификации глагольных основ для оценки ареальной дифференциации балтийских языков (по сравнению с рядом славянских микроязыков) // Иванов, Аркадьев (ред.) 2013: 220–246.
- Виноградов В. В. (ред.) (1959). *Славянское языкознание*. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Выдрин А. П. (2014). Глагол в осетинском языке // *Востоковедение. Историко-филологические исследования. Межвузовский сборник статей*. Вып. 30 (заключительный). Памяти акад. М. Н. Боголюбова. СПб, 2014, с. 25–81.
- Выдрин В. Ф. (2006). Локативные превербы в языках манде // *Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, по-*

- священная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы.* СПб.: «Нестор-История», 2006, с. 36–40.
- Выдрин В. Ф. (2009). Превербы в языке дан-гуэта // *Вопросы языкознания.* 2009 № 2, с. 75–84.
- Галнайтите Э. (1959). Лексические значения глагольной приставки *po-* в соответствии с литовской приставкой *pa-* // *Виноградов (ред.) 1959:* 59–71.
- Галнайтите Э. (1966). К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке // *Baltistica.* Т. 2/2 (1966), с. 147–158.
- Галнайтите Э. (1980). К проблематике способов глагольного действия в русской и литовской аспектологии // *Kalbotyra.* Т. 30 (1980), № 2, с. 7–22.
- Галнайтите Э. (1984). Глаголы движения в системе способов глагольного действия // *Kalbotyra.* Т. 35 (1984), № 2, с. 77–88.
- Генюшене Э. Ш. (1985). Двупредикатные фазовые конструкции в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). *Типология конструкций с предикатными актантами.* Л.: «Наука», 1985, с. 151–154.
- Генюшене Э. Ш. (1989). Мультипликатив и итератив в литовском языке // Храковский (ред.) 1989: 122–132.
- Гецадзе И. О. (1984). Категория глагольного вида и аспектуальность в грузинском языке // Бондарко (ред.) 1984: 260–268.
- Горбов А. А., Горбова Е. В. (2012). Предел, предельность, трансформативность, *telicity* — терминологическое недоразумение рубежа веков? // М. Д. Воейкова (отв. ред.), *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко.* М.: «Языки славянских культур», 2012, с. 117–125.
- Горбова Е. В. (2010). *Акциональность глагольной лексики и аспектуальные грамемы. Вопросы взаимодействия.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Университета, 2010.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. (1981). *Историческая грамматика русского языка.* М.: «Высшая школа», 1981.
- Граннес А. (1970). Многократные бесприставочные глаголы в русском литературном языке второй половины XVIII века (На материале русской комедии и комической оперы) // *Scando-Slavica.* Т. 16 (1970), с. 143–156.
- Грюнберг А. Л. (1987). Афганский язык // В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Восточная группа.* М.: «Наука», 1987, с. 6–154.
- Гудков В. П. (1969). *Сербохорватский язык.* М.: Изд-во Московского университета, 1969.

- Гухман М. М. (1966). Глагол в германских языках // Э. А. Макаев (ред.). *Сравнительная грамматика германских языков*. Т. IV. М.: «Наука», 1966, с. 124–434.
- Дамбрюнас Л. (1962). Глагольные виды в литовском языке // Ю. С. Маслов (ред.). *Вопросы глагольного вида*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962, с. 365–381.
- Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. (2001). *Русские приставки: многозначность и семантическое единство*. М.: «Русские словари», 2001.
- Дубасова А. В. (2002). О категории вида в латышском языке // А. В. Андронов (ред.). *V Межвузовская научная конференция студентов-филологов. Секция балтистики. Тезисы докладов*. СПб.: СПбГУ, 2002, с. 9.
- Дуличенко А. Д. (2005). Глагольные отделяемые наречия-приставки в славянском, германском и финно-угорском как объект контактной грамматики // *Studia Slavica Hungarica*. V. 50 (2005), №. 1–2, с. 15–28.
- Елизаренкова Т. Я. (1987). *Ведийский язык*. М.: «Наука», 1987.
- Ермакова М. И. (1963). Морфология и значение форм настоящего времени в нижнелужицком языке // Л. Э. Калнынь (ред.). *Сербо-лужицкий лингвистический сборник*. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 84–106.
- Ермакова М. И. (1973). *Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология*. М.: «Наука», 1973.
- Ермакова М. И. (2008). Особенности немецко-серболужицкой интерференции в отдельных говорах Лужицы // Л. Э. Калнынь (ред.). *Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем)*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008, с. 180–202.
- Ермакова М. И., Недолужко А. Ю. (2005). Серболужицкий язык // А. М. Молдован, С. С. Скорвид и др. (ред.). *Языки мира. Славянские языки*. М.: «Academia», 2005, с. 309–347.
- Ефимов В. А., Расторгуева В. С., Шарова Е. Н. (1982). Персидский, таджикский, дари // В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Западная группа, прикаспийские языки*. М.: «Наука», 1982, с. 5–286.
- Завьялова М. В. (2013). Механизмы адаптации славянских заимствований в литовском языке (на современном этапе) // Иванов, Аркадьев (ред.) 2013: 247–265.
- Зализняк А. А. (1962). Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 6. Москва: Изд-во АН СССР, 1962, с. 28–45.
- Зализняк А. А. (2004). *Древненовгородский диалект*. 2-е изд., дополн. М.: «Языки славянской культуры», 2004.

- Зализняк А. А. (2008). *«Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста*. 3-е изд., дополн. М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2008.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. (2010). О месте видовых троек в аспектуальной системе русского языка // *Труды международной конференции «Диалог 2010»*. М., 2010, с. 130–136.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. (2011). *Рвать зубы и мыть деньги*: об одном типе употребления бесприставочных имперфективов в русском языке // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог'2011». Бекасово, 25–29 мая 2011*. М., 2011, с. 725–736.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И. (2012). О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // *Вопросы языкознания*. 2012 № 6, с. 48–65.
- Зализняк Анна А., Микаэлян И., Шмелёв А. Д. (2010). Видовая коррелятивность в русском языке: В защиту видовой пары // *Вопросы языкознания*. 2010 № 1, с. 3–23.
- Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д. (2000). *Введение в русскую аспектологию*. М.: «Языки русской культуры», 2000.
- Иванов Вяч. Вс. (ред.) (2007). *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола*. М.: «Пробел-2000», 2007.
- Иванов Вяч. Вс., П. М. Аркадьев (ред.) (2013). *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов)*. СПб.: «Алетейя», 2013.
- Исаев М. И. (1966). *Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика, морфология*. М.: «Наука», 1966.
- Исаченко А. В. (1960). *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология*. Ч. II. Братислава: Изд-во словацкой академии наук, 1960.
- Казакевич О. А. (2008). К вопросу о моделях описания селькупской глагольной деривации // Плунгян, Татевосов (ред.) 2008: 114–126.
- Керашева З. И. (1988). Аспектуальные аффиксы и их роль в выражении способов действия в адыгских языках // *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*. Т. 15 (1988), с. 163–170.
- Клепикова Г. П. (1959). Функции славянских глагольных приставок в исторорумынском // С. Б. Бернштейн (ред.). *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 34–72.
- Князев Ю. П. (2004). Сильные и слабые позиции видового противопоставления // Черткова (ред.) 2004: 108–118.
- Кожанов К. А. (2011). Балто-славянские глагольные префиксы в балтийских диалектах цыганского языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. VII. Ч. 3. СПб.: «Наука», 2011, с. 311–315.

- Кожанов К. А. (2012). Семантика приставки *da-* в литовском языке // *Девятая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы*. СПб.: ИЛИ РАН, 2012, с. 68–72.
- Кожанов К. А. (2013). История изучения глагольных префиксов в литовском языке. II // *Славяноведение*. 2013, № 4, с. 96–102.
- Кожанов К. А. (2015). *Балто-славянские ареальные контакты в области глагольной префиксации*. Диссертация ... кандидата филологических наук. М., Ин-т славяноведения РАН, 2015.
- Козлов А. А. (2014). К грамматической семантике старославянских конструкций *хотѣти / имѣти* с инфинитивом // *Русский язык в научном освещении*. 2014. № 1 (27), с. 122–149.
- Коряков Ю. Б. (2006). *Атлас кавказских языков*. М.: Ин-т языкознания РАН, 2006.
- Кронгауз М. А. (1998). *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. М.: «Языки русской культуры», 1998.
- Кронгауз М. А. (ред.) (2001). *Глагольные префиксы и префиксальные глаголы*. *Московский лингвистический журнал*, спец. выпуск. Т. 5 (2001) № 1.
- Кронгауз М. А., Пайар Д. (ред.) (1997). *Глагольная префиксация в русском языке*. М.: «Русские словари», 1997.
- Кузнецова А. И. (2008). Аспектуальная деривация в селькупском языке: семантическая модификация глагола и способы её выражения // Плуныян, Татевосов (ред.) 2008: 103–113.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. (1980). *Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект*. Т. I. М.: Изд-во Московского университета, 1980.
- Кукушкина О. В., Шевелёва М. Н. (1991). О формировании современной категории глагольного вида // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 1991, № 6, с. 38–49.
- Левитская А. А. (2004). Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // *Вопросы языкознания*. 2004, № 1, с. 29–41.
- Левитская А. А. (2007). О видовой несоотнесенности в современном осетинском языке (влияние универсальных и идеоэтнических факторов) // *Вопросы языкознания*. 2007, № 5, с. 89–107.
- Леман Ф. (1997). Грамматическая деривация у вида и типы глагольных лексем // М. Ю. Черткова (ред.). *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ*. Т. 2. М.: Изд-во Московского университета, 1997, с. 54–68.
- Летучий А. Б. (2009). Аффиксы бенефактива и малефактива: синтаксические особенности и круг употреблений // *Тестелец* (ред.) 2009: 329–371.

- Ломизе Г. Е., Пономарёва М. А. (2010). Локативные превербы адыгейского языка. Экспедиционный отчёт. М., РГГУ, 2010.
- Ляшевская О. Н., Шаров С. А. (2009). *Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка)*. М.: «Азбуковник», 2009. (Электронный вариант <http://dict.ruslang.ru/freq.php>)
- Мажюлис В. (1958). Происхождение приставки *da-* в балтийских языках // С. Б. Бернштейн (ред.). *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 127–133.
- Мазурова Ю. В. (2009). Семантика локативных превербов *ны-* и *шю-* // Тестелец (ред.) 2009: 429–453.
- Майсак Т. А. (2005). *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. М.: «Языки славянских культур», 2005.
- Майсак Т. А., Мерданова С. Р. (2002). Система пространственных превербов в агульском языке // Плунгян (ред.) 2002: 251–294.
- Майтинская К. Е. (1955). *Венгерский язык*. Ч. I. *Введение. Фонетика. Морфология*. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Майтинская К. Е. (1959). *Венгерский язык*. Ч. II. *Грамматическое словообразование*. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Майтинская К. Е. (1960). *Венгерский язык*. Ч. III. *Синтаксис*. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Мануш-Белугин Л. (1973). О влиянии балтийских языков на диалект латышских цыган // *Известия Академии наук Латвийской ССР*. 1973, № 4 (309), с. 124–139.
- Маслов Ю. С. (1954). Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // С. Б. Бернштейн (ред.). *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 68–138.
- Маслов Ю. С. (1959/2004). Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке // *Вопросы языкознания*. 1959, № 5, с. 69–80. (2-е изд. в: Маслов 2004: 249–266.)
- Маслов Ю. С. (1961/2004). Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Н.И. Толстой (ред.). *Исследования по славянскому языкознанию*. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 165–195. (2-е изд. в: Маслов 2004: 445–476.)
- Маслов Ю. С. (1978/2004). К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю. С. Маслов (ред.). *Вопросы сопоставительной аспектологии*. Л.: Изд-во ЛГУ, 4–44 (2-е изд. в: Маслов 2004: 305–364.)
- Маслов Ю. С. (1981). *Грамматика болгарского языка*. М.: «Высшая школа», 1981.

- Маслов Ю. С. (1984). Типология славянских видо-временных систем и функционирование форм претерита в «эпическом» повествовании // Бондарко (ред.) 1984: 22–42.
- Маслов Ю. С. (1984/2004). *Очерки по аспектологии*. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. (2-е изд. в: Маслов 2004: 21–302.)
- Маслов Ю. С. (2004). *Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание* / Сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян. М.: «Языки славянской культуры», 2004.
- Мейе А. (1934/2000). *Общеславянский язык*. 2-е изд. / Пер. с франц. и примеч. П. С. Кузнецова, под ред. С. Б. Бернштейна. М.: «Прогресс», 2000. (A. Meillet. *Le slave commun*. Paris: Champion, 1934.)
- Мельчук И. А. (1997). *Курс общей морфологии*. Т. I. *Введение. Часть первая: Слово* / Пер. с франц. Н. Н. Перцовой и Е. Н. Саввиной, общ. ред. Н. В. Перцова. М.: «Языки русской культуры»; «Прогресс»; Wien: Wiener Slawistischer Almanach, SBd 38/1, 1997.
- Мельчук И. А. (1998). *Курс общей морфологии*. Т. II. *Часть вторая: Морфологические значения* / Пер. с франц. В. А. Плунгяна, общ. ред. Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. М.: «Языки русской культуры»; Wien: Wiener Slawistischer Almanach, SBd 38/2, 1998.
- Мирчев К. (1978). *Историческата граматика на българския език*. София: «Наука и изкуство», 1978.
- Непокупный А. П. (1964). *Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений*. Киев: «Наукова думка», 1964.
- Николаева И. А. (1995). *Обдорский диалект хантыйского языка*. (Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica, N. 15) М.; Hamburg, 1995.
- Николаева Т. М. (ред.) (2002). *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. М.: «Языки славянской культуры», 2002.
- Падучева Е. В. (1996). *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. М.: «Языки русской культуры», 1996.
- Падучева Е. В. (1998). Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // *Russian Linguistics*. V. 22 (1998), с. 35–58.
- Падучева Е. В. (2004а). *Динамические модели в семантике лексики*. М.: «Языки славянской культуры», 2004.
- Падучева Е. В. (2004б). «Накопитель эффекта» и русская аспектология // *Вопросы языкознания*. 2004, № 5, с. 46–57.
- Падучева Е. В. (2009). Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову—Вендлеру // *Вопросы языкознания*. 2009, № 6, с. 6–20.

- Пайар Д. (1989/2003). К теории перфективизации // *Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. М., 1989, с. 269–282. (2-е изд. в: *Логический анализ языка. Избранное 1988–1995*. М.: «Индрик», 2003, с. 212–221.)
- Панов В. А. (2012а). *Аспектуальная функция латинских превербов: типология и диахрония*. Диссертация ... кандидата филологических наук. М., Ин-т языкознания РАН, 2012.
- Панов В. А. (2012б). Аспектуальные функции латинских превербов: проблемы описания // Плуныян (ред.) 2012: 707–734.
- Перцов Н. В. (1998). Русский вид: словоизменение или словообразование? // Черткова (ред.) 1998: 343–355.
- Перцов Н. В. (2001). *Инварианты в русском словоизменении*. М.: «Языки русской культуры», 2001.
- Петрухина Е. В. (2000). *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. М.: Изд-во Московского университета, 2000.
- Петрухина Е. В. (2009). Объяснительная теория славянского глагольного вида // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 2009, № 5, с. 111–127.
- Плуныян В. А. (2000). *Общая морфология. Введение в проблематику*. М.: «Эдиториал УРСС», 2000.
- Плуныян В. А. (2001). Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плуныян (ред.). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1. *Грамматические категории*. М.: «Русские словари», 2001, с. 50–88.
- Плуныян В. А. (2002). О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Плуныян (ред.) 2002: 57–98.
- Плуныян В. А. (2009). К вопросу об акциональной классификации предикатов: акционально связанные ситуации // Scholze, Wiemer (Hrsg.) 2009: 57–74.
- Плуныян В. А. (2011а). *Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Плуныян В. А. (2011б). Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // *Scando-Slavica*. V. 57 (2011), № 2, с. 290–309.
- Плуныян В. А. (ред.) (2002). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 2. *Грамматикализация пространственных значений*. М.: «Русские словари», 2002.
- Плуныян В. А. (ред.) (2012). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 6. *Типология аспектуальных систем и категорий*. (*Acta Linguistica Petropolitana* T. VIII. Ч. 2) СПб.: «Наука», 2012.

- Плунгян В. А., Татевосов С. Г. (ред.). *Исследования по глагольной деривации*. М.: «Языки славянских культур», 2008.
- Поливанова А. К. (1975/2008). К вопросу о так называемых чистовидовых приставках // *Вопросы информационной теории и практики*. Вып. 27 (1975). (2-е изд. в: Поливанова 2008: 23–38.)
- Поливанова А. К. (1985/2008). Выбор видовых форм глагола в русском языке // *Russian Linguistics*. V. 9 (1985), № 2/3. (2-е изд. в: Поливанова 2008: 68–88.)
- Поливанова А. К. (2008). *Избранные работы. Общее и русское языкознание*. М.: Изд-во РГГУ, 2008.
- Ремчукова Е. Н. (2004). «Потенциальная имперфективация» в разных типах современной русской речи // Черткова (ред.) 2004: 124–145.
- Ровнова О. Г. (1998). Имперфективация глагола в русских диалектах (с точки зрения синхронии и диахронии) // Черткова (ред.) 1998: 396–404.
- Ровнова О. Г. (2003). Специфика взаимоотношений формы и значения в аспектуальной системе русских говоров // А. М. Молдован (ред.). *Славянское языкознание. Материалы конференции. К XIII Международному съезду славистов*. М.: ИРЯ РАН, 2003, с. 271–288.
- Ровнова О. Г. (2012). Глагольный вид в русских диалектах: лингвогеографический аспект // М. Д. Воейкова (отв. ред.), *От значения к форме, от формы к значению. Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко*. М.: «Языки славянских культур», 2012, с. 501–515.
- Рогава Г. В., Керашева З. И. (1966). *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар, Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Ромбандеева Е. А. (1973). *Мансийский (вогульский) язык*. Москва: «Наука», 1973.
- Ройзензон Л. И. (1963). Глаголы с вторичной приставкой *ro-* в современном чешском языке // Широкова (ред.) 1963: 32–60.
- Ройзензон Л. И. (1974). *Многopриставочные глаголы в русском и других славянских языках*. Самарканд, 1974.
- Ростовцев-Попель А. А. (2006). *Мегрельский язык: 130 лет изменений*. Дипломная работа. СПбГУ, филологический факультет, 2006.
- Ростовцев-Попель А. А. (2012). Становление категории аспекта в грузинском языке // Плунгян (ред.) 2012: 290–310.
- Русаков А. Ю. (2000). Севернорусский диалект цыганского языка: «заимствование» русских префиксов // *Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 21. *Балканские исследования*. СПб., 2000, с. 16–25.

- Сигалов П. С. (1963). Глаголы с суффиксом *-ану/-ону-* в русском языке // *Учёные записки ЛГУ*. Т. 322. *Сер. филологических наук*. Вып. 68 (1963), с. 64–79.
- Сигалов П. С. (1975а). Некоторые вопросы изучения префиксального образования глаголов // *Учёные записки Тартуского гос. университета*. Вып. 347. *Труды по русской и славянской филологии*. Т. XXIII. *Серия лингвистическая*. Тарту, 1975, с. 117–134.
- Сигалов П. С. (1975б). История русских ограничительных глаголов // *Учёные записки Тартуского гос. университета*. Вып. 347. *Труды по русской и славянской филологии*. Т. XXIII. *Серия лингвистическая*. Тарту, 1975, с. 141–181.
- Сигалов П. С. (1978). Задачи и возможности сопоставительного и сравнительно-исторического изучения способов действия славянского глагола // Ю. С. Маслов (ред.). *Вопросы сопоставительной аспектологии*. Вып. I. Л.: «Наука», 1978, с. 44–56.
- Сизова О. А. (1978). *Становление германского глагольного словообразования. На материале готского языка*. М.: «Наука», 1978.
- Сизова О. А. (2007). О статусе готских превёрбов // Н. С. Бабенко, А. Н. Зеленецкий (ред.). *Lingua Gotica: Новые исследования. Памяти М. М. Гухман*. Калуга: «Эйдос», 2007, с. 160–179.
- Силина В. Б. (1995). Видо-временные отношения // В. В. Иванов (ред.). *Древнерусская грамматика XII—XIII вв.* М.: «Наука», 1995, с. 374–464.
- Скорвид С. С. (рукопись). Центральноевропейский языковой союз: границы и признаки в ретроспективном освещении. Рукопись.
- Смирницкая О. А. (1977). Эволюция видо-временной системы в германских языках // В. Н. Ярцева (ред.). *Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола*. М.: «Наука», 1977, с. 5–127.
- Смирнов Л. Н. (1970). *Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке*. М.: «Наука», 1970.
- Смирнов Л. Н. (1990). О некоторых вопросах сопоставительной славянской аспектологии // Л. Н. Смирнов (ред.). *Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков*. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990, с. 49–68.
- Смит К. (1998). Двухкомпонентная теория вида // Черткова (ред.) 1998: 404–421.
- Соколов С. Н. (1979). Язык Авесты // В. С. Расторгуева (ред.). *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки*. М.: «Наука», 1979, с. 129–233.

- Соколова С. О. (2004). Видовые оппозиции глаголов в русском и украинском языках (к сопоставительному изучению) // *Черткова (ред.) 2004*: 166–175.
- Соловьёв В. Д. (2010). Типологическая схожесть языков как метод изучения языковой эволюции // *Вопросы языкового родства*. Т. 4 (2010), с. 177–198.
- Стойнова Н. М. (2005). К типологии альтернатива: конструкция на *ра-ба-* в осетинском языке. Курсовая работа. М., МГУ, ОТиПЛ, 2005.
- Стойнова Н. М. (2006). Аспектуальная система осетинского языка и семантический класс глаголов движения (на материале кударского говора иронского диалекта). Доклад на 3-й Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2–4 ноября 2006 г.
- Стойнова Н. М. (2012а). Рефактив: типологические данные // *Вопросы языкознания*. 2012, № 2, с. 61–92.
- Стойнова Н. М. (2012б). Рефактив и смежные глагольные значения // Плуныян (ред.) 2012: 867–949.
- Стрекалова З. Н. (1979). *Морфология глагольного вида в современном польском языке*. М.: «Наука», 1979.
- Судник Т. М. (1987). К изучению словообразовательной интерференции // Г. П. Нецименко (ред.). *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. М.: «Наука», 1987, с. 233–234.
- Татевосов С. Г. (2000). Метафизика движения в грамматике естественно-го языка: глагольная префиксация в северокавказских языках // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. 2000, № 6, с. 14–29.
- Татевосов С. Г. (2005). Акциональность: типология и теория // *Вопросы языкознания*. 2005, № 1, с. 108–141.
- Татевосов С. Г. (2009). Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К. Л. Киселёва и др. (ред.). *Корпусные исследования по русской грамматике*. М.: «Пробел-2000», 2009, с. 92–156.
- Татевосов С. Г. (2010а). *Акциональность в лексике и грамматике*. Диссертация ... доктора филологических наук. М., МГУ, ОТиПЛ, 2010.
- Татевосов С. Г. (2010б). Первичное и вторичное в структуре имперфективов // *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. VI. Ч. 2. СПб.: «Наука», 2010, с. 299–321.
- Татевосов С. Г. (2013). Множественная префиксация и её следствия (замечки о физиологии русского глагола) // *Вопросы языкознания*. 2013, № 3, с. 42–89.
- Тестелец Я. Г. (2008/1980). Именные локативные формы в дагестанских языках. Рукопись, 1980–2008. Электронное издание. <http://www.kibrik.ru/content/pdf/Testeleets.pdf>

- Тестелец Я. Г. (ред.) (2009). *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: Изд-во РГГУ, 2009.
- Топоров В. Н. (2006). Балтийские языки // В. Н. Топоров (ред.). *Языки мира. Балтийские языки*. М.: «Academia», 2006, с. 10–50.
- Туманян Э. Г. (1971). *Древнеармянский язык*. М.: «Наука», 1971.
- Усикова Р. П. (1989). К типологии глагола в балканославянских языках (функционирование грамемы настоящего времени) // Вяч. Вс. Иванов и др. (ред.). *Материалы к VI конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы (София, 30.08–06.09.1989)*. Лингвистика. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1989, с. 97–106.
- Хабургаев Г. А. (1974). *Старославянский язык*. Учебное пособие. М.: «Просвещение», 1974.
- Храковский В. С. (1989). Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Храковский (ред.) 1989: 5–53.
- Храковский В. С. (2005). Аспектуальные тройки и видовые пары // *Русский язык в научном освещении*. 2005, № 1 (9), с. 46–59.
- Храковский В. С. (ред.) (1989). *Типология итеративных конструкций*. Л.: «Наука», 1989.
- Цаболов Р. Л. (1997). Курдский язык // В. С. Ефимов (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки*. Ч. II. М.: «Восточная литература», 1997, с. 6–96.
- Цомартова А. А. (1987). Приставочные способы действия в современном осетинском языке в сопоставлении с русским // *Проблемы осетинского языкознания*. Вып. 2. Орджоникидзе, 1987, с. 83–103.
- Цомартова А. А. (1988). Средства выражения кратности действия в осетинском языке в сопоставлении с русским // А. Х. Галазов (ред.). *Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР*. Орджоникидзе, 1988, с. 84–94.
- Чанг П.-Ч. (1997). Системны или маргинальны двувидовые глаголы в русском языке? // М. Ю. Черткова (ред.). *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ*. Т. III. М.: Изд-во Московского университета, 1997, с. 197–210.
- Черткова М. Ю. (2004). Типология и эволюция функционально-структурных моделей категории вида / аспекта // Черткова (ред.) 2004: 183–252.
- Черткова М. Ю. (ред.) (1998). *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. М.: «Языки русской культуры», 1998.
- Черткова М. Ю. (ред.) (2004). *Труды аспектологического семинара МГУ*. Т. IV. М.: «Макс Пресс», 2004.
- Черткова М. Ю., П.-Ч. Чанг (1998). Эволюция двувидовых глаголов в современном русском языке // *Russian Linguistics*. V. 22 (1998), №. 1, с. 13–34.

- Шанидзе А. Г. (1942). Изменение системы выражения глагольной категории вида в грузинском и его последствия // *Сообщения Академии наук Грузинской ССР*. Т. 3 (1942), № 9, с. 953–958.
- Шевелёва М. Н. (2010). Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива-* в летописях XII–XVI вв. // *Русский язык в научном освещении*. 2010, № 2 (20), с. 200–243.
- Шевелёва М. Н. (2012). Ещё раз о бесприставочных итеративах на *-ыва/-ива-* типа *хаживать* в истории русского языка // *Русский язык в научном освещении*. 2012, № 1 (23), с. 140–178.
- Широкова А. Г. (1963). О категории многократности в чешском языке // Широкова (ред.) 1963: 61–85.
- Широкова А. Г. (1971). Некоторые замечания о функциональных границах вида в русском и чешском языках // Е. В. Чешко (отв. ред.), *Исследования по славянскому языкознанию. Сборник в честь шестидесятилетия профессора С. Б. Бернштейна*. М.: «Наука», 1971, с. 292–298.
- Широкова А. Г. (ред.) (1963). *Исследования по чешскому языку. Вопросы словообразования и грамматики*. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- Шлуинский А. Б. (2011). Видовая система энецкого языка и типология словоклассифицирующего вида // *Международная конференция, посвящённая 50-летию Петербургской типологической школы. Материалы и тезисы докладов*. СПб.: «Нестор-История», 2011, с. 193–197.
- Эдельман Д. И. (1975). Категории времени и вида // В. С. Расторгуева (ред.). *Опыт историко-типологического исследования иранских языков*. Т. II. *Эволюция грамматических категорий*. М.: «Наука», 1975, с. 337–411.
- Эдельман Д. И. (2002). *Иранские и славянские языки. Исторические отношения*. М.: «Восточная литература», 2002.
- Эндзелин Я. (1906/1971). Латышские предлоги. Ч. II // Я. Эндзелин. *Избранные труды*. Т. I. Рига: «Зинатне», 1971, с. 521–655. (1-е изд. Юрьев, 1906).
- Эршлер Д. А. (2009). Осетинский язык и ареальная типология Северной Евразии. Доклад на семинаре «Языковые портреты», СПбГУ, 22 апреля 2009 г.
- Эршлер Д. А. (2010). Отрицательные местоимения в осетинском языке: ареальные и типологические аспекты // *Вопросы языкознания*. 2010, № 2, с. 84–105.
- Эршлер Д. А. (рукопись). К вопросу об источниках контактного влияния: осетинский язык как язык Северной Евразии. Рукопись.
- Янда Л. (2012). Русские глагольные приставки как система глагольных классификаторов // *Вопросы языкознания*. 2012, № 6, с. 3–47.

- Abraham W. (1999). Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia Linguistica*. V. 33 (1999), pp. 11–18.
- Ackerman F. (2003). Lexical derivation and multi-word predicate formation in Hungarian // *Acta Linguistica Hungarica*. V. 50 (2003), Nos. 1–2, pp. 7–32.
- Ackerman F. (2004). Aspectual contrasts and lexeme derivation in Estonian: A realization-based morphological perspective // Booij, van Kemenade (eds.) 2004: 13–32.
- Ackerman F., Webelhuth G. (1997). The composition of (dis)continuous predicates: Lexical or syntactic? // *Acta Linguistica Hungarica*. V. 44 (1997). Nos. 3–4, pp. 317–340.
- Ackerman F., Webelhuth G. (1998). *A Theory of Predicates*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1998.
- Adelaar W. F. H. (2006). The vicissitudes of directional suffixes in Tarma (Northern Junin) Quechua // G. J. Rowicka, E. B. Carlin (eds.). *What's in a Verb? Studies in the Verbal Morphology of the Languages of the Americas*. Utrecht: LOT Publications, 2006, pp. 121–142.
- Andersen H. (2006). Periphrastic futures in Slavic: Divergence and convergence // K. Eksell, Th. Vinther (eds.). *Change in Verbal Systems: Issues in Explanation*. Bern: Peter Lang, 2006, pp. 9–45.
- Andersen H. (2009). On the origin of Slavic aspects: Questions of chronology // V. Bubenik, J. Hewson, S. Rose (eds.). *Grammatical Change in Indo-European Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2009, pp. 123–140.
- Anderson C. (2002). *Biaspectual verbs in Russian and their implications for the category of aspect in Russian*. Honor's thesis, University of North Carolina, 2002.
- Anderson G. D. S. (2004). *Auxiliary Verb Constructions in Altay-Sayan Turkic*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2004.
- Anstatt T. (2003). Aspekt, lexikalische aktionale Funktion und Argumente: Aktionale Interaktion im Russischen // T. Berger, K. Gurt Schmidt (Hrsg.). *Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana*. München: Sagner, 2003, S. 9–37.
- Anstatt T. (Hrsg.) (1999). *Entwicklungen in slavischen Sprachen*. München: Sagner, 1999.
- Ariste P. (1973). Lettische Verbalpräfixe in einer Zigeunermundart // *Baltistica*. V. 9 (1973), No. 1, pp. 79–81.
- Arkadiev P. M. (2008a). Lietuvių kalbos pirminių veiksmoždžių klasių semantika tipologinių duomenų kontekste // *Acta Linguistica Lithuanica*. T. 59 (2008), pp. 1–27.

- Arkadiev P. M. (2008b). Thematic roles, event structure, and argument encoding in semantically aligned languages // S. Wichmann, M. Donohue (eds.). *The Typology of Semantic Alignment*. Oxford: Oxford University Press, 2008, pp. 101–117.
- Arkadiev P. M. (2010). Notes on the Lithuanian restrictive // *Baltic Linguistics*. V. 1 (2010), pp. 9–49.
- Arkadiev P. M. (2011a). Aspect and actionality in Lithuanian on a typological background // Petit et al. (eds.) 2011: 57–86.
- Arkadiev P. M. (2011b). On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // *Baltic Linguistics*. V. 2 (2011), pp. 37–78.
- Arkadiev P. M. (2013). From transitivity to aspect: Causative-inchoative alternation and its extensions in Lithuanian // *Baltic Linguistics*. V. 4 (2013), pp. 39–77.
- Armoškaitė S. (2006). Accomplishment VPs: construction of telicity. A case study of Lithuanian // Cl. Gurski, M. Radišić (eds.). *Proceedings of the 2006 Canadian Linguistics Association*, 2006.
- Aronson H. I. (1981). Towards a typology of aspect in the languages of the Balkan peninsula // *Folia Slavica*. V. 4 (1981), pp. 198–204.
- Aronson H. I. (1985). On aspect in Yiddish // *General Linguistics*. V. 25 (1985), pp. 171–188.
- Aronson H. I. (2005). *Georgian. A Reading Grammar*. 2nd ed. corr. Columbus (OH): Slavica, 2005.
- Aronson H. I., Kiziria D. (1998). *Georgian Language and Culture. A Continuing Course*. Bloomington (IN): Slavica, 1998.
- Arsenijević B. (2006). *Inner Aspect and Telicity. The Decompositional and the Quantificational Nature of Eventualities at the Syntax-Semantics Interface*. Utrecht: LOT Publications, 2006.
- Authier G. (2008). *Elements de grammaire alik (dialecte kryz, langue caucasique d'Azerbaïdjan)*. Paris, Leuven: Peeters, 2008.
- Authier G., Babaliyeva A. (2014). Between derivation and inflection: locative and perfectivizing preverbs in literary Tabasaran (East Caucasian). Paper presented at *Chronos II*, Pisa, 16–18 June 2014.
- Babaliyeva A. (2013). *Études sur la morphosyntaxe du tabasaran littéraire*. Thèse de doctorat. Paris, École pratique des hautes études, 2013.
- Babrazai F. (1999). *Topics in Pashto Syntax*. Doctoral Dissertation, University of Hawaii, 1999.
- Bannister J. (2000). *A Description of Preverb and Particle Usage in Innu-Aimun Narrative*. MA Thesis, Memorial University of Newfoundland, 2000.
- Bauer L. (2003). English prefixation: A typological shift? // *Acta Linguistica Hungarica*. V. 50 (2003), Nos. 1–2, pp. 33–40.

- Baviskar V. L. (1974). The position of aspect in the verbal system of Yiddish // *Working Papers in Yiddish and East European Jewish Studies*. V. 1 (1974), No. 1, pp. 1–56.
- Bayer M. (2006). *Sprachkontakt deutsch-slavisch. Eine kontrastive Interferenzstudie am Beispiel des Ober- und Niedersorbischen, Kärntnerslovenischen und Burgenlandkroatischen*. Frankfurt a. Main: Peter Lang, 2006.
- Beekes R. S. P. (1995). *Comparative Indo-European Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1995.
- Beitiņa M. (2001). Par kādu jautājuma un atbildes dialoga veidu veclatviešu tekstos // *Vārds un tā pētīšanas aspekti. Rakstu krājums*, 5. Liepāja, 2001, lpp. 48–67. (<http://www.vvk.lv/index.php?sadala=169&>)
- Berger T. (2009). Anmerkungen zur Produktivität der tschechischen Iterativa // Scholze, Wiemer (Hrsg.) 2009: 25–43.
- Bergmane A., Grabis R., Lepika M., Sokols E. (red.) (1959). *Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika, 1. sējums. Fonētika un morfoloģija*. Rīga: Latvijas PSR zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1959.
- Bertinetto P.-M., Delfitto D. (2000). Aspect vs. actionality: Why they should be kept apart // Dahl (ed.) 2000: 189–226.
- Boeder W. (1994). Kartvelische und indogermanische Syntax: Die altgeorgischen Klitika // R. Bielmeier, R. Stempel (Hrsg.), *Indogermanica et Caucasicca: Festschrift für Karl Horst Schmidt zum 65. Geburtstag*. Berlin: Walter de Gruyter, 1994, S. 447–471.
- Boeder W. (2005). The South Caucasian languages // *Lingua*. V. 115 (2005), pp. 5–89.
- Booij G. (1990). The boundary between morphology and syntax: separable complex verbs in Dutch // G. Booij, J. van Marle (eds.). *Yearbook of Morphology 1990*. Dordrecht: Kluwer, 1990, pp. 45–64.
- Booij G. (2002). Separable complex verbs in Dutch: A case of periphrastic word formation // N. Dehé, R. Jackendoff, A. Macintyre, S. Urban (eds.). *Verb-Particle Explorations*. Berlin. New York: Mouton de Gruyter, 2002, pp. 21–42.
- Booij G. (2010). *Construction Morphology*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Booij G., van Kemenade A. (eds.) (2004). *Preverbs*. Special Issue of *Yearbook of Morphology 2003*. Dordrecht: Kluwer, 2004.
- Böttger K. (2004). Grammaticalization the derivational way: The Russian aspectual prefixes *po-*, *za-*, *ot-* // W. Bisang, N. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). *What Makes Grammaticalization? Looks from Its Fringes and Its Components*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2004, pp. 187–209.

- Boye K., Harder P. (2012). A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization // *Language*. V. 88 (2012), No. 1, pp. 1–44.
- Brankačkec K. (2010). *Verbalpräfixe im Obersorbischen. Verbalpartikeln im älteren Sorbischen und ihre Entsprechungen im modernen Sorbischen*. Dissertation, Universität Prag, 2010.
- Brankačkec K. (2011). Einige Bemerkungen zum Verhältnis von Aspekt und Iterativität im Sorbischen // *Létopis*. T. 58 (2011), No. 2, S. 88–107.
- Brauner S. (1961). Die Position Verbindung von ‘beginnen’ (bzw. ‘aufhören’) mit präfigierten Verben im Litauischen (Zur Frage des Verbalaspekts im Baltischen) // *Zeitschrift für Slawistik*. Bd. 6 (1961), H. 2, S. 254–259.
- Breu W. (1992). Zur Rolle der Präfigierung bei der Entstehung von Aspektsystemen // M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba (éds.). *Linguistique et slavistique. Melanges offerts à Paul Garde*, t.1. Paris, Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 1992, pp. 119–135.
- Breu W. (1994). Interactions between lexical, temporal, and aspectual meanings // *Studies in Language*. V. 18 (1994), No. 1, pp. 23–44.
- Breu W. (2000a). Zur Position des Slavischen in einer Typologie des Verbalaspekts (Form, Funktion, Ebenenhierarchie und lexikalische Interaktion) // W. Breu (Hrsg.). *Probleme der Interaktion von Lexik und Aspekt (ILA)*. Tübingen: Niemeyer, 2000, S. 21–54.
- Breu W. (2000b). Der Verbalaspekt in der obersorbischen Umgangssprache im Rahmen des ILA-Modells // W. Breu (Hrsg.). *Slavistische Linguistik 1999*. München: Sagner, 2000, S. 37–76.
- Breu W. (2012). Aspect forms and functions in Sorbian varieties // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Bd. 65 (2012), No. 3, pp. 246–266.
- Brijnen H. (2000). German influence on Sorbian aspect: The function of directional adverbs // D. G. Gilbers, J. Nerbonne, J. Schaecken (eds.). *Languages in Contact*. Amsterdam: Rodopi, 2000, pp. 67–71.
- Brinton L. J. (1988). *The Development of English Aspectual Systems. Aspectualizers and Post-verbal Particles*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- Brugmann K. (1900). *Griechische Grammatik. (Lautlehre, Stammbildungs- und Flexionslehre und Syntax)*. 3. Aufl. München: C. H. Beck, 1900.
- Brugmann K. (1904). *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Strassburg: Karl Trübner, 1904.
- Bryant D., Moulton V. (2004). Neighbor-Net: An agglomerative method for the construction of phylogenetic networks // *Molecular Biology and Evolution*. V. 21 (2004), No. 2, pp. 255–265.
- Bryant D., Filimon F., Gray R. (2005) Untangling our past: Languages, trees, splits and networks // R. Mace, C. Holden, S. Shennan (eds.). *The Evolu-*

- tion of Cultural Diversity: Phylogenetic Approaches*. London: UCL Press, 2005, pp. 69–85.
- Bucsko J. M. (2008). *Preverbs and Idiomatization in Gothic*. Doctoral Dissertation, University of Georgia, 2008.
- Butt M., Geuder W. (2003). Light verbs in Urdu and grammaticalization // R. Eckardt, K. von Heusinger, C. Schwarze (eds.), *Words in Time: Diachronic Semantics from Different Points of View*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003, pp. 295–349.
- Bybee J. L., Dahl Ö. (1989). The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language*. V. 13 (1989), No. 1, pp. 51–103.
- Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. (1994). *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1994.
- Chatterjee R. (1988). *Aspect and Meaning in Indic and Slavic*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988.
- Christensen J. H. (2011). *The Prefix PO- and Aspect in Russian and Polish: A Cognitive Grammar Account*. PhD Dissertation, University of Kansas, 2011.
- Christophe B. (2004). *Studier i de sydkaukasiske sprogs aspektologi*. Oslo: Oslo University, 2004.
- Comrie B. (1976). *Aspect. An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Cooreman A. (1994). A functional typology of antipassives // B. Fox, P. J. Hopper (eds.). *Voice: Form and Function*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1994, pp. 49–82.
- Corbett G. G. (2008). Determining morphosyntactic feature values: The case of case // G. G. Corbett, M. Noonan (eds.). *Case and Grammatical Relations. Studies in Honor of Bernard Comrie*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008, pp. 1–34.
- Costa D. J. (2002). Preverb usage in Shawnee narratives // H. C. Wolfart (ed.). *Papers from the 33rd Algonquian Conference*. Winnipeg: University of Manitoba, 2002, pp. 120–161.
- Craig C. G., Hale K. L. (1988). Relational preverbs in some languages of the Americas: Typological and historical perspectives // *Language*. V. 64 (1988), No. 2, pp. 312–344.
- Csirmaz A. (2004). Perfective and imperfective aspect in Hungarian: (Invisible) differences // S. Blaho, L. Vicente, M. de Vos (eds.). *Proceedings of Console XII*. University of Leiden, 2004.
- Csirmaz A. (2006a). A typology of Hungarian time adverbs // *Acta Linguistica Hungarica*. V. 53 (2006), No. 3, pp. 249–289.

- Csirmaz A. (2006b). Particles and a two-component theory of aspect // Kiss (ed.) 2006: 107–128.
- Csirmaz A. (Ms.) Scales, verbs and verbal modifiers. Ms. (http://home.utah.edu/~u0587010/Papers_files/CsirmazScalesVerbsVerbalModifiers.pdf)
- Dahl E. (2010). *Time, Tense and Aspect in Early Vedic Grammar. Exploring Inflectional Semantics in the Rigveda*. Leiden: Brill, 2010.
- Dahl Ö. (1981). On the definition of telic-atelic (bounded-nonbounded) distinction // Tedeschi, Zaenen (eds.) 1981: 79–90.
- Dahl Ö. (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl Ö. (2000). Verbs of becoming as future copulas // Dahl (ed.) 2000: 351–361.
- Dahl Ö. (2001). Principles of areal typology // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. V. II. Berlin: Walter de Gruyter, 2001, pp. 1456–1470.
- Dahl Ö. (ed.) (2000). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dahl Ö., Koptjevskaja-Tamm M. (eds.) (2001). *The Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*. V. I–II. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Dambriūnas L. (1960). *Lietuvių kalbos veiksmožodžių aspektai*. Boston: Lietuvių enciklopedijos spaustuvė, 1960.
- Danaher D. (2003). *The Semantics and Discourse-Functions of Habitual-Iterative Verbs in Contemporary Czech*. München: LINCOM Europa, 2003.
- Dayley J. P. (1989). *Tümpisa (Panamint) Shoshone Grammar*. Berkeley, Los Angeles, Oxford: The University of California Press, 1989.
- Deeters G. (1930). *Das khartwelische Verbum. Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der südkaukasischen Sprachen*. Leipzig: Markert & Petters, 1930.
- DeLazero O. E. (2012). *Aspect in Syntax*. Doctoral Dissertation, Cornell University, 2012.
- Delbrück B. (1893). *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Erster Theil*. Strassburg: Karl Trübner, 1893.
- Delbrück B. (1897). *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. Zweiter Theil*. Strassburg: Karl Trübner, 1897.
- Delbrück B. (1910). Beiträge zur germanischen Syntax // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache*. Bd. 36 (1910), S. 355–365.
- de Sivers F. (1971). *Die lettischen Präfixe des livischen Verbs*. Nancy: Éditions CNRS, 1971.

- Dickey S. M. (2000). *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2000.
- Dickey S. M. (2001). "Semelfactive" *-nq-* and the Western aspect gestalt // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 9 (2001), No. 1, pp. 25–48.
- Dickey S. M. (2003). Verbal aspect in Slovene // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Bd. 56 (2003), No. 3, pp. 182–207.
- Dickey S. M. (2005). *S-/Z-* and the grammaticalization of Aspect in Slavic // *Slovene Linguistic Studies*. V. 5 (2005), pp. 3–55.
- Dickey S. M. (2006). Aspectual pairs, goal orientation and *po-*delimitatives in Russian // *Glossos*. No. 7 (2006).
- Dickey S. M. (2007). A prototype account of the development of delimitative *po-* in Russian // D. Divjak, A. Kochańska (eds.). *Cognitive Paths into the Slavic Domain*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007, pp. 329–374.
- Dickey S. M. (2008). Prefixes in the grammaticalization of Slavic aspect: Telic *s-/z-*, delimitative *po-* and language change via expansion and reduction // B. Brehmer et al. (Hrsg.). *Aspekte, Kategorien und Kontakte slavischer Sprachen. Festschrift für Volkmar Lehmann zum 65. Geburtstag*. Hamburg: Kovac, 2008, pp. 96–108.
- Dickey S. M. (2011). The varying role of *po-* in the grammaticalization of Slavic aspectual systems: Sequences of events, delimitatives, and German language contact // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 19 (2011), No. 2, pp. 175–230.
- Dickey S. M. (2012). Orphan prefixes and the grammaticalization of aspect in South Slavic // *Jezikoslovlje*. T. 13 (2012), No. 1, pp. 71–105.
- Dickey S. M., Hutcheson J. (2003). Delimitative verbs in Russian, Czech and Slavic // R. Maguire, A. Timberlake (eds.). *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists, Ljubljana, August 2003*. Vol. 1. *Linguistics*. Bloomington (IN): Slavica, 2003, pp. 23–36.
- Dickey S. M., Janda L. (2009). *Хохотнул, cxumpул*: The relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian // *Russian Linguistics*. V. 33 (2009), No. 3, pp. 229–248.
- Diewald G., Smirnova E. (2010). Paradigmaticity and obligatoriness of grammatical categories // *Acta Linguistica Hafniensia*. V. 42 (2010), No. 1, pp. 1–10.
- Donaldson B. (2007). *German. An Essential Grammar*. London, New York: Routledge, 2007.
- Donohue M. (2012). Typology and areality // *Language Dynamics and Change*. V. 2 (2012), pp. 98–116.
- Donohue M., Musgrave S., Whiting B., Wichmann S. (2011). Typological feature analysis models linguistic geography // *Language*. V. 87 (2011), No. 2, pp. 369–383.

- Dostál A. (1954). *Studie o vidovém systému v staroslověštině*. Praha: Státní pedagogické nakl., 1954.
- Dowty D. R. (1979). *Word Meaning and Montague Grammar*. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Dryer M. (2002). A comparison of preverbs in Kutenai and Algonquian // D. Pentland (ed.). *The Proceedings of the 30th Algonquian Conference*. Winnipeg: University of Manitoba, 2002.
- Dufresne M., Dupuis F., Tremblay M. (2004). Preverbs and particles in Old French // Booij, van Kemenade (eds.) (2004): 33–60.
- Dumašiūtė Z. (1962). Dėl dabartinės lietuvių literatūrinės kalbos eigos ir įvykio veiklo veiksmožodžių vartojimo esamuju laiku // *Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, Ser. A. T. 12/1* (1962), p. 227–247.
- Dumestre G. (1981). La morphologie verbale en bambara // *Mandenkan*. No. 2 (1981), p. 49–67.
- Ebert K., Zúñiga F. (eds.) (2001). *Aktionsart and Aspectotemporality in Non-European Languages*. Zürich: Universität Zürich, 2001.
- Elenbaas M. (2007). *The Synchronic and Diachronic Syntax of the English Verb-Particle Combination*. Utrecht: LOT Publications, 2007.
- Endzelin J. (1922). *Lettische Grammatik*. Riga: A. Gulbis, 1922.
- Erelt M. (ed.) (2003). *Estonian Language*. Tallinn: Estonian Academy of Sciences, 2003.
- Eroms H.-W. (1997). Verbale Paarigkeit im Althochdeutschen und das ‘Tempussystem’ im ‘Isidor’ // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. Bd. 126 (1997), H. 1, S. 1–31.
- Erschler D. (2009). Possession marking in Ossetic: Arguing for Caucasian influences // *Linguistic Typology*. V. 13 (2009), No. 3, pp. 417–450.
- Erschler D. (2012). From preverbal focus to preverbal “left-periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // *Lingua*. V. 122 (2012), pp. 673–699.
- Faarlund J. T. (1995). De la préposition à préverbe en nordique // Rousseau (ed.) 1995: 61–75.
- Fährnich H. (1987). *Kurze Grammatik der georgischen Sprache*. Leipzig: Enzyklopädie, 1987.
- Fährnich H. (2007). *Kartwelisches Etymologisches Wörterbuch*. Leiden, Boston: Brill, 2007.
- Farkas D., Sadock J. (1989). Preverb climbing in Hungarian // *Language*. V. 65 (1989), No. 2, pp. 318–338.
- Fici Fr. (1998). Il futuro nelle lingue slave fra tempo e modo // *Contributi Italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti*. Napoli, 1998, p. 245–269.
- Filip H. (1999). *Aspect, Eventuality Types, and Noun Phrase Semantics*. New York: Garland, 1999.

- Filip H. (2004). Prefixes and the delimitation of events // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 11 (2004), No. 1, pp. 55–101.
- Filip H. (2005). On accumulating and having it all. Perfectivity, prefixes, and bare arguments // H. Verkuyl, H. de Swart, A. van Hout (eds.). *Perspectives on Aspect*. Dordrecht: Kluwer, 2005, pp. 125–148.
- Fischer O., van Kemenade A., Koopman W., van der Wurff W. (2004). *The Syntax of Early English*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Földes Cs. (2009). Historische und aktuelle Aspekte des Kontaktfeldes Deutsch-Ungarisch // M. Elmentaler (Hrsg.), *Deutsch und seine Nachbarn*. Frankfurt a. Main: Peter Lang, 2009, S. 101–116.
- Fraser T. (1995). Remarques sur le passage du préverbe au postverbe en vieil-anglais tardif // Rousseau (ed.) 1995: 95–104.
- Friedman V. (1985). Aspectual usage in Russian, Macedonian, and Bulgarian // M. Flier, A. Timberlake (eds.). *The Scope of Slavic Aspect*. Columbus (OH): Slavica, 1985, pp. 234–246.
- Friedman V. (1994). The loss of the Imperfective Aorist in Macedonian: Structural significance and Balkan context // R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). *American Contributions to the 11th International Congress of Slavists*. Columbus (OH): Slavica, 1993, pp. 285–302.
- Friedman V. (2002). *Macedonian*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 2002.
- Garšva K. (2001). Kraslavos rajono lietuvių šnektos // *Lituanistica*. 2001, No. 4, p. 67–80.
- Garšva K., Jackutė R., Venskauskaitė E. (1988). Uodegėnų šnektos fonetika, morfologija ir leksika dvikalbystės sąlygomis // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 27 (1988), p. 73–106.
- Gast V., van der Auwera J. (2012). What is ‘contact-induced grammaticalization’? Evidence from Mayan and Mixe-Zoquean languages // Wiemer et al. (eds.) 2012: 381–426.
- Gehrke B. (2008). *Ps in Motion. On the Semantics and Syntax of P Elements and Motion Events*. Utrecht: LOT Publications, 2008.
- Genis R. (2012). Comparing verbal aspect in Slavic and Gothic // H. van der Liet, M. Norde (eds.). *Amsterdam Contributions to Scandinavian Studies. Festschrift for Harry Perridon*. Amsterdam: Scandinavisch Instituut Universiteit van Amsterdam, 2012.
- Giger M. (1998). Zu Lehnübersetzungen und Entlehnungen deutscher postponierbarer Präverbien in sorbischen Dialekten // J. P. Locher (Hrsg.). *Schweizerische Beiträge zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau, August 1998*. Bern: Peter Lang, 1998, S. 129–170.
- Girdenis A., Kačiūskienė G. (1986). Paraleliniai reiškiniai latvių ir šiaurinių lietuvių veiksmazodžio sistemose // *Kalbotyra*. T. 37 (1986), No. 1, p. 21–27.

- Golaž Z. (1984). *The Arumanian Dialect of Kruševo in Yugoslav Macedonia*. Skopje, 1984.
- Gold E. (1999). *Aspect, Tense and the Lexicon: Expression of Time in Yiddish*. Doctoral Dissertation, University of Toronto, 1999.
- Gorbachev Ya. V. (2007). *Indo-European Origins of the Nasal Inchoative Class in Germanic, Baltic and Slavic*. Doctoral Dissertation, Hayward University, 2007.
- Grashchenkov P. (2009). Ossetian complex predicates: Act naturally (Act II, event structure). Talk at *Moscow Syntax and Semantics*, 9–11 October 2009.
- Grinaveckienė E. (1983). Kai kurios Daugpilio lietuvių šnektos gramatikos ypatybės // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 23 (1983), p. 107–122.
- Gudjedžiani Ch., Palmaitis M. L. (1986). *Upper Svan: Grammar and Texts*. (*Kalbotyra*. T. 37 No. 4.) Vilnius: Mokslas, 1986.
- Gugán K. (2011). Aspect and Aktionsart: typological statements vs. diachronic observations // S. Csúcs et al. (eds.). *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba, 9–14 VIII 2010. Pars VI. Dissertationes symposiorum ad linguisticam*. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2011, pp. 62–69.
- Hakulinen L. (1961). *The Structure and Development of the Finnish Language / Trans. by J. Atkinson*. Bloomington (IN): Indiana University Press; The Hague: Mouton, 1961.
- Harris A. C. (1991). Mingrelian // Harris (ed.) 1991: 313–394.
- Harris A. C. (2004). Preverbs and their origins in Georgian and Udi // Booij, van Kemenade (eds.) 2004: 61–78.
- Harris A. C. (ed.) (1991). *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 1. *The Kartvelian Languages*. Delmar, New York: Caravan, 1991.
- Harrison Sh. Ph. (1977). *Some Problems in the History of Mokilese Morpho-Syntax*. Doctoral Dissertation, University of Hawaii, 1977.
- Haspelmath M. (2001). The European linguistic area: Standard Average European // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language Typology and Language Universals. An International Handbook*. V. II. Berlin: Walter de Gruyter, 2001, pp. 1492–1510.
- Haspelmath M. (2010). Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language*. V. 86 (2010), No. 3, pp. 663–687.
- Haspelmath M. (2011). The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax // *Folia Linguistica*. V. 45 (2011), No. 1, pp. 31–80.
- Hasselblatt C. (1990). *Das estnische Partikelverb als Lehnübersetzung aus dem Deutschen*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1990.
- Hasselblatt C. (1999). Zu den Verbzusätzen im Uralischen. Eine kurze Replik zu László Honti // *Linguistica Uralica*. V. 35 (1999), No. 4, S. 251–254.

- Hasselblatt C. (2000). Estonian between German and Russian: Facts and fiction about language interference // D. G. Gilbers, J. Nerbonne, J. Schaeken (eds.). *Languages in Contact*. Amsterdam: Rodopi, 2000, pp. 135–144.
- Haude K. (2003). *Zur Semantik von Direktionalität und ihren Erweiterungen: Das Suffix -su im Aymara*. Arbeitspapier Nr. 45 des Instituts für Sprachwissenschaft Universität zu Köln, 2003.
- Hauzenberga-Šturma E. (1979). Zur Frage des Verbalaspekts im Lettischen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. Bd. 93 (1979), S. 279–316.
- Haverling G. (2003). On prefixes and actionality in Classical and Late Latin // *Acta Linguistica Hungarica*. V. 50 (2003), Nos. 1–2, pp. 113–135.
- Haverling G. (2008). On the development of actionality, tense, and viewpoint from Early to Late Latin // F. Josephson, I. Söhrmar (eds.). *Interdependence of Diachronic and Synchronic Analyses*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008, pp. 73–104.
- Haverling G. (2010). Actionality, tense, and viewpoint // Ph. Baldi, L. Cuzzolin (eds.). *New Perspectives on Historical Latin Syntax*. Vol. 2. *Constituent Syntax: Adverbial Phrases, Adverbs, Mood, Tense*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2010, pp. 277–523.
- Heine B. (2009). Identifying instances of contact-induced grammatical replication // S. Gyasi Obeng (ed.). *Topics in Descriptive and African Linguistics. Essays in Honor of Distinguished professor Paul Newman*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 2009, pp. 29–56.
- Heine B. (2012). On polysemy copying and grammaticalization in language contact // Cl. Chamoreau, I. Léglise (eds.). *Dynamics of Contact-Induced Language Change*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2012, pp. 125–166.
- Heine B., Kuteva T. (2003). On contact-induced grammaticalization // *Studies in Language*. V. 27 (2003), No. 3, pp. 529–572.
- Heine B., Kuteva T. (2005). *Language Contact and Grammatical Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Helimskij E. A. (1996). Selkup as lingua franca // S.A. Wurm et al. (eds.). *Atlas of Languages of Intercultural Communication in the Pacific, Asia, and the Americas*, Vol. II.2. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1996, p. 1035–1036.
- Helimski E. A. (2003). Areal groupings (Sprachbünde) within and across the borders of the Uralic language family: A survey // *Nyelvtudományi Közlemények*. 100 (2003), pp. 156–167.
- Hewitt B. G. (2004). *Introduction to the Study of the Languages of the Caucasus*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 2004.
- Hintz D. J. (2011). *Crossing Aspectual Frontiers. Emergence, Evolution, and Interwoven Semantic Domains in South Conchucos Quechua Discourse*. Berkeley, Los Angeles, London: The University of California Press, 2011.

- Hoffmann C. (1963). *A Grammar of the Margi Language*. London: Oxford University Press, 1963.
- Hoffner H. A., Jr., Melchert Cr. (2008). *A Grammar of the Hittite Language*. P. I. *Reference Grammar*. Winona Lake: Eisenbrauns, 2008.
- Holisky D. A. (1979). On lexical aspect and verb classes in Georgian // P. R. Clyne, W. F. Hanks, C. L. Hofbauer (eds.). *The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels, Including Papers from the Conference on Non-Slavic Languages of the USSR (The 15th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society)*. Chicago, 1979, pp. 390–401.
- Holisky D. A. (1981a). *Aspect and Georgian Medial Verbs*. New York: Caravan, 1981.
- Holisky D. A. (1981b). Aspect theory and Georgian aspect // Tedeschi, Zaenen (eds.) 1981: 127–144.
- Holisky D. A. (1991). Laz // Harris (ed.) 1991: 395–472.
- Holvoet A. (2000). Perfectivization in Latvian // *Linguistica Baltica*. V. 8 (2000), pp. 89–102.
- Holvoet A. (2001). *Studies in the Latvian Verb*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001.
- Holvoet A. (2014). Phasal and proximative complementation: Lithuanian *baigti* // *Baltic Linguistics*. V. 5 (2014), pp. 81–122.
- Honti L. (1999a). Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1 // *Linguistica Uralica*. V. 35 (1999), Nr. 2, S. 81–97.
- Honti L. (1999b). Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2 // *Linguistica Uralica*. V. 35 (1999), Nr. 3, S. 161–176.
- Hopper P. J., Thompson S. A. (1980). Transitivity in grammar and discourse // *Language*. V. 56 (1980), No. 2, pp. 251–299.
- Horiguchi D. (2014). Some remarks on Latvian aspect // A. Kalnača, I. Lokmane (sast. un red.). *Valoda: Nozīme un forma. 4. Kategoriju robežas gramatikā*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014, lpp. 22–32.
- Horiguchi D. (2015). Latvian attenuative *pa*-verbs in comparison with diminutives // P. M. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.). *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015, pp. 235–261.
- Humbert J. (1947). *Syntaxe grecque*. Paris: Klincksieck, 1947.
- Hurren H. A. (1969). Verbal aspect and archi-aspect in Istro-Rumanian // *La linguistique*. V. 5 (1969), Fasc. 2, pp. 59–90.
- Huson D. H., Bryant D. (2006). Application of phylogenetic networks in evolutionary studies // *Molecular Biology and Evolution*. V. 23 (2006), No. 2, pp. 254–267.

- Iacobini Cl., Masini Fr. (2007). Verb-particle constructions and prefixed verbs in Italian: typology, diachrony and semantics // G. Booij, B. Fradin, A. Ralli, S. Scalise (eds.). *On-line Proceedings of the Fifth Mediterranean Morphology Meeting (MMM5)*. Università degli Studi di Bologna, 2007, pp. 157–184. (http://morbo.lingue.unibo.it/mmm/mmm-proc/MMM5/MMM5-Proceedings_full.pdf)
- Iatridou S. (2000). The grammatical ingredients of counterfactuality // *Linguistic Inquiry*. V. 31 (2000), No. 2, pp. 231–270.
- Igla B. (1992). Entlehnung und Lehnübersetzung deutscher Präfixverben im Sinti // J. Erfurt, B. Jessing, M. Perl (Hrsg.). *Prinzipien des Sprachwandels*. Bochum: Brockmeyer, 1992, S. 38–56.
- Igla B. (1998). Zum Verbalaspekt in bulgarischen Romani-Dialekten // D. W. Halwachs (Hrsg.). *Romani II*. Graz, 1998, S. 65–76.
- Imbert C. (2008). *Dynamique des systèmes et motivations fonctionnelles dans l'encodage de la Trajectoire. Description typologique du grec homérique et du viel-anglais*. Thèse de doctorat, Université Lumière Lyon 2, 2008.
- Imbert C. (2010). Multiple preverbatation in Homeric Greek: A typological insight // *CogniTextes*. V. 4 (2010) (<http://cognitextes.revues.org/387>)
- Istratkova V. (2004). On multiple prefixation in Bulgarian // Svenonius (ed.) 2004: 301–321.
- Ivanov M., Tatevosov S. (2009). Event structure of non-culminating accomplishments // L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov (eds.). *Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2009, pp. 83–129.
- Jacobs N. G. (2005). *Yiddish. A Linguistic Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Janda L. (2007). Aspectual clusters of Russian verbs // *Studies in Language*. V. 31 (2007), No. 3, pp. 607–648.
- Janda L. (2008). Semantic motivations for aspectual clusters of Russian verbs // Chr. Y. Bethin (ed.). *American Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008*. Bloomington (IN): Slavica, 2008, pp. 181–196.
- Janda L., Endersen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nesset T., Sokolova S. (2012). Russian ‘purely aspectual’ prefixes: Not so ‘empty’ after all? // *Scando-Slavica*. V. 58 (2012), No. 2, pp. 231–291.
- Janda L., Endersen A., Kuznetsova J., Lyashevskaya O., Makarova A., Nesset T., Sokolova S. (2013). *Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty. Prefixes as Verb Classifiers*. Bloomington (IN): Slavica, 2013.
- Johanson L. (1999). The dynamics of code-copying in language encounters // B. Brendemoen, E. Lanza, E. Ryen (eds.). *Language Encounters across Time and Space*. Oslo: Novus, 1999, pp. 37–62.

- Johanson L. (2000). Viewpoint operators in European languages // Dahl (ed.) 2000: 27–187.
- Johanson L. (2008). Remodeling grammar. Copying, conventionalization, grammaticalization // P. Siemund, N. Kintana (eds.). *Language Contact and Contact Languages*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008, pp. 61–79.
- Jonaitytė A. (1967). Latvių kalbos poveikis palatvės vakarų aukštaičių šnekų gramatinei sandarai // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 9 (1967), p. 171–182.
- Josephson F. (1976). On the function of the Gothic preverb *ga-* // *Indogermanische Forschungen*. Bd. 81 (1976), pp. 152–175.
- Josephson F. (2008). Actionality and aspect in Hittite // F. Josephson, I. Söhrmar (eds.). *Interdependence of Diachronic and Synchronic Analyses*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2008, pp. 131–147.
- Kamphuis J. (2014). Macedonian verbal aspect: East or West? // E. Fortuin, P. Houtzagers (eds.). *Dutch Contributions to the Fifteenth International Congress of Slavists, Minsk: Linguistics*. Amsterdam, New York: Rodopi, 2014, pp. 127–153.
- Kardelis V., Wiemer B. (2002). Ausbildung von Aspektpaarigkeit in litauischen Grenz- und Inseldialekten (am Beispiel von Sprechverben) // *Linguistica Baltica*. V. 10 (2002), S. 51–80.
- Kardelis V., Wiemer B. (2003). Kritische Bemerkungen zur Praxis der Erstellung litauischer Wörterbücher, insbesondere von Mundarten (am Beispiel des slavischen Lehnguts und des ‘veikslas’) // N. Ostrowski, O. Vaičiulytė-Romančuk (red.), *Prace baltystyczne. Język, literatura, kultura*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, wydział polonistyki, 2003, S. 45–72.
- Karulis K. (1992). *Latviešu etimoloģijas vārdnīca*. S. I–II. Rīga: Avots, 1992.
- Kastovsky D. (1992). Semantics and vocabulary // R. Hogg (ed.). *The Cambridge History of the English Language*. Vol. I. *The Beginnings to 1066*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 290–409.
- Keita B. (1989). Les préverbes du dialonké // *Mandenkan*. No. 17 (1989), p. 69–80.
- Kepping K. B. (2000). The verb in Tangut. Paper presented at the 9th seminar of the International Association for Tibetan Studies, Leiden, 2000. (<http://kepping.net/raboty-4.htm>)
- Keydana G. (1998). Aspekt im älteren Litauischen // *Linguistica Baltica*. V. 7 (1998), S. 119–145.
- Khachatryan M. (2013). Verbs with “preverbs” in South Mande: prefixation or (pseudo)incorporation? Paper presented at the *Colloquium on African Languages and Linguistics*, University of Leiden, August 2013.

- Kiefer F. (1982). The aspectual system of Hungarian // F. Kiefer (ed.). *Hungarian General Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1982, pp. 293–329.
- Kiefer F. (1994). Some peculiarities of the aspectual system in Hungarian // C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.). *Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994, pp. 185–206.
- Kiefer F. (1997). Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective // S. Eliasson, E. H. Jahr (eds.). *Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997, pp. 323–341.
- Kiefer F. (2010). Areal-typological aspects of word-formation: The case of aktionsart-formation in German, Hungarian, Slavic, Baltic, Romani and Yiddish // Fr. Rainer, W. U. Dressler, D. Kastovsky, H. Chr. Luschützky (eds.). *Variation and Change in Morphology: Selected papers from the 13th International Morphology Meeting, Vienna, February 2008*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2010, pp. 129–148.
- Kiefer F., Honti L. (2003). Verbal ‘prefixation’ in the Uralic languages // *Acta Linguistica Hungarica*. V. 50 (2003), Nos. 1–2, pp. 137–153.
- Kiefer F., Németh B. (2012). When the preverb does not perfectivize. Poster from the 15th International Morphology Meeting, Vienna, February 2012.
- King R. (2005). Crossing grammatical borders. Tracing the path of contact-induced linguistic change // M. Filppula, J. Klemola, M. Palander, E. Penttillä (eds.). *Dialects across Borders*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2005, pp. 233–252.
- Kiss É. K. (2004). *The Syntax of Hungarian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Kiss É. K. (2006a). The function and the syntax of the verbal particle // Kiss (ed.) 2006: 17–56.
- Kiss É. K. (2006b). From the grammaticalization of situation aspect to the grammaticalization of viewpoint aspect // Kiss (ed.) 2006: 129–158.
- Kiss K. É. (ed.). *Event Structure and the Left Periphery of Hungarian*. Dordrecht: Springer, 2006.
- Kittilä S. (2005). Remarks on the involuntary agent constructions // *Word*. V. 56 (2005), No. 3, pp. 381–419.
- Kobaidze M. (2014). Towards the morphological and syntactical classification of Georgian verbs // N. Amiridze, T. Reseck, M. Topadze Gäumann (eds.). *Advances in Kartvelian Morphology and Syntax*. Bochum: Brockmeyer, 2014, pp. 23–46.
- Kolehmainen L. (2005). *Präfix- und Partikelverben in deutsch-finnischen Kontrast*. PhD Dissertation, Universität Helsinki, 2005.

- Kopečný Fr. (1981). Ein gemeinsamer Charakterzug des altkirchenslavischen und gotischen Zeitwortes // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 8 (1981), S. 295–306.
- Kortmann B. (ed.) (2004). *Dialectology Meets Typology: Dialect Grammar from a Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2004.
- Kozhanov K. (2014). Priešdėlio *da-* semantika lietuvių kalboje // A. Jūdžentis, T. V. Civjan, M. V. Zavjalova (red.). *Baltai ir slavai: dvasinių kultūrų sankirtos*. Vilnius: Versmė, 2014, p. 254–274.
- Krifka M. (1998). The origins of telicity // S. Rothstein (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1998, pp. 197–235.
- Kuryłowicz J. (1964). *The Inflectional Categories of Indo-European*. Heidelberg: Carl Winter, 1964.
- Kurzová H. (1996). Mitteleuropa als Sprachareal // *Acta Universitatis Carolinae — Philologica*. Bd. 5 (1996), S. 57–73.
- Kutscher S. (2003). Raumkonzeptualisierung im lasischen Verb: Das System der deiktischen und topologischen Präverbien // W. Boeder (Hrsg.), *Kaukasische Sprachprobleme*. Oldenburg: Universität Oldenburg, 2003, S. 223–246.
- Kutscher S. (2011). On the expression of spatial relations in Ardeşen Laz // *Linguistic Discovery*. V. 9 (2011), No. 2, pp. 49–77.
- Kuznetsova J., Makarova A. (2012). Distribution of two semelfactives in Russian: *-nu-* and *-anu-* // A. Grønn, A. Pazelskaya (eds.). *The Russian Verb. Oslo Studies in Language*. V. 4 (2012), No. 1, pp. 155–176.
- Lacroix R. (2009). *Description du dialecte laze d'Arhavi (caucasique du sud, Turquie)*. *Grammaire et textes*. Thèse de doctorat, Université Lumière de Lyon 2, 2009.
- Ladányi M. (2000). Productivity as a sign of category change. The case of Hungarian verbal prefixes // W. U. Dressler, O. Pfeiffer, M. Pöchtrager, J. R. Rennison (eds.). *Morphological Analysis in Comparison*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2000, pp. 113–141.
- Lambert P.-Y. (1995). Les préverbes perfectifs du vieil-irlandais // Rousseau (éd.) 1995: 227–254.
- LaPolla R., Huang Ch. (2003). *A Grammar of Qiang with Annotated Texts and Glossary*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2003.
- Lazard G. (1995). Préverbes et typologie // Rousseau (éd.) 1995: 23–31.
- Łaziński M., Wiemer B. (1996). Terminatywność jako kategoria stopniowania // *Prace filologiczne*. T. XL (1996), s. 99–126.
- Łaziński M. (2011). Polish aspectual prefixes, their order and functions: A study based on the National Corpus of Polish // *Word Structure*. V. 4 (2011), No. 2, pp. 231–243.

- Lee K. (1974). *Kusaiean Verbal Derivational Rules*. Doctoral Dissertation, University of Hawaii, 1974.
- Lehmann Chr. (2002). *Thoughts on Grammaticalisation*. 2nd revised ed. Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt, Nr. 9. 2002.
- Lehmann V. (1999). Sprachliche Entwicklung als Expansion und Reduktion // Anstatt (Hrsg.) 1999: 169–254.
- Lehmann V. (2004). Grammaticalization via extending derivation // W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look from Its Fringes and Its Components*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2004, pp. 187–209.
- Leskien A. (1914). *Grammatik der serbo-kroatischen Sprache*. 1. Teil. *Lautlehre, Stammbildung, Formenlehre*. Heidelberg: Carl Winter, 1914.
- Lin Y.-J. Perfective and imperfective from the same source: directional ‘down’ in rGyalrong // *Diachronica*. V. 28 (2011), No. 1, pp. 45–81.
- Lindstedt J. (1984). Nested aspects // C. de Groot, H. Tommola (eds.). *Aspect Bound: A Voyage into the Realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian Aspectology*. Dordrecht: Foris, 1984, pp. 23–38.
- Lindstedt J. (1985). *On the Semantics of Tense and Aspect in Bulgarian*. Helsinki: Helsinki University, 1985.
- Lloyd A. L. (1979). *Anatomy of the Verb. The Gothic Verb as a Model for a Unified Theory of Aspect, Actional Types and Verbal Velocity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1979.
- Los B., Blom C., Booij G., Elenbaas M., van Kemenade A. (2012). *Morpho-syntactic Change. A Comparative Study of Particles and Prefixes*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Lunt H. G. (1952). *Grammar of the Macedonian Literary Language*. Skopje, 1952.
- Lunt H. G. (2001). *Old Church Slavonic Grammar*. 7th ed. rev. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Lynch J., Ross M., Crowley T. (2002). *The Oceanic Languages*. Richmond (Surrey): Curzon Press, 2002.
- MacKinnon C. (1977). The New Persian preverb *bi-* // *Journal of the American Oriental Society*. V. 97 (1977), No. 1, pp. 8–26.
- Maisak T., Ganenkov D. (to appear). Aghul. To appear in P. O. Müller et al. *Word-Formation. An International Handbook*. V. 2. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.
- Malchukov A. (2009). Incompatible categories: Resolving the “present perfective paradox” // L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov (eds.). *Cross-linguistic Semantics of Tense, Aspect and Modality*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2009, pp. 13–32.

- Malchukov A. (2014). Constraining syntagmatic grammeme interactions: A synopsis // С. Ю. Дмитренко, Н. А. Зайка (ред.). *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskii Samuelis filio dedicata (Acta Linguistica Petropolitana* Т. X, Ч. 3). СПб.: «Наука», 2014, с. 422–449.
- Mallinson G. (1986). *Rumanian*. London: Croom Helm, 1986.
- Marache M. (1960). Die gotischen verbalen *ga*-Komposita im Lichte einer neuen Kategorie der Aktionsart // *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. Bd. 90 (1960), H. 1, S. 1–35.
- Markova A. (2011). On the nature of Bulgarian prefixes: Ordering and modification in multiple prefixation // *Word Structure*. V. 4 (2011), No. 2, pp. 244–271.
- Mathiassen T. (1996a). *A Short Grammar of Lithuanian*. Columbus (OH): Slavica, 1996.
- Mathiassen T. (1996b). *Tense, Mood and Aspect in Lithuanian and Latvian. (Meddelelser av Slavisk-baltisk avdeling, Universitetet i Oslo. Nr. 75)*. Oslo, 1996.
- Matras Y., Sakel J. (2007). Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // *Studies in Language*. V. 31 (2007), No. 4, pp. 829–865.
- Matras Y., Sakel J. (eds.) (2007). *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Mattissen J. (2001). Tense and aspect in Laz // Ebert, Zúñiga (eds.) 2001: 15–48.
- Maylor B. R. (2002). *Lexical Template Morphology. Change of State and the Verbal Prefixes in German*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002.
- McGregor W. (2002). *Verb Classification in Australian Languages*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- McGregor W. (2004). *The Languages of the Kimberley, Western Australia*. London, New York: Routledge, 2004.
- McIntyre A. (2004). Preverbs, argument linking, and verb semantics: Germanic prefixes and particles // Booij, van Kemenade (eds.) 2004: 119–144.
- McIntyre A. (2007). Particle verbs and argument structure // *Language and Linguistics Compass*. V. 1 (2007), No. 4, pp. 350–397.
- McMahon A., McMahon R. (2005). *Language Classification by Numbers*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Mende J. (1999). Derivation und Reinterpretation: Die Grammatikalisierung des russischen Aspekts // Anstatt (Hrsg.) 1999: 285–332.
- Metslang H. (2001). On the developments of the Estonian aspect. The verbal particle *ära* // Dahl, Koptjevskaja-Tamm (eds.) 2001: V. 2, 443–479.

- Michaelis L., Ruppenhofer J. (2001). *Beyond Alternations: A Constructional Model of the German Applicative Pattern*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2001.
- Mikulskas R. (2003). Postverbų pateikimo problema *Lietuvių kalbos žodyne // Acta Linguistica Lithuanica*. T. 48 (2003), p. 71–96.
- Miličević N. (2004). The lexical and superlexical prefix *iz-* and its role in the stacking of prefixes // Svenonius (ed.) 2004: 279–300.
- Minkova D. (2008). Prefixation and stress in Old English // *Word Structure*. V. 1 (2008), No. 1, pp. 21–52.
- Molineux B. J. (2012). Prosodically conditioned morphological change: preservation vs. loss of Early English prefixes // *English Language and Linguistics*. V. 16 (2012), No. 3, pp. 427–458.
- Mollay K. (1992). Die deutsch-ungarischen Sprachkontakte // L. Honti et al. (Hrsg.). *Finnisch-ugrische Sprachen zwischen dem germanischen und dem slavischen Sprachraum*. Amsterdam: Rodopi, 1992, S. 111–116.
- Mønnesland S. (1984). The Slavonic frequentative habitual // C. de Groot, H. Tommola (eds.). *Aspect Bound. A Voyage into the Realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian Aspectology*. Dordrecht: Foris, 1984, pp. 53–76.
- Morabito R. (1992). L'incrocio aspettuale nel sistema aspettotemporale della lingua croata (con riferimenti ad altre lingue slave) // *Quaderni del Dipartimento di Linguistica dell'Università degli Studi di Firenze*. T. 3 (1992), p. 77–91.
- Müller S. (2002). *Complex Predicates: Verbal Complexes, Resultative Constructions, and Particle Verbs in German*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2002.
- Müller S. (2004). Solving the bracketing paradox: An analysis of the morphology of German particle verbs // *Journal of Linguistics*. V. 39 (2003), pp. 275–325.
- Nagano Y. (2003). Cogtse Gyarong // R. LaPolla, G. Thurgood (eds.), *The Sino-Tibetan Languages*. Richmond: Curzon Press, 2003, pp. 469–489.
- Napoli M. (2006). *Aspect and Actionality in Homeric Greek. A Contrastive Analysis*. Pavia: Francoangeli, 2006.
- Nash D. (1982). Warlpiri verb roots and preverbs // S. Swartz (ed.). *Papers in Warlpiri Grammar. In Memory of Lothar Jagst*. Darwin: Summer Institute of Linguistics, 1982, pp. 165–216.
- Nau N. (1998). *Latvian*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1998.
- Nau N. (2011). *A Short Grammar of Latgalian*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 2011.
- Naughton J. (2005). *Czech. An Essential Grammar*. London, New York: Routledge, 2005.

- Nevis N. A., Joseph B. D. (1993). Wackernagel affixes: evidence from Balto-Slavic // G. Booij, J. van Marle (eds.). *Yearbook of Morphology 1992*. Dordrecht: Kluwer, 1993, pp. 93–112.
- Nichols J. (1992). *Linguistic Diversity in Space and Time*. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1992.
- Nichols J., Warnow T. (2008). Tutorial on computational linguistic phylogeny // *Language and Linguistics Compass*. V. 2 (2008), No. 5, pp. 760–820.
- Nikolaeva I. (1999). *Ostyak*. München, Newcastle: LINCUM Europa, 1999.
- Nītiņa D., Grigorjevs J. (red.) (2013). *Latviešu valodas gramatika*. Rīga: Latvijas Universitāte, 2013.
- Nübler N. (1990). Zum begriff der “Subsumptionspräfixe” in der Aspektforschung // *Anzeiger für Slavische Philologie*. Bd. 20 (1990), S. 123–134.
- Nübler N. (1993). Zur Differenzierung der Begriffe Terminativität/Aterminativität und Telizität/Atelizität // *Die Welt der Slaven*. Bd. 38, S. 298–307.
- Ostrowski N. (2006). *Studia z historii czasownika litewskiego. Iteratiwa. Denominatiwa*. Poznań: Wydawnictwo naukowe, 2006.
- Oswalt R. L. (1990). The perfective-imperfective opposition in Kashaya // *Proceedings of the 1990 Hokan-Penutian Languages Workshop*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1990, pp. 43–51.
- Ozanne-Rivierre Fr., Rivierre J.-Cl. (2004). Verbal compounds and lexical prefixes in the languages of New Caledonia // I. Brill, Fr. Ozanne-Rivierre (eds.). *Complex Predicates in Oceanic Languages. Studies in the Dynamics of Binding and Boundedness*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2004, pp. 347–372.
- Öztürk B., Pöchtrager M. (eds.) (2011). *Pazar Laz*. München, Newcastle: LINCUM Europa, 2011.
- Pakerys J., Wiemer B. (2007). Building a partial aspect system in East Aukštaitian Vilnius dialects of Lithuanian: Correlations between telic and activity verbs // *Acta Linguistica Lithuanica*. V. 57 (2007), pp. 45–97.
- Palfy-Muhoray N. (2013). Future reference in Hungarian with and without future marking // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. V. 19 (2013), No. 1, pp. 139–148.
- Papke J. K. P. (2010). *Classical Sanskrit Preverb Ordering: A Diachronic Study*. PhD Thesis, Ohio State University, 2010.
- Paris C. (1989). Esquisse grammaticale du dialecte abzakh (tcherkesse occidental) // B. G. Hewitt (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus*. V. 2. *The North West Caucasian Languages*. Delmar (NY): Caravan, 1989, pp. 154–260.
- Paris C. (1995). Localisation en tcherkesse: forme et substance du référent // Rousseau (éd.) 1995: 345–379.

- Paulauskas J. (1958). Veiksmazodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje // *Literatūra ir kalba*. T. 3, p. 301–453.
- Paulauskienė A. (1964). Priešdėlėtieji eigos veiksmo veiksmazodžiai // *Kalbotyra*. T. 13 (1965), p. 165–184.
- Payne J. (1982). Directionals as time referentials in Ashéninka // *Anthropological Linguistics*. V. 24 (1982), No. 3, pp. 325–337.
- Penney J. H. W. (1989). Preverbs and postpositions in Tocharian // *Transactions of the Philological Society*. V. 87 (1989), No. 1, pp. 54–74.
- Perrot J. (1999). Préverbes et position préverbale en hongrois: de l'aspect à l'énonciation // *Actances*. T. 11 (1999), pp. 13–26.
- Petit D. (2011). Préverbation et préfixation en baltique // Petit et al. (eds.) 2011: 243–279.
- Petit D., Le Feuvre Cl., Menantaud H. (éds.) (2011). *Langues baltiques, langues slaves*. Paris: Éditions CNRS, 2011.
- Petrović Rignault M. (2008). DO-: étude d'un préfixe verbal en valaque // B. Sikimić, T. Ašić (eds.). *The Romance Balkans*. Belgrade: Institute for Balkan Studies, 2008, p. 261–288.
- Pinault G.-J. (1995). Le problème du préverbe en Indo-Européen // Rousseau (éd.) 1995: 35–60.
- Pompei A. (2010). De l'expression de l'espace à l'expression du temps (et de l'aspect) en latin: le cas des préverbes et des "verbes avec particules" // *De lingua latina*. V. 3 (2010), pp. 1–20.
- Pugh S. (1999). Structural change in Karelian and Vepsian: prefixation // C. Hasselblatt, P. Jääsalmi-Krüger (eds.). *Europa et Sibiria. Beiträge zur Sprache und Kultur des kleineren finnougri-schen, samojedischen und paläosibirischen Völker. Gedenkband für Wolfgang Veenker*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1999, pp. 341–347.
- Razanovaitė A. (2014). *Lietuvių senųjų raštų klitiniai įvardžiai (XVI–XVIII a.)*. Daktaro disertacija, Vilniaus Universitetas, 2014.
- Reichelt H. (1909/1967). *Awestisches Elementarbuch*. 2. Aufl. Heidelberg: Winter, 1967. (1. Aufl. 1909).
- Reindl D. F. (2008). *Language Contact: German and Slovenian*. Bochum: Brockmeyer, 2008.
- Renou L. (1952). *Grammaire de la langue védique*. Lyon, Paris: IAC, 1952.
- Riese T. (2001). *Vogul*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 2001.
- Robinson D. (1976). *Lithuanian Reverse Dictionary*. Columbus (OH): Slavica, 1976.
- Romanova E. (2004). Superlexical vs. lexical prefixes // Svenonius (ed.) 2004: 255–278.
- Romanova E. (2006). *Constructing Perfectivity in Russian*. PhD Dissertation, University of Tromsø, 2006.

- Ross M. (1999). Exploring metatypy: how does contact-induced typological change come about? Keynote talk given at *the Australian Linguistic Society's annual meeting*, Perth, 1999. (<http://chl.anu.edu.au/linguistics/projects/mdr/Metatypy.pdf>)
- Ross M. (2007). Calquing and metatypy // *Journal of Language Contact*. V. 1 (2007), No. 1, pp. 116–143.
- Rostovtsev-Popiel A. (2012). *Grammaticalized Affirmativity in Kartvelian*. PhD Thesis, Universität Frankfurt am Main.
- Roszko D., Roszko R. (2006). Lithuanian frequentativum // *Études cognitives*. T. 7. Warszawa, 2006, pp. 163–172.
- Rounds C. (2001). *Hungarian. An Essential Grammar*. London, New York: Routledge, 2001.
- Rousseau A. (1995a). Fonctions et fonctionnement des préverbes en allemand. Une conception syntaxique des préverbes // Rousseau (éd.) 1995: 127–188.
- Rousseau A. (1995b). En guise de conclusion: identité et fonctions des préverbes // Rousseau (éd.) 1995: 383–391.
- Rousseau A. (éd.) (1995). *Les préverbes dans les langues d'Europe. Introduction à l'étude de la préverbation*. Lille: Presses Universitaires de Septentrion, 1995.
- Rusakov A. Yu. (2001). The North Russian Romani dialect. Interference and code-switching // Dahl, Koptjevskaja-Tamm (eds.) 2001: Vol. 1, 313–337.
- Ružič R. H. (1943). *The Aspects of the Verb in Serbo-Croatian*. Berkeley, Los Angeles: The University of California Press, 1943.
- Sakel J. (2007). Types of loan: matter vs. pattern // Matras, Sakel (eds.) 2007: 15–29.
- Sakurai E. (2015). Past habitual tense in Lithuanian // P. M. Arkadieiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.). *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015, pp. 383–436.
- Sawicki L. (2000). Remarks on the category of aspect in Lithuanian // *Linguistica Baltica*. V. 8 (2000), pp. 133–142.
- Schaechter M. (1986). *Yidish tzvey*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues, 1986.
- Schanidse A. (1982). *Altgeorgisches Elementarbuch. Teil I. Grammatik der Altgeorgischen Sprache*. Tbilissi: Tbilisis universitetis gamomcemloba, 1982.
- Scherer Ph. (1954). Aspect in Gothic // *Language*. V. 30 (1954), No. 2, pp. 211–223.
- Scherer Ph. (1964). The theory of the function of the Gothic preverb *ga-* // *Word*. V. 20 (1964), No. 2, pp. 222–245.

- Schrammel B. (2002). *The Borrowing and Calquing of Verbal Prefixes and Particles in Romani Dialects in Contact with Slavic and German*. MA Thesis, Karl-Franzens-Universität Graz, 2002.
- Schrammel B. (2005). Borrowed verbal particles and prefixes in Romani: A comparative approach // B. Schrammel, D. W. Halwachs, G. Ambrosch (eds.). *General and Applied Romani Linguistics. Proceedings of the Sixth International Conference on Romani Linguistics*. München, Newcastle: Lincom Europa, 2005, pp. 99–113.
- Schmidt K. H. (1984). On aspect and tense in Old Georgian // H. I. Aronson (ed.). *Papers from the 3rd Conference on the Non-Slavic Languages of the USSR*. Columbus (OH): Slavica, 1984, pp. 290–302.
- Schmidt K. H. (1988). Zur Verbalkomposition in den Kartvelsprachen // *Ежегодник иберийско-кавказского языкознания*. Т. 15 (1988), S. 82–85.
- Schmidt K. H. (1991). Svan // Harris (ed.) 1991: 473–556.
- Scholze L. (2007). *Das grammatische System der obersorbischen Umgangssprache unter besonderer Berücksichtigung des Sprachkontakts*. PhD Dissertation, Universität Konstanz, 2007.
- Scholze L., Wiemer B. (Hrsg.). (2009). *Von Zuständen, Dynamik and Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag*. Bochum: Brockmeyer, 2009.
- Schulte M. (2003). Early Nordic language history and modern runology with particular reference to reduction and prefix loss // B. Blake, K. Barridge (eds.). *Historical Linguistics 2001. Selected Papers from the 15th International Conference on Historical Linguistics, Melbourne, 13–17 August 2001*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003, pp. 391–402.
- Schulte M. (2005). Nordic prefix loss and metrical stress theory with particular reference to *ga-* and *bi-* // M. Fortescue, E. Skaftø Jensen, J. E. Mogensen, L. Schøsler (eds.). *Historical Linguistics 2003. Selected Papers from the 16th International Conference on Historical Linguistics, Copenhagen, 11–15 August 2003*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2005, pp. 241–256.
- Schultze-Berndt E. (2000). *Simple and Complex Verbs in Jaminjung. A Study of Event Categorization in an Australian Language*. Doctoral Dissertation, Katholieke Universiteit Nijmegen, 2000.
- Schultze-Berndt E. (2004). Preverbs as an open verb class in Northern Australian languages: synchronic and diachronic correlates // Booij, van Kemnade (eds.) 2004: 145–178.
- Schuyt R. (1990). *The Morphology of Slavic Verbal Aspect. A Descriptive and Historical Study*. Amsterdam: Rodopi, 1990.

- Shull S. (2000). *The Experience of Space. The Privileged Role of Spatial Prefixation in Czech and Russian*. PhD Dissertation, University of California at Berkeley, 2000.
- Simonyi S. (1907). *Die Ungarische Sprache. Geschichte und Charakteristik*. Strassburg: Karl Trübner, 1907.
- Singh M. (1998). On the semantics of the perfective aspect // *Natural Language Semantics*. V. 6 (1998), pp. 171–199.
- Slavin T. (2006). Some issues in the ordering of preverbs in Severn Ojibwe // Cl. Gurski, M. Radišić (eds.). *Proceedings of the 2006 Canadian Linguistics Association*, 2006.
- Slavin T. (2012). *The Syntax and Semantics of Stem Composition in Ojicree*. PhD dissertation, University of Toronto, 2012.
- Sližienė N. (1961). Apie sudurtines pradėtinės veiksmažodžių formas // *Lietuvių kalbotyros klausimai*. T. 4 (1961), p. 67–72.
- Smeets R. (1984). *Studies in West Circassian Phonology and Morphology*. Leiden: The Hakuchi Press, 1984.
- Smith C. (1991/1997). *The Parameter of Aspect*. Dordrecht: Kluwer, 1991. (2nd ed. 1997).
- Součková K. (2004). Measure prefixes in Czech: Cumulative *na-* and Delimitative *po-*. MA Thesis, University of Tromsø, 2004.
- Staltmane V. (1958). Verbu veidi mūsdienu latviešu literārajā valodā // *Valodas un literatūras institūta raksti*. T. VII (1958), lpp. 5–47.
- Staltmane V. (1959). Divu verbu veidu (perfektīvā un imperfektīvā) korelācijas iespējas mūsdienu latviešu valodā // *Rakstu krājums veltījums akadēmiķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei*. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas izdevniecība, 1959, lpp. 607–631.
- Stang Chr. S. (1942). *Das slavische und baltische Verbum // Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo*. II. Hist.-Filol. Klasse. No. 1. Oslo, 1942, S. 1–280.
- Stiebels B. (1996). *Lexikalische Argumente und Adjunkte. Zum semantischen Beitrag von verbalen Präfixen und Partikeln*. Berlin: Akademie-Verlag, 1996.
- Stiebels B., Wunderlich D. (1994). Morphology feeds syntax: The case of particle verbs // *Linguistics*. V. 32 (1994), No. 6, pp. 913–968.
- Stifter D. (1993/2010). Early Irish // M. J. Ball, N. Müller (eds.). *The Celtic Languages*. 2nd ed. London, New York: Routledge, 2010, pp. 55–116. (1st ed. 1993.)
- Stolz Th. (1989). Zum Wandel der morphotaktischen Positionsregeln des Baltischen Reflexivzeichens // *Folia Linguistica Historica*. Bd. 9 (1989), No. 1, S. 13–27.

- Streitberg W. (1891). Perfektive und imperfektive Aktionsart im Germanischen // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. Bd. 15 (1891), S. 70–177.
- Streitberg W. (1920). *Gotisches Elementarbuch*. 5. & 6. Aufl. Heidelberg: Carl Winter, 1920.
- Stunová A. (1986). Aspect and iteration in Russian and Czech: A contrastive study // A. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger (eds.). *Studies in Slavic and General Linguistics*. Vol. 8: *Dutch Studies in Russian Linguistics*. Amsterdam, New York: Rodopi, 1986, pp. 467–501.
- Stunová A. (1993). *A Contrastive Study of Russian and Czech Aspect: Invariance vs. Discourse*. PhD Dissertation, Amsterdam University, 1993.
- Sulkala H. (1996). Expression of aspectual meaning in Finnish and Estonian // M. Erelt (ed.). *Estonian: Typological Studies I*. Tartu, Tartu University Press, 1996, pp. 165–225.
- Svenonius P. (ed.) (2004). *Nordlyd Special Issue on Slavic Prefixes*, Vol. 32/2. University of Tromsø, 2004.
- Szende Th., Kassai G. (2007). *Grammaire fondamentale du hongrois*. Paris: Langues & Mondes — L'Asiathèque, 2007.
- Talmy L. (1982). Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic // *Proceedings of the 8th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1982, pp. 231–250.
- Talmy L. (1985). Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical form // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. V. 3. *Grammatical Categories and the Lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, pp. 57–149.
- Talmy L. (2000). *Toward a Cognitive Semantics*. V. 1–2. Cambridge (MA), London: MIT Press, 2000.
- Talmy L. (2007). Lexical typologies // T. Shopen (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. V. 3. *Grammatical Categories and the Lexicon*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, pp. 66–168.
- Tatevosov S. G. (2002). The parameter of actionality // *Linguistic Typology*. V. 6 (2002), No. 3, pp. 317–401.
- Tedeschi Ph., Zaenen A. (eds.) (1981). *Syntax and Semantics*. V. 14. *Tense and Aspect*. New York etc.: Academic Press, 1981.
- Tekorienė D. (1980). Ingresyvo reiškimas lietuvių kalboje ir jo funkcinė analizė // *Kalbotyra*. T. 31 (1980), Nr. 1, p. 88–95.
- Tenny C. (1994). *Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface*. Dordrecht etc.: Kluwer, 1994.
- Thieroff R. (2000). On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe // Dahl (ed.) 2000: 265–303.

- Thomas G. (2008). Exploring the parameters of a Central European Sprachbund // *Canadian Slavonic Papers*. V. 50 (2008), Nos. 1–2, pp. 123–153.
- Thomason S. G., Kaufman T. (1988). *Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1988.
- Thordarson F. (1982). Preverbs in Ossetic // *Monumentum Georg Morgenstierne*. T. II. Leiden: Brill, 1982, pp. 251–261.
- Thordarson F. (1999). Linguistic contacts between the Ossetes and the Kartvelians // *Studies in Caucasian linguistics. Selected papers of the 8th Caucasian Colloquium*. Leiden, 1999, pp. 279–285.
- Thordarson F. (2009). *Ossetic Grammatical Studies*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009.
- Thurneysen R. (1909). *Handbuch des Alt-Irischen. Grammatik, Texte und Wörterbuch. I. Teil: Grammatik*. Heidelberg: Carl Winter, 1909.
- Tomelleri V. S. (2008). L'aspetto verbale slavo fra tipologia e diacronia // A. Alberti et al. (eds.). *Contributi italiani al 14. congresso internazionale degli Slavisti*. Firenze, 2008, p. 11–61.
- Tomelleri V. S. (2009a). The category of aspect in Georgian, Ossetic and Russian. Some areal and typological observations // *Faits des langues*. No. 1 (2009), pp. 245–272.
- Tomelleri V. S. (2009b). Osservazioni sull'aspetto verbale in Georgiano (2) // *Rivista Italiana di Linguistica e Dialettologia*. T. 11 (2009), p. 49–109.
- Tomelleri V. S. (2010). Slavic-style aspect in the Caucasus // *Suvremena lingvistika*. No. 36 (69) (2010), pp. 65–97.
- Tomelleri V. S. (2011). Sulla categoria dell'aspetto verbale in Osseto // *Anatolistica, indoeuropeistica e oltre nelle memorie dei seminari offerti da Onofrio Carruba (anni 1997–2002) al Medesimo presentato*. Tomo I. Milano: Qu.A.S.A.R. S.R.L., 2011, p. 67–111.
- Tomelleri V. S., Topadze M. (2015). Aspectual pairs in Georgian: some questions // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. Bd. 68 (2015), No. 1, pp. 49–85.
- Toops G. H. (1992a). Upper Sorbian prefixal derivatives and the question of German loan translations // *The Slavic and East European Journal*. V. 36 (1992), No. 1, pp. 17–35.
- Toops G. H. (1992b). Lexicalization of Upper Sorbian preverbs: Temporal-aspectual ramifications and the delimitation of German influence // *Germano-Slavica*. V. 7 (1992), No. 2, pp. 3–22.
- Toops G. H. (1998a). The scope of “secondary” imperfectivization in Bulgarian, Russian, and Upper Sorbian // R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). *American Contributions to the XII International Congress of Slavists*. Bloomington (IN): Slavica, 1998, pp. 515–529.

- Toops G. H. (1998b). On the functional status of derived imperfectives in contemporary Upper Sorbian // *The Slavic and East European Journal*. V. 42 (1998), No. 2, pp. 283–297.
- Toops G. H. (2001a). Iterativity and contemporary aspect selection in Upper Sorbian // *The Slavonic and East European Review*. V. 79 (2001), No. 3, pp. 401–414.
- Toops G. H. (2001b). Aspectual competition and iterative contexts in contemporary Upper Sorbian // *Journal of Slavic Linguistics*. V. 9 (2001), No. 1, pp. 127–154.
- Toops G. H. (2001c). The grammar of “paraphrastic imperfectives” in Latvian and Upper Sorbian // *The Slavic and East European Journal*. V. 45 (2001), No. 1, pp. 96–113.
- Tsunoda T. (1981). *The Djaru Language of Kimberley, Western Australia*. Canberra: Australian National University, 1981.
- Tuite K. (1994). Aorist and pseudo-aorist for Svan atelic verbs // H. Aronson (ed.). *NSL 7: Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics*. Chicago, 1994, pp. 319–340.
- Tuite K. (1996). Paradigm recruitment in Georgian // H. Aronson (ed.) *NSL 8: Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the Baltic Republics*. Chicago, 1996, pp. 375–387.
- Tuite K. (1997). *Svan*. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1997.
- Urbanavičienė J. (2006). Lietuvių ir slavų kalbų sąveika vilniškių tarmės rytiniuose pakraščiuose (Adučiškio apylinkių duomenys) // *Baltistika*. T. 41 (2006), No. 3, p. 461–471.
- Utka A. (2009). *Dažninis rašytinės lietuvių kalbos žodynas 1 milijono žodžių morfologiškai anotuoto teksto pagrindu*. Kaunas: VDU, 2009.
- Vaillant A. (1946). La dépréverbation // *Revue des études slaves*. T. 22 (1946), p. 5–45.
- van der Auwera J. (1998). Conclusion // J. van der Auwera (ed.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1998, pp. 813–836.
- van Kemenade A., Los B. (2004). Particles and prefixes in Dutch and English // Booij, van Kemenade (eds.) 2004: 79–117.
- van Schooneveld C. H. (1958). The so called ‘préverbes vides’ and neutralization // *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists, Moscow, September 1958*. The Hague: Mouton, 1958, pp. 159–161.
- Vendler Z. (1957/1967). Verbs and times // Z. Vendler. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1967, pp. 97–121. (1st pub.: *The Philosophical Review*. V. 66 (1957), No. 2, pp. 143–160.)

- Vey M. (1952). Les préverbes « vides » en tchèque moderne // *Revue des études slaves*. T. 29 (1952), Fasc. 1–4, pp. 82–107.
- Vidugiris A. (1961). Veiksmazodžiai su priesagomis *-inėti* ir *-dinėti* Zietelos tarmėje // *Mokslo Akademijos darbai*, ser. A. T. 2(11) (1961), p. 219–231.
- Vikner C. (1994). Change in homogeneity in verbal and nominal reference // C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.). *Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994, pp. 139–164.
- Vogt H. (1971). *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.
- Wälchli B. (1996). *Letto-livisches und Livo-lettisches. Eine Studie zur Bedeutungskonvergenz im nordosteuropäischen Kontaktraum*. Lizentiatsarbeit, Universität Bern, 1996.
- Wälchli B. (2000). Livonian in a genetic, areal and typological perspective, or is Finnish better Finnic than Livonian? // J. Laakso (ed.). *Facing Finnic. Some Challenges to Historical and Contact Linguistics. Symposium at the Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum held in Tartu, Estonia, August 2000. Castrenianumin toimitteita*. T. 59. Helsinki, 2000, pp. 210–226.
- Wälchli B. (2001). Lexical evidence for the parallel development of the Latvian and Livonian verb particles // Dahl, Koptjevskaja-Tamm (eds.) 2001: V. 2, 413–442.
- Weinreich U. (1953). *Languages in Contact. Findings and Problems*. New York: Linguistic Circle of New York, 1953.
- Weinreich U. (1977). *Modern English-Yiddish Yiddish-English Dictionary*. New York: Schocken Books, 1977.
- Weir E. M. H. (1986). Footprints of yesterday's syntax. Diachronic development of certain verbal prefixes in an OSV language (Nadëb) // *Lingua*. V. 68 (1986), pp. 291–316.
- Weissberg J. D. (1991). Der Aspekt in abgeleiteten jiddischen Verben. Dargestellt anhand der korrelierenden Konverben *iber-* und *ariber-*. Eine kontrastive jiddisch-deutsche-slavische Darstellung // *Zeitschrift für Diaktologie und Linguistik*. Bd. 58 (1991), H. 2, S. 175–195.
- Werner E. (1996). *Studien zum sorbischen Verbum*. Bautzen: Domowina-Verlag, 1996.
- Werner E. (2013). Upper Sorbian and verbal aspect // S. Paliga (ed.). *The Verbal Aspect in the Slavic Languages. Special Issue of Romano-Bohemica*. Bucharest: Editura Universității din București, 2013, pp. 165–182.
- Wexler P. (1964). Slavic influence on the grammatical functions of three Yiddish verbal prefixes // *Linguistics*. V. 2 (1964), pp. 83–93.

- Wexler P. (1972). A mirror image comparison of languages in contact: Verbal prefixes in slavized Yiddish and germanized Sorbian // *Linguistics*. V. 82 (1972), pp. 89–123.
- Wexler P. (1991). Yiddish — the fifteenth Slavic language. A study from partial language shift from Judeo-Sorbian to German // *International Journal of the Sociology of Language*. V. 91 (1991), pp. 9–150.
- Whaley M. L. (2000). *The Evolution of the Slavic 'be(come)'*-Type Compound Future. PhD Thesis, Ohio State University, 2000.
- Wichmann S., Holman E. W., Rama T., Walker R. S. (2011). Correlates of reticulation in linguistic phylogenies // *Language Dynamics and Change*. V. 1 (2011), pp. 205–240.
- Wiemer B. (2001). Aspect choice in non-declarative and modalized utterances as extensions from assertive domains. Lexical semantics, scopes, and categorial distinctions in Russian and Polish // H. Bartels, N. Strömer, E. Walusiak (Hrsg.). *Untersuchungen zur Morphologie und Syntax im Slavischen*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2001, pp. 195–221.
- Wiemer B. (2002). *Grammatikalisierungstheorie, Derivation und Konstruktionen: am Beispiel des klassifizierenden Aspekts, des Passivs und des Subjektimpersonals im slavisch-baltischen Areal*. Habilitationsschrift, Universität Konstanz, 2002.
- Wiemer B. (2008). Zur innerslavischen Variation bei der Aspektwahl und der Gewichtung ihrer Faktoren // S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, L. Udolf (Hrsg.). *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress, Ohrid 2008*. München: Sagner, 2008, S. 383–409.
- Wiemer B. (2009). Zu entlehnten Verbpräfixen und anderen morphosyntaktischen Slavismen in litauischen Insel- und Grenzmundarten // Scholze, Wiemer (Hrsg.) 2009: 347–390.
- Wiemer B. (2014). *Quo vadis* grammaticalization theory? Why complex language change is like words // *Folia Linguistica*. V. 48 (2014), No. 2, pp. 425–467.
- Wiemer B., Seržant I., Erker A. (2014). Convergence in the Baltic-Slavic contact zone. Triangulation approach // J. Besters-Dilger, C. Dermarkar, S. Pfander, A. Rabus (eds.). *Modeling Congruence as a Factor in Contact Induced Change*. Berlin, Boston: de Gruyter Mouton, 2014, pp. 15–42.
- Wiemer B., Wälchli B. (2012). Contact-induced grammatical change: Diverse phenomena, diverse perspectives // Wiemer et. al. (eds.) 2012: 3–65.
- Wiemer B., Wälchli B., Hansen B. (eds.) (2012). *Grammatical Replication and Borrowability in Language Contact*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2012.
- Wiland B. (2009). *Aspects of Order Preservation in English and Polish*. Doctoral dissertation, Adam Mickiewicz University of Poznań, 2009.

-
- Winford D. (2003). *An Introduction to Contact Linguistics*. Oxford: Blackwell, 2003.
- Wischer I., Habermann M. (2004). Der Gebrauch von Präfixverben zum Ausdruck von Aspekt/Aktionsart im Altenglischen und Althochdeutschen // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. Bd. 32 (2004), S. 262–285.
- Žaucer R. (2009). *A VP-internal/Resultative Analysis of 4 “VP-External” Uses of Slavic Verbal Prefixes*. Doctoral dissertation, University of Ottawa, 2009.
- Zeller J. (2001). *Particle Verbs and Local Domains*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Zeller J. (2004). Moved preverbs in German: displaced or misplaced? // Booij, van Kemenade (eds.) 2004: 179–212.
- Zinkevičius Z. (1981). *Lietuvių kalbos istorinė gramatika*. T. II. Vilnius: Mokslas, 1981.

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

- абхазо-адыгские 16, 155
авестийский 202, 203
австралийские 262
австроазиатские 265
австронезийские 263
агульский 259, 260
адыгейский 14, 16, 28, 30–32, 40, 41, 44–46, 49–51, 57, 64, 70–72, 77, 79–81, 88, 96, 100, 171, 172, 178, 179, 183, 184, 187, 188, 190, 191–194, 197, 198, 230–232, 258, 261
адыгские 63, 66, 70, 79, 171, 273
аймара 263, 264
аланский 270, 271, 273
алгонкинские 261, 262
алтайские 265
английский 12, 17, 31, 73, 75, 107, 121, 205, 213, 214, 258
аравакские 264
аромунский 241
атабаскские 261
ацугеви 264
- балканороманские 238, 280, 281, 289
балтийские 9, 13, 23, 28, 31, 32, 41, 47, 57, 59, 67, 68, 72, 77, 78, 83, 84, 88, 91, 93, 96, 105, 115, 116, 125, 143, 144, 149, 150, 152, 155, 174, 178, 181, 184, 186, 191, 193, 197, 216, 222, 234, 235, 239, 240, 243, 255, 256, 270, 277, 278, 279, 283–285, 287
балто-славянские 63, 89, 203, 277, 284, 289
бамана 260
белорусский 28, 30, 40, 41, 51, 61, 65, 68, 83, 88, 96, 102, 111, 114, 123, 146, 147, 157, 161, 172, 182, 196–198, 245
болгарский 28, 30, 40, 41, 50, 51, 61, 65, 67, 83, 85, 87, 88, 96, 97, 102, 103, 111, 114, 122–124, 143, 146–148, 157, 158, 161, 163–168, 171, 172, 178–180, 182, 183, 186–188, 190, 192, 193, 195, 196–198, 232, 234, 238, 278
- вальбири 262
венгерский 9, 13, 17, 28, 30, 34, 35, 40, 41, 47, 50, 51, 56, 57, 59, 61, 63, 74, 77, 80, 81, 83–85, 88, 89, 91, 92, 96, 98, 107, 111, 112, 114, 115, 120, 123, 135–137, 143, 146, 150, 151, 153–155, 157, 159, 161, 172, 174, 178–181,

- 183, 184, 186–188, 190, 192, 193, 197, 198, 222–224, 226, 227, 229, 232, 234, 244, 247, 248, 260, 279–281, 284, 285, 287, 290
 диалекты 222, 241, 280
- вепский 228, 234, 236, 255
- верхнелужицкий 28, 30, 40, 41, 50, 51, 61, 81, 84, 88, 95, 96, 111, 114, 123, 125, 134, 135, 142, 146, 149, 157, 161, 172, 179, 183, 187, 188, 190, 192, 193, 197, 198, 231, 232, 245–249
 литературный 29
 обиходный 29, 36, 92, 95, 101, 102, 134, 149, 159, 173, 174, 177, 180, 182, 184, 186, 191, 193, 194, 197, 230, 231, 269, 279, 283, 288, 289
- виннебаго, см. хочанк
- влашко-румынский 239, 255, 256
- восточнороманские 237
- германские 13, 28, 41, 50, 59, 77, 84, 88, 115, 134, 180, 184, 194, 197, 203, 205, 213, 214, 219, 222, 226, 231, 234, 242, 243, 249, 252, 260, 277, 279, 281, 284, 289
- греческий, см. также древнегреческий 154, 203, 209–213, 218, 220, 221, 281
- готский 200, 205, 209–214, 229–232, 258
- градищанско-хорватский 246, 247, 249, 255
- грузинский 9, 16, 28, 30, 40–42, 47, 50–52, 55, 59–61, 69, 72, 74, 77, 80, 83–85, 88, 89, 96, 98, 109, 111, 113–118, 123, 141, 144–146, 151, 153, 155–157, 159, 161, 166–173, 178, 179, 183, 184, 187, 188, 190, 192, 193, 197–199, 219–221, 229, 231, 232, 242, 270–274, 276, 277, 287
 диалекты 32, 36
- джалонке 260
- джаминджунг 263
- джару 262, 263
- дравидийские 265
- древнеанглийский 213, 214
- древнеармянский 203
- древневенгерский, см. старовенгерский
- древневерхненемецкий 213, 215
- древнегерманские 209, 213
- древнегреческий 47, 154, 202, 203, 209–213, 218, 220, 221, 281
 гомеровский 39, 202
 классический 39
- древнегрузинский 36, 39, 40, 55, 56, 155, 200, 219, 220, 229–232, 276
- древнеиранские 202, 269
- древнеирландский 205, 206, 258
- древнерусский 161, 163, 216–219, 254
 древненовгородский диалект 147, 163
- древнечешский 161, 245, 279

енисейские 258

занские 43, 53, 169, 181, 219

западноиранские 205

западнокавказские 41, 44, 63, 260

идиш 9, 13, 22, 28–31, 34, 40–42, 51, 52, 61, 75, 78, 81, 83, 84, 88, 89, 94,
96, 98, 107, 111, 112, 114, 115, 123, 135, 144, 146, 157, 161, 172, 174,
178–180, 182–184, 186–188, 190–193, 197, 198, 213, 230–232, 242, 243,
252, 255–257, 269, 279, 280, 284, 287, 290

индоарийские 265, 266

индоевропейские 39, 142, 201–203, 216, 219, 220, 222, 229, 258, 289

индоиранские 203

инну 262

иранские 203, 270, 285, 289

истрорумынский 237–239, 252, 257, 269, 285, 290

итальянский 148, 171, 228, 254, 258, 283

кабардино-черкесский 31, 79

кавказские 16, 18, 60, 79, 80, 96, 113, 138, 184, 194, 195, 197–199, 242,
268–271, 277, 282, 290

карельский 155, 228, 234, 236, 255

каринтский словенский 246–249, 255

карок-шаства 264

картвельские 14, 16, 28, 31, 32, 36, 42, 43, 47, 51, 53, 55, 59, 63, 66, 79, 80,
91, 94, 115, 141, 145, 151, 159, 162, 166, 169, 171, 173, 174, 178, 180, 181,
184, 186, 191, 193, 197, 201, 219–222, 229, 231, 232, 258, 268–274, 277,
285, 287–290

кашайя 264

кашубский 28

кельтские 203, 289

кетский 258

кечуа 263, 264

крызский 259

кубачинский даргинский 259

курдские 205

кусаие 264, 265

кутенаи 261, 262

лазский 28–32, 40, 41, 43, 44, 50, 51, 53, 54, 61, 65, 96, 110, 111, 113–115, 123,
145, 146, 155, 157, 160, 161, 169–172, 178, 179, 182–184, 186–188, 190,
192, 193, 197, 198, 219, 231, 232

ардешенский диалект 54, 65, 155, 170

архавский диалект 54, 110, 113, 160, 170

атинский диалект 43, 44, 54

- латгальский 28, 39
латынь 154, 200, 203, 205–208, 214, 229, 230, 232, 258, 280, 284
 классическая 209
 позднеклассическая 208, 209
 раннеклассическая 208
лагышский 28, 30, 32, 39, 40–42, 47, 49–51, 54, 55, 61, 62, 67, 73, 78, 84, 85,
 88, 93, 94, 96, 98, 106, 111, 112, 114, 116, 117, 119, 120, 123, 132–135, 146,
 150, 152, 153, 155, 157, 161, 172, 178–184, 186–188, 190–193, 194, 197,
 198, 228, 230–232, 234–236, 240–242, 244, 249–251, 255, 284, 285, 287
лезгинские 258, 259
ливский 228, 234, 236, 237, 239, 249–251, 255, 257, 280, 285, 289, 290
литовский 9, 18, 22, 24, 27, 28, 30, 32, 35, 36, 38–42, 48–51, 54, 61, 62, 66–69,
 71, 73, 78, 81, 84, 87, 88, 90–94, 96, 98, 105, 106, 108, 111, 112, 114,
 117–119, 123, 125–132, 135, 143, 146, 150, 152–155, 157, 161, 162, 172,
 178–184, 186–188, 190–194, 197, 198, 230, 232, 239–241, 243, 244, 250,
 252, 254–256, 280, 284, 287
 восточноаукштайтские говоры 239, 240
 диалекты 35, 126, 143, 239, 240, 253, 289
 дятловский говор 239
 северные диалекты 249, 250
 южные диалекты 250
лотфитка 235, 242, 251
лужицкие 41, 83, 95, 96, 98, 102, 114, 142, 146, 159, 161, 165, 166, 245, 246,
 255, 278, 279
 литературные 157
 обиходные 23, 111
македонский 28, 30, 40, 41, 50, 51, 61, 65, 83, 88, 96, 102, 111, 114, 123, 146,
 147, 157, 161, 165, 166, 171, 172, 178, 179, 182, 183, 186–188, 190, 192,
 193, 195–198, 232, 278
маку 261
малайско-полинезийские 264
мандаринский китайский 266, 267
манде 260
мансийский 226
марги 264
мегленорумынский 237–239
мегрельский 28, 30, 37, 38, 40, 41, 43, 50, 51, 53, 54, 61, 92, 96, 97, 110, 111,
 113–115, 123, 138, 140, 141, 145, 146, 152, 155–157, 159, 161, 169–172,
 178, 179, 182–184, 186–188, 190, 192, 193, 195, 197, 198, 219, 231, 232,
 242, 252, 274–276
минди (семья) 263
мокил 264
молизско-славянский 166, 254, 269, 283

- надеб 261
нахские 272
нахско-дагестанские 258, 259
немецкий 13, 17, 28, 30, 31, 33–36, 40–42, 50–52, 56, 57, 59, 61–63, 66, 72, 75, 78, 81, 84, 88, 96, 98, 100, 112, 115, 132, 134, 154, 155, 174, 178–180, 182–184, 187, 188, 190–193, 196–198, 213, 215, 216, 222, 228, 231, 232, 234, 235, 242–253, 278–281, 283–285, 287, 289, 290
нидерландский 33, 34, 213
нижнелужицкий 29, 91, 159, 247, 248
норвежский 205

обско-угорские 200, 221, 226, 227, 229, 284, 289
оджибве 262
океанийские 263, 264
осетинский 9, 13, 28, 30–32, 36, 37, 40, 41, 44, 49–51, 56, 59–61, 72, 77, 79, 83, 84, 88, 89, 91, 92, 94, 96–98, 108, 111, 113–115, 123, 138–140, 146, 151, 153, 157, 161, 162, 172–174, 178–180, 183, 184, 186–188, 190–194, 195, 197, 198, 203, 232, 252, 258, 268–277, 285, 287, 288, 290
 диалекты 271, 274
 дигорский 37, 47, 60, 88, 141, 275
 иронский 28, 37, 60, 88, 94, 95, 108, 113, 138, 139, 141, 272–276

пама-ньюнга (семья) 263
персидский 156, 205
польский 28, 30, 40, 41, 50–52, 61, 66, 67, 81, 83, 87, 88, 92, 96, 102–104, 111, 114, 123, 142, 146, 147, 149, 156, 157, 161, 172, 177, 179, 182, 183, 187, 188, 190, 192, 193, 196–198, 231, 232, 241, 244, 245, 253, 278, 279
 диалекты 245
помо (семья) 264
праиндоевропейский 205
пракартвельский 219
праславянский 141, 149, 158, 163, 216, 254, 270, 277, 279
праугорский 222
прибалтийско-финские 221, 228, 237, 249
протоосетинский 270–273, 277
пушту 203, 204, 258

рама 261
романские 161, 163, 166, 171, 203, 205, 209, 237, 254
румынский
 влашский диалект, см. влашко-румынский
 литературный 239
русинские 28
русский 17, 18, 21, 22, 24, 27, 28, 30, 40, 41, 47, 48, 50, 51, 54, 59, 61, 65, 67–69, 72, 73, 76–78, 80, 81, 83–89, 91, 92, 96, 97, 102–105, 110, 111,

114, 119–126, 129, 134, 141–143, 146, 147, 152, 154, 156, 157, 161, 171, 172, 177, 179–183, 187, 188, 190, 192, 193, 196–198, 212, 219, 228, 232, 234–236, 240, 242, 243

говоры и диалекты 91, 124, 143, 147, 154–155, 255

самодийские 221, 227

санскрит

ведийский 39, 202

классический 39, 47

сарматские 270

сванский 28, 30, 32, 36, 39–41, 50, 51, 53, 55, 61, 88, 89, 96, 110, 114, 115, 123, 146, 151, 156, 157, 160, 161, 169, 171, 172, 178, 179, 182–184, 187, 188, 190, 192, 193, 197, 198, 219, 220, 231, 232

верхнебальский диалект 169

нижнебальский диалект 169

северокавказские 14, 28, 32, 71, 79, 92, 258

селькупский 221, 227, 258

сербохорватский 28, 30, 40, 41, 50, 51, 61, 67, 83, 87, 88, 96, 102–104, 111, 114, 123, 142, 146–149, 157, 161, 162, 165, 166, 171, 172, 178, 179, 181, 183, 187, 188, 190, 192, 193, 196–198, 232, 254, 278, 279

чакавские говоры 148, 237

штокавские говоры 254

сиу (семья) 261

сино-тибетские 265, 266

скандинавские 17, 205, 213, 215

славянские 9, 10, 12–14, 18, 21–24, 28, 29, 32, 36, 41, 47, 48, 50, 54, 55, 57, 59, 61, 63, 65–68, 72, 77–79, 81–84, 86–88, 91, 92, 94–97, 99, 101–105, 108, 110–115, 120, 122, 124–126, 131, 134, 135, 139, 142–144, 146–149, 151, 152, 154, 158, 159, 161–163, 165, 166, 171, 173, 174, 178, 180, 182, 184, 186, 191, 193–195, 197, 198, 200, 210, 216, 217, 219, 221, 222, 226, 230, 231, 234, 235, 237–240, 242–249, 252–257, 268–270, 277–281, 283–285, 287, 288, 290

восточнославянские 28, 52, 97, 142, 156, 177, 191, 218, 231, 278, 280

западнославянские 97, 105, 107, 142–144, 148, 173, 181, 191, 231, 245, 252, 279–281

микроязыки 245, 246, 251, 254, 279, 289, 290

севернославянские 159, 160, 173, 186, 231, 250, 281

южнославянские 98, 147–149, 171, 182, 191, 267, 281

словацкий 28, 30, 40, 41, 50, 51, 61, 83, 88, 96, 102, 103, 105, 111, 114, 123, 142, 146, 148, 149, 157, 161, 172, 177, 182, 196–198, 241, 278, 279

словенский 28, 30, 40, 41, 50, 51, 61, 67, 83, 87, 88, 96, 102–104, 111, 112, 114, 123, 142, 146, 148, 157, 159, 161, 172, 178, 179, 181–183, 186–188, 190, 192, 193, 196–198, 231, 232, 245, 278, 279

диалекты 254

в Каринтии, см. каринтский словенский

- среднеанглийский 215
среднеболгарский 158
средневерхненемецкий 245, 279, 280, 290
среднегрузинский 221
среднеиранские 269
среднеирландский 206
старовенгерский 200, 222–226, 280
старолитовский 39, 244, 253
старославянский 158, 159, 161, 162, 200, 218, 219, 229–232, 254
старофранцузский 228
- табасаранский 71, 205, 258, 259
тайские 265
татарский, мишарский диалект 267
тибето-бирманские 260
тохарские 202
тувинский 266
тюркские 266, 267
- украинский 28, 30, 40, 41, 50, 51, 61, 65, 83, 88, 96, 102, 111, 114, 123, 146,
147, 157, 161, 172, 182, 196–198
уральские 221–229, 289
урду 266, 267
- финно-угорские 201, 221, 236, 284
финский 228, 229, 251, 252
французский 12, 196, 209, 254
- хантыйский 226, 227
хеттский 39, 202
хинди 267
хорватский 65, 167, 241, 279
хочанк (виннебаго) 261
- цзянунские 260
цыганский язык 234, 235, 237–239, 250, 251, 280, 285
 болгарский диалект 234
 диалекты 234–236, 250, 251, 255, 257, 289, 290
 латвийский диалект, см. лотфитка
 литовский диалект 251
 севернорусский диалект 234, 235
 синти 250
- цянские 260

чадские 264

чешский 28, 30, 40, 41, 50, 51, 54, 59, 61, 65, 67, 82, 83, 87, 88, 92, 96, 102, 103, 105, 111, 114, 123, 125, 142, 143, 146–149, 157, 161, 171, 172, 177, 179–183, 187, 188, 190–193, 196–198, 219, 231, 232, 245, 246, 249, 252, 278, 279

чибчанские 261

шведский 228, 251, 252

шони 262

шошоне 264

эстонский 17, 228, 249–251, 258

юто-ацтекские 264

Научное издание

Пётр Михайлович Аркадьев

АРЕАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРЕФИКСАЛЬНОГО ПЕРФЕКТИВА

(на материале языков Европы и Кавказа)

Корректор М. Белякина

Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Художественное оформление И. Богатырёвой

Подписано в печать 27.04.2015. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 22. Тираж 600. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры».

№ госрегистрации 1037739118449.

Phone: **8-495-959-52-60**. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

(Метро «Парк культуры»)